

НИКОЛАЙ АСАНОВ
ЮРИЙ СТУРИТИС

ЯНТАРНОЕ МОРЕ

Annotation

Несколько лет назад английская разведка высадила с морского судна на территорию Советского Союза группу своих шпионов. Английские разведчики были убеждены, что они выполняют ряд заданий.

Два года шпионы жили на советской земле. Англичане праздновали победу. Еще бы, они доказали, что английская разведывательная служба по-прежнему является лучшей в мире!..

В романе «Янтарное море» рассказывается подлинная история провала этой английской шпионской акции. Люди, избравшие своей профессией борьбу со шпионажем, участвовавшие в этой затянувшейся операции, живы и сегодня. Их противники — тоже. Все документы, приведенные в романе, это подлинные радиোগраммы, доклады, тайнописные послания.

По понятным причинам в романе изменены некоторые собственные имена участников событий.

-
- [Янтарное море](#)
 -
 - [ВМЕСТО ПРОЛОГА](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 -
 - [1](#)

- 2
- 3
- 4
- 5

○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15

○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

○ ЧАСТЬ ПЯТАЯ

-

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Янтарное море

НИКОЛАЙ АСАНОВ
ЮРИЙ СТУРИТИС

ЯНТАРНОЕ МОРЕ

РОМАН,
написанный по следам
действительных событий

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ"
МОСКВА • 1964

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал контракт на весь этот срок...

Э. ХЕМИНГУЭЙ

Балтийское море...

В старину оно называлось Варяжским.

А еще называлось Янтарным...

Море выбрасывало на песчаное побережье янтарь. Кусочки окаменевшей смолы. Печальные, как слезы, останки погибших, истлевших, утонувших миллионы лет назад могучих лесов.

Янтарь с Балтики служил украшением, талисманом и лекарством народам всего мира. Его знали египтяне и греки, римляне и византийцы.

Янтарное море выбрасывает свои дары и ныне...

Но порою на пенной полосе прибоя можно увидеть совсем непонятные, а часто и пугающие дары Янтарного моря. В полосе прибоя вдруг покажется черная туша рогатой мины, двадцать или более лет простоявшей на минрепах, прикрепленных якорями ко дну моря, и внезапно сорвавшейся. Валяется на песке обломок весла, — может быть, где-то в море терпят бедствие рыбаки? А вот полощутся у самого берега стеклянные шары — это поплавки от рыбачьих сетей, видно, многих звеньев недосчитаются сегодня рыбаки...

Тебе хочется крикнуть, позвать на помощь, позвонить по ближайшему телефону в какое-нибудь морское учреждение, которое может предупредить беду.

Но оглянись! Вокруг того участка берега, где колышется рогатая смерть, стоят посты, они осторожно направляют прохожих окружными путями, с моря подходит тральщик, чтобы обезвредить мину. Идет быстрый катер, чтобы отыскать терпящего бедствие рыбака. А того, что тебе и не следовало видеть, — резиновую лодку, изрезанную и закопанную в песке, и следы, уходящие от моря на песчаные дюны, — ты так и не увидишь. Перед тобою по берегу прошел пограничный наряд, который увидел все это раньше тебя и сделал все, чтобы тебя не коснулась даже тень опасности.

Странные дары выбрасывает порою Янтарное море...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рига наряжалась перед праздниками.

Позднее осеннее солнце и поздние осенние цветы, флаги на башнях и флаги над подъездами домов, толпы людей, спешащих со службы в магазины и по домам, и, наконец, — вечер, предпраздничный, немного еще суетливый, но уже торжественный, — встань к окну, откинь штору, распахни окно навстречу прохладному, с ветерком вечеру, услышишь веселые голоса, обрывки приветствий, узнаешь даже меню праздничного ужина: «Я купила такого угря!» «Я предпочитаю все приготовить сама...» «Мы решили всей семьей пойти в «Асторию»... «Ну да, я знаю, вашего Августа премировали...» — и разговаривающие уже прошли...

Ты ожидаешь двоюродного брата из Мадоны, ему захотелось побывать в праздничной Риге, у них в Мадоне все куда мельче: и демонстрация не такая внушительная, и шуму на улицах чуть-чуть, а тут столица...

Ты ожидаешь своего гостя, все-таки приятно погордиться и домом, и женой, и работой, — тебя ведь тоже премировали вчера на торжественном собрании, велосипедный завод перевыполнил план, ты признан отличным мастером, тебя любят рабочие, все у тебя хорошо. Квартира новая, из трех комнат, в прошлый приезд гостя вы еще жили в одной комнате, ванна была общая, кухня — общая, а теперь...

Янис Приеде захлопнул окно — на улице становится сыро, все-таки уже настоящая осень, — прошелся по столовой, поправил салфетку возле прибора гостя, заглянул в комнату жены — там свой порядок, пахнет духами и еще какими-то ароматическими вещами, Майга заботится о красоте, хочет вечно быть юной, хотя ей уже за тридцать! Янис усмехнулся, правильно, так и должна поступать настоящая женщина! Да и слишком много времени они потеряли, потеряли не по своей вине, но с кого будешь спрашивать? Он и Майга тогда учились, можно сказать, рядом, их гимназии стояли на соседних улицах — мужская и женская, признались в любви на совместном выпускном вечере, а потом нахлынуло что-то непонятное, жестокое, бессмысленное: война, эвакуация, мобилизация, отступление,

поражение, дальние фронты... В сорок четвертом, перед самым изгнанием немцев из Риги, попал в плен и вернулся уже после войны. А с Майгой встретились вот так просто на улице, как будто ничего и не было... Только старше она стала, но такая же милая сердцу, как и в восемнадцать лет. Он никогда не расспрашивал ее, как прошла ее жизнь в оккупации, только слушал, если сама что-нибудь рассказывала, опасно расспрашивать женщину, которую полюбил в восемнадцать, а встретил в тридцать! Пусть то, что было, покроется пеплом! Она, видно, тоже так думает, — к поре своей зрелости человек приобретает некий жизненный опыт, которым не следует пренебрегать, — и ни о чем не расспрашивает его. Да, Янис не любит вспоминать прошлое, он счастлив настоящим!

В передней раздался звонок. Янис взглянул на часы — для двоюродного брата рановато, он обещал приехать с вечерним поездом. Майга сказала, что задержится у парикмахера. («Ты знаешь, какие очереди перед праздником!») — «Да, знаю, иди-иди, наводи красоту, хотя ты мне нравишься всякой, и причесанной и растрепанной, особенно, если это я сам запустил руки в твои пышные бледно-золотые волосы, гляжу в твои бездонные глаза, радуюсь тому, что ты рядом со мной! Но к празднику ты должна стать еще красивее, тут ты права, иди-иди, но помни, что мы не сядем без тебя за стол, пожалей хоть нашего гостя, приходи к ужину...»). Они любили шутить, когда бывали одни. На людях мастер велосипедного завода должен держаться строже, и Приеде это умел! Майга даже порой дивилась: «Да ты стал настоящим командиром! Такой сдержанный, собранный, волевой, как я люблю тебя!» — все разговоры в сущности кончались этими словами, как песня кончается припевом. Но это очень хороший припев...

Наверно, соседка сейчас попросит позвать Майгу, огорчится, что ее нет, нужна какая-нибудь специя для праздничного теста или рецепт пирога, а чем тут может помочь мужчина?

Янис открыл дверь.

На лестничной площадке стоял длинный, спортивного вида мужчина, в сером плаще, из-под которого виднелся темный костюм. Мятые брюки были заправлены в грубые сапоги.

Поздоровавшись, незнакомец сказал:

— Я хотел бы видеть Яниса Приеде.

— Он перед вами, — ответил Янис, продолжая разглядывать пришельца.

Меж тем незнакомец, сделав какое-то движение, словно бы потеснив хозяина, вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Приеде так и не понял, сам ли пригласил его войти или тот, так сказать, просочился. Но вот он стоит в прихожей, еще не вытирая ног, словно бы не надеясь на то, что его пропустят дальше, оглядывает зоркими глазами дверь в столовую, прислушивается настороженным ухом к тишине, льющейся из Майгиной комнаты, из кухни, и Приеде почему-то чувствует себя неуверенно.

Наконец, взяв себя в руки, он довольно холодно спросил:

— Чем обязан вашему визиту?

Пришелец, пристально глядя в лицо Яниса, укоризненно заговорил:

— Разве ты, старина, не узнаешь меня? Ведь мы с тобой в сто двадцать втором полку сорок третьей гвардейской дивизии Мадону брали, и Ригу освобождали, и под Доболе в окопах рядом сидели...

— О моей службе в армии вы, как я вижу, неплохо осведомлены. Но я вас не знаю! — с ударением ответил Янис, стараясь держаться спокойно, хотя сердце его уже забилось все быстрее и быстрее, как это бывает в предчувствии какой-нибудь беды.

— Ты, видно, окончательно демобилизовался, старина, — с непонятной усмешкой сказал незнакомец и затем с ударением добавил: — А наш командир, не в пример тебе, остался на боевом посту, на первой линии огня...

— Вы имеете в виду Балодиса? — неуверенно спросил Приеде, все больше утверждаясь в догадке, что пришла беда.

— Нет, — жестко сказал собеседник, — я говорю о более близком тебе человеке, о Силайсе.

— Разве он жив? — с отчаянием в голосе спросил Янис и прикусил губу. Как раз это имя он должен был забыть! Не вспоминать о нем! Не думать о человеке, носившем его. Но собеседник, словно и не замечая растерянности хозяина, улыбнулся и радушно сообщил:

— Не только жив, но передал тебе свой привет. Кстати, не можешь ли ты сдать мне свою дачу в Майори?

— Какую дачу? Вам, вероятно, нужен другой Приеде? — из последних сил воскликнул Янис. Но пришелец уже совершенно

равнодушно сказал:

— Нет, именно этот! Тот, который в свое время любил упражняться, вырезая трезуб на фотографии. Одну половину этого народного орнамента ты, помнишь, любезно оставил нашему доблестному командиру. Так вот, он поручил мне доставить эту половинку тебе обратно, чтобы ты лучше вспомнил дела давно минувших дней, — и посетитель протянул Приеде фотокарточку, на которой лица троих сфотографированных были аккуратно вырезаны в форме трезуба.

— У меня нет другой половины, я ее сжег! — уже в полном отчаянии воскликнул Приеде, цепляясь за это признание как за последнюю надежду.

— Все мы повзрослели, и эти игрушки нас больше не занимают! — спокойно сказал пришелец. — Важен личный контакт и сознание, что ты не мог сжечь тот мост, через который недавно перешел, чтобы начать мирную жизнь на Родине. Ты должен просто помочь нам немного, пока мы не найдем тут других друзей.

Янис еще попытался уговорить пришельца. Он жалобно сказал:

— Но у меня дом, жена...

— Все мы или были женаты или будем женаты! — не без юмора перебил собеседник. — Так что гордиться тут нечем!

— Что я должен сделать? — сдаваясь и обвиняя себя в том, что сдался так легко, спросил Янис. Поняв, что сопротивление бесполезно, он надеялся выторговать хоть облегчение своей участи. Он ждал, не сводя глаз с этого сурового лица, и понимал, что никаких поблажек не будет. И он повторил:

— Что я должен сделать?

— Вот с этого и надо было начинать! — не без удовольствия заявил незнакомец. И деловито продолжал: — Я не один. Нас трое. Три дня назад нас высадили в районе Ужавского маяка с торпедного катера. Родная осень все-таки помогла нам.

«Поможет ли она вам дальше?...» — подумал было Янис и тут же испугался. Если осень не поможет им, то худо придется и самому Янису. Но вслух спросил только одно:

— Сейчас придет жена, попозднее приедет двоюродный брат, что я должен им сказать?

— Ну, боже мой, скажешь, что приехали друзья по военной службе! Это как раз близко к истине, поскольку мы продолжаем нашу войну. Ты, должно быть, отличный муж, это видно и по квартире, и по хозяйству. — Пришелец, не скрывая иронии, шел впереди Яниса по квартире, открывая и закрывая двери, оглядывая комнаты и убеждаясь, что квартира пуста. — Так что жена, наверно, любит тебя и верит каждому слову... — Он окончил осмотр и, повернувшись к Приеде, строго сказал: — Сейчас я схожу за нашими друзьями, а ты приготовься к гостеприимной встрече...

Он вышел, а Янис все стоял в коридоре против входной двери, не в силах сдвинуться с места. Вероятно, так себя чувствуют перед смертью...

Но вот снова звякнул звонок, коротко, осторожно, будто и ему передалась та тревога, которую принесли с собой эти люди. Вошли они все втроем, молча потоптались в передней, затем, оглядевшись, стали представляться хозяину.

Один из них, толстый, низенький, будто его придавили еще в детстве да так и не дали вырасти, потирая руки, словно с мороза, коротко буркнул:

— Лаува.

«Хорош лев», — презрительно подумал Янис. К нему постепенно возвращалось ироническое спокойствие. Что ж, попался, значит, надо хоть держаться с достоинством. Он спросил:

— Это что же, ваше нынешнее гражданство?

— Как вас понять? — подозрительно вскинул глаза Лаува.

— Ну, «Лев». Помнится, в какой-то стране этот зверь сохраняется не только в зоопарках, но и в национальном гербе. И кажется, даже с короной на голове...

— Об этом он, выбирая псевдоним, не думал, — сухо сказал третий вошедший, показавшийся Янису совсем неприметным, в серой одежде, с серым лицом, с уклончивым взглядом. И назвал:

— Эгле.

Янис подумал: «Действительно, похож на елку. Как елка неприметна в лесу, но колюча, так и этот неприметен в толпе, но, наверно, опасен...» Шутить над прозвищами ему уже не хотелось.

— Меня называй Вилкс! — грубо отрезал длинный и резко положил свою большую лапу на трубку зазвонившего внезапно

телефона.

Приеде шагнул вперед и встал лицом к лицу с длинным. И вдруг увидел: Вилкс боится! Итак, этот Волк совсем не так уж страшен, каким пытался казаться! Решительно сняв с трубки телефона короткопалую широкую руку Вилкса, Приеде сказал:

— Будьте благоразумны, Вилкс. Если вы не привели чекистов на своем хвосте, вряд ли кто-нибудь из них будет мне звонить.

Вилкс медленно отнял руку. Приеде взял трубку.

Звонила Майга. Она задерживается в парикмахерской: столько народу, столько народу!

Разговаривая с женой, Янис думал: «Хоть бы она задержалась как можно дольше! Хоть бы задержалась!» Как объяснить Майге появление этих людей, так внезапно ворвавшихся в его жизнь. Даже их имена говорят сами за себя: «Волк», «Лев», «Елка»... В кличках действительно было что-то характерное. Длинный, сухой, поджарый, с острыми глазами, Вилкс на самом деле похож на волка. Его толстый, жирный, трусливый спутник назвался львом, наверно, только для того, чтобы подбодрить себя хоть кличкой. У третьего имя такое же незначительное, как и он сам. Почти лесные люди, только не хватает заржавленных автоматов да лица их не обросли щетиной, но они еще обрастут, и тогда эти люди будут совсем походить на участников бывших фашистских формирований, которые бродили после войны по лесам Латвии, грабя население...

Он сказал жене что-то участливое, сообщил, что брат еще не приехал, и положил трубку. Его раздумья прервал Вилкс. Он, по всему видно, был главным.

— Из твоего разговора я понял, что тебе действительно трудно объяснить наше появление жене. Может быть, подойдет такой вариант: мы все трое служили с тобой в артиллерии сто двадцать второго полка. Ты — наши глаза и уши — корректировщик. По несчастной случайности ты в последние дни войны попал в плен. Нам же посчастливилось больше. Сразу после войны мы вернулись к своим пенатам, скажем, в Вентспилс. Памятник погибшим рыбакам в Вентспилсе поставлен не в память о нас. Ужавский маяк всегда приветливо встречает нас, когда мы возвращаемся с богатым уловом с моря... Как, подойдет такая легенда для твоей жены?

— Ну что ж, если блики Ужавского маяка вы считаете приветливыми, тогда легенда может выдержать испытание... — сдержанно сказал Янис.

Все прошли в комнату Яниса и уселись кто куда, словно замерли, — видно, крепко устали перед этим.

Янис осторожно спросил:

— Трудно было добираться?

— Двое суток в лесу! — коротко ответил Вилкс. И вдруг взорвался: — Да перед этим двое суток болтались в море! А ночная высадка, когда того и жди, что тебя подстрелят! А бег по лесу, чтобы уйти подальше от берега...

У остальных нервы, видно, тоже сдали, заговорили все, перебивая друг друга, торопясь, будто жаждали сочувствия:

— И в школе последние дни держали, как в тюрьме! Никуда не отлучайся, ни с кем не разговаривай! — это пожаловался Лаува. — Только перед отправкой дали погулять.

— А меня совсем было похоронили! — проворчал Эгле. — Сначала решили сообщить родственникам, что я погиб при автомобильной катастрофе. Еле-еле уговорил начальника школы, чтобы обождали хоронить, сказали бы, что заболел и отправлен на лечение в Шотландию. Ведь если скажут, что погиб, как я вернусь потом к своим?

«Так вот вы откуда, — подумал Приеде. — Далеконько забрались! И, как видно, изнервничались уже в первые часы! И удастся ли еще тебе вернуться? Похоже, что сюда проще прийти, чем выйти...» — но объяснять ничего не стал, только спросил:

— Как вы меня разыскали?

— О, у большевиков отлично поставлена справочная служба, — усмехнулся длинный.

— Документы-то у вас есть? — с некоторой неприязнью спросил Приеде.

Длинный пожал плечами, сказал:

— Черт их знает, что это за документы. У меня справка, что я работаю на заводе в Лиенае.

— А мы с ним, — толстенький кивнул на серого, — если судить по справкам, рыбаки...

— К справкам нужны еще паспорта! — сухо предупредил Приеде.

Теперь он разглядел своих гостей более внимательно. Вилксу было лет, примерно, тридцать — тридцать пять, был он черноволос, лицо худощавое, глаза острые, он казался более спокойным и самостоятельным, хотя нервное возбуждение порой охватывало и его.

Лаува — толстенький коротышка, тоже лет тридцати пяти, с грубым лицом, подпорченным оспой, с длинными волосами пепельного цвета, в которых так долго незаметна седина.

Эгле — молчаливый и неприметный, совсем еще молодой, и пороху-то, наверное, не успел на войне понюхать, казалось, больше, чем другие, подходил ко взятой им роли: не то человек без тени, не то тень без человека. С таким серым лицом, с такими невыразительными глазами, в такой неброской одежде люди не запоминаются. Но в глазах у него проглядывал испуг, и Приеде невольно подумал: «С этим будет хуже всего! От испуга он может выстрелить тебе в живот, а потом станет клясться, что это произошло случайно!»

— Для знакомства не мешало бы выпить! — сказал Вилкс. — Деньги у нас есть! — он вытащил из кармана пачку пятирублевок, перетянутую резинкой, и похвалился, как перед своим человеком: — Мы привезли с собой целых сто тысяч!

— Что же, вы все сто тысяч так и получили пятирублевками? — Приеде усмехнулся. — Надо было брать сторублевки, карманы меньше отдуваются.

— Сторублевки тоже есть, но хозяева предупредили, что плохо одетый человек со сторублевкой может вызвать подозрение... — пробормотал Вилкс.

— А у нас здесь лордов нет! — отрезал Приеде. — Я на работу тоже не в смокинге хожу, однако получаю и полторы и две тысячи. Что же, я должен получать их рублевками? Вы хоть цены-то знаете?

— Мы еще ничего не покупали. Расплачивались только с шофером грузовика, который нас подвез от Вентспилса. Шофер взял по двадцать пять рублей. Мы не торговались.

— Еще бы! Стали бы вы торговаться! — иронически сказал Приеде. — Но шофер — не грабитель, приравнял свою машину к автобусу. На автобусе берут примерно столько же...

Теперь он чувствовал себя как-то увереннее. Все-таки он был дома, а эти — всего лишь гости, пусть и непрошеные. Много ли они понимают в том мире, в который попали? Вон даже этот Вилкс,

человек-волк, и тот утратил свои повелительные интонации, как только речь зашла о простых жизненных вещах.

Этими мыслями Приеде с «гостями» не поделился, просто взял деньги, попросил сидеть тихо, а когда вернется Майга, рассказать ей о себе, как условились. На звонки не выходить: у Майги свой ключ.

Вернулся он быстро, принес даже не одну, а две бутылки.

Жены еще не было.

Не нарушая празднично убранного стола, отыскал в холодильнике запасы, достал стопки, перенес все в свою комнату.

Сели за стол. Пили и ели гости очень осторожно, несмотря на то что, как они сказали, последний сухой паек, состоявший из нескольких галет и порошков «от страха», уничтожили еще рано утром.

Первую стопку водки вместе с Янисом выпил Лаува. Двое его друзей подняли их на уровень груди, внимательно, чуть ли не пронизывающе глядя в глаза Яниса. Яниса чуть не передернуло, но делать было нечего, выпил.

И сразу вспомнил, как немецкие офицеры, когда он стал их помощником, здорово третировали его, хотя всячески пользовались его малодушием. Заставляли работать на передатчике под их диктовку, дезинформируя советское командование, даже похваливали за чистую работу, обещали какие-то награды, хотя какие награды могли они ему дать, когда и сама-то Германия разваливалась...

Пришельцы пить боялись, хотя с жадностью поглядывали на отличную рижскую водку «Кристалл», приправленную немного черным бальзамом. И водка и бальзам были им известны, боялись они Яниса. Вдруг этот бывший радист, попавший когда-то в плен к немцам, переменялся настолько, что отравит их. А разве это исключается? Он безумно влюблен в свою жену. Они заставили его слушаться чуть ли не насилем. Вот он уходил в магазин. А что, если какой-нибудь Балодис, вместе с которым, как рассказывал им Силайс, Приеде по поручению советского командования был в тылу у немцев, дал ему такое спиртное, которое может моментально усыпить, чтобы чекисты без особого труда схватили их?

Нет, как ни велик соблазн, лучше пить по очереди, наблюдая, какова реакция соседа. И пусть первым пьет Лаува, у него глотка луженая, он может выдержать все!

Янис видел, как жадно они смотрели на Лауву. А тот медленно цедил ароматную от бальзама жидкость, выпив, даже языком причмокнул, и сразу протянул стопку, чтобы Янис налил еще. Тут уж и Вилкс и Эгле не выдержали, осторожно пригубили, а потом хватили так торопливо, словно изнемогали от жажды.

Но Приеде сделал вид, что ничего не заметил. Ни кривлянья под офицерский этикет, ни страха. Налил по второй стопке всем, спросил:

— Ну, а если бы вы не нашли меня или не застали, что бы вы стали делать?

— Было бы плохо! — признался Вилкс. — Пришлось бы снова возвращаться в лес. У него, — он кивнул на толстого Лауву, — в Видземе проживает женщина, которую он называет женой...

Вилкс уже без опаски снова постучал стопкой по столу, выпил, жадно принялся есть. Затем, передохнув немного, сказал:

— Нам надо обязательно установить связь с «лесными братьями». Нет ли у тебя на примете кого-либо, знающего, где они находятся?

Объяснять, что «лесные братья» давно уже выловлены чекистами, а если где и остались, так прячутся хитрее лис, — Приеде не хотел. Будет время и для деловых разговоров. Он только пробормотал:

— Ну, ну...

— Это важно и для нас и для «лесных братьев»! — продолжал настаивать Вилкс. — Мы можем связать их с нашими хозяевами...

Уйти от разговора не удавалось. Приеде холодно сказал:

— Если вам и удастся установить связь с двумя-тремя бандитами — прошу извинения, с «лесными братьями», — то вряд ли они поверят, что имеют дело с эмиссарами столь авторитетных в их понятии американской и английской разведок. Вы меня, конечно, извините за неудачное выражение, но наших соотечественников, до сих пор носящих автоматы на шее, называют уже не «лесными братьями» а «лесными бродягами»...

— Насколько я понимаю, Янис, — вкрадчиво сказал Вилкс, — ты не совсем отчетливо понимаешь нашу миссию. Мы должны объединить усилия западных держав и наших людей, жаждущих освобождения, и проложить путь, по которому пройдут другие группы, с рациями, автоматами, радиомаяками. Эти группы сейчас готовятся в Западной Германии, в Англии и даже в Америке, в форту Брэгг. Мы обязаны подготовить тот плацдарм, который нам не удалось создать в

тысяча девятьсот сорок четвертом. И этот путь мы проложим не только в Латвию, Эстонию, Литву, но и дальше, в восточные районы Советов. Это можно будет сделать хотя бы через наших студентов, оканчивающих высшие учебные заведения и разъезжающихся на работу в те районы.

«Через наших студентов! Он осмеливается называть их «нашими»! Так вот каковы у этих людей планы!» — думал Приеде, а Вилкс продолжал все с той же вкрадчивой горячностью излагать проекты, один удивительнее другого.

Приеде узнавал в этих речах отголоски давно забытых бесед с Силайсом. В те времена, когда Германия трещала по всем швам, Силайс, взявшийся просвещать Приеде, болтал что-то в таком же роде. Очевидно, Силайс не оставил своих сумасшедших замыслов. И эти простачки верят ему!

Вилкс и в самом деле сослался на Силайса, говоря о своем великолепном «плане широкого проникновения». Ну да, ясно, это подсказка честолюбивого офицера, бывшего летчика, потом изменника, воевавшего под началом немцев, затем переметнувшегося к англичанам. Англичане, как видно, не гнушаются ничем, если приняли под свое высокое покровительство этого кровожадного фантазера! Приеде помнит, как держался Силайс у немцев...

Но заявление Вилкса о том, что пришельцы должны связаться с «лесными братьями», показалось Янису заманчивым. Если такая возможность представится, Янис избавится от свалившейся ему на голову беды. Мало ли что может случиться в лесу. Эти герои все вместе могут положить свои головы в болотах Курляндии, и тогда для Яниса окончились бы и хлопоты и заботы.

Беседу прервал звонок. Подходя к двери, Янис увидел, как покачивается дверная ручка. Брат. Его нетерпеливый характер сказывается и в этом. Ничего не поделаешь, характер мотгонщика вырабатывается годами!

Разговор сразу перекинулся на какие-то воспоминания о прошлом, на спорт, на домашние дела. Двоюродный брат Приеде огорчился лишь тем, что приятели Яниса не сильны в спорте, даже не слышали о его личных победах. Но он быстро утешился веселым застольем.

Когда вернулась Майга, праздничный стол был уже разорен.

Приеде смотрел на происходящее с неприятным изумлением и страхом. Сам он сегодня почти не пил, но на его «друзей», несмотря на их предосторожность, рижский «Кристалл» подействовал как гром божий. Толстяк все порывался встать из-за стола, чтобы произнести тост, и падал обратно на стул. Когда он упал мимо стула на пол, длинный Вилкс сказал, что, пожалуй, им хватит, и они еле уложили толстяка на кушетку. Серый — Эгле — устроился на полу, Вилкс — на диване, но едва прилег, как его начало тошнить. Майга устала от всего этого разгула и безобразия и ушла к себе, ушел и двоюродный брат, и вот Приеде сидел за неприбранным столом один и мог думать о чем угодно.

Раньше ему казалось, что он обманул всех. Ну как же! Вот он, живой-здоровый, ходит по Риге, любит Майгу, а сколько людей погибло. И он погибал, но выкрутился. Не каждому дается такое!

Осенью тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда Советские войска, окружив немецкую группировку в Курляндии, стали сжимать ее со всех сторон, радист Янис Приеде получил приказ пойти в тыл врага для обеспечения радиосвязи авиационного корректировщика с советским командованием.

Корректировщиком был назначен неизвестный ему человек, который назвался Августом.

Приеде работал в разведотделе двадцать четвертой гвардейской дивизии, бывал уже в таких переделках, наверно, потому выбор командования и пал на него. Август был старше Приеде, наверно, штабной офицер. Приеде вопросов не задавал.

Держался Август спокойно, знал и умел, должно быть, многое, и Приеде был доволен новым начальником.

На самолете, до места выброски, их провожал молодой полковник, которого Август называл Павлом Михайловичем.

Из разговора Августа с Павлом Михайловичем, когда обсуждались последние детали предстоящей операции, Приеде понял, что с ним летит опытный разведчик, хорошо знающий места, где им придется работать, и вполне уверенный в своих силах. Это окончательно успокоило молодого радиста.

Размышления Приеде были прерваны световыми сигналами на стенке пилотской кабины. Надо было готовиться к спуску.

Когда бортмеханик открыл люк самолета и сразу рвануло холодом, Приеде отпрянул. Август твердым голосом сказал: «Пошел!» — и, кажется, даже толкнул его. И так велика была власть командирского голоса, что Приеде закрыл глаза и прыгнул в бездну.

Летя в бездонную, кромешную тьму, не зная, что его ожидает на родной, но еще не освобожденной земле, Янис считал, что этим прыжком с самолета закончится в этой войне его солдатский долг. Озирая небо, Приеде увидел высоко в небе помаргивающий глаз

фонарика. Этот Август настоящий смельчак! Даже спускаясь на парашюте во вражеский тыл, он руководил своим помощником.

Приеде отнесло куда-то слишком далеко, но это не беда, сначала он найдет Августа, а за широкой спиной командира будет куда уютнее. Конечно, это не родной дом, но все-таки родная страна, где, как говорят русские: «Каждый кустик ночевать пустит!»

С Августом он встретился в немецком корпусном штабе.

Приеде так и не узнал, что произошло в ту ночь на месте выброски. Во всяком случае рано утром, когда Приеде пытался все же разыскать Августа, в спину ему уткнулся автомат. Двое дюжих немцев вынырнули из кустов впереди, и Приеде ничего не осталось, как поднять руки. Августу, который всю ночь искал его, он не успел дать даже условного сигнала об опасности. Через несколько минут, шагая по шоссе со связанными за спиной руками, он услышал выстрелы в лесу и понял, что его командир не пожелал сдаться без боя.

Приеде приготовился к смерти. Он был бы рад, если бы смерть наступила мгновенно. Сейчас он уже проклинал себя за то, что растерялся, увидав немцев...

Он шел медленно, тяжело, и немцы не погоняли его. Они весело переговаривались об ожидавшей их награде. Приеде понимал немецкий язык, он слышал, как один поддразнивал другого:

— Я бы на твоём месте не брал отпуск! Приедешь домой, найдешь в постели жены какого-нибудь жирного тыловики, прикончишь его, и тебя отправят прямо в бой. В отпуск лучше ездить холостякам. А тебе правильнее ехать в ближайший городок. Там тоже много женщин...

Приеде знал, что ударом возле Шауляя войска генерала Баграмяна уже отрезали немецкие армии от Восточной Пруссии. Из всех дорог домой для немцев осталась одна — морем. Но над морем все время висят советские самолеты, так что еще вопрос — доедут ли эти немцы до дома. Но даже и это не утешало его. Подумать только, так влопаться! Погибнуть в самом конце войны! Конечно, до конца еще далеко, но если бы Приеде вернулся из этой операции благополучно, их встретили бы как героев и, наверно, пригласили бы на работу в Ригу. Август, возможно, отказался бы, Приеде помнил, как Август произнес фразу Хемингуэя: «Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал контракт на весь этот срок...» Но Приеде не только

не отказался бы, он сам попросил бы, чтобы его оставили: он устал от этой страшной войны...

...Приеде, как парашютист, захваченный с портативным радиопередатчиком, был доставлен в немецкий разведывательный орган «Фронтауфклеругетрупп-212»^[1]. Этому органу был придан созданный немцами из числа латышских буржуазных националистов диверсионный разведывательный отряд «СС-Ягдфербанд»^[2].

У немца, который начал допрос, были красные от недосыпания глаза, тик на щеке, хриплый голос. От него пахло водкой. Тяжелые, как кувалды, кулаки, лежавшие на столе, то сжимались, то разжимались. Но он пока не бил Приеде. Солдаты, доставившие парашютиста, ушли, в комнате у двери стоял эсэсовец с автоматом, огромный, похожий на гориллу, но он стоял, как каменный, широко расставив ноги, не переминаясь, и только смотрел на Приеде, словно бы отыскивал самые болезненные места в его худощавом сильном теле.

Офицер спросил с тем деланным безразличием, которое должно было показать допрашиваемому, что его считают мертвым:

— Фамилия?

Приеде ответил.

— Национальность?

— Латыш.

Немец спрашивал по-русски, но когда Приеде ответил на вопрос о национальности, вдруг поднял трубку телефона, сказал кому-то по-немецки:

— Зайдите! Тут работа для вашей команды...

Приеде сделал вид, что не понимает немецкого, тупо глядел на офицера. Тот брезгливо отвернулся.

Вошел еще один офицер, молодой, лет тридцати, светловолосый с пышной вьющейся шевелюрой, стройный, невысокого роста, которому, судя по лениво заданному им на латышском языке вопросу о том, за сколько Приеде продался русским, было уже известно, что перед ним парашютист-разведчик.

Приеде хотелось ответить, что вот этого латыша, несомненно, купили немцы, но он промолчал. Офицер присел на край стола, вертя в руках сигарету, спросил:

— Коммунист?

— Нет. Мобилизованный солдат.

— Откуда знаешь радиодело? — он кивнул на чемодан с радиостанцией.

— Перед войной Советы открыли курсы любителей в Риге, потом работал в рыболовецком флоте.

Офицер взял трубку телефона, позвонил еще кому-то, спросил:

— Списки слушателей радиоклуба у вас? — Послушал, сказал: — Принесите!

Вошел посыльный солдат, передал толстую книгу офицеру. Тот полистал ее, сказал:

— Да, есть. Адрес? Быстро!

Приеде назвал адрес клуба.

— Не то! Домашний!

Приеде назвал домашний адрес.

Офицер сверил показания с книгой, а может, просто сделал вид, что у него в руках список всех радиолюбителей Риги и он проверяет показания Приеде, потом сказал:

— Герр оберст, передайте его в наш отряд. — И опять быстро спросил у Приеде:

— Кто летел с тобой?

— Я его не знаю, — торопливо ответил Приеде. — Латыш. Высокий. Офицер.

— Задание?

— Наблюдение за дорогами. Наводка самолетов на цели. Но это мое задание. Об офицере ничего не знаю.

— Знает! — уверенно сказал немец. Он, видно, понимал полатышски и внимательно слушал этот короткий допрос. Приеде обратил внимание на то, что ничего во время допроса не записывалось. Должно быть, немцы постепенно утрачивали свою аккуратность. Возможно, его и расстреляют, как неизвестного.

Оберст, побагровев, встал из-за стола, закричал:

— Знает сволочь, но не говорит! А знает он многое! Он знает, как фамилия его командира, с каким заданием они летели.

Он словно бы все распалял и распалял себя этими короткими фразами, вот он уже сделал несколько шагов, вот надвинулся на Приеде, как гора, взмахнул рукой, голова Приеде мотнулась, как будто ее оторвало, и он рухнул.

Били его долго. Сначала офицер, потом солдат. Открывая глаза, Приеде видел скучающее лицо эсэсовца-латыша и все время держал в уме одно: «Я не знаю Августа! У меня свое задание!»

Он так запомнил все, что хотел сказать, что когда его облили водой и посадили к стене, на все вопросы отвечал одно:

— Я не знаю офицера. У меня свое задание!

Оберст приказал солдату привести в комнату второго советского парашютиста. Вот тогда Приеде и увидел своего командира.

Два солдата втолкнули связанного Августа в комнату да так и остались стоять рядом, уткнув ему в спину свои автоматы. И хотя руки Августа были связаны, левое плечо прострелено — рукав гимнастерки был оборван и этим рукавом перевязана рана, — хотя был Август бел, как меловая бумага, все-таки охранявшие солдаты боялись его. И Приеде, взглянув на солдат, скривил разбитые губы в усмешке, — здорово же отделал их Август! Нет, командир не попался, как дурак, он отбивался, сколько достало сил, а сил ему было не занимать, — вот и скосоротил морды обоих солдат, да видно, добавил еще и другим, потому что из-за окна доносились немецкие вопли: «Доктора!» — «Зачем ему доктор? Ему нужны два могильщика!» — «Где ваш офицер?» — «Его несут на носилках, у него прострелена грудь!»

Оберст, обращаясь к эсэсовцу-латышу, сказал:

— Возьмите их к себе в команду, тщательно разберитесь с ними, изучите захваченные шифры и коды. Эти оболтусы должны искупить свою вину перед великой Германией, работая на рации под нашу диктовку.

Произнеся последние слова, он как-то подобрался, выпятил свою петушиную грудь, вздернул подбородок, словно пытался подчеркнуть победу над двумя советскими парашютистами-разведчиками:

— Уведите их. У меня много других дел! — но, взглянув на гордое лицо Августа, стоявшего с поднятой головой, изменил свое решение. — Впрочем, этого пока оставьте здесь! Он, видимо, еще не все понял из-за моего плохого знания латышского языка! — с издевкой добавил он.

Солдаты подхватили Приеде под мышки и поволокли из комнаты. Он еще слышал тупые удары, падение тяжелого тела, немецкую и латышскую брань, потом его начало тошнить, и он потерял сознание.

Очнулся он в каком-то хлеву. Долго лежал в оцепенении, потом попытался повернуться и застонал. Ему стало так жалко себя и своей недожитой жизни, что он заплакал, всхлипывая, как ребенок. И услышал усталый глухой голос:

— Перестаньте, Приеде! Это не к лицу солдату...

Август лежал тут же, в другом углу хлева, под маленьким оконцем, зарешеченным крест-накрест двумя полосами железа. За этим грубым крестом светилось тусклое небо, и по небу ходили далекие отсветы сполохов. Оттуда, из-под далекого неба слышались артиллерийские раскаты, но они были так далеки, что нельзя было и подумать: «Меня спасут!»

Приеде подполз к Августу, разглядел в полумраке растерзанную его фигуру, задал нелепый вопрос:

— Вас тоже били?

— Нет, гладили, — насмешливо ответил Август.

— Простите, товарищ командир...

— Это уже не имеет значения! — непонятно сказал Август.

Он лежал, вытянувшись, примостив голову повыше, и дышал с присвистом, но Приеде все равно чудилась огромная сила в нем. Приеде спросил о том, что сверлило его мозг, как гвоздь:

— Как может латыш, пусть он самый заядлый националист, носить форму немецкого офицера? Как у него рука подымается избивать своих соотечественников! Непостижимо, просто непостижимо!

— А, этот офицер! — догадался Август. — Обычная история, Приеде, самая что ни на есть обыкновенная. Мы выросли на одной земле, но взгляды на вещи у нас разные. Подонки, вроде этого офицера, всеми силами, пусть хоть с помощью фашистов, пусть хоть с помощью капиталистов, стремятся сохранить старое. Мы же боремся за утверждение нового. Они служат злу, мы — добру. Они служат войне, мы проливаем свою кровь, чтобы ее никогда не было на земле! Они сотрудничают с оккупантами для того, чтобы насильственно продлить век капитализма. Нам с тобой пришлось пойти в логово врага для того, чтобы помешать этому!

Приеде, слушая Августа, только вздыхал. А командир усмехнулся каким-то своим воспоминаниям, и по его измученному лицу скользнула злая гримаса.

Приеде грустно сказал:

— Вот таким ублюдкам порой удается спрятаться от справедливой кары народа и найти новых хозяев! А нам, видно, уже не удастся, командир, уйти из этой проклятой ловушки! И это перед самым освобождением.

— Оставь, Приеде! — резко перебил его Август. — Коммунисты никогда не сдаются!

— Я не коммунист, товарищ командир, — робко ответил Приеде, и не понятно было, оправдывает ли он этим свое неверие в будущее или сожалеет, что нет у него такой неукротимой силы жизни, какую он видел в своем командире.

— Жаль! — коротко ответил Август.

И Приеде невольно подумал, что командиру было бы в сто раз легче, если бы рядом с ним в этот самый трудный час его жизни, накануне смерти, был кто-нибудь из тех, с кем он с такой страстью строил будущую Латвию. Им бы, наверно, было что вспомнить, чем погордиться, они бы нашли слова, чтобы утешить друг друга. А что мог он? Революция в Латвии застала его мальчишкой. Юношество его прошло под грохот войны. Ничего он не успел сделать. Умные люди говорят: только тот человек выполнил свое назначение в жизни, который посадил дерево и родил сына. А он, Янис, еще и не придумал, какое бы ему дерево посадить, а девушка, которую он хотел бы видеть матерью своих детей, осталась где-то в затемненной Латвии, и всякий немец может пристрелить ее, если она еще жива.

Ему стало так жаль себя, что он нечаянно всхлипнул, потом притворился, будто закашлялся, и отвернулся от командира. Август мягко сказал:

— Ничего, Приеде, вот выберемся из этой переделки, и ты сам удивишься, какую же отличную жизнь мы построим!

Загремел замок, раздались голоса. Дверь распахнулась, в проеме выросли два силуэта. Приеде весь сжался, ожидая, что вызовут его. Август даже не шевельнулся.

Солдаты вошли, взгляделись в полумрак.

Один пнул Августа в бок, сказал:

— Ты! Шнелль! Шнелль! Бистро!

Август встал на колени, похлопал поднимавшегося Приеде по плечу, сказал:

— Держись! Их песенка спета!

С трудом поднялся, выпрямился, нырнул за низкую дверь, как в пустоту, и исчез. Дверь захлопнулась, и снова загремел тяжелый замок.

Приеде прислушивался долго, мучительно, до звона в ушах. Ничего не было слышно.

Примерно через час пришли и за ним. Он знал, — это еще не расстрел.

Небо было совсем темным от низких, набухших водою туч. Сполохи, вспыхивавшие на нем, стали ярче. Приеде понял — фронт приблизился за этот день. Прожить бы еще сутки-другие, и, возможно, немцам будет не до него, они ведь тоже боятся смерти.

Его провели в штаб разведывательно-диверсионного отряда «СС-Ягдфербанд».

Офицер-латыш в немецкой форме, с которым он встретился в кабинете оберста, оглядел его залитое кровью лицо, брезгливо сказал:

— Отличный вид!. Как раз для гулянья по улице Бривибас! — поморщился, кивнул солдату: — Проводи его умыться!

Солдат вывел Приеде к колодцу. Нет, и это еще не расстрел...

Солдат полил ему голову из ведра, вода была звонкой и холодной. Приеде вытер лицо подолом своей рубашки, постоял, вдыхая воздух, пахнувший тлением. Но это был еще не тот запах, какой исходит от убитого на третий день. Он выпрямился и пошел впереди солдата обратно.

И снова увидел Августа.

Август, все еще могучий, хотя и залитый кровью с головы до ног стоял у входа в особняк оберста. Трое солдат с автоматами наизготовку охраняли его. Август улыбнулся Янису, и Приеде содрогнулся: это была дружеская улыбка, сочувствующая, даже ободряющая, а ведь Август стоял перед смертью.

Солдат ткнул Приеде в спину. Приеде шагнул в комнату.

— Ну как, освежились? — с усмешкой спросил латыш.

Приеде промолчал.

Эсэсовец посмотрел на Приеде испытующим взглядом, словно определял, готов ли тот к сдаче, сделал знак немцу-конвоиру, и немец вышел. Теперь они остались с глазу на глаз. Приеде и этот латыш в форме немецкого офицера.

— Ну вот что, убеждать вас мне некогда, — сухо сказал офицер. — Мне ничто не мешает расстрелять вас за шпионаж. Но у вас есть возможность выйти из этой игры и войти в другую...

Офицер выждал паузу и продолжал — резко, зло:

— Немцы не удержались в Латвии, большевики оказались сильнее. Но война против Советов на этом не кончится. Подождите, с Советами еще будут воевать и американцы и англичане. И мы, национально-мыслящие латыши, будем воевать против Советов рядом с каждым из возможных союзников. Начало нашей победы мы закладываем и сейчас, в дни поражения. Вы останетесь жить. Для этого нужно совсем немного: завтра начнете работать на немцев, будете передавать по вашей рации все, что вам прикажут...

Приеде молчал. Он понимал, что ничто уже не спасет его. Август, наверное, погиб. Его убили бы во всех случаях. Убили бы просто за то, что он офицер и коммунист. Приеде — всего-навсего мобилизованный солдат, и он может уцелеть. Для этого требуется совсем немного.

— Хорошо, — с усилием сказал он, — что я должен сделать? Ведь мои шифровальные блокноты и расписание связи у вас. Любой радист может сделать то, чего вы требуете от меня...

— Э, парень, я немного разбираюсь в агентурной радиосвязи. Русские — не дураки, они, наверно, записали твой почерк...

— Ну что ж, я могу работать и сам, — безразлично сказал Приеде.

— Ты слишком торопишься, мой мальчик, — насмешливо остановил его латыш в немецкой форме. — Меня прежде всего интересуют сигналы твоего провала, с помощью которых ты можешь в один из сеансов радиосвязи с центром поставить его в известность о том, что работаешь под нашу диктовку. Вот что важно для меня! Понял?

И Приеде сдался. Ведь могло случиться и так, что сегодня-завтра Советская Армия ударит со всех сторон по окруженной группировке немцев и разгромит ее, как громила уже много раз загнанные в котел немецкие армии. И он останется жить...

Как немного нужно сделать для этого: выдать немцам условные сигналы, чтобы там, в штабе латышской стрелковой дивизии, у полковника, которого зовут Павел Михайлович, думали, что он и Август на свободе. Но велико ли его задание? Он ведь должен только наводить самолеты... Поэтому немцы и не станут требовать большего.

А здесь, в этом котле, куда бы Приеде ни направил по приказу немцев атаку самолетов, все равно каждая бомба достанет немца. Значит, и вина его, Приеде, будет не так уж велика...

Он шумно выдохнул воздух, словно бросался в воду, и кивнул. Латыш в немецкой форме понимающе улыбнулся и протянул отличные английские сигареты. Он принимал Приеде в союзники.

Приеде знал, как ждут его радиogramмы за линией фронта. Поэтому он предупредил латыша, что начинать работу надо немедленно.

Он не знал — и никогда не узнал — только одного: каких радиogramм ждали от него в советском штабе.

После того как он сообщил немецкому радисту свои позывные и сигналы, в комнату, в которой сидели латыш, Приеде и радист, ввели Августа.

Август понял все с первого взгляда.

Приеде был уже переодет, на нем был новенький немецкий мундир, синяки на лице густо запудрены. Увидав своего командира, он побледнел, вскочил с места и вытянулся, забыв о том, что только что перестал быть советским солдатом. Офицер грубо крикнул:

— Садись!

Повернувшись к Августу, офицер сказал:

— Не пора ли и вам смириться? Ваш помощник показал вам хороший пример.

— Да, — сухо ответил Август.

— Просмотрите эту радиogramму, нет ли в ней ошибок?

Август взял радиogramму, просмотрел ее, ответил.

— Нет.

— Я поручился перед немецким командованием, что вы будете работать вместе с вашим радистом на немцев. Вы согласны?

— Да, я вижу, что больше нет смысла портить с вами отношения.

— Проводите его в штаб команды! — приказал офицер автоматчикам, и те с молчаливой покорностью служак вывели Августа из комнаты.

Радиogramма была в условленный срок принята в штабе двадцать четвертой гвардейской стрелковой дивизии.

Третьи сутки подряд в этот предутренний час к радиооператорам приходил молодой полковник Павел Михайлович Голубев, брал шезлонг и молча садился на веранде возле порога операторской. Он никому не мешал, не задавал вопросов, но все в операторской, в том

числе и старый сержант-радист, шесть раз в сутки настраивавший свой приемник на волну «Нептуна», знали, полковник не уйдет отсюда до конца передач.

А полковник полулежал в шезлонге, закрыв глаза, и все время видел перед собой сильное, спокойное лицо друга, каким оно было в тот самый миг, когда он, оглянувшись на Павла Михайловича и кивнув ему, нырнул в люк вниз головой и пошел к земле.

«Где же ты, Август, Август!»

С Августом Балодисом Павел Михайлович встретился незадолго до войны, когда приехал в Вентспилс в связи с укреплением советских границ.

В день установления Советской власти Август Балодис, вызволенный из местной тюрьмы силой народа, собрал вооруженных добровольцев и взял штурмом местное полицейское управление. С этого дня он возглавил борьбу против шаяк айзсаргов, проводил раздел земли, отыскивал склады оружия, радиопередатчики нелегальных организации, словом, вел ту работу чекиста и коммуниста, какой требовала молодая республика.

В их судьбах оказалось очень много общего, хотя один родился на Урале, в семье крестьянина-батрака, а второй — на берегу Венты, в рыбацкой семье. Но оба они выросли сиротами, один боролся с кулаками, другой — с помещиками, один стал солдатом Родины, ее защитником, второй — подпольщиком, революционером, воюющим за новое будущее народа. И когда они встретились, их ничто не разделяло, а соединяло так много, что они не могли не стать друзьями.

И вот теперь этот человек, друг, пропал в неизвестности.

Но, тревожась о нем, полковник думал и о том, что задание, которое было поручено Августу Балодису, все равно надо выполнить, а значит, туда, во вражеский котел, должен лететь другой человек.

Советские разведывательные органы знали, что еще в 1943 году, когда части Советской Армии подошли к границам Латвии, лидеры бывших буржуазных партий и организаций связались с американской и английской разведками и по их поручению создали на территории Латвии националистический центр, который пышно наименовали «Латвийским национальным советом» — ЛНЦ.

ЛНЦ был создан втайне от немцев. В ЛНЦ вошли главари буржуазных националистов Пауль Калниньш — бывший председатель

сейма буржуазной Латвии, Янис Брейкш — от партии «Демократический центр», епископ Язепс Ранцан — от христианской латгальской партии и крупный разведчик, генерал латышской буржуазной армии Тепферс. Возглавлял ЛЦС сын бывшего президента буржуазной Латвии профессор Константин Чаксте.

У ЛЦС были далеко идущие планы захвата власти в республике, когда немецкие армии будут связаны по рукам и по ногам наступлением советских войск. В этот момент ЛЦС должен был захватить плацдарм на побережье Латвии и объявить о создании нового правительства, которое обратилось бы к Англии и Америке с просьбой о признании и военной помощи.

План этот был во всех деталях согласован с американской и английской разведками, выбрано даже место для десанта войск.

Так союзники Советского государства собирались открыть «второй фронт»! Фронт — против Советской Армии, против латышского народа...

Летом 1944 года руководители ЛЦС договорились о взаимодействии с генералом Курелисом, командовавшим латышским диверсионно-террористическим отрядом, который создали немцы и придали своим войскам. Начальник штаба этого отряда капитан Упелниекс и сам генерал Курелис довольно быстро согласились служить новым хозяевам.

К этому сброду ЛЦС надеялся добавить латышский легион войск СС и латышские полицейские части, созданные немцами.

Все эти войсковые «формирования» покупались и продавались оптом и в розницу. Послужив немцам, они были готовы служить и противникам немцев, лишь бы подчинить себе народ.

На опорных пунктах ЛЦС сидели радисты с портативной радиоаппаратурой, которые поддерживали регулярную связь с англичанами, американцами, шведами, сообщая о положении в тылу и на фронте.

Зафронтовые разведчики 24-й гвардейской стрелковой дивизии давно уже проникли во многие звенья этого провокационного заговора. Были разведчики и в латышском легионе СС. Работу советских разведчиков должен был возглавить Август Балодис.

Павел Михайлович перебирал в уме своих разведчиков: кому же из них можно поручить это щекотливое дело... В Риге, где в ресторане

Пальцмана, что у базара, кутили или делали вид, что они кутят, изображая последний день Помпеи, самые видные националисты Латвии, где они скупали оружие, передавали достоверные и выдуманные сведения, где в маленьких кабинетах «с дамами» проходили всяческие совещания и чуть ли не заседания нового «состава правительства», несколько советских разведчиков денно и ночью наблюдали за развитием событий.

Но главная опасность могла возникнуть именно в Курляндии, где националисты собирали свои основные силы. Там тоже действовали несколько человек из группы Павла Михайловича, но если Август Балодис погиб, действия их останутся разрозненными, и авантюристы из ЛЦС, может быть, успеют натворить немало бед...

Полковник так задумался, что не услышал скрипа отворившейся двери. Старший лейтенант, дежурный по радиооператорской, стоял на пороге, вглядываясь в предрассветный сумрак.

— Павел Михайлович, — осторожно сказал он, — в эфире «Нептун»!

— «Нептун»? — Полковник вскочил. — Прикажете, чтобы все радиооператоры подключились к приему его радиogramмы. Не должно быть никаких пропусков!

Он вошел в операторскую, слушая чуть уловимое повизгивание приемного аппарата. В операторской было так тихо, что каждый сигнал далекого радиопередатчика ударялся прямо в сердце.

Полковнику показалось, что он видит Августа и его радиста. Они лежат где-то в болотистом лесу, возле побережья, на котором морские ветры согнули все деревья в одну сторону, от моря, обломали сучья, так что кроны сосен стали похожи на сдвинутые набекрень шапки подгулявших матросов. Два человека лежат в ложбине, а над ними переброшена антенна, и они, прислушиваясь к лесным шорохам, делают свое дело. Август сжимает в руке автомат, готовый огнем защищать своего радиста, если какой-нибудь отряд «Ягдфельдкоманды» наткнется на них... Лишь бы радист успел передать...

...Расшифрованная телеграмма лежала перед Павлом Михайловичем. Все в ней было правильно. В тексте телеграммы было и условное обозначение, показывавшее, что радист работает не под

принуждением. Балодис настоятельно просил организовать налет бомбардировщиков на расположение немецкого танкового полка.

Павел Михайлович набросал ответную телеграмму и передал шифровальщику. В телеграмме он ответил согласием на запрос радиста и сам спрашивал, может ли Август принять еще одну группу разведчиков и указать им место выброски.

Перед рассветом следующего дня, когда над указанным радистом квадратом прошли советские самолеты, причем бомбы падали очень неточно, — Павел Михайлович снова пришел в операторскую. Точно так же взял он шезлонг, устроился на веранде, глядя в бледнеющее небо, с которого словно бы смывало ночные звезды. От недалекого пруда тянуло прохладой, и Павел Михайлович зябко поежился. Он думал о том, что случилось с Августом. Август никогда не стал бы тратить время на наводку самолетов: это была легенда для радиста. По-видимому, радист попал в плен и выдал известное только ему задание. Но жив ли сам Август?

В назначенный час опять раздались быстрые шаги старшего лейтенанта, — он торопился обрадовать полковника.

— Павел Михайлович, «Нептун»!

Снова тянулось томительное время, снова повизгивал приемник, торопились шифровальщики, и вот перед Павлом Михайловичем лежал текст новой телеграммы.

Балодис был жив! Об этом сказало полковнику третье слово телеграммы. Но Балодис и радист были в плену — об этом говорило содержание телеграммы: Балодис давал согласие на прием разведывательной группы!

Да, конечно, немцам показалось соблазнительным принять в свое расположение, под дула своих автоматов еще одну группу разведчиков. Сомневаться в достоверности запроса они не могли, — ведь спрашивали не их, а советских разведчиков. И конечно, немцы поторопили своих пленников ответить согласием. Но Балодис, уславливаясь с Павлом Михайловичем о контрольной проверке, сам предложил этот вопрос: он был безопасен, если бы Балодиса и Приеде захватили в плен. Желание советского командования забросить еще одну группу, опираясь на Балодиса, было естественным. Только Балодис, если бы он работал свободно, должен был ответить отказом.

В конце радиogramмы разведчики снова указывали квадраты для бомбежки. Было ясно, что немцы указывают пустые квадраты, скорее всего, болота и глухие хутора. Но Павел Михайлович опять ответил согласием, по вопросу же о выброске разведчиков просил уточнить место, сигналы, время. Игру надо было продолжать, чтобы дать Балодису возможность бежать. Следовало делать вид, что штаб дивизии ни о чем не подозревает, бомбить указанные квадраты, тем более, что теперь в курляндских лесах за каждым деревом прячется по пяти немцев, — куда ни упадет бомба, она все равно кого-нибудь достанет, особенно, если бомбить не так метко, как того ждут немцы. Балодис сказал Павлу Михайловичу все, что мог, и следовало дать ему хоть время: может быть, он сумеет уйти из ловушки, в которую попал...

Этого не знал Приеде. А то, что он узнал, начисто сломило его волю.

Они с Августом сидели у офицера, вызвавшего их для сочинения очередной радиোগраммы. Август, выслушав наставления офицера, насмешливо спросил:

— Как вы думаете, сколько еще времени советские летчики будут бомбить болото? Ведь, кроме нас, у них, наверно, есть и другие корректировщики. Если вы не хотите провалить нас, то должны время от времени давать и стоящие цели.

— Убивать своих?

— С каких пор немцы стали вам так дороги?

Приеде со страхом слушал этот разговор. Безрассудная смелость Августа пугала его. Что стоит этому офицеру отдать приказ об их расстреле? Но Август держится так, словно не он, а офицер находится в плену.

Офицер и на самом деле согласился:

— Черт с вами, запишите еще вот этот квадрат, тут у немцев какая-то воинская часть.

Они продолжали работать, перебрасываясь короткими фразами, когда в кабинет вошел гаупштурмфюрер СС. Человек этот остановился у порога, вглядываясь в лица сидящих за столом. Приеде только хотел толкнуть локтем Августа, предупредить, как хаупштурмбанфюрер прошел к столу, спросил офицера:

— Это и есть те корректировщики, о которых вы докладывали?

— Так точно, гауптштурмфюрер!

— Болван! Перед тобой крупный советский разведчик Балодис! И уж он-то прилетел сюда совсем не для корректировки налетов!

Август медленно встал из-за стола, глядя прямо в искаженное ненавистью лицо Силайса. Приеде не поверил своим глазам — Август улыбался! Бледный от гнева ээсовец, невысокий, светловолосый, весь какой-то издерганный, стоял перед советским разведчиком, размахивая руками, и кричал на своего офицера.

— Вот где бог привел встретиться, господин Силайс! А помните, я всегда говорил, что айзсарги были и будут изменниками своего народа!

— Молчать! — взвизгнул Силайс. Кажется, он хотел ударить Августа, но стукнул только по столу. И крикнул в открытое окно по-немецки: — Конвойных сюда!

В своей ярости он не хотел отделять Приеде от его командира, и их вывели вместе, но потом, видимо, Силайс одумался, приказал вернуть радиста.

Больше Приеде не видел Августа. Он передал еще несколько радиограмм, но, должно быть, у Балодиса был особый сигнал, которого Приеде не знал, потому что русские перестали отвечать на его позывные. А еще через несколько дней он подслушал разговор своего начальника с Силайсом и понял, — Балодис бежал во время бомбежки хутора, на котором его содержали...

Только много позже узнал Приеде об обстоятельствах побега. «На прощанье» Балодис сделал все, чтобы испортить немцам игру. В одной из зашифрованных радиограмм, которую передал Приеде, не понимая ее смысла, Балодис назвал советскому командованию координаты пункта, в котором мог высадиться советский морской десант. Названо было побережье возле Ужавского маяка. Немцы одобрительно отнеслись к этой радиограмме, стянули специальные подразделения для отражения десанта. Однако у Балодиса, как видно, были свои сигналы, по которым его радиограммы в штабе Советской Армии читались не так, как они звучали для непосвященных. В назначенный для десанта час над расположением немецких войск появились советские самолеты и разнесли в пух и прах отборные эсэсовские части, приготовленные для отражения десанта... В суматохе бомбежки Балодис успел взломать дверь сарая и уйти...

Приеде оказался не у дел. Некоторое время он еще продержался в должности радиста латышского батальона, приданного немецким частям вермахта, затем отступил вместе с немцами на одном из транспортов в Германию, где и сдался в плен англичанам.

Тут-то он понял, что Силайс — давний слуга англичан.

«Человек, испугавшийся змеи, боится и оброненной веревки», — говорит народная мудрость. И Приеде струсил второй раз. Он испугался жестокого режима для перемещенных, испугался, что ему

никогда не вернуться на Родину, испугался всего, чем угрожал ему Силайс, и согласился стать его помощником в работе на англичан.

В глубине души Приеде надеялся, что у Силайса руки коротки: не достанет его на Родине. Поэтому он послушно ответил на все вопросы, заданные ему представителем английской разведки; послушно пообещал помочь тем лицам, которые обратятся к нему за помощью; послушно повторил обусловленный для этого пароль: «Вы сдаете дачу в Майори?» — «Она сдавалась, но сейчас там ремонт!»; послушно отдал хранившуюся у него фотографию времен службы в Советской Армии, на которой он был изображен вместе с двумя товарищами, и сам вырезал ее трезубом так, что на одной части остались лица сфотографированных, а на другой — фигуры.

Половинку с лицами англичане оставили у себя, а вторую приказали тщательно заделать в крышку чемодана. Оставшуюся должны были привезти Приеде те люди, которых англичане пошлют «на связь».

Только после этого Приеде разрешили явиться на сборный пункт по репатриации.

И вот он вернулся на Родину, вернулся с тяжелой ношей, потому что все время думал о хранящейся в крышке чемодана фотографии.

Впрочем, с течением времени он начал успокаиваться, все реже вспоминая о недолгом своем пленении, о белокуром эсэсовце-латыше, называвшем себя Силайсом. Мало ли что могло произойти с этим Силайсом... Может, подох где-нибудь в лагерях для перемещенных лиц. Нищенствует в какой-нибудь Боливии или Австралии. Кусает локти где-нибудь в подполье, узнавая о том, как хорошеет Латвия...

Так думал Приеде до вчерашнего дня.

Сейчас он уже не думает этого.

Длинный Вилкс вбил ему в уши имя этого проклятого Силайса — и теперь, наверно, на всю жизнь.

Только какой она будет, эта жизнь?..

Гости проснулись поздно.

Майга с утра поссорилась с мужем, ушла к матери, — как она сказала: «Отдохнуть от безобразия!».

Двоюродный брат, решив, что приехал не вовремя, распрощался и отправился на вокзал.

Снова заговорили о делах.

Прежде всего надо было подыскать безопасную квартиру, потом — документы. Затем следовало побыстрее выехать в лес и вывезти оттуда закопанное снаряжение. Там были два передатчика, средства тайнописи. Вилкс похвалился, что тайнопись такая хитрая, что ее не разгадает самый хитрый химик. Нужны подставные безопасные адреса, на которые они могут получать тайнописные письма из-за границы. Вилкс считал, что для этого неплохо было бы найти трех-четыре старух, или стариков, переписывающихся со своими родственниками, проживающими за границей, и договориться с ними. Приеде никак не мог понять: англичане ли так легкомысленны, или сами эти шпионы-новички и думают, что им все удастся. Он пробовал несколько охладить их пыл, но они пренебрежительно отмахивались от его предупреждений.

Особенно рассердило Приеде требование достать им паспорта.

— Поймите вы, что достать советские паспорта даже за очень крупные деньги — дело почти неосуществимое, во всяком случае, — длительное.

Вилкс принялся ругать английскую разведку, которая славится своей изощренностью, — и не могла снабдить их «железными» документами. Эгле, или «Серый», как называл его про себя Приеде, сказал:

— Пристрелить кого-нибудь из советских в темном переулке, вот и все!

— Вы что, не изучали советскую паспортную систему? — спросил Приеде. — Если убит человек и у него похищен паспорт, убийцу найти легче легкого. Да и как вы подберете такого, которого стоит убить из-за паспорта? Ведь надо, чтобы он хоть в чем-нибудь

походил на вас. Фотокарточку можно и переклеить умеючи, но ведь в паспорте означен возраст!

— Что же вы посоветуете? — довольно уныло спросил Лаува.

— Попрошу кого-либо из знакомых «потерять» паспорт и заявить об этом в милицию. А «потерянные» паспорта вы используете, вам их прописывать не требуется... Только это сложная и долгая затея...

Поразмыслив над словами Приеде, все трое немного успокоились. Ждать они согласны, была бы квартира...

После завтрака Приеде ушел искать квартиру...

Вернулся он не скоро. А когда, открыв дверь своим ключом, вошел, подумал: попал в засаду! Все трое стояли в передней. Лаува и Эгле выставили вперед пистолеты. Только Вилкс держался внешне спокойно, но и у него руки были засунуты в карманы, и видно было, как оба кармана оттопырились — два пистолета!

Приеде хмуро улыбнулся и прошел к себе в комнату, ни с кем не заговорив.

Шпионы постояли еще в передней, пошептались. Потом Вилкс постучался, вошел, неловко объяснил:

— Сами знаете, нервы... Вас долго не было... Это все Эгле...

«Пожалуй, от этого Эгле вернее всего и получишь пулю!» — сердито подумал Приеде.

— А вы возьмите себя в руки, а вашего Эгле — за руки! — коротко посоветовал он. — Позовите их сюда.

Эгле и Лаува, видно, стояли за дверью, прислушивались, тотчас же вошли. Вид у них был растерянный. Приеде объявил:

— Квартиру я нашел. Правда, пока на время, но зато безопасную. Хозяин — свой человек. Квартира на окраине. Но все-таки рассказывать, кто вы и откуда — не стоит, лучше уж придерживаться того, что вы из Вентспилса. Но из квартиры выходить пока не следует. Позже, когда я раздобуду документы, все станет проще, а ваш Эгле может тогда хоть на курорт ехать, хоть сквозь землю проваливаться, у меня нет никакого желания вечно наткаться на его пистолет, пусть он и бесшумный!

— Эгле, тотчас же извинись! — приказал Вилкс.

И серый, похожий на тень человек извинился, ссылаясь все на те же потрепанные путешествием нервы.

— Когда и как мы туда пойдём? — деловито спросил Лаува.

— Я с Вилксом могу идти впереди, вы — за нами. Сейчас на улице много гуляющих.

Улица была оживлена: шли люди, ехали автомашины, перегруженные седоками, — по шесть-семь человек — с детьми на коленях. Это частные. В такси сидели чинно, один — впереди, двое или трое — на заднем сиденье.

Автобусы, троллейбусы и трамваи были переполнены, — казалось, весь город двинулся на праздник. Только Приеде было невесело.

Но вот Приеде взглянул на Вилкса, шедшего рядом с таким видом, словно они совсем незнакомы, и усмехнулся: на лице Вилкса была написана полная растерянность. Похоже, что он совсем не ожидал увидеть на улицах то, что видел. Приеде подумал: «Ну да, их учили в этих шпионских школах, что Рига голодает, что тут только и ждут «освободителей», а на деле все не так... И спохватился: ведь он и сам принадлежит теперь к этим «освободителям»...»

Но маленькую месть он все-таки придумал: не стал брать такси, повел их просто по городу. «Ладно, пусть смотрят! — размышлял он. — Может, что-нибудь и высмотрят, а если высмотрят, так, может, бросят свою дурацкую затею и оставят меня в покое...»

На первом же углу Вилкс, указывая глазами на торжественное серое здание, облицованное гранитом, шепнул:

— А что здесь теперь?

Приеде взглянул на дворец:

— Дом профсоюзов!

И прикусил губу: вспомнил, что этот дом был раньше убежищем айзсаргов.

Тогда он нарочно свернул на улицу Ленина и, остановившись на углу, без улыбки сказал:

— А вот дом КГБ.

Вилкса всего передернуло, и он невольно ускорил шаги.

Но Приеде шел медленно, словно нарочно хотел показать: ему-то нечего бояться в родном городе. И Вилкс, — а за ним и остальные, — замедлили шаги.

Теперь они шли по главной улице и могли на каждом углу читать, что она называется улица Ленина. Они видели магазины, — продуктовые были открыты, и там толпились оживленные люди,

прибежавшие за срочным подкреплением для праздничного стола. Витрины сверкали промытыми яркими стеклами, и было видно, что внутри полно всяких товаров.

Но вот они миновали нарядный центр города, перешли через воздушный мост над железнодорожными путями и оказались в районе заводов. Трубы заводов не дымили сегодня, но красочные световые транспаранты над ними, флаги на воротах, громкоголосые радиорепродукторы на столбах — все создавало особое, праздничное настроение, которое, наверно, было совсем не по нутру тем, кого Приеде провожал мимо этих строгих зданий, огражденных высокими бетонными заборами. А он шел — и бросал вполголоса:

— Велосипедный завод. Я тут работаю мастером. — И чуть дальше: — ВЭФ. Недавно построили новые цеха. — И опять: — Вагоностроительный. Тоже расширяется...

Свернули на окраинную улицу — Бикерниеку. На углу уже сам Вилкс взглянул на строящееся огромное здание, перед которым выступали ряды каких-то не то дорических, не то коринфских колонн, с любопытством спросил:

— А это что такое?

— А это Дворец культуры завода ВЭФ. Еще строится.

— Я и сам вижу, что только строится! — недовольно пробурчал Вилкс.

На Бикерниеку, застроенной маленькими домиками — тут жили рабочие и служащие многих рижских заводов, — Приеде свернул во дворик, в глубине которого виднелся флигелек, скрытый длинным «хозяйским» домом. У дверей флигеля остановился, вынул ключ, открыл.

— Входите!

Квартира состояла из трех небольших комнат и была пуста.

Вилкс напомнил, что им нужна еще одна квартира, с которой они могли бы работать на передатчике: англичане ждут их выхода в эфир с пятнадцатого ноября, а из квартиры, где будут жить сами, вести передачи не рекомендовали. Приеде порекомендовал провести сеанс радиосвязи из леса. Завтра он выяснит, как можно будет вывезти их снаряжение с берега моря.

Лаува хотел узнать, не может ли Приеде найти им кого-либо для сбора информации. Приеде ответил, что сейчас, видимо, ему придется

этим заняться, только, пошутил он, «без применения пистолета!» Все, даже и Эгле, обрадовались. Видно было, что им очень хочется щегольнуть при первой же передаче своими успехами.

Эгле снова завел свою песню о «лесных братьях». Приеде пообещал разузнать и об этом.

К завтрашнему дню Вилкс пообещал приготовить первое тайнописное сообщение.

Расстались вполне дружески. Еще раз повторили пароль и сигнал: условный стук в дверь. Вилкс дал слово, что никто из них выходить сегодня не будет, и Приеде ушел.

От него ждали действий.

Устройство шпионских дел оказалось долгим и утомительным занятием. Только поздно вечером на следующий день Янис добрался до квартиры, в которой скрывались приезжие.

Он увидел мрачные лица, настороженные глаза. На приветствие его ответили холодно.

Янис рассердился, поставил среди комнаты тяжелую сумку, которая оттянула ему руку, хмуро спросил:

— Вы что, белены объелись? Если вы думаете, что тут вас ожидали с оркестром и фейерверком, так вы ошибаетесь! Даже мне, который тут всех и все знает, каждый шаг дается с трудом!

Вилкс резко сказал:

— Мы же сидим голодные!

— Тогда надо было ехать на курорт! Брайтон, что ли, называется. На южное побережье Англии, а не на западное побережье СССР! — отрубил Приеде. — А ужин можете получить, вот он, — и пнул ногой сумку.

В сумке что-то зазвенело. И этот звон прозвучал как колокольный зов на праздник примирения. Толстяк Лаува крикнул:

— Осторожно, разобьешь!

И кинулся поднимать сумку.

Эгле, по своей привычке занявший позицию у двери, вынул руку из кармана. Вилкс бурно заговорил о том, что они очень беспокоились: слишком уж долго пришлось ждать.

Но Янис держался непримиримо. Сел в стороне, закурил, не глядя на своих подопечных, которые суетились у стола, раскладывая продукты и восторженно восклицая:

— О, черное пиво!

— А каков угорь!

— Нет, ты посмотри на ветчину! Вся так и светится!

— Открой водку, Эгле!

Наконец Вилкс обратил внимание на то, что Янис остается в стороне, сидит безучастно. Он переглянулся с товарищами, виновато заговорил:

— Ты уж нас извини, старина! Сам понимаешь, каково было ждать тебя целый день!

— Мне этот день тоже в добрую веревку нервов обошелся! — буркнул Приеде.

Тогда и Лаува и Эгле принялись уговаривать его присесть к столу.

Он нехотя принял из рук Лаувы рюмку, но пить не стал, поставил на край стола. Сказал:

— Давайте уж сначала поговорим о делах. А то после русской «Столичной» все покажется в розовом свете...

— А что случилось? — обеспокоенно спросил Вилкс, тоже отставляя рюмку.

Остальные настороженно придвинулись.

— Я пытался узнать, как выручить ваши вещи, но дело оказалось сложнее, чем я думал. Вы не нашли удобнее места, где спрятать вещи: там ведь пограничная зона! Могли бы протащить их еще два-три километра! А теперь к тому месту и не подберешься! Кругом пограничники!

Наступило мгновенное замешательство, потом послышалось: «Вот это да!» Лаува поскреб в затылке, Эгле весь как-то съежился.

Вилкс хрипло спросил:

— Что вы можете посоветовать?

— Что тут посоветуешь? Ехать придется через Вентспилс, а без документов это опасно, вдруг напорешься на контрольную проверку машины. Пожалуй, лучше всего переждать недели две-три, чтобы решить все вопросы разом: сначала добыть документы, а потом уже рискнуть...

— Нет, это не выйдет! — торопливо сказал Вилкс. Приеде заметил, что двое других, кажется, не рвутся за вещами. Но возглас Вилкса как бы разбудил их.

— Да, надо как можно быстрее доставить вещи! — подтвердил Эгле.

— Мы не думали, что наше разведывательное снаряжение будет так трудно взять. Вдруг кто-нибудь найдет? — промямлил Лаува.

— Найти его могут! — задумчиво подтвердил Приеде. — Идет осенний охотничий сезон, там появляются люди... И как вас угораздило даже не закопать, а только замаскировать его? Это же

лучший способ для чекистов устроить там ловушку! — рассердился он.

— Не надо беситься, Янис! — мягко сказал Вилкс. — Конечно, мы не правы: и хлопот доставили много, и обижаем своим недоверием, но ведь и нам не легко! Мы все еще словно между небом и землей!

Он посидел немного, наклонившись над столом, потом выпрямился, строго сказал:

— Я попробую сделать это сам! Достаньте мне, Янис, мотоцикл, и я поеду...

— Как? Без прав и без документов? Ни за что! — решительно заявил Приеде. — Я совсем не хочу быть убийцей! Давайте тогда уж попробуем все вместе, нелегально, по лесу, пешком...

Лаува пробормотал:

— А по-моему, проще всего достать вещи Янису. У него есть документы, есть знакомые в Вентспилсе, а место мы ему укажем...

— Зачем ему-то рисковать? — сердито спросил Вилкс. — Это мы плохо выбрали место для нашего багажа, мы и должны отвечать!

Приеде взглянул на того, на другого. Эгле держался безучастно: пусть решают старшие. Лаува продолжал настаивать на своем варианте, — ему, как видно, очень не хотелось снова пробираться на побережье.

Вилкс беспокойно спросил:

— А что вы-то думаете об этом, Янис?

— Черт его знает, как я могу его добыть? Ведь там, поди, не один чемодан? А помощников для такого дела не скоро подберешь...

Долго сидели в раздумье. Затем Лаува решительно заявил:

— Я считаю, что достать вещи может только Янис.

И стал объяснять:

— Там три чемодана и два вещевых мешка. Если их вынести к дороге и нанять машину...

— И шофер сразу решит, что это или контрабанда или краденое имущество... — перебил Приеде.

— Надо взять знакомого шофера... — настаивал Лаува.

— Ну, шофер-то у меня найдется, но что я ему скажу?

— Если шофер знакомый, можно прямо сказать, что купил краденые вещи, скажем, детали для радиоприемников, снятые с рыболовецких судов, собираешься изготовить приемник на продажу

или что-нибудь в этом роде, — это заговорил Вилкс, по-видимому, убежденный словами Лаувы.

Янис поморщился, но спорить не стал, — их не переубедишь, только сказал:

— Разведать я разведую, но ничего пока не обещаю...

Лаува облегченно вздохнул:

— Ну, теперь можно и поужинать! — и поднял свою рюмку.

Ели молча. Было понятно, еще переживают первые препятствия. Но вот понемногу разговор наладился, даже Эгле повеселел.

Приеде думал: его самого завербовали при помощи провокаций и побоев. А этих разве били? Они жили на том самом Западе, который им снился еще до войны, как земля обетованная, как высоко организованный рай, где каждого ждет не просто сады Эдема, а механизированный Эдем, где на каждого дурака приходится по автомашине, по особняку, по ресторану, по невесте, по миллиону в какой угодно валюте. Многие предпочитают доллары. Эти захотели фунты стерлингов.

Что же они получили?..

Вилкс заговорил:

— Честное слово, даже во время войны было легче! Я тогда летал на «фокке-вульф», был летчиком-истребителем, и я сбивал, и за мной охотились, но такого напряжения не испытывал!

— Почему же вы пошли на эту работу?

— А что оставалось делать? Мы пробыли в лагерях для перемещенных годы и годы! До войны я состоял в «Перконкрусте». Президент организации Целминьш знал меня еще учлетом, а инструктором у нас был Силайс. Когда пришли немцы, Целминьш договорился с ними и продал нас всех немцам под названием «добровольцы». А в сорок седьмом году комендантом нашего лагеря стал этот самый Силайс. Целминьш поселился в Риме и начал там издавать газету «Таутас балс»^[3]. Он писал, что теперь, когда Германия разрушена, мы, латыши, должны опираться на англичан... Силайс тоже постоянно твердил об этом. Тех, кто сопротивлялся или требовал репатриации в Латвию, отправляли куда-то в африканские копи и рудники, иные вдруг исчезали, организация приказывала подчиниться англичанам, вот и все...

«Да, у этого рай оказался похожим на тюрьму!» — подумал Приеде.

Но теперь их прорвало всех. Как видно, они долго молчали и теперь жаждали сочувствия. Лаува заговорил о своей жене: он не видел ее больше десяти лет, но верил, что она ждет его. И хотя в Англии он, как видно было из его же рассказов, не очень скучал по оставленной семье, теперь его тянуло туда с неожиданной силой. Однако поехать к жене было не просто, — в Видземе он был известен многим как один из руководителей уездной организации айзсаргов, а во время войны был чиновником немецкой полиции. Он командовал ротой, получил отличный земельный надел да еще и выгодную службу в уездной земельной управе. Его «рай» был в прошлом. А когда он оказался перемещенным, начался ад. При первой же возможности он начал канючить у англичан «легкую» работу. И вот он здесь. Только вряд ли сейчас эта «работа» кажется ему легкой!

Эгле сначала отмалчивался, но, видно, задело и его. Его рассказ был короток. Эмигрировал вместе с семьей вслед за немецкими обозами. В Англии нашлись сослуживцы отца, — отец был экспортером леса. Отца устроили на работу в лондонских доках экспертом-оценщиком по лесоматериалам. Но отец настаивал, чтобы сын устраивался самостоятельно. Сын состоял в организации «Даугавас ванаги»^[4]. Там он встретился с одним из руководителей организации директором департамента финансов Скуевицем. Тот порекомендовал Эгле Силайсу. И круг замкнулся. Сейчас отец думает, что его сын в Шотландии, лечится после автомобильной катастрофы, а Эгле — вот он где!

Да, так себе тот рай, который они получили, а уж местечки в нем оказались возле самой колючей проволоки, которой этот рай огорожен!

Но рассказывали о себе они с определенной целью: им хотелось узнать побольше о самом Приеде.

Вилкс прямо спросил:

— А что случилось с тобой, Янис, когда англичанепустили тебя из лагеря? Подозрений не было? Ведь ты работал у немцев. Об английской разведке чекисты могли не подозревать, но плен... Хотя Силайс все сваливал на твоего напарника, даже документы какие-то оставил в штабе этой «Ягдфельдкоманды»...

Приеде стало тошно от этого «вечера воспоминаний». Но Вилкс ждал, пришлось рассказывать.

Да, по возвращении из плена Приеде некоторое время испытывал боязнь. Он даже не может объяснить это чувство, впрочем, его новые знакомые, наверно, не хуже, чем сам Приеде, знают ощущение, будто за тобой кто-то следит, ждет какой-то ошибки. По ночам Янис просыпался от скрипа тормозов автомашины, от стука каблучков по тротуару. К счастью, он скоро встретил свою знакомую, вы ее знаете, это Майга, и женился на ней. После этого все пошло хорошо. Майга ничего не знает о его прошлом, но она так дружески отнеслась к нему, что Янис очень быстро успокоился, сдружился с рабочими на заводе, приобрел и настоящих друзей, — это один механик из яхтклуба и техник радиозавода. Но вообще-то Янис ведет довольно замкнутый образ жизни, да и Майга не любит посторонних. Это вы и сами должны были заметить, помните, как она была недовольна вашим визитом.

Вилкс усмехнулся, у него было чувство юмора. Еще бы, ворвались посторонние люди, разрушили ее привычный мирок, да и сейчас постоянно отнимают у бедной женщины ее мужа.

После «вечера воспоминаний» снова перешли к делам.

Вилкс убрал со стола посуду и принялся чертить карту той местности, где захоронено имущество. У бывшего летчика было отличное чувство ориентировки. Приеде следил за движениями карандаша и словно сам увидел раздвоенный лог, лесную дорогу, пересекающую этот лог в месте раздвоения, сломанную сосну на мыске, можжевельник, прикрывающий подступы к сосне. Если ничего не случится, найти тайник со шпионским снаряжением окажется просто.

Он долго разглядывал рисунок, высчитал по часам расстояние от тайника до шоссе, на которое вышли потом шпионы, с облегчением сказал:

— Попытаюсь!

Теперь они глядели на Яниса с надеждой. Янис подбодрил их улыбкой и попрощался.

Девятого он не пришел, но Вилкс не волновался. Он чувствовал, что с таким патроном они не пропадут. Вот и еды припас достаточно, не надо самим выходить на улицу, бродить по магазинам. Да и хозяин

квартиры ведет себя осторожно: приходит редко, весьма любезно спрашивает, не нужно ли гостям чем-нибудь помочь, и тут же уходит.

Приеде появился через несколько дней. Он был, как им показалось, доволен. Ему удалось разыскать знакомого, который обещал достать бланки рабочих удостоверений, нужны только фотографии. Вчера Приеде уехать в Вентспилс не мог, поедет завтра. Перед отъездом он, возможно, еще успеет доставить им рижские справки.

Фотографии у всех троих были приготовлены заранее. Приеде похвалил за предусмотрительность, похвалил работу: фотографии почти похожи на те, что делают фотографы-пушкари за пять минут.

Задерживаться он не стал, посоветовал попросить хозяина квартиры закупить продукты дня на два, на три.

На другой день документы были готовы.

Строгие официальные книжечки в дерматиновом переплете, в которых было указано, что «гр-н такой-то работает в должности электромонтера на рижской подстанции...», очень всем понравились. Приеде сказал, что в случае внезапной проверки документов эти книжечки могут заменить паспорта, надо только на всякий случай запомнить какой-нибудь адрес, конечно, не тот, где они живут. Повеселевшие шпионы занялись чем-то вроде игры: вспоминали старые названия рижских улиц, спрашивали, как они называются теперь, каждый выбирал «место жительства».

Снова заговорили о «лесных братьях».

Вилкс рассказал, что в школе специалисты по России утверждали, будто в Латвии, Эстонии и Литве «лесные братья» по-прежнему действуют, правда, не в таком количестве, как это было сразу после войны. Но налеты на колхозы, на магазины, на советских работников бывают часто. Он считал, что Приеде просто не знает истинного положения вещей. Чекисты, конечно, не оповещают население об этом.

— Похоже, что вы знаете о «лесных братьях» больше, чем живущие здесь! — усмехнулся Приеде. — Если вам удастся найти несколько человек, скрывающихся в лесу, считайте, что вам очень повезло!

— Постой, постой, — перебил Лаува, — но о существовании «лесных братьев» нам рассказывал латыш, совсем недавно перебежавший на Запад!

— Очень может быть! — насмешливо сказал Приеде. — Ведь этому беглецу надо было есть-пить! Он мог придумать что угодно, лишь бы ему платили за его сказки!

Лаува готов был спорить до хрипоты, утверждая свою правоту, но Вилкс несколько призадумался. Чтобы хоть как-нибудь замять неловкость, он похлопал Яниса по плечу, сказал:

— Спасибо за откровенность. Если бы я не знал твоего прошлого, я бы подумал, что ты просто агитируешь нас за коммунизм. Однако «лесных братьев» мы должны разыскать! Пусть это будет даже небольшая группа, но с нашей помощью она может стать трамплином для прыжка в будущее. Большая часть групп действовала раньше в Курляндии. Вот ты поедешь в Вентспилс, попробуй там разузнать через своих друзей, что в этом смысле можно предпринять.

Он словно нечаянно взглянул на часы: Приеде понял, близилось время отхода поезда, которым он поедет в Вентспилс. Он пообещал разузнать что-либо и о «лесных братьях».

Все встали, пожелали счастливого пути.

Приеде сказал:

— Может быть, мне не удастся обернуться между двумя поездами. Но вы не волнуйтесь! Я буду осторожен...

Вилкс проводил его до дверей, пожал руку.

Приеде вернулся только через неделю.

Он появился в квартире в обеденное время, и еще в дверях сообщил:

— Все в порядке!

У его гостей отлегло от сердца. По-видимому, за эту неделю они пережили немало тревог.

Приеде рассказал, как долго он пробирался к «кладу», несколько раз ошибался местом, и, наконец, на третий день обнаружил этот проклятый лог и старую лесную дорогу. После этого все стало просто. Он сообщил своему приятелю, что нужна машина, тот выписал путевку на поездку за дровами, и они перевезли вещи в Вентспилс. На следующий день он выехал поездом, увозя с собой «клад».

Здесь он тоже подготовил удобное место для приема вещей — за городом, на зимней даче, у друзей. Рисковать вещами он не хотел, решил сначала зайти узнать, все ли в порядке, а теперь может ехать за «приданым», хотя сделать это лучше вечером.

С ним согласились, только попросили попутно захватить несколько бутылок вина и пива: по такому счастливому поводу не грех было и попраздновать!

Вечером Приеде привез вещи на такси.

Машину с вещами он оставил возле дома, а сам поднялся в квартиру.

Вилкс встретил его удивленно:

— Где же вещи?

— Плохие же вы конспираторы, черт вас возьми! — с сердцем сказал Янис. — Как я мог тащить чемоданы, не проверив, все ли тут в порядке? — Не беспокойтесь, поклажу охраняют лучше, чем в гареме жену султана!

Впрочем, он сменил гнев на милость, вынув из оттопырившихся карманов бутылки вина и пива, сказал, чтобы накрывали на стол, а сам ушел за чемоданами. Когда он перенес вещи, все были готовы к празднику.

Лаува немедля открыл один из чемоданов. В нем оказались банки с консервами, сыр, масло, копченая рыба. Видно, приезжие не очень рассчитывали на гостеприимство. Вилкс сунул портфель с радиостанцией под кровать, даже и не осмотрев, его больше интересовал ужин и рассказ Приеде о поисках.

За удачливого Приеде поднимали тост за тостом. Вообще, на этот раз, как и во время первой встречи, пили «крупно». Вилкс каждый глоток водки запивал пивом, советовал и остальным, утверждая, что это лучший коктейль. Лаува со смехом рассказывал, что Вилкс наловчился в Англии глотать всякую дрянь, но сам от «коктейля» отказался. Эгле тоже предпочитал чистую водку.

Больше всего Вилксу нравилось, что «старое общество», действует. Он, по-видимому, уверил себя, что Приеде и его добрые помощники — бывшие перконкрустовцы, и даже не просил у Приеде подтверждения. Больше всего ему нравились строгие правила конспирации, которых придерживался Янис.

Когда он несколько охмелел, на него вдруг напала подозрительность. Теперь она была обращена на хозяина квартиры.

— Почему он постоянно спрашивает нас о том, что ему знать не следует? Когда ты был здесь, он помалкивал! А как только ты уехал, стал интересоваться нашими делами! Это не только я заметил, Эгле уже собирался выйти за ним следом и проследить, куда он ходит...

— Ну, друзья, этак вы далеко не уйдете! — засмеялся Приеде. — Хозяин — старый подпольщик! Естественно, что, если меня нет, он должен заботиться о вас. Вы заметили, что мы с ним никогда не бываем здесь в одно и то же время? Вообще-то вы правильно делаете, приглядываясь к окружающим. Но и подпольщики должны кому-то доверять! А о подозрительных лицах немедленно сообщайте мне, даже если вас насторожит суцая мелочь.

Советами Яниса все остались довольны. Снова заговорили о будущем. Эгле упорно напоминал, что скоро начнется война Запада с Советами, война будет недолгой, а тогда все они получают награды, которые сейчас им и не снятся! Ему Силайс намекал, что активные люди станут не только богачами, но, может быть, получают и дворянство, или даже баронство, а к титулу, соответственно, поместья. Ведь все эти совхозы и колхозы будут переданы тем, кто способствовал победе...

Лаува поправил его: колхозы придется распустить, а землю разделить между крестьянами. Правда, часть крестьян, которые осоветились, придется уничтожить. Но это к лучшему, другим, которым можно доверять, больше достанется, меньше будет недовольных новым государственным строем.

Янис молча слушал.

Впрочем, подшефные Яниса не всегда были такими веселыми. Иногда они задумывались над тем, выполнимы ли вообще их надежды...

Теперь, когда передатчики и все снаряжение были у них, они все чаще заговаривали о том, что пора начать передачи. А Янис приходил на конспиративную квартиру усталый, разочарованный, мало того, злой, и день за днем сообщал, что не может найти безопасного места для передачи.

В конце концов Вилкс не выдержал, обвинил Яниса в неповоротливости. Могла вспыхнуть настоящая ссора, но вмешался Лаува.

— Почему бы Янису не съездить в Плявинас? — посоветовал он. — Надо разыскать мою жену, сказать, что я здесь. Она женщина понимающая, не разболтает. Может быть, удастся организовать передачу от нее?

— Да, организовать и засыпаться! — огрызнулся Вилкс. — Без тебя она нас и слушать не захочет, а тебе показаться в Плявинасе опасно. Тебя там каждая собака узнает.

— Похоже, что не все собаки меня теперь узнают! Видно, постарел! — невесело пошутил Лаува. И признался: — Вчера пошел в парикмахерскую и на улице, лицом к лицу встретил соседа из Плявинаса. Я-то его узнал, так и дергало за язык: поздоровайся! — а он только взглянул удивленно, потом пожал плечами и пошел своей дорогой...

Янис вскипел.

— Кто вам позволил выходить без разрешения?

— Не век же нам сидеть взаперти! — закричал Эгле. — Мы уже давно выходим на час, на два погулять, ничего пока не случилось!

— Ничего не случилось! — передразнил его Приеде. — Когда что-нибудь случится, будет поздно! Вы понимаете, что ваш провал — это моя гибель?

Вилкс примирительно сказал:

— О том, как ты нас встретил и помогаешь, мы сообщали англичанам в наших тайнописных донесениях. А сидеть взаперти действительно невозможно. Мы решили выходить под вечер, когда начинает темнеть, а огни еще не зажжены. Теперь сумерки длинные. Днем сидим дома.

В конце концов Приеде согласился, что такие вечерние прогулки не так уж опасны. Только посоветовал выходить по одиночке, остальные двое должны оставаться дома, чтобы в случае несчастья не были захвачены все. Вилкс и его коллеги поморщились при последних словах, но согласились, что это правильно.

Вилкс опять перешел к тому, что необходимо как можно быстрее установить радиосвязь с Лондоном.

— Представьте себе, что наши тайнописные сообщения не дошли! Что тогда думают шефы? На крайний случай, если ты ничего не можешь подыскать, я рискну сам. У меня есть в Риге тетка — сестра матери, активная участница организации айзсаргов, руководила женской группой. Если она уцелела, то можно ручаться, что у нее удастся или пожить безопасно или хотя бы связаться из ее квартиры с Лондоном.

— Ну да, мы проведем сеанс радиосвязи и уйдем. Во время этого сеанса пеленгаторы засекут, откуда работает нелегальный радиопередатчик, и старуху спровадят в Сибирь.

— Не так уж страшно! Если и засекут, так обвинить ее не смогут, мы передатчик оставлять не станем.

— Ладно, давайте адрес, — решился наконец Приеде. — Я попробую поискать вашу старушку. Если она здесь, передам привет от вас, посмотрю, как она отнесется...

Со старушкой беседовать не пришлось. На следующий день Приеде вошел к подшефным, поигрывая дверным ключом.

— Мы едем на пикник! — объявил он.

— Куда?

— На дачу! Приятель уступил свою дачу для любовного свидания с субботы до понедельника!

Все оживились, даже забыли об опасности. Особенно развеселило то, что дача оказалась в Майори, том самом Майори, которое было

выбрано для пароля и где у самого Приеде никогда не было никакой недвижимости. Совпадение сочли за доброе предзнаменование.

Собирались торопливо. На время отменили все правила безопасности. Эгле и Лаува побежали в магазин за продуктами и вином, — какой же пикник без вина? Приеде приволок четыре пары лыж, — недавно выпал снег, ехать на дачу без лыж было бы странно. Вилкс вытащил свой портфель, проверил передатчик.

Из дому выбрались перед самым концом рабочего дня, — легче затеряться в толпе. А толпа на вокзале была до того оживленной и шумной, что никто и не обращал внимания на веселую компанию из четверых мужчин с чемоданами, сумками и лыжами.

И вагон был заставлен чемоданами, сумками, лыжами. Похоже было, что весь город собирался с утра в воскресенье штурмовать только что установившуюся зиму.

В Майори высаживалось много отдыхающих. Одни сворачивали на пушистую снежную целину, другие разбредались во все стороны по протоптанным и наезженным дорогам. Приеде повел своих гостей на взморье.

Сложив рюкзаки, сумки и чемоданы в угол комнаты, растопили камин. Раздеваться было еще холодно, но припасенные дрова пылали дружелюбным веселым пламенем. Эгле возился у стола, позванивая бутылками. Лаува вскрывал банки с консервами, резал хлеб, колбасу.

Приеде подмигнул радисту: «Пойду проверю обстановку!» — и вышел.

Протяжно и гулко шумело море, отсвечивая в темноте полосой пенного прибоя. Где-то далеко-далеко в его темном просторе поблескивали огоньки, то ли рыбаки возвращались из рейса, то ли проходили сторожевые суда. Воздух был холоден и влажен.

Перекликались бредущие от вокзала ночные дачники. То в одном, то в другом доме вдруг вспыхивал свет, из труб начинали вырываться подсвеченные искрами крутые клубы дыма.

Янис обошел дачу, потом вышел из ворот на улицу и сделал круг мимо всего квартала. Он шел и думал о Майге.

Раньше в поездки на взморье он всегда брал Майгу. С ней было весело, уютно, она умела внести в каждое дело чуточку игры и шутки. Теперь она только удивленно взглядывает на него, когда он уходит из дома. Было два или три разговора, во время которых Янис ничего не

мог объяснить. Потом Майга перестала и спрашивать. Однажды он заметил жену, входя во двор квартиры, в которой жили шпионы, но не остановился, подумал: случайное совпадение. Пожалуй, совпадение было не случайным. Наверно, Майга боится за него! Может быть, она подумала, что появилась другая женщина? Тогда поход за ним мог успокоить ее. В маленьком домике, куда он так часто ходил, не было ни одной женщины. Так, что-то вроде общежития холостяков.

Он ее не спрашивал о той встрече. И она ничего не говорила. Но грусть, временами сквозившая в ее взгляде, молчание, когда он пытался шутить, отношение к нему, как к больному, которого опасно беспокоить, — все вызывало не только тревогу, но и раздражение.

...Сможет ли он когда-нибудь рассказать Майге о том, что переживает все эти дни!

Вспомнился завод. Там тоже не очень-то довольны мастером. Взялся было участвовать в кружках техминимума, в рационализаторском бюро, а потом все забросил. Да и когда ему заниматься всеми этими делами... Только и хватает времени, что проведать подшефных, передать им городские новости, заготовить продукты... И вот эта поездка, это же опять два дня долой!

Он уже дважды прошел мимо дачи. За опущенными шторами метался неяркий свет, видно, обеспокоенные его отсутствием гости торопливо меряют комнату шагами, подходят к окнам, заслоняя своей тенью настольную лампу. Приеде не хотелось идти к ним. С трудом пересилил себя.

В комнате было уже тепло, но никто не раздевался. Только когда Янис снял пальто, остальные немного успокоились, последовали его примеру.

Передачу решили провести завтра, в пять вечера, как это было предусмотрено в расписании радиосвязи. После сеанса решили сразу же идти на вокзал. В это время будут уходить из многих дач, они опять смешаются с толпой, а если пеленгаторы и засекут работу передатчика, так вряд ли отыщут, из какого дома велась передача.

Сразу стало веселее. Все-таки опасность немного отдалилась. А они не могли не думать об опасности.

Ужинали весело. Спели несколько песен, правда, вполголоса.

После ужина вышли погулять. Вилкс пошутил: «Ночью и воробей на соловья смахивает!»

Шли без опаски. Долго стояли на берегу. Приеде показалось, что его спутники что-то слишком засмотрелись на запад, видно, надоело сидеть в квартире. Подумал: как еще они не перессорились до стрельбы, валяясь по койкам в разных углах в одной и той же комнате. Правда, у них есть карты. Наверно, успели проиграть друг другу всю свою будущую оплату, да и задолжать по гроб жизни. Он об этом у них никогда не спрашивал: начнут жаловаться, говорить о скуке, а чем тут поможешь?

У вокзала светились окна магазинов — зашли туда, купили еще водки и пива. «Хоть день, да наш!» — так это, кажется, называется», — подумал Приеде, глядя на развеселившихся «гостей».

Утром долго спали, проснувшись, еще повалялись в постели. После завтрака вышли на лыжную прогулку.

На лыжах ходили не без толку. Разделились по двое. Янис и Вилкс обошли Майори с двух сторон, присматривались, нет ли где воинских частей. Эгле и Лаува ушли в дюны, приглядываясь к отдыхающим. Впрочем, что они могли там заметить? Если ночью и воробей похож на соловья, то среди лыжников и девчонки-то были похожи на парней. Словом, ничего подозрительного.

Передачу начали ровно в пять. Эгле и Лаува заняли позиции на улице, с той и с другой стороны дома. Приеде взялся помогать радисту. Было интересно — новая аппаратура.

Вилкс не стал скрывать от Яниса свои приемы по передаче. Он достал шифровальный блокнот величиной, примерно, с папиросную коробку, с твердыми обложками бледно-розового цвета, вскрыл хлорвиниловый пакет, в котором был упакован блокнот, и на его первой странице, под набором пятизначных цифр написал текст своей телеграммы, переведенный с помощью кодовых таблиц также в пятизначные цифровые группы. После того как он проделал некоторые арифметические действия с этими цифровыми группами, телеграмма была зашифрована, и ее можно было передавать англичанам. В этой телеграмме Вилкс сообщал:

«Рад наконец сообщить при помощи радио о себе и своих друзьях. Недавно наш рижский знакомый через своего друга шофера, работающего в Вентспилсе, вывез наше снаряжение из леса. После ряда неудачных попыток

отыскать место для передач нашли такое на взморье. В дальнейшем возможна регулярная связь и передача информации. Прошу в следующем сеансе сообщить о слышимости моего передатчика, так как беспокоюсь за аккумуляторы, долго пролежавшие в земле. На днях женился.

Вилкс»^[5].

Шифруя текст, Вилкс очень хвалил английскую систему шифровки и сами английские передатчики, портативные, удобные в работе и легкие для переноса. В самом деле, его передатчик умещался в портфеле.

Последняя фраза радиограммы — о женитьбе — была сигналом, чтобы англичане знали: он работает на свободе. Пропуск условной фразы обозначал бы, что его понудили работать против воли.

После зашифровки Вилкс вырвал листы, сжег их, а пепел выбросил. Потом попросил Приеде помочь натянуть антенну.

В 17.05 Вилкс послал свои позывные в эфир и, перейдя на прием, сразу услышал отзыв английского радиоцентра, находившегося где-то в районе города Ганновера в Западной Германии. Потирая от возбуждения руки, он шепнул Приеде: «Нас слышат!» — и начал передачу. Передавал он быстро, отчетливо. Приеде понял, что перед ним хороший радист.

Закончив передачу и снова перейдя на прием, Вилкс получил подтверждение, что телеграмма принята, и выключил свою станцию. Остальное проделали торопливо: свернули антенну, уложили передатчик в портфель, прибрали комнату и вышли. Эгле и Лаува все еще переминались у калитки.

Пошли на станцию. Обычные горожане, спешащие на дачный поезд. У каждого лыжи и рюкзак или сумка.

В поезде сели в разные вагоны.

С вокзала домой возвращались разными трамваями.

Приеде поехал домой, где его ждала молчаливая Майга, с которой становилось все труднее и труднее разговаривать.

Зима шла утомительно медленно.

Правда, Приеде делал все, что мог, чтобы его «друзья» не скучали. Накупил книг; водил в кино на поздние сеансы; раза два в месяц покупал билеты в театры; навещал по вечерам и выходил вместе с ними на прогулку.

Но шпионам этого казалось мало.

Как-то Вилкс заговорил о том, что часто выходить в город опасно, нельзя ли купить телевизор, благо, деньги еще есть. Приеде выполнил и это поручение.

Теперь они довольно часто выезжали на дачу, и Вилкс проводил очередные сеансы радиосвязи с английской разведкой. Передатчик работал отлично, материал для передач давал Приеде, используя, как он говорил, для сбора информации своих знакомых, конечно, втемную, чтобы те ничего не подозревали.

Когда усилились морозы, Приеде отыскал какую-то дальнюю родственницу, которая согласилась уступать ему по субботам свою квартиру «для встречи с друзьями». Эти «встречи» также кончались радиосеансами.

Иногда информация, доставляемая Приеде, была такой обширной, что Вилкс опасался доверять ее передатчику, тогда он отсылал тайнописные послания. Он и сам оценил умение Приеде в сборе информации, и англичане подтвердили, что данные очень ценны для них, и просили передать информатору свою благодарность.

И все-таки шпионам было и трудно и скучно.

Особенно бунтовал Лаува. Желание повидать жену стало для него чем-то вроде навязчивой идеи. Он то и дело обрушивался на Приеде:

— Почему вы не съездите в Плявинас? Вам так просто отыскать мою жену!

Янис объяснял, что он работает на заводе, что отпуска для поисков чужой жены ему никто не даст, что он уже брал один отпуск за свой счет, когда ездил в Вентспилс за вещами, что частые его отлучки из Риги могут кому-нибудь показаться подозрительными...

Лаува ничего не желал слушать.

Он отпустил бороду.

Янис пошутил, что с этой бородкой Лаува действительно стал похож на шпиона.

Лаува смущенно ответил, что завел бороду от скуки.

А через несколько дней он скрылся.

Приеде застал в этот день Вилкса и Эгле очень расстроенными. Они не знали, что и придумать: менять квартиру? Ждать? И вообще: вернется ли этот «лев»?

«Лев» вернулся через день, очень расстроенный. Он все-таки съездил на родину.

Позже он рассказал Янису, что встреча с женой не принесла ему радости...

Сразу войти в дом Лаува не решился. Он долго приглядывался к своему дому. Раньше он думал, что семья, может, выселена, но когда увидел, как в дом пробежал его сын в форме школьника, чуть не ринулся за ним. Однако следовало еще выяснить, нет ли в доме другого мужчины.

Другого мужчины не оказалось.

Тогда Лаува вернулся на вокзал, дождался темноты, сидя в буфете за рюмкой водки, и снова пошел к дому.

Дверь открыла жена.

Жена действительно ждала его. Она и сына воспитала в строгом почтении к памяти отца. Мальчишке теперь пятнадцать лет, он руководит школьной пионерской дружиной.

Но только первое объятие и было, по словам Лаува, искренним. Жена сразу начала спрашивать («Не хуже следователя!» — сказал Лаува), откуда и как он попал домой. Лаува ответил, что работал на Севере, под другим именем, поэтому не мог писать. И вот теперь, когда у него есть возможность уехать на Запад, приехал к ней, чтобы выволить ее.

Первое, что сделала жена, закрыла дверь комнаты сына. Самого Лауву она провела на кухню, усадила так, чтобы никто не увидел его через окно, а затем потребовала, чтобы Лаува немедленно явился в милицию и рассказал о себе.

— Но меня ведь арестуют! — возопил он.

— Не навсегда! — отрезала жена. — Теперь жить стало легче. Вон даже из леса выходят, и никто их строго не наказывает. Наоборот,

если явился с повинной сам и на руках нет крови, прощают и дают работу. А в твои заграницы я не поеду. Оттуда тоже возвращаются с повинной. Знаю я, как они там жили. А мне нужен честный отец моего сына! И к сыну не подходи, иначе я сама пойду в милицию! Сын знает, что его отец погиб на фронте, а если ты решил остаться дураком, так сыну о таком отце и знать не надо!

Они просидели и проговорили всю ночь. Жена плакала, бранилась, гнала его прочь, опять плакала, а перед рассветом, в шесть часов утра открыла дверь и сказала:

— Уходи! И не возвращайся! Единственное, что обещаю, доносить не пойду. Но если увижу тебя еще раз в нашем городе или где-нибудь еще в Латвии, немедля скажу, что ты скрываешься!

— И подумать только, чем ее купили большевики! Назначили учительницей! — Лаува выругался.

Приеде подумал-подумал, сказал:

— А может быть, мечтой о мире? Знаете, как они говорят: «Мы спасем мир от войны!»

— Ничего, мы еще покажем им войну!

— Да, но женщине, оберегающей сына, она не нужна!

— Мальчик еще будет солдатом! — бушевал Лаува.

— На чьей стороне? — спросил Приеде.

Лаува замолчал.

После встречи с «изменницей» Лаува стал очень нервным.

Приеде замечал, что его гости все чаще ссорились между собою.

Но на самого Приеде они глядели с надеждой.

Их одиночные прогулки не приносили радости. Завербовать кого-нибудь им что-то не удавалось. Новые образцы танков и самолетов, которые следовало бы зарисовать и отправить по руслу тайнописи, им не попадались. Напасть на тайные аэродромы не случалось. То ли аэродромов не было, то ли они находились в таких местах, куда опасно было забираться.

Радиосеансы тоже становились опасными. Это они почувствовали на собственной шкуре во время организации очередного сеанса в марте.

Англичане ждали их выхода в эфир пятнадцатого марта в семь часов вечера. Во время предыдущего сеанса разведцентр передал Вилксу целую программу из десятка пунктов, которой шпионы

должны были руководствоваться в своей работе. Первым пунктом стояло: связь с «лесными братьями». Затем шел перечень срочных заданий. Среди них были запросы о товарообороте Рижского порта; аэродромах вокруг Риги; продукции рижских предприятий; воинских частях в окрестностях города; замеченных радарных установках и еще в том же роде.

Кое-какую информацию дал Приеде. Лаува, во время поездки в Плявинас, не забывал о своих шпионских обязанностях и добавил свои наблюдения к очередному рапорту Вилкса. Эгле отметил в своей записной книжке все случаи встречи с советскими офицерами и солдатами и постарался определить, какие части и военные училища находятся в Риге.

Так как радиограмма получилась довольно длинной, передать ее решили опять из Майори.

На этот раз поехали налегке, с пятичасовой электричкой, чтобы вернуться сразу после передачи. Близился весенний сезон, в вагоне было полно будущих дачников, ехавших снимать комнаты, только об этом в вагоне и разговаривали. За таких же съемщиков можно было принять и Вилкса с Приеде, и Эгле с Лаувой.

На даче обязанности разделили по-прежнему: Лаува и Эгле — на страже, Приеде и Вилкс готовятся к выходу в эфир.

Вилкс послал условный сигнал. Радист разведцентра, сидевший где-то на территории ФРГ, ответил, что готов к приему. Вилкс начал передачу.

Он едва успел передать первый десяток слов, как с улицы в окно громко застучали чуть ли не кулаком. Приеде выглянул.

Эгле, с перекошенным ртом, прохрипел только одно слово:

— Пеленгаторы!

Приеде уже и сам увидел крытую военную машину, медленно проходившую по узкой улочке от шоссе к морю, как раз мимо дачи. Он успел только крикнуть Эгле, чтобы он уходил вместе с Лаувой, а сам бросился сворачивать рацию.

У Вилкса заметно дрожали руки, но рацию он убирал умело. Приеде свернул антенну, поглядывая в окно. Вслед за машиной прошли несколько солдат с собакой.

Приеде посоветовал спрятать рацию в чулан, но Вилкс побоялся оставлять ее. Найдут, разузнают у владельца, кто бывал на даче, и

тогда им несдобровать. Завернув кожаный портфель с передатчиком в какое-то тряпье, он сунул все в подобранную на кухне кошелку и вышел первым.

По-видимому, пеленгаторы не успели точно засечь передатчик, а может быть, ожидали продолжения передачи, — кроме группы солдат с собакой, никого не было. Лаува и Эгле уже исчезли. Вилкс деловитым шагом уходил в сторону станции.

К девяти часам вечера все были дома. Но пережитое волнение никак не проходило.

Было ясно, что во время предыдущих сеансов передатчик обнаружили чекисты. Теперь следовало на время прекратить выходы в эфир. Вилкс успел отстукать разведцентру условный сигнал об опасности, теперь там наберутся терпения.

Но со временем ощущение опасности стирается, и, пропустив два обусловленных сеанса, на третий они снова вышли в эфир, на этот раз из квартиры той же сердобольной старушки, что предоставляла ее и раньше для «вечеринок» Приеде и его друзьям.

Отбив условную фразу в конце радиограммы: «Недавно женился», Вилкс испытал такое чувство, будто только что одержал бог весть какую победу. Отправив Приеде домой, он подмигнул коллегам и предложил отпраздновать очередной успех.

Коллеги согласились с радостью. Докучное «шефство» Приеде им давно уже надоело. То ли дело развлечься по-своему!

Сначала зашли домой, оставили опасный портфель с передатчиком, немного приоделись, потом поехали в центр.

Было десять часов вечера, город был еще полон гуляющих, начиналась весна — самое лучшее время года. Они вышли из троллейбуса на улице Ленина и остановились, размышляя, в какой ресторан направиться.

В памяти все еще крутились старые названия и у каждого было если и не излюбленное место, — Эгле был слишком молод в те времена, — то хоть сведения о чужих излюбленных местах.

Вилкс предложил пойти в «Фокстротдиле». В те времена, когда он был летчиком, там можно было отлично провести время. Были там и «девушки для танцев», и «девушки для ужина», и «девушки на ночь». Но Лаува, как видно, тогда был не богат, он лучше всего запомнил «Стабурагс» на улице Марияс, возле которого вечно толпились

полуголодные «веселые» женщины. Женщины эти были не очень разборчивы и брали с клиентов и латами и марками. Эгле был наслышан больше всего о ресторане «Рига», что располагался на улице Дзирнаву...

На улице Калею когда-то дислоцировался полк рижских проституток. Посоветовавшись, решили пройтись по этой улице.

Лаува, выпятив животик, независимо подлетел к одиноко идущей женщине.

— Разрешите вас проводить, мадам? — бойко заговорил он.

— Пожалуйста. До первого милиционера! — спокойно ответила женщина.

Лауву словно ветром перенесло на противоположную сторону улицы. Эгле поспешил за ним..

— Что она сказала?

— Догони и спроси у нее!

Эгле не стал спрашивать. Вид Лаувы ему не понравился.

Вилкс, оставшийся на противоположной стороне, делал им знаки вернуться. Возле уличного фонаря задержались три молодые женщины, о чем-то оживленно разговаривая.

Лаува и Эгле присоединились к своему жожаку.

— Вот, кажется, подходящий товар! — уверенно сказал Вилкс.

— Начинай ты! — пробормотал Лаува.

Вилкс спокойно подошел к женщинам.

— Позвольте пригласить вас в «Фокстротдиле» потанцевать! — сказал он.

Женщины отпрянули, удивленно вглядываясь в него. Одна из них насмешливо ответила:

— Между прочим, этот ресторан называется теперь «Видземе»! — она отчетливо подчеркнула это «теперь». — Да, что же мы стоим? — спохватилась она. — До свиданья, Фрида! — и чмокнула свою соседку. Они словно больше и не видели Вилкса. Та, которую называли Фридой, попрощалась и ушла в открытое парадное. Две другие медленно направились к улице Ленина.

Вилкс попытался было произнести еще что-то, но язык присох к гортани. От улицы Ленина навстречу женщинам шли двое молодых парней. Вилкс торопливо повернулся, кивнул Лауве и Эгле и пошел

быстрыми шагами. Оглянувшись, он заметил, как женщины что-то сказали парням, и те тоже прибавили шагу.

Ждать, когда их догонят и остановят, коллеги не стали. Увидев трамвай, молниеносно оказались в вагоне.

Вылезли из трамвая возле вокзала. Но желания «повеселиться» уже не было. Зашли в магазин, взяли водки и отправились другим трамваем домой. Об уличном приключении почему-то не говорили.

Была у Вилкса еще одна встреча...

Однажды Вилкс вернулся после вечерней прогулки очень оживленный. Ему повезло: встретил старого приятеля, тоже летчика, воевавшего вместе с ним на «фокке-вульфах». Летчик этот, — звали его Кампе, — попал в плен в курляндском мешке, долго сидел в лагерях, а теперь работает механиком в порту.

Вернулся Вилкс под хмельком — приятель угостил его ради встречи на славу.

— Вы понимаете, братцы, какой это клад! — восклицал он. — Ведь этот Кампе может открыть «почтовый ящик» прямо в порту! Стоит нам указать такой ящик, и англичане на любом идущем в Ригу судне отправят подкрепление, и в первую очередь деньги.

— Ну да, так он и станет рисковать головой ради тебя! — возразил было Лаува.

Эгле молчал, завидовал счастливчику Вилксу.

— Э, старина! — захмелевшему Вилксу все казалось простым. — Он столько пережил в лагере, что чекисты у него в печенках застряли!.. Да я его уже прощупывал, — похвалился Вилкс. — Нет, это свой парень!

— А о новой встрече ты с ним условился? — заинтересовался наконец недоверчивый Лаува.

— Я же у него дома был! И служебный телефон он мне дал!

— А что ты сказал о себе?

— Повторил его историю, только место заключения назвал другое. Он говорил о Сибири, я об Архангельске.

— Да ты же не знаешь, что такое эти лагеря!

— Подумаешь! В таких случаях проще всего повторять слова собеседника. Да и, судя по его рассказу, лагеря для перемещенных, в которых мы пробыли годы, ничуть не лучше. Но теперь, после первого

знакомства, я уже могу помалкивать о себе. Тут надо только уметь слушать. Нет, парни, это божий дар, этот Кампе!

В конце концов коллеги согласились с Вилксом, что Кампе может оказаться «божьим даром». Им так не хотелось смотреть на мир из-под руки Приеде, что каждый собственный шаг казался подвигом...

С благословения коллег Вилкс принялся за обработку Кампе. О каждой встрече с ним он рассказывал со всеми подробностями, затем все вместе анализировали каждое слово Кампе и постепенно приходили к убеждению, что бывший летчик действительно «свой парень». Рыжий долговязый механик из рижского порта, специалист по порталным кранам, понравился и коллегам Вилкса — Вилкс показал им Кампе в ресторане «Луна», назначив там встречу с механиком в один из вечеров. Конечно, с Кампе он их не знакомил, важно было просто приглядеться со стороны к новому человеку.

Но от прямой вербовки Вилкс пока воздерживался. Он, что называется, «прощупывал» бывшего сослуживца. Да, Кампе был недоволен безденежьем, сердился на местные власти, отобравшие у его родителей половину квартиры, пока сам он сидел в лагерях, злился на таможенников, которые мешали ему заниматься контрабандой: как механик порта, Кампе имел возможность раздобывать у иностранных моряков кое-какие вещи, но сбыт этих вещей был опасен...

Но вот настал день, когда Вилкс решил, что тянуть больше нечего. Кампе вполне открылся, теперь можно поговорить и о деле.

Лаува невесело пошутил:

— Надень под пиджак свитер потолще, неровен час, этот Кампе ударит тебя стулом...

— Чтоб у тебя язык отвалился! — огрызнулся Вилкс.

Он сунул в карман несколько сотенных бумажек, чтобы «запить» вербовку в каком-нибудь ресторане. Коллеги, проводив его, тоже купили водки; за рюмкой время проходит быстрее, а терпения у них было маловато.

Вилкс вернулся поздно ночью, когда оба его сожителя уже спали. Проснувшийся Лаува включил свет, чтобы расспросить Вилкса о подробностях, и ахнул. Под левым глазом Вилкса разливался огромный мутный синяк, длинный тонкий нос словно бы перекосялся, губы были разбиты.

— Что с тобой? — изумленно воскликнул Лаува.

Эгле раскрыл глаза, но тут же закрыл их снова, будто и не просыпался.

— Подлец он! — с трудом шевеля разбитыми губами, пробормотал Вилкс и, не раздеваясь, рухнул на постель. Потом так же невнятно добавил: — Ну, я ему тоже раскрасил физиономию. Жаль, стрелять было нельзя, — соседи собрались в коридоре...

Он никуда не выходил больше недели, ждал, когда пройдут синяки. На изумленный вопрос Приеде, — что с ним случилось? — ответил, что поскользнулся во дворе и упал. А коллегам о «вербовке» механика сказал только одно:

— Все они тут осоветились!

Но желание вербовать помощников у него пропало. Очень уж запомнилось, как после первого неосторожного слова Кампе вдруг поднялся над столом, спросил: «Да ты что, в шпионы меня заманиваешь?» — и тут сухой его кулак пришелся под глаз, как гиря. Хорошо еще, что Вилксу удалось сбить его с ног, а то неизвестно, чем бы все это кончилось.

После этого случая все трое старались не выходить из дома без Приеде. Только он, казалось, и приносил им счастье и покой.

Но англичане не унимались, они требовали действий. Все чаще они спрашивали: когда же Вилкс перейдет в лес?

Судя по всему, англичане торопились наладить свою «столбовую дорогу» в Советский Союз. Это задание оставалось главным для Вилкса и его людей.

Впрочем, это совпадало с желаниями самого Вилкса. Он еще боялся признаться в этом и самому себе, но город стал действовать ему на нервы.

Надо было нажимать на Яниса Приеде. Без него найти «лесных братьев» будет трудно. Да и захотят ли эти «братья» принять к себе неизвестных людей?

В половине апреля Вилкс потребовал без обиняков, чтобы Приеде сделал все возможное и даже невозможное, чтобы найти пути к «братьям».

— Неужели ты не понимаешь, — говорил он, — что этот вопрос интересует не только англичан! Тут объединились интересы и американцев и штаба НАТО. Все потенциальные противники Советского Союза хотят узнать как можно больше об этой стране. И

уж если мы попали сюда, так нам и быть геодезистами, прокладывающими дорогу для других...

Янис хмурился, объяснял, что ему не удастся найти нужных людей.

Неожиданно у него объявился союзник — Лаува боялся леса.

Лаува был осторожен. Он не протестовал открыто против высказываний Вилкса, он только напоминал, что лесная жизнь опасна. В городе легче затеряться среди людей, в лесу — каждый костер может вызвать подозрения со стороны чекистов.

Вилкс отмахивался от его замечаний, порой сердился, упрекал Лауву в трусости. Он считал, что именно теперь, когда чекисты как будто успокоились, можно опереться на оставшиеся в Курляндии кучки «братьев». Он не хотел верить, что все «братья» вышли из леса.

...А в конце апреля Приеде сам подтвердил его правоту.

К Приеде приехал его старый приятель, вентспилсский шофер, который когда-то помогал вывезти из леса шпионское снаряжение.

По словам Приеде, разговор о «лесных братьях» возник в ресторане за бутылкой рижского «Кристалла». Приеде намекнул шоферу, что одному его другу грозит уголовное преследование, и ему хотелось бы сбежать на время в лес. Конечно, денег за помощь он не пожалеет. Шофер, подумав, пообещал разыскать в Вентспилсе одного сослуживца по немецкой армии, латыша по национальности, который года два назад как будто поддерживал кое-какие связи с «лесными братьями». Если ему удастся отыскать этого человека, он сообщит Приеде.

Приеде сказал, что он не очень уверен, приведет ли этот сложный и длинный путь «по цепочке» к успеху, и просил Вилкса не очень полагаться на случайный разговор в ресторане. Вилкс похвалил Приеде за осторожность, но сам не удержался, передал англичанам в очередной радиোগрамме, что подготовка к переходу в лес начата...

Тут уж англичане принялись предупреждать своего эмиссара. Они боялись, не попадет ли Вилкс в ловушку, если станет связываться с неизвестными и непроверенными людьми.

Вилкс попросил Приеде самого съездить в Вентспилс.

В субботу Приеде уехал, вернулся в понедельник прямо на работу, а вечером явился к Вилксу.

Шофер действительно свел Приеде с человеком, о котором говорил в ресторане.

Человек этот показался Приеде очень надежным, сильным, уверенным.

Но он потребовал и полного доверия со стороны Приеде.

Приеде был вынужден, не спросив согласия Вилкса, честно рассказать, что речь идет о троих нелегально пробравшихся на родину людях. Пришлось сказать и о рации. Без рации не было никакого смысла перебираться в лес. Новый знакомый Приеде, — зовут его Будрис, — внимательно выслушав рассказ, пообещал принять всю троицу в свою группу. Чувствовалось, что он в этой группе хозяин и что ему тоже важно было установить непосредственную связь с Западом, так что интересы Вилкса и Будриса совпадали.

Будрис пообещал в ближайшее время приехать в Ригу по своим делам. Здесь он встретится с Приеде и, если Вилкс захочет этого, то и с ним. До перехода в лес Будрис должен поставить некоторые условия Вилксу и сопровождающим его лицам, да и личное знакомство с Вилксом обязательно.

Приеде рассказал, что Будрис очень осторожен. Как и сам Вилкс, он опасается попасть на чекистскую удочку. Из этого можно было заключить, что он имеет какие-то связи с националистическим подпольем. Приятель Приеде — шофер говорил, что Будрис активно сражался на стороне немцев. Вероятно, ему есть чего опасаться, хотя сейчас он живет легально. Возможно, он переменял фамилию, как делали иногда те, кто опасался за свои прежние связи с немцами...

Обо всем этом Вилкс сообщил англичанам и получил от них благословение на встречу с Будрисом.

Теперь, когда реальная возможность перехода в лес приблизилась, Лаува стал особенно нервным.

Приеде даже как-то сказал Вилксу, что Лаува, по-видимому, хотел бы остаться в городе. Вилкс равнодушно ответил, что Лаува пойдет туда, куда ему прикажут.

Оказалось, что это далеко не так.

Перед Первым мая Приеде пригласил всех в театр.

Лаува сослался на головную боль и остался дома.

Когда вернулись из театра, чтобы вместе поужинать, Лаувы не было. На столе лежала записка:

«Решил выйти из подполья. Уехал к жене. Она обещала достать для меня паспорт. О вас ничего не скажу, клянусь богом, не беспокойтесь, но не вздумайте разыскивать меня. Это вас погубит. Не осудите за мой поступок, но дальше жить так не могу».

Из вещей, находившихся в квартире, Лаува ничего не взял, кроме бритвы и смены белья.

Вилкс в бешенстве чуть не разбил свою радиостанцию. Эгле все порывался броситься вслед за беглецом в Плявинас и там пристрелить мерзавца. Приеде резонно заметил, что этим Эгле только толкнет бывшего приятеля просить защиты у милиции.

Но самое главное, — этого требовали теперь и Вилкс и Эгле, — перейти поскорее в лес. Тогда измена Лаувы будет не так опасна.

Все зависело от Будриса...

Встреча с Будрисом состоялась двенадцатого мая.

Перед этим Приеде купил для Вилкса новый костюм, плащ и шляпу. Вилкс не хотел ударить лицом в грязь перед представителем «латышского подполья».

Вилкс долго расспрашивал Яниса, как выглядит Будрис, чем он занимается «в личной жизни», но Приеде отвечал сдержанно:

— Встретишь, увидишь...

Когда любопытство Вилкса начинало надоедать, Приеде сухо напоминал о конспирации, и Вилкс замолкал.

И вот Вилкс и Приеде шли на эту встречу.

Майский вечер был ясен, спокоен. Прошла поливальная машина, подняв серебряные крылья. Цветы, сбрызнутые водой, выглядели тоже как серебряные. Мужчины и женщины заполнили тротуары, влюбленные стояли в подъездах, сидели в скверах. Играли дети под внимательным взглядом мамаш и нянек.

На открытых площадках кафе и ресторанов слышалась танцевальная музыка, звон бокалов, посуды, вилок и ножей. Рига веселилась перед выходным днем.

Приеде и Вилкс вошли в парк Зиедоня, прошли в третью аллею и сели на свободную скамейку.

Вилкс никак не мог скрыть своего волнения. В конце концов, Приеде недовольно заметил:

— Надо быть сдержаннее! Ты не невеста, которая ждет прихода жениха и боится не понравиться ему! У нас деловое свидание!

В глубине аллеи показался высокий, стройный человек. Белый макинтош он нес на руке, шел неторопливо. Он остановился возле третьей скамьи, оглядел двух притихших отдыхающих, спросил:

— Не помешаю, простите?

Эта незначительная перестановка слов в обычной фразе была паролем.

Но Вилксу пароль уже не был нужен. Он с восторгом рассматривал этого человека и, кажется, готов был доверить ему свою жизнь без слов. Приеде ответил:

— Пожалуйста, что вы!

Будрис откинулся на спинку скамьи, перебросил плащ на колени и закурил. Искося посмотрев на Приеде, сказал:

— Теперь, Янис, вы можете нас оставить...

Янис поднялся, кивнул Будрису, предупредил Вилкса:

— Я подожду тебя у выхода, на одной из скамеек слева.

Вилкс и Будрис остались одни. Вилкса словно подтолкнули. Он пошевелил пересохшими губами, спросил:

— Надеюсь, все в порядке?

— Несомненно! — Будрис улыбнулся. — Я слушаю вас. Приеде уже сообщил мне, что вы прибыли с Запада и у вас есть радиосвязь. Чем могу служить вам?

— Нам хотелось бы попасть в один из лесных отрядов...

— Да, у меня есть некоторые связи с такой группой, — подтвердил Будрис. — Но меня интересует, действуете ли вы в этом случае по собственному почину или у вас есть специальное задание? Как вы понимаете, пребывание в такой группе не совсем безопасно. И туда нельзя ехать как в туристский кемпинг — на день или на неделю. Вы волей-неволей подчиняетесь руководству группы, связываете свою судьбу с судьбой всех членов группы, а отлучаться оттуда без особого разрешения невозможно.

— У нас именно такое задание! — горячо подтвердил Вилкс. — Мы должны остаться в группе и вести нашу работу там, на месте. Наша главная задача — связать такую группу с Западом и создать в лесу плацдарм для приема подкреплений, снаряжения, средств и тому подобного, что может быть направлено с Запада для облегчения жизни таких групп и для усиления их активности.

— А если эти ваши «подкрепления» поступят так же, как один из ваших спутников? Его звали, кажется, Лев, но он оказался трусливее зайца, не так ли?

Вилкс понимал, что о бегстве Лаувы ему придется рассказывать. Однако убийственная ирония Будриса относилась не только к беглецу, она задевала и Вилкса. Он сердито возразил:

— Всякое дело имеет и своих адептов и своих ренегатов...

— Но у нас ведь тоже нет гарантии, что бегство Лаувы прошло для вас бесследно. А вдруг за вами уже ходит «хвост»? Или вы в душе одобрили поступок вашего коллеги?

— Он не коллега, он изменник! — угрюмо возразил Вилкс.

— Расскажите о себе! — вдруг другим тоном попросил Будрис.

Он сидел, курил, оглядывая подернутые словно зеленым дымом молодые деревья и кустарник, и, казалось, не слушал. Однако едва Вилкс допускал какую-нибудь заминку, требовательно повторял:

— Дальше, дальше!

Никогда, ни в одной исповеди Вилкс не говорил о себе и о своих надеждах с такой горячностью. Что-то толкало его обязательно убедить этого человека в своей страстной приверженности тому делу, которое он хотел делать и за страх, и за деньги, и даже за совесть, так как он мыслил жизнь только в одной категории — в той, какой она была в этой стране много лет назад. Он хотел идти напролом, идти с завязанными глазами, не желая замечать ничего вокруг, — ни перемен, ни людей.

Будрис ничем не выказывал своего отношения к этой исповеди. Выслушав ее до конца, он равнодушно сказал:

— Речь, самая страстная, не заменяет верительных грамот. А у вас их нет. Между тем я должен доверить вам жизни моих друзей...

— Но моя радиостанция...

— Э, чекисты тоже умеют работать на передатчиках. И порой они засылали в наши группы довольно знающих людей. Ведь малейшее подозрение со стороны наших лесных друзей может стоить вам жизни! Значит, я обязан поручиться за вас, чтобы не возникло никакого недоразумения...

— Если позволите, я могу предложить один способ проверки. Вы назовете мне одну-две песни в известной последовательности, я сообщу об этом в Англию, и в условный час англичане передадут их в своей радиопрограмме на Латвию... Вы услышите их при помощи любого приемника. Согласны?

— Да, это можно считать верительной грамотой! — Будрис насвистел несколько тактов из народной песни. — Пусть будет так: вот вам две песни, «Айя-жужу» и «Зеленая щучка». Жду их в воскресной передаче...

— Но ведь пройдет целая неделя! — разочарованно сказал Вилкс.

— Не беспокойтесь! В это время, если мы договоримся, вы будете уже гостями леса! Если условная передача состоится, значит, все в

порядке, если — нет, ну что ж, мы дадим вам еще время для новой проверки...

— Состоится! — воскликнул обрадованный Вилкс.

— Но вы должны знать следующее: все распоряжения командира выполнять беспрекословно; из расположения лагеря одним не выходить; все письма для англичан вы обязаны передавать через командира мне, отправку организую я; рекомендую также знакомить командира с текстом радиogramм в ваш центр, это необходимо для поддержания уверенности наших людей в полной безопасности группы.

— Согласен! — торжественно ответил Вилкс.

— Очень может быть, что вы услышите упреки за политику Запада...

— Я сам принадлежу к тем, кто ненавидит Запад за его проволочки и лицемерие! — горячо заговорил Вилкс. — Подумайте, они до сих пор все стараются делать нашими руками!

— Как патриот Латвии, я согласен с вами, — Будрис вздохнул. — Вы не представляете, сколько мы понесли напрасных жертв! — тут он помолчал, пожал плечами. — Но представьте себя хоть на минуту политиком! Вы невольно поймете, что для Запада все еще не время вмешиваться в дела Советов. Об этом тоже приходится думать! Теперь мы вынуждены несколько изменить тактику и стараться сохранить наши кадры.

— Я вполне согласен с вами! — несколько робея, но, стараясь показаться решительным, поддержал Вилкс.

— И еще одно, — внушительно сказал Будрис. — Вы обязаны соблюдать тактические приемы отряда: сохранение наших кадров на будущее. Если у вас есть свое мнение относительно нашей тактики, то все равно, находясь в отряде, вы не должны распространять его, особенно в беседах с нашими людьми. Они и так перенесли немало потерь, не следует раздражать их намеками на то, что они плохо действуют. О том, как они действуют, мы знаем. И не надо обижаться, если они не будут откровенны на этот счет. Вы придете и уйдете, а им оставаться!

— Ну что вы, я сам счастлив, что попадаю в дисциплинированный отряд! Попасть к головорезам — несчастье! Я понимаю, что после каждой акции начинаются аресты, поиски, разгромы. А кто же

останется на будущее? Нет, тут мы целиком согласны с вашей политикой!

Парк постепенно пустел. Скамьи освобождались. Вилкс чувствовал себя несколько стесненно: он занял У Будриса почти два часа.

— Что ж, готовьтесь к отъезду, — сказал Будрис. — Вас увезут с комфортом, на машине.

Вилкс торопливо спросил:

— А не безопаснее ли добраться до отряда пешком? Ведь автомашину могут остановить для проверки документов...

— Машина пойдет с путевкой, вас укроют вместе с грузом, поэтому документы проверять не станут.

— Признаться, этого мы опасались больше всего, документы-то у нас не очень серьезные, так, справки...

— Ехать придется не очень далеко! — успокоил его Будрис.

Оставался последний вопрос — о связи с Будрисом. Вилкс боялся задать его, но Будрис посоветовал сам:

— Если понадобится встретиться со мной, обратитесь к командиру отряда. Он передаст ваше пожелание. Завтра мы с Приеде увидимся и уточним все, что касается отъезда. — И деловито заметил:

— Если мне потребуется встретиться в лесу с вами, я организую это через командира группы. А теперь — прощайте!

Вилкс признательно пожал его руку. Он еще посидел на скамейке, наблюдая, как высокий, спокойный человек проходил по пустеющей аллее, надев плащ, который раньше держал на руке. И в этом Вилкс увидел умные действия подпольщика, конспиратора. После того как он скрылся в главной аллее среди гуляющих, Вилкс затянулся сигаретой в последний раз, швырнул ее в урну рядом со скамейкой и медленно пошел к воротам парка, где ждал Приеде.

— Ну, дорогой Янис, — воскликнул он, поравнявшись с Приеде, — вот это человек! Я узнаю людей с первого взгляда, но никогда не встречал никого, кто бы так очаровал меня за один миг! Еще в тот момент, когда он показался на аллее, я подумал: вот это и есть тот человек, которого я жду! У меня просто тяжесть с сердца свалилась. Ведь я все время думал о том, а каковы будут те «лесные братья», с которыми меня сведет судьба? Теперь-то я не сомневаюсь,

они будут похожи на своего руководителя! Давайте-ка зайдем в ресторан, поужинаем и выпьем по рюмочке в честь такой удачи!

Приеде также был доволен тем, что все прошло отлично, но от похода в ресторан отказался. («Он всегда был сухарем!» — неодобрительно заметил Вилкс.) Впрочем, и Приеде был согласен, что встречу следует вспрыснуть, только сделать это надо дома.

— Там же нас ждет Эгле! — напомнил он.

— Да, верно-верно, — спохватился Вилкс. — Пошли, надо порадовать и его!

Зашли в магазин.

Эгле ждал не только с нетерпением, но уже и со страхом за них. Но как только Вилкс начал рассказывать о встрече, все страхи миновали, и Эгле был заражен тем восхищением, которое все еще переживал Вилкс. Пили, громко хохотали над чекистами, под носом у которых работают такие славные парни, как Будрис, да и они сами, тоже славные парни: Вилкс, Эгле и, конечно же, Приеде. Кончилось тем, что славные парни пригласили Приеде навестить их в лесу в Иванов день, на праздник Лиго, уж там они покажут свои способности, и выпьют, и попоют, и попляшут. Эгле до того разошелся, что попытался тут же отрепетировать танец, с трудом его уняли.

Долго издевались над беглецом Лаувой. Еще бы, им предстояла романтическая и в сущности безопасная жизнь в лесу, а этот подонок будет скитаться по улицам родного города, боясь, как бы какая собака не облаяла. В том, что Лаува не пошел с доносом, они теперь были вполне уверены. Хозяин утверждал, что ничего подозрительного возле их квартиры не замечал.

Эгле в конце концов уложили. Приеде стал прощаться, сказал, что придет после разговора с Будрисом и все расскажет; попросил приготовить вещи, разложить их так, чтобы у каждого все было под рукой.

Утром он пошел на встречу с Будрисом, оттуда — на квартиру «гостей».

— В этот день, — сказал он подшефным, — вы должны быть тише воды, ниже травы, таково требование Будриса. Было бы позорно вызвать подозрение перед самым решительным шагом... Машина, —

сказал он, — будет ждать на улице Стабу возле дома № 12 ровно в двадцать один ноль-ноль.

Даже этот военный, точный приказной язык восхитил Вилкса. Видно, ему до смерти надоело жить по своей воле, он соскучился по дисциплине, когда кто-то другой берет на себя ответственность за все поступки и даже за самую жизнь.

Озадачило их только то, что сопровождать их будет не Будрис и не Приеде, а посторонний человек. Янис объяснил: таков приказ. Янис придет, чтобы попрощаться с ними и проводить к машине, на этом его полномочия кончаются.

Вещи были упакованы, распределили, кому за что отвечать. Часть имущества решили оставить в квартире, оставили и фотоаппарат, — что снимать в лесу? Но Приеде понял — боялись, как бы партизаны не заподозрили в них агентов ЧК...

В восемь вечера Приеде пришел снова. Оказалось, что они до сих пор ничего не ели. Раньше они действовали смелее. Хорошо еще, что Приеде захватил кое-что с собой для прощального ужина.

За ужином у всех было какое-то лирическое настроение.

Долго благодарили Приеде за оказанную помощь. Были даже какие-то попытки погрузить в тишине, но Приеде постарался сбить эти минорные нотки. Ну что ж, каждый исполняет свой долг! Они еще встретятся!

Ровно в девять вечера они остановились перед автомашиной, нагруженной какими-то ящиками. Рядом с шофером сидел невысокий, плотно сбитый человек. Приеде подошел к нему, сказал:

— Вот ваши пассажиры!

Человек вылез из кабины. Коротконогий, мускулистый, он был на голову ниже Вилкса.

— Мазайс! — отчетливо назвал он себя, словно вколачивая в сознание попутчиков имя. — Простите, поездка будет без особых удобств, но зато вполне безопасная. Шофер везет товары в кооператив. Документы в полном порядке. Только за городом придется влезть под брезент, чтобы ГАИ не придиралось.

— Что такое ГАИ? — тревожно осведомился Эгле.

— Совсем не КГБ! — засмеялся Мазайс. — Государственная автоинспекция. Следит за безопасностью движения по дорогам. На грузовых автомашинах пассажиров перевозить не разрешается.

Вилкс и Эгле переглянулись, встревоженные их улыбки были довольно бледными. Но и этот коротконогий, хриплоголосый провожатый им нравился.

Торопливо пожали руку Янису и влезли в машину. Мазайс помог им устроить вещи меж ящиков, что-то передвинул, что-то переставил, и к их услугам оказались почти спальные места.

— Полный комфорт! — пошутил он.

Машина тронулась. Ветер странствий снова дул в лицо нетерпеливому Вилксу и его коллеге...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вилкс отыскал в брезенте маленькую дырку и, прильнув к ней глазом, пытался хоть немного ориентироваться, но огни города скоро остались позади. Влажная весенняя ночь, наполненная шумом деревьев и шорохом гравия под колесами машины, нависла над путниками.

Он слышал рядом с собой тревожное дыхание спутников, мог бы даже отличить их одного от другого. Вот шумно дышит Эгле. Проводник как будто заснул.

Однообразное движение постепенно успокаивало. Внезапно подумалось: если проводник может так спокойно отдыхать, значит опасности нет. И сразу захотелось спать.

Проснулся он от прикосновения чьей-то руки.

Брезент был поднят. Мазайс шепотом сказал:

— Скоро приедем!

Низкие, словно разбухшие от сырости, звезды раскачивались над самыми вершинами деревьев. В кабину падали капли с ветвей. Машина шла по узкой лесной дороге.

Настроение Вилкса оттого, что он поспал, было отличное. Он спросил:

— Где мы?

Эгле ткнул его в бок. Вилкс торопливо поправился:

— Простите, если нельзя говорить, то я...

— Отчего же? — простуженным голосом, довольно равнодушно сказал Мазайс. — Миновали город Слоку. — Он откашлялся, сердито сказал: — Вот черт, от этой лесной сырости наживешь хронический бронхит. У вас нет с собой кодеина?

— Нет, — растерянно ответил Вилкс. Торжественность минуты как-то не вязалась с разговором о каплях и порошках.

— Жаль, — протянул Мазайс. — Неужели ваши хозяева, надавав столько вещей, не догадались сунуть простейшего средства от кашля? А ведь любому вояке известно, что кашляющий или чихающий солдат опаснее минометного обстрела. Так нет, говорите? Жаль, жаль!

Машина резко остановилась. Шофер высунулся из кабины, сказал:

— Давайте побыстрее, приятели!

Мазайс спрыгнул на землю, тихо скомандовал:

— Подавай вещи!

Вилкс и Эгле принялись подавать ящики, чемоданы, какие-то тюки. Шофер помогал оттаскивать их в лес.

Через три минуты машина была пуста. Шофер скатал брезент, швырнул вдоль борта, пожал руку Мазайсу. На остальных даже не посмотрел.

Немного постояли, наблюдая, как разворачивалась на узкой лесной дороге машина, как еще посветили красные фонарики и скрылись за поворотом.

Мазайс тихо сказал:

— Подождите здесь!

Он шагнул в глубь леса и словно растаял. Вилкс завистливо подумал: «В лесу он как дома!»

И тотчас же послышался мелодичный свист. Несмотря на свой бронхит, Мазайс насвистывал отлично, Вилкс узнал мелодию «Зеленой щучки» — старой латышской песни.

Где-то в стороне послышался ответный свист.

Вилкс предупредил по-английски:

— Ну, Эгле, держись!

Оба внимательно вглядывались в темноту.

Из-под ветвей вынырнули трое. Впереди шел Мазайс, за ним следовал высокий, белокурый, с непокрытой головой человек в кожаной куртке, перепоюсанной широким офицерским ремнем с пистолетом в кобуре, и невысокий, очень молодой парень. Если первый казался великаном-богатырем, то второй выглядел просто мальчишкой.

Мазайс тихо сказал высокому:

— Вот наши гости!

Вилкс понял, что высокий богатырь и есть командир.

Командир вгляделся в бледные лица, подсвечивая фонариком, назвался:

— Лидумс.

Вилкс и Эгле назвали себя. Лидумс, показав на спутника, сказал:

— Делиньш...

Это странное имя Сынок в применении к вооруженному молодцу как-то нечаянно развеселило приезжих. Улыбнулся и сам Делиньш. Только командир оставался серьезным. Оглядев сваленные в кучу мешки, чемоданы и пакеты, сказал:

— Личные вещи понесете сами. Остальное возьмут мои люди.

Вилкс посмотрел с сомнением на гору груза и на трех человек, стоявших перед ним.

— Мы поможем, командир...

— У меня людей хватит! Впрочем, если хотите...

Он тихонько свистнул, и прямо перед Вилксом из прошлогодней листвы, что ли, или просто из земли вырос человек с автоматом, направленным в его грудь. В трех шагах от этого призрака появился второй, автомат которого был направлен на Эгле. Эгле торопливо попятился за спину командира, да и Вилкс с трудом сдерживал дрожь.

— Прощу извинить, друзья, за дополнительную охрану, но наша жизнь часто зависит от простой предосторожности! — вежливо сказал Лидумс. Потом приказал двоим, выросшим из земли: — Помогите нести вещи. — И, опять, обращаясь к Вилксу, которого как будто признал главным из гостей, сказал: — Знакомьтесь, это Граф и Юрка.

Вещи разобрали. Один из «братьев» вызвался помочь Вилксу и взял у него рюкзак. Портфель с рацией Вилкс понес сам.

По лесу шли долго. Где-то гулко ухала сова. Разбуженные ею птицы вдруг встревоженно начинали чирикать, но тут же умолкали, словно придавленные темнотой. Хрустели сучья под сапогами, порой начинала хлюпать вода. Вилкс похвалил себя за то, что догадался переобуться в резиновые сапоги, — «лесные братья» забрались в такие дебри, где и болота, и мелкие речки, и чащоба служили им добрую службу охраны.

Но вот словно из-под ног послышался оклик. Лидумс произнес отзыв, и лес как будто раскрылся, как бывает на театральной сцене при повороте декораций. В самой гущине елей возникла открытая дверь, слабо освещенная изнутри светом керосиновой лампы, над дверью — беспорядочное нагромождение маскировочного лапника, а внизу, в теплой и чисто убранной землянке, — двое настороженных внимательных людей.

Лидумс пропустил гостей, вошел следом, за ним ввалились Мазайс, Делиньш и двое с автоматами, освобождаясь от груза. Вилкс с любопытством наблюдал, как быстро и без шума помогали им убрать груз остальные «братья». По-видимому, дисциплина в отряде была крепкая.

Командир выждал, когда все освободились, представил гостей.

Отряд был небольшой, должно быть, не больше семи человек. Кроме тех, что встречали приехавших, был еще человек с кличкой Бородач и толстый повар, которого все так и называли: Кох^[6].

К приходу гостей в отряде подготовились заранее. Вилкс увидел самодельный стол из сосновых плах, на котором стояли солдатские котелки, банки консервов, лежало на доске нарубленное кусками мясо, растопырила плавники сваренная целиком крупная рыба, поблескивали две бутылки водки.

Лидумс пригласил всех к столу.

Вилкс развязал свой рюкзак, выставил прихваченную из Риги бутылку водки и положил несколько пачек сигарет. «Братья» заулыбались, вскрыли сигареты, задымили. У них, как заметил Вилкс, главным куревом была махорка и дешевые папиросы, видно, из местных сельских лавок.

О делах не разговаривали. Вилкс помнил предупреждение Будриса, а Лидумс, наверно, тоже предупредил своих людей, что с новичками надо держаться осторожно.

Спать улеглись на нары. Вилкс заметил, что «братья» разъединили гостей. Между Эгле и ним лежали двое с автоматами под боком.

На охрану лагеря Лидумс отправил двух человек.

Да, здесь все напоминало об опасности.

Однако усталость сделала свое: спали, как убитые.

Утром Вилкс долго лежал с открытыми глазами, размышляя о будущем. В бункере было тепло от небольшой глинобитной печи. Все еще спали.

Внезапно он услышал какой-то тихий звук, похожий на шарканье ножа по оселку. Повернувшись в сторону звука, он вдруг застыл от ужаса. Возле теплого бока печи по деревянной наре ползла, издавая тонкий неприятный звук темно-серая змея. Видно, ее рассердил храп Мазайса, спящего рядом, и она разглядывала человека, прежде чем броситься на него. Вилкс лежал в трех шагах от змеи, он видел ее

извивающееся тело, видел, как она приближается к спящему, но не мог шевельнуть и пальцем.

Мазайс лежал с открытым ртом, на спине, и все похрапывал, а змея медлила, словно искала место для смертельного укуса. Вилкс попытался откатиться от нее и с трудом передвинул отяжелевшее тело, толкнув спящего рядом Делиньша. Делиньш что-то пробормотал, но, видно, условный рефлекс «лесного человека» сделал свое, он проснулся и сел. Дальнейшее произошло так быстро, что Вилкс ничего не успел сообразить. Делиньш сунул руку под изголовье, затем хлопнул выстрел, и обезглавленное тело змеи медленно сползло с нар на земляной пол.

Все вскочили, хватая оружие, Граф мгновенно выпрыгнул за дверь и упал, готовый стрелять во все стороны. А Мазайс, дрожа от отвращения, уже поднимал змею за хвост.

— А здорово ты ее... — пробормотал он, глядя на Делиньша, все еще сидевшего на нарах с пистолетом в руках. — Смотри-ка, начисто голову срезал!

Он вышвырнул змею за дверь, позвал Графа:

— Эй, парень, представление окончено!

Лидумс, ставя обратно на предохранитель свой автомат, пошутил:

— Ты бы хоть предупреждал, что стреляешь по змее. А то мне показалось, что наши гости привели за собой «синих»... — И пояснил: — Так у нас называют войсковые части чекистов... За цвет их петлиц.

Вилкс все не мог унять внутреннюю дрожь отвращения. Эгле медленно сполз с нар, выглянул за дверь, как будто хотел удостовериться, что это не нашествие змей, а всего лишь змеиная разведка.

— И много их здесь? — с трудом разжимая губы, спросил Вилкс.

— Хватает! — беспечно ответил Делиньш. — Кто ложился последним? Почему дверь неплотно закрыли?

Никто не ответил. Но Вилкс поклялся себе, что нарочно станет ложиться последним и закрывать двери. Больше о змее не вспоминали.

День выдался солнечный, яркий. Гостям, привыкшим к почти тюремному режиму рижской квартиры, это весеннее солнце, пряные запахи трав и цветов, этот бьющий сквозь ветки деревьев, словно бы колючий, свет казались чудом. Мазайс, как добрый знакомый, повел

гостей по неприметной тропинке к речке, на которой когда-то была бобровая запруда, а теперь остался маленький омуток. Там они умылись.

На завтрак опять были и мясо, и свежая рыба. Вилкс обратил внимание на то, что рыба была морская, должно быть, у «лесных братьев» была какая-то связь с рыбаками...

После завтрака Лидумс распределил занятия между членами своей группы: двоих назначил на караул, Мазайса направил в лес за дровами для кухни. Гостям он никаких заданий не дал. Отдав необходимые распоряжения, Лидумс обратился к Вилксу, по-прежнему выделяя его как главного:

— Первые несколько дней вам придется осваиваться с нашей жизнью, чтобы не совершить какой-нибудь оплошности по незнанию или... — он не договорил, но Вилкс понял, что им пока не очень доверяют. Помолчав, Лидумс вдруг спросил: — У вас оружие есть?

— Да, — ответил Вилкс.

— Сдайте его Делиньшу.

Эгле дернулся было всем своим сухим телом, словно намеревался немедленно открыть стрельбу, но Вилкс незаметно наступил ему на ногу. Сам он подчеркнуто спокойно расстегнул пиджак и вынул подвязанный под мышкой пистолет бесшумного боя с надульным глушителем, положил на стол. Эгле помялся еще немного, но тоже полез в прорезанный насквозь карман брюк, — свое оружие он держал привязанным к ноге. Выложив длинноствольный автомат на стол, Эгле насмешливо спросил:

— Ножи тоже сдать?

— Пока — да, — спокойно ответил Лидумс.

Эгле хмуро вытащил из внутреннего кармана куртки нож, нажал пружину в рукоятке, и нож со звоном раскрылся. Воткнув его в столешницу так, что рукоять закачалась, Эгле отошел от стола и уселся на нарах, опустив голову, Вилкс положил свой нож на стол, не раскрывая.

Делиньш, по знаку Лидумса, сгреб со стола оружие и вышел из бункера. Лидумс положил на стол обветренные, красные от ветра и загара кулаки, тихо сказал:

— Наша и ваша жизнь зависит от тех мер предосторожности, которые мы сумеем предпринять. Я видел слишком много смертей,

причиной которых были бахвальство, излишняя смелость, невоздержанность, глупость. Поскольку Будрис поручил мне принять вас, я сделаю все, чтобы вы уцелели. Но вам придется жить отныне по нашим законам.

Он встал, показывая, что разговор окончен, но Вилкс все не мог оторвать взгляда от этих мощных рук. Нет, не хотел бы он иметь этого человека в числе врагов! Он же может, наверно, убить человека ударом кулака!

Лидумс взял с полки, прибитой над изголовьем его лежака, толстый блокнот и ушел. «Братья», безмолвно наблюдавшие сцену разоружения, тоже отправились по своим делам. Остались только гости да Юрка с Графом.

Юрка, растянув на коленях брезентовую непромокаемую куртку, аккуратными стежками пришивал заплату на прожженную полу. Граф читал какую-то книгу, лежа на нарах лицом вниз. На гостей они, казалось, не обращали внимания.

Эгле подсел к Вилксу, шепнул:

— В городе и то было лучше. А тут как в тюрьме! Поговори с командиром, что нам пора начинать работу. Мы же должны сообщить в разведцентр, что перешли в лес. Может быть, тогда он перестанет считать нас гостями и даст какое-то дело.

— С пистолетом? — иронически спросил Вилкс. — Смотри, как бы тебя не пристрелили из твоей же «пушки». Ты же видишь, нас проверяют. А ты разве поступил бы иначе?

Эгле снова увял и медленно поплелся вон из бункера. Вилкс увидел, как Юрка отложил свою работу и последовал за Эгле.

Вилкс тоже вышел из бункера, словно хотел посмотреть, куда делся Эгле, и не преминул заметить, что следом за ним сейчас же встал Граф. Да, их пока что охраняли весьма тщательно.

Впрочем, человек, назвавшийся Графом, ему даже понравился. Узкое породистое лицо с серыми острыми глазами, очень смелыми, цепкими, если можно так говорить о взгляде, гибкое, но сильное, как будто стальная пружина, тело, ровный голос, спокойная улыбка, действительно — Граф!

Вилкс остановился между бункером и кухней, подождал Графа и спросил:

— А где командир?

— Вероятно, на старой вырубке. Он не любит, когда ему мешают. Но вы — другое дело. Пойдемте, я покажу его любимое местечко.

Вилкс внимательно огляделся.

Лагерь был устроен на бугорке, в углу лесного квадрата. С того пункта, на котором находился Вилкс, хорошо просматривались таксаторские просеки, определявшие номер и размеры квадрата. Одна просека уходила прямо на юг и терялась в мареве дальнего болота. Вторая, пересекавшая эту под углом в девяносто градусов, просматривалась далеко на запад и на восток. Часовой, стоявший на скрещении этих просек, отлично видел все живое, что могло появиться в лесу на просеке...

Эгле, заметивший Вилкса, подошел к нему в сопровождении Юрки. Из-за бункера показался широколицый, низкорослый Мазайс.

Вдруг откуда-то донесся далекий лай собаки. И в тот же миг лающей собаке ответила другая, третья, как будто они окружали лагерь со всех сторон.

У Эгле посерело лицо, он схватился за дерево, чтобы не упасть, глядя на Вилкса вытаращенными глазами. Мазайс выпрямился, разинул рот и ответил таким же хриплым, харкающим лаем. Ответный лай слышался совсем близко.

— Что это? Облава? — просипел Эгле, мгновенно потеряв голос от страха.

Граф усмехнулся, сказал:

— Дикие козлы. Разве вы их никогда не слышали? — и обернулся к лающему Мазайсу: — Перестань! Не видишь, напугал гостей! — И объяснил: — Мазайс каждое утро с ними переругивается! Они уже привыкли задавать концерты. А может, злятся, что мы заняли их стоянку. Да вон они...

Через просеку, в какой-нибудь сотне шагов, грациозно пронеслись стайкой дикие козы во главе с владетелем гарема — бородатым круторогим козлом. У Эгле все еще были круглые от страха глаза.

У Вилкса тоже мурашки бегали по коже, хотя держался он непринужденно. Он еще раз внимательно оглядел лагерь.

Строители лагеря предусмотрели все. Они устроили искусственный «ветровал», обрубив у нескольких елей корни и вывернув их из земли вместе с комьями и «редькой». Только опытный лесник мог бы догадаться, что никакого «ветровала» тут не было,

деревья лежали крест-накрест, а уж под ними был укрыт бункер, Чуть подальше, под таким же навалом, но поменьше размером, укрывалась кухня, продуктовые ямы с плетеными из сучьев покрывками, замаскированные так, что толстый Кох, ругаясь на чем свет стоит, оставил их открытыми, так как провалился как-то в одну из них.

Граф прошел мимо Коха, указывая дорогу.

Лидумс, огромный, сторбившийся, похожий на лесного бога, сидел на широком пне, держа в руках огромный блокнот, и что-то писал. У его ног лежала коробка с цветными карандашами и вторая, поменьше, в которой чернели какие-то палочки. Перед ним простиралась старая вырубка, поросшая кривыми мелкими березками, ольхой, усаженная почерневшими пнями, корягами.

Вилкс и Граф подошли сбоку, громко шурша палой прошлогодней листвой и белым мхом, но командир их не слышал: он сидел, вперив взгляд куда-то вперед, как будто видел на вырубке нечто такое, что было невидимо другим.

Вилкс поднял глаза на раскрытый блокнот Лидумса: на лист блокнота было перенесено сражение между теньями, деревьями, пнями, корягами, и все эти таинственные силы жили и дышали, исполненные необычной прелести или страшной угрозы, в зависимости от того, что передал карандаш художника, — зеленый ли лепет листьев или же темный мир пней и коряг...

— Что это такое, господин Лидумс? — спросил пораженный Вилкс.

— Это? А... — Лидумс рассеянно закрыл блокнот. — Я ведь художник, — просто ответил он.

— Художник? И здесь?

— А почему бы и нет? — Лидумс выпрямил спину, указал рукой на соседний пенек и отпустил кивком Графа.

— Вот оказались же вы здесь? А вы, как мне передавал Будрис, бывший офицер воздушных сил Латвии.

— Но я — военный...

— Я тоже воевал. Много лет. — Голос Лидумса стал сухим, жестким. — Впрочем, вы, вероятно, искали меня для разговора? Я к вашим услугам.

Однако странное занятие Лидумса уже не давало покоя Вилксу. Ему очень хотелось заглянуть в таинственный блокнот, который

Лидумс положил на землю. Лидумс проследил за его взглядом, усмехнулся.

— Если угодно, пожалуйста! — он протянул блокнот Вилксу.

Вилкс задумчиво перебрасывал листы, отмечая про себя чистоту и силу линии, краски: тут были и акварели, и рисунки карандашами, и углем, — теперь Вилкс понял назначение черных стерженьков, лежавших в коробке у ног Лидумса, — это были угольные карандаши. Вилкс рассматривал наброски людей у костра, людей, чистящих оружие, обедающих, читающих, пишущих письма. Но была во всех рисунках одна странность: художник писал людей без лиц: со спины, сбоку, со склоненной головой. Вилкс уже узнал их: это широкие плечи Мазайса, это гибкое, стальное тело Графа; это несомненно Кох, вот его плечо с протянутой вперед рукой. Но лиц не было...

Он растерянно спросил:

— Почему они все написаны в таком неожиданном ракурсе?

— А если мои рисунки случайно попадут в чужие руки? — со странной холодностью спросил художник.

Вилкс густо покраснел и вернул альбом художнику.

— Я вас слушаю, — сухо зато сказал Лидумс.

Теперь Вилкс видел командира по-другому, совсем не так, как еще десять минут назад. Тогда Вилкс отмечал только, что командир старается ничем не выделяться среди своих подчиненных. Одет так же, только кожаная куртка, может, меньше потерта да сапоги поновее, спит вместе со всеми, ест за одним столом, смеется общим шуткам, умеет пропустить рюмку, держится спокойно. Но сейчас Лидумс казался ему и сильнее, и выше всех. И странно, второй раз за эти дни Вилкс испытывал полное душевное равновесие. Впервые он почувствовал это равновесие в городском саду, когда встретился с Будрисом. И такое же ощущение мира вызывал в нем этот великан. Даже ростом эти двое подходили друг к другу, как будто перст судьбы сознательно отметил их.

Вокруг пели мелкие птицы; поползень, серый, похожий издали на лохматый кусок коры, вдруг побежал вниз головой по стволу ближнего дерева; зацокала синица, словно предупреждала птичий народ о появлении людей; потом где-то послышалось торопливое карканье любопытной сороки, а вот и сама черно-белая красавица вымахнула

из-за кустов, сделала круг над людьми, закричала еще громче. Лидумс усмехнулся.

— Вот какой переполох мы наделали в птичьем царстве! Будь тут хоть самый захудалый разведчик, все равно догадается, — сидят люди!

Вилкс, торопливее, чем следовало бы, оглянулся.

— Ну, сюда не так просто пройти! — сказал Лидумс. — Сейчас у нас чисто райская жизнь! Летом и осенью труднее. Летом — комары, — чтобы им подохнуть, кровопийцам! — осенью — дожди, болота, с первым снегом — опасность преследования, следы-то никуда не денешь! А сейчас что-то вроде отдыха в охотничьем домике хорошего поместья! Еда есть, занятия тоже найдутся, нет, сейчас хорошо! — совсем весело закончил он, будто ждал, что Вилкс начнет спорить.

Вилкс все молчал, поэтому Лидумс подбодрил его:

— Ну, дорогой Вилкс, что вы хотели сказать?

— Я не знаю, предупредил ли вас Будрис, что мы работаем на англичан?

— Да, он говорил об этом, — спокойно ответил Лидумс.

— Половину задачи, поставленной перед нами, мы выполнили — связались с лесом. Это было самое важное из намеченных для нас предприятий, — Вилкс не удержался, чтобы не польститься. — И я очень рад, что мы попали именно в вашу группу. Кратко говоря, мы должны открыть при вашей помощи столбовую дорогу для англичан и, если они захотят, американцев в Советский Союз. Здесь мы организуем первую станцию нашей будущей дороги...

— И что же, это будет дорога с шумным движением? — иронически спросил Лидумс.

— Я не знаю всех замыслов разведцентра, — сдержанно сказал Вилкс. — Но перед отъездом из Англии я слышал, что у них существует план широкого проникновения. Об этом говорили и наш соотечественник Силайс, находящийся на официальной службе в английской разведке, и чиновник англичанин из прибалтийского отдела «Норд» — из «Сикрет Интеллидженс Сервис». Советский Союз всячески затрудняет действия англичан и американцев. Попытки английской разведки засылать своих людей под видом туристов, представителей деловых кругов и разных групп по обмену на основе дипломатических соглашений дают очень ограниченные результаты. А

мы должны сплотить национально мыслящих людей не только в Латвии, но и в соседних республиках, проникнуть далеко на восток России, одним словом, это акция долгая и далеко направленная. Затем нам нужны и чисто разведывательные данные о положении в Латвии, тут, — я думаю, — ваши люди могут помочь нам.

— Что еще вам требуется?

— Нам надо как можно быстрее связаться с разведцентром. Вы не можете себе представить, как сложно оказалось жить в Риге! Только благодаря тому, что мы встретили настоящих патриотов, мы смогли продержаться эту зиму. Я передал в разведцентр о наших денежных затруднениях, и они обещали переслать нам и деньги и ценности с курьером. Надо указать им безопасный «почтовый ящик» для приема этих ценностей и средств. Тут тоже нужен ваш совет, какие ценности здесь легче всего реализовать?

— Ну, это уж зависит от ваших хозяев, они должны понять сами, что легче всего продается и покупается, а в общем, что бы ни прислали, все можно будет продать. А найти «почтовый ящик» мы вам поможем...

— А как со сведениями? — с надеждой спросил Вилкс.

— Боюсь, что в этом деле мы как раз ничем помочь не сможем. Тут лучше всего обратиться к Будрису...

Заметив расстроенное лицо Вилкса, командир попытался утешить его.

— Не волнуйтесь раньше времени! Будрис вам несомненно и в этом поможет.

— А когда я смогу провести передачу?

— Сеанс, насколько я понимаю, нужно проводить по возможности подальше от лагеря. Не дай бог, если чекисты запеленгуют работу вашего передатчика. Ставить отряд под удар ради одной радиограммы смысла нет. Но я постараюсь ускорить это дело.

Он поднялся, показывая, что разговор окончен. Вилкс послушно встал.

В шалаше собрались все «братья» кроме дозорного, пост которого был выдвинут далеко в сторону. Остальные закончили обход участков и занимались своими делами. Кто чистил оружие, кто играл в шахматы, кто читал потрепанные книжки.

Лидумс приказал всем отложить занятия.

Он снова представил Вилкса и Эгле партизанам, коротко сказал, что они прибыли сюда из-за границы, что у них есть свои дела, в которые он предложил «братьям» не вмешиваться, и перешел к рассказу о жизни и деятельности своей группы.

Шпионы слушали, едва ли не раскрыв рот. То, что рассказывал Лидумс, было не только историей отряда, но и историей всего движения «лесных братьев» в Латвии.

— Перед окончанием войны, — рассказывал Лидумс, — в Курляндии появилось много разрозненных групп, которые именовали себя «лесными братьями». Среди них были и случайные люди, и всевозможные перебежчики, и отставшие от отступавших немецких армий солдаты.

Попытки как-то объединить эти группы встречали среди многих «вожаков», «главарей», «руководителей» отчаянное сопротивление. Не было ни платформы, ни единой программы. Большая часть этих людей, встретившись с трудностями лесной жизни, в первые же месяцы по окончании войны не выдержала — люди вышли из лесов с повинной. Другие стали вести чисто бандитский образ жизни, занимаясь грабежами и убийствами.

Естественно, что против таких групп начали борьбу органы Советской власти. Мало того, вполне добропорядочные латыши, примыкавшие в то время по своему политическому мышлению к националистам, восстали против бессмысленных убийств и ограблений, так как тут страдали уже и простые жители хуторов, и стали помогать чекистам. Это сотрудничество помогло чекистам довольно быстро избавиться от наиболее опасных групп.

Партизаны Лидумса слушали своего командира в суровом молчании. В этом молчании было и осуждение и словно бы боязнь такого же конца. Вилкс переглянулся с Эгле и понял: он думает о том же! Вот почему партизаны так сдержанны и осторожны!

Лидумс откашлялся, продолжал сухо, сдержанно:

— Мы обсудили в нашей группе положение дел и решили воздержаться от всякого «объединения». Два наших бункера, на которые мы опирались, были тщательно законспирированы. Но неподалеку от нас оказался еще один отряд, производивший самые настоящие бесчинства. После нескольких убийств, которые ничем не были оправданы, местное население обратилось за защитой к органам

Советской власти. В результате, совершенно случайно, под удар оперативных групп ЧК попали и мы. Половина отряда была уничтожена. Остались только я, Юрка, Бородач и еще один человек...

Вилкс взглянул на Юрку и Бородача. Они сидели с безучастными лицами, как будто речь шла не о них. Выдержка и спокойствие, как уже заметил Вилкс, здесь были в большой чести.

— Вскоре мне удалось установить контакт с Будрисом. Вы, Вилкс, знаете этого человека, хотя, мне думается, вы должны навсегда забыть его приметы. Мы слишком высоко ценим его, чтобы простить кому бы то ни было пусть и случайное предательство. Никогда мы еще не имели такого легально проживающего помощника!

— Будрис приказал нам воздерживаться от бандитских налетов на население. Он считает, что наша главная задача — сохранение национально мыслящих людей. Мы согласились с мнением нашего руководителя и после этого переменили тактику борьбы. Насколько это было правильно, показывают наши сторонники. Сейчас мы имеем нескольких пособников, так мы называем тех, кто легализовался и может пользоваться свободой внутри страны, но духовно примыкает к нам. Они снабжают нас, помогают в меру своих возможностей информацией, питанием.

Он помолчал немного, спросил, что еще хотели бы знать новые члены группы, а затем перешел к характеристике членов отряда.

Костяк отряда составляли Лидумс, Юрка, Бородач и еще один, позже погибший человек. После разгрома отряда в 1947 году уцелели только эти четверо. В это время в отряд пришли Мазайс и Граф. Граф был знаком с Лидумсом раньше.

Родители Делиньша и Кох были пособниками Лидумса. Родителей Делиньша арестовали, и парнишка сбежал в лес. Кох перешел на нелегальное положение, боясь возможного ареста.

Пособники стали все чаще и чаще отказываться от связи с Лидумсом, положение в отряде стало тяжелым. От постоянного недоедания партизаны заметно ослабели, болели. Лидумс обратился за советом к Будрису, который после некоторого колебания разрешил провести крупную экспроприацию. В прошлом году отряд совершил ограбление кассира. Денег было взято много, но один из членов группы погиб.

Сейчас положение несколько улучшилось. Во-первых, прекратились поиски отряда; во-вторых, «братья» могут приобретать продукты питания через своих пособников, находящихся на легальном положении, на деньги, полученные при ограблении кассира; в-третьих, сейчас у отряда есть два запасных бункера в других районах Курляндии, в которых они в случае опасности всегда могут укрыться...

Затем Лидумс упомянул о вооружении. Вооружение, — это видел и сам Вилкс, — было сборное, различных марок и систем, оставшееся от немцев. Боеприпасы в значительной мере израсходованы, осталось по две-три обоймы. В случае встречи с «синими» длительного боя отряд не выдержит. Он, как командир, обязан предостеречь «гостей» и предупредить их о строжайшем соблюдении всех правил безопасности... Потом Лидумс произнес несколько заключительных слов, относившихся уже непосредственно к Вилксу и Эгле. Он сказал:

— По правилам подлинного гостеприимства мы не будем вмешиваться в ваши дела. Разве только в том случае, если они смогут навлечь опасность на всех нас. Но прошу не обижаться, если на некоторые ваши вопросы вы не получите ответа. А теперь каждый может заняться своим делом. Делиньш, — на пост! Мазайс, — подготовь дрова! Кох, — на кухню!

И маленький, действительно похожий на мальчишку Делиньш бросился вон из бункера: Мазайс швырнул на нары затрепанную книжонку, которую все время держал на коленях, ожидая, когда можно будет дочитать увлекательную историю о сыщике и грабителе, и выскочил еще проворнее Делиньша; а толстый, круглый, как воздушный шар, Кох вдруг заулыбался, как будто дежурство по кухне было его любимым занятием! И Вилкс опять подивился человеку, который мог так распределить свою волю, что ее хватало на всех, и все считали ее своей собственной волей...

Но не все налаживалось так просто, как того хотелось бы...

«Братья» пока еще только приглядывались к своим «гостям». И «приглядывание» было, прямо скажем, строгое.

Вилкс видел, что пока только Мазайс, который сам доставил «гостей», относится к ним снисходительно, да Делиньш, во всем старавшийся подражать командиру, держится с тем же несколько небрежным радушием, какое отличает Лидумса. Улучив момент, Вилкс

передал Эгле, чтобы тот был осторожнее, в споры не вступал, держался поближе к нему.

При Лидумсе никаких ссор быть не могло. Но у Лидумса было много дел, не мог он вечно охранять мир между хозяевами бункера и гостями. И всякий раз как Лидумс уходил на проверку постов, на разведку, Вилкс как будто съеживался, ощетикивался, каждую минуту ожидая, что вспыхнет какая-нибудь перепалка.

А началась эта «перепалка» совсем неожиданно.

Лидумс ушел с Бородачом проверять посты. Вернулся с дежурства Делиньш, лег на нары. Спустился, нарубив дров для кухни, Мазайс, еще с порога спросил:

— У кого есть кодеин, ребята? Совсем пропадаю от кашля! Дрова рубить еще можно, все равно треск стоит, а ночью на посту — ни-ни! Подумайте о себе, парни! Вам придется за меня стоять.

В голосе его была такая мольба, что парни невольно потянулись к своим рюкзакам. Кто предлагал соду, кто — кофеин, один отыскал даже пурген. Мазайс рассердился:

— У меня желудок железный, а слабительного тут сколько угодно! Выпей воды из болота или пожуй ольховую кору, вот и прослабит!

Он зашелся гулким кашлем. Толстый и всегда такой добродушный Кох тут сердито сказал:

— Тебя и на той стороне озера слышно!

— Молчи уж ты, «поварская шапочка», — пробурчал Мазайс, вытирая пот с лица. — И вы тоже хороши, братцы, — сердито обратился он к гостям, — ехали в лес, а даже аптечку не взяли!

— А они рассчитывали на готовенькое! — язвительно сказал Кох. — Тоже мне, искатели счастья! Сбежали за границу пропивать латышское золото, а когда послали отрабатывать пропитое, так сразу скисли! Ах, нелегальная жизнь трудна! Ах, чекисты ловят бедных подпольщиков! И сразу в кусты, к нам, к «лесным братьям!»

— Ну, это ты, Шумовка, напрасно говоришь! — примирительно сказал Мазайс. — Был я в этой Риге... Только о том и думал, как бы ноги унести...

— Ты-то унес! — насмешливо продолжал Кох. — А вот как чекисты подстерегут того вонючего Льва, что сбежал от наших дружков, да начнут искать этих его дружков по всем лесам Латвии, так и мы хлебнем горя...

— Какого еще Льва? — насторожился Мазайс.

— А они тебе не говорили? Один из них уже подался в Чека с повинной. Я сам слышал, как Будрис нашему командиру об этой козявке рассказывал. Они из-за этого и уткли из Риги. А то продолжали бы сидеть по ресторациям, кушать орли да оливье. А этот их Лаува на деле оказался жирной трусливой свиньей...

Все смотрели на Вилкса враждебно, и он понял, — ссору надо гасить.

— Да, от нас один ушел! — Вилкс повысил голос. — Он решил легализоваться. Конечно, если бы мы знали, что он так поступит, — сами пристрелили бы его. Но он никого не выдал!

Настороженное молчание показывало, что следовало рассказывать до конца. И Вилкс принялся говорить о том, что старый Лаува всегда был трусоват, а тут встретил жену, жена потребовала его возвращения, он поддался...

Но Кох все не желал униматься. Теперь он обрушился на радиостанцию Вилкса.

— Не знаю, что скажет на допросе вашдохлый Лев, но уж вашу радиостанцию «синие» засекут обязательно! — прокаркал он.

Эгле, помалкивавший во время этой перепалки, тут не выдержал, вступился:

— Не так-то просто запеленговать наш передатчик!

— А ты бы помолчал, карапузик, — перебил Кох. — Мы с твоим главным разговариваем. И вообще, кто знает, что вы за птицы? Сегодня здесь, а завтра там! Прихватят вас где-нибудь, вы тут же все и выложите! А может, и сами просто стукнете, где надо, что есть, мол, у озера Энгуре такой бункерок, где очень громко кашляет Мазайс, а один старый повар умеет предугадывать события...

— Ты с ума сошел! — закричал Эгле. Бедный парень чуть не плакал. Он вдруг вытащил из кармана расческу.

— А это вы видели? — с вызовом крикнул он Коху. — Смотрите, чем нас снаряжают! — Он легко разделил расческу на две части, и в руках у него оказалась гибкая тонкая пилка. Он лихо закончил: — С таким инструментом нам никакая тюрьма не страшна!

Он тыкал этой пилкой чуть не в лицо Коху, и тот невольно протянул руку, чтобы взять ее. А взяв, присвистнул, разглядывая тончайшую ножовку. Подошли и остальные партизаны, рассматривали,

удивлялись. А Эгле совсем разошелся. Отвернул воротничок рубашки, показал плоскую вставку-ампулу.

Но на Коха не подействовала демонстрация шпионского «вооружения». Он пренебрежительно сунул пилку Эгле, похлопал по стволу автомата.

— Я предпочитаю сражаться, а не травиться, как крыса... Предложите ваше лекарство старине Мазайсу...

Мазайс выругался и сплюнул от отвращения.

Вилкс понял, что такие споры до добра не доведут. Надо как-то рассеять тяжелое недоразумение, это единственный путь к дружбе. Он вскочил на нары, закричал:

— Подождите, парни! Вы же ничего не знаете о том, как живут ваши соотечественники за границей! Позвольте мне сказать...

— Заткнись, крысомор! — заорал Кох.

— Мазайс, помоги же мне успокоить их — взмолился Вилкс, обращаясь к человеку, который все-таки знал их больше. Ведь именно Мазайсу доверили их жизни, когда устраивали перевод в лес.

Мазайс хмуро одернул Коха:

— погоди ты, кочерга, расстрелять их всегда успеешь, надо сначала выслушать. — Мазайс положил тяжелую руку на автомат Коха. Кох угрюмо усмехнулся:

— Ладно, проповедуй! Но помни, мы все хорошие христиане, однако врагов предпочитаем видеть покойниками! — и, кривляясь, затянул, как причетник в костеле: — Житие святого Вилкса слушайте! Амен!

— Амен! — подхватил кто-то из этих богохульников, ставших такими после многих лет своей дикой, почти звериной жизни.

Вилкс, терпеливо переждав это «пение», заговорил:

— Напрасно вы думаете, что мы там в золоте купались... Сначала тюремный режим лагерей для перемещенных, потом вербовка на работу, но куда? В Австралию, в Африку, где цивилизованный человек через полгода становится трупом, или на самые тяжелые работы в Европе... Вот ему, — он кивнул на Эгле, — еще повезло, он устроился шофером, а мне пришлось зарабатывать хлеб в шахтах. А там «за ударный труд» премий не дают, — он зябко повел плечами, — там для шахтеров дворцы не строят, квартир с ваннами, как в Эстонии на сланцевых рудниках, не предлагают...

— Э, да он за Советы! — издевательски, но и предостерегающе сказал Кох. — К чему ты приплел шахтерские квартиры? Почему об «ударниках» вспомнил?

Вилкс невольно вздрогнул. Он понял, почему вспомнил. Это шахтеры в Шотландии кричали им в лицо, что они фашисты! Это шахтеры в Шотландии не один раз устраивали побоища «перемещенным», считая их злейшими врагами русских, — а русских превозносили до небес. Это шахтеры в Шотландии и французы в Руре, и немцы в Дюссельдорфе, собираясь в своих кабачках, читали коммунистические газеты и показывали друг другу фотографии восстановленных и вновь построенных советских городов и шахтерских, заводских, фабричных поселков и рассуждали о том, когда же и у них настанет такое время, чтобы правительство подумало о рабочих? Вот где он нанюхался коммунистического духа, а совсем не здесь, в Риге, здесь он только злился, здесь он только ненавидел тех, кто перебрался из подвала в бывшую квартиру его отца в бельэтаже серого, с гранитным цоколем и мраморными кариатидами дома на улице Альберта.

Он с трудом подавил испуг, вдруг пробившийся в смятенной душе: как, он поддается пропаганде? — и заговорил быстро, сбивчиво, смутно:

— Что там говорить, мы только потом сообразили, что эти проклятые англичане нарочно выбивали из нас искры, чтобы мы поскорее пошли на приманку. А потом приехали офицеры, стали нас расспрашивать, пообещали жалованье, хорошее жилье, школьный режим, и мы, конечно, пошли. Но вы даже не знаете, парни, что такое эти англичане! Это же эгоисты! Они хотят снова прибрать всех и вся и опять чужими руками! Посудите сами, нас, латышей, перебрасывали сюда... немцы! Ни одного англичанина на борту того быстроходного катера, что перебрасывал нас, не было! И даже те ребята, что отправились в шведскую школу разведчиков, и те сначала были завербованы англичанами, чтобы работали на двух хозяев, а уж потом им разрешили ехать в Швецию... А вы думаете, в школе нас кормили бифштексами? Как бы не так! За все про все три фунта в неделю!

А гоняли, как немецкие ефрейторы! Двенадцать часов в день занятия! Являться из отлучки не позже полуночи! А уж что-нибудь насчет девочек или выпить — того и гляди, выставят из школы с

волчьим паспортом, куда пойдешь? Нет, братцы, не желал бы я вам такой жизни!

Он замолчал, — то ли выговорился, то ли дыхание перехватило, и как раз вовремя. По-видимому, его слова дошли до сердца. Все что-то погрузнели, присмирели, уже никто не глядел враждебно, а Эгле, кажется, совсем расстроился.

Но вот Кох откашлялся, сухо сказал:

— Парни вы как будто ничего, но со своей радиоаппаратурой в окрестностях лагеря лучше и не высовывайтесь.

Эгле опять заспорил:

— Мы в английской разведывательной школе специально выходили в эфир из района расположения радиопеленгационных установок, и ни разу наш передатчик не обнаруживали. Знаете, есть такая игра «Лиса и охотник?», «Лиса» — радист, дает сигналы, а «охотник» — радиопеленгатор, ищет «лису». Мы всегда выигрывали по очкам. Бывает, конечно, что кого-нибудь обнаружат, но процент такой низкий, что о нем и говорить нечего...

— Прекрати, Эгле! — досадливо сказал Вилкс. Он совсем не хотел, чтобы спор вспыхнул снова. — Пусть будет так, как решат наши друзья.

Тут Делиньш, медлительный, робкий, вмешался в спор:

— А вот когда мы учились в Рижском клубе радиолобителей, так один из инструкторов говорил, что есть очень точные пеленгаторы. Что только благодаря пеленгаторам самолеты могут летать в плохую погоду и держать правильный курс.

— Ты учился в школе радиолобителей? — Вилкс подсел к Делиньшу, за ним подвинулся и Эгле. — Чему вас там учили?

— Ну, чему, чему, — недовольно сказал Делиньш. — Чему учили, я, наверно, все забыл. Передатчика-то у меня нет, вот радиоприемник самодельный остался... — Он показал спрятанный под нарами приемник. Корпус был самодельный, но звук, когда Делиньш включил приемник, шел чистый, отлично модулированный. — Иногда послушаешь какого-нибудь любителя и рад бы с ним перемолвиться, а не на чем... — Он говорил нехотя, но видно было, что парень тоскует по любимому занятию.

— А на слух радиосигналы принимаешь?

— Я же говорю, иногда слушаю переговоры коротковолновиков.

— Двустороннюю связь изучал?

— Послушай, почему ты мне экзамен устраиваешь? Я ведь не на курсах радиолюбителей, а член отряда «лесных братьев»! И не вчера сюда пришел, а три года назад!

— В самом деле, что вы к мальчишке пристали? — разозлился Кох.

— погоди, Кох, тут дело серьезное! Ведь если ваш Делиньш смыслит в радиоделе, а это уже видно, так из него можно подготовить хорошего помощника! У вас будет собственный радист с передатчиком, — мы же обратно наши сэты^[7] не повезем, — и вы сможете переговариваться непосредственно с нашими хозяевами.

— Послушай, Кох, а ведь это и в самом деле занятно! Вот Лидумс удивится! — засмеялся Мазайс.

— Так он и позволит сбивать мальчишку с толку! — проворчал Кох, но на парнишку взглянул с уважением. — Подумать только, никогда мне и в голову не приходило, что такой сопляк разбирается в радиоделе! Но вы, братцы, подождите, это еще как командир посмотрит! Экзаменовывать, если хотите, можете, вдруг он еще и вас забудет, но никаких разговоров о работе на передатчике, пока не разрешит командир!

Теперь, когда на Делиньша были обращены все взгляды, медлительный и довольно стеснительный парнишка и сам загорелся желанием показать, что уже давно прошел обряд конфирмации и может считаться взрослым. Особенно он разошелся, когда Вилкс развернул свою радиостанцию.

Делиньш и Вилкс сидели на нарах и перестукивались между собой, когда вернулся Лидумс, Все встали. Мазайс доложил, что в лагере все благополучно, потом, переходя на обычный тон, с усмешкой показал на Делиньша и Вилкса:

— А эти двое нашли общий язык — телеграфный. Болтают на азбуке Морзе, как два дятла...

— Что это еще за игра? — недовольно спросил Лидумс — Я вас прошу, Вилкс, не втягивать парня в ваши дела. Достаточно с него и того, что он со школьной скамьи стал солдатом.

Но Вилкса уже заинтересовал смысленный паренек.

— Простите, командир, но это в ваших интересах! Скоро англичане пришлют сюда еще несколько сэтов, — то есть

радиостанций, — поправился он. — А чем плохо иметь своего радиста?

Лидумс внезапно замолчал. Вилкс подумал: «Подействовало!» И продолжал настаивать:

— Судя по всему, я в два месяца могу обучить Делиньша всему, что знаю сам. А если меня перебросят в другое место, он вполне заменит меня. Я дам ему рекомендацию, разведцентр запишет его почерк, и он может действовать самостоятельно.

Лидумс подумал, нехотя сказал:

— Может быть, вы и правы. Да, кстати, место для работы на рации я выбрал. Надо подождать дня два-три, чтобы проверить через одного человека, нет ли поблизости «синих», и можно будет провести сеанс.

Этого Вилкс никак не ожидал. Да и остальные «братья», кажется, были удивлены не меньше, Делиньш умоляюще спросил:

— И мне можно пойти?

Лидумс махнул, рукой.

— Ладно, пойдешь и ты. Вилкс, прошу приготовиться к сеансу со всей тщательностью. Мы будем охранять вас, но провести его надо как можно быстрее. Нам бы не хотелось терять эту базу после первой же вашей попытки связаться с хозяевами...

— Да, командир, мы будем осторожны...

Шестнадцатого мая легально проживающий пособник Лидумса через обусловленный тайник сообщил, что «синих» нигде в округе не встречал.

Для охраны были выделены Мазайс и Делиньш. Делиньш просто священнодействовал. Проверил не только свой автомат, но и автомат Мазайса, помог Вилксу подготовить передатчик и вызвался нести портфель.

Вел группу сам Лидумс.

Место для передачи было выбрано на склоне холма, неподалеку от озера Энгуре.

Вечер был теплый, тихий, и Вилкс, шагая след в след между Лидумсом и Делиньшем, думал о том, что такие вечера в сущности более подходят для пикников с девушками, чем для шпионских передач из лагеря «лесных братьев». Однако стоило взглянуть на мерно шагавшего впереди командира этих «братьев», оглянуться на несущего с гордостью передатчик Делиньша, прислушаться к осторожным шагам Мазайса, и это ощущение праздничности мгновенно пропадало.

Делиньш оказался неоценимым помощником. Он понимал все с полуслова. Помог развернуть рацию, залег рядом с автоматом в руках, и вид у него был такой решительный, что Вилкс понял, — парень собирается в случае налета «синих» умереть, но защитить радиста.

На первые вызовы разведцентр не ответил. Вилкс уже начал отчаиваться, не случилось ли что-нибудь с передатчиком, когда на третьей попытке тонко и противно запищали сигналы морзянки.

Перейдя на передачу, он сообщил:

«16 мая. Находимся в лесу. Скоро получим новый адрес для посылки. Находимся здесь потому, что в Риге было бы опасно после ухода Лаувы и несчастья с курьером. Вилкс».

Этот недошедший курьер беспокоил Вилкса больше всего. Лондон сообщил еще в апреле, что шпионам отправлено подкрепление через Швецию. Тогда же Вилкс, не посоветовавшись с Приеде, дал для

встречи пароль и адрес рижской квартиры, в которой он скрывался. Но курьер исчез, словно канул в воду.

Только в мае Вилкс признался Приеде в своей глупости. Теперь он и сам думал о том, что получится, если курьер схвачен при переходе? Неизвестно, морем ли он пробирался или по суше, через Норвегию? Во всяком случае, Приеде обеспокоился так, что Вилкс и не рад был своей «инициативе». Правда, из этого свинства в конце концов, как говорит пословица, получился добрый кусок ветчины! Приеде пришлось поторопиться с организацией встречи, и Будрис благословил переход в лес. Но теперь Вилкс понимал, на каком тонком волоске висели их судьбы после исчезновения курьера...

Ну, ладно, пусть побеспокоятся те, что в Лондоне! Он известил их — и все.

Получив подтверждение английского разведцентра о приеме телеграммы, Вилкс начал свертывать рацию. Делиньш напряженно следил за подходами к месту передачи. Лес был тих, спокоен. Черносерый дрозд, словно передразнивая радиста, прокричал тонкое и такое же противное, как в радиопередаче: «Ти-ти-ти!» Синица, свесившись с березовой ветки, оглядывала неожиданных пришельцев черным, похожим на бусинку глазком.

Делиньш по сигналу Вилкса поднялся, стряхнул прошлогоднюю хвою с колен, послушно взял передатчик. Возвращались веселые.

У бункера Вилкс задержался, не вошел, ждал Лидумса. И сразу же возле него оказался Бородач. Так, будто бы из живейшего любопытства. Даже спросил, как прошла передача, а сам все поглядывал по сторонам, тоже ожидал Лидумса. И только когда командир показался на тропе у бункера, ушел. Это звучало предупреждением: «Мы за вами присматриваем, чтобы вы чего-нибудь не натворили!»

Лидумс, вопреки ожиданиям Вилкса, с удовольствием выслушал отчет о том, что сеанс прошел удачно. Когда Вилкс попросил устроить второй сеанс, задумался, сказал:

— Попробуем!

Вызвал Мазайса из бункера, приказал:

— Попытайся подобрать километрах в двадцати от лагеря новое место для следующего сеанса радиосвязи.

Когда Мазайс ушел обратно в бункер, Лидумс осторожно сказал:

— Я прошу вас о нашем местопребывании, о количестве людей, о составе отряда без согласования со мной ничего англичанам не передавать. Вы и сами понимаете, что мы рискуем, взяв вас под свою опеку. И попросите ваших хозяев устраивать сеансы пореже.

Вилкс понимал, какого труда стоило группе уцелеть в годы жестокой борьбы «синих» против «лесных братьев», особенно сразу после войны. Ставить их под удар сейчас было бы преступлением. А кто знает, не найдется ли там, в Лондоне, охотник продать за хорошие деньги чужие жизни? Теперь-то Вилкс знал, как это делается! Он уже встречался со шведами, которые пытались откупить у англичан завербованные теми души, знал англичан, предлагавших райские условия тем, кто был куплен шведами, видел американцев, прибиравших к рукам агентуру всех своих союзников. И Вилкс горячо сказал:

— Командир, все, что я буду передавать на Запад, я буду согласовывать с вами!

Вокруг скапливался вечер. Он как бы вздымался от земли, клубясь неожиданными сумерками среди деревьев, тогда как вершины их были еще залиты солнцем. День кончался мирно, но не было мира в душе.

Новая встреча в эфире принесла одни неприятности. Англичане набросали полную шапку запросов и требований. Они хотели немедленно получить безопасные адреса для засылки людей; их интересовали радарные установки на побережье; они жаждали знать все о военных аэродромах в Латвии...

Вилкс и Делиньш сидели в опустевшем бункере и сверяли свои записи. Во время приема Делиньш, по просьбе Вилкса, тоже записывал группы цифр, передаваемые англичанами. И хотя он не знал или не понял разделительных знаков и записывал все цифры подряд, Вилксу удалось по этой неумелой записи исправить свои пропуски, — радист в Ганновере, видно, не очень представлял, в какой обстановке работает Вилкс, и шпарил свою радиограмму с такой скоростью, будто передавал ее на самозаписывающий аппарат. Еще хорошо, что Вилкс догадался подключить к записи своего нового ученика...

Вилкс то и дело прерывал работу и начинал ругаться. Делиньш, — по-мальчишески оттопырив губу, — только посвистывал при самых замысловатых оборотах. Наконец не выдержал, спросил:

— Что с тобой, Вилкс?

— Эти болваны, видно, считают, что у нас тут свои автомобили, самолеты, бюро по найму осведомителей и очередь желающих стать шпионами — за воротами! — Вилкс потряс расшифрованными отрывками. — Ведь если попытаться ответить на все эти вопросы, так мне надо всю жизнь ходить, как страннику, с места на место. А тут, говорят, странников не любят...

— Да, за сбор секретных сведений можно быстро попасть в тюрьму! — серьезно ответил Делиньш.

— Бр-р-р! Там пахнет карболкой! До сих пор не могу забыть запах лагеря для перемещенных...

— А что же ты все-таки ответишь? Какую разведывательную информацию можно собрать в лесу?

Вилкс посмотрел на недоуменное лицо молодого помощника, засмеялся.

— Кое-что мы все-таки можем сделать, Делиньш! — утешил он ученика. — Будрис привез кое-какую информацию по Риге. Приеде тоже прислал небольшое письмецо. Но, видно, придется обратиться за помощью и к фантазии. Придется почаще слушать рижские передачи, попросить Будриса достать для меня побольше газет, особенно районных... — он задумался, уставившись глазами в стенку, словно уже сочинял эту требуемую англичанами информацию.

— Но ты же немедленно завалишься! — ужаснулся Делиньш. — А что, если они перепроверят твои материалы с помощью других агентов?

— Ну, не такой уж я дурак, чтобы писать одну ложь. А перед отправкой я покажу свои записи тебе, ты кое-что поправишь. Хоть ты и молод, но по Латвии, я вижу, побродил уже немало...

— Не знаю, чем я тебе смогу помочь, но если хочешь, конечно, сделаю все, что сумею... — несколько растерянно ответил Делиньш.

Парень все больше нравился Вилксу. Вилкс уже знал, что у него есть девушка на одном из далеких хуторов, куда Делиньш отправляется каждую зиму. Девушка считает, что все лето Делиньш работает в леспромхозе, в этом году она надеется на свадьбу, уже и свадебное платье сшила, а Делиньш все не придумает, как бы помягче объяснить ей, почему он не может жениться. Как говорится, у каждого свои заботы!

Когда Делиньш уходит в свои мысли, лицо его странно стареет, так и кажется, что ему не двадцать, а все двадцать пять, а то и тридцать. Но это и понятно, такая жизнь, как та, которую Делиньш ведет со школьной скамьи, не очень красит человека. Но его привязчивость, добрый характер, желание во всем помочь — очень приятны Вилксу, и Вилкс любит болтать с парнем, ходить с ним вдвоем на дежурство или на заготовку дров. И Делиньш умеет слушать. Никогда не перебивает, не переспрашивает. Правда, уши не развешивает, ко всему сказанному относится с этакой крестьянской хитрецей, а какая, мол, мне от сего выгода? Или же начинает посмеиваться над нелепицами, какие выкидывает с человеком жизнь, и тогда кажется, вот-вот он скажет: «Со мной этого никогда бы не случилось!» Он и прост и одновременно умен, этот крестьянский парень, оторванный от земли, от любимого дела, от дома...

Покончив с расшифровкой радиограммы, Вилкс принялся сочинять тайнописное послание. Делиньш с интересом следил за деталями этой тонкой работы.

Вилкс извлек из своего чемодана тонкую стальную пластинку размером в писчий лист и пачку почтовой бумаги, приобретенной в Риге, — в правом углу был рисунок сожженного немцами «Дома черноголовых» — одного из стариннейших зданий Риги. Один лист почтовой бумаги он наложил на стальную пластинку, на этот лист положил специальную бумагу, которую назвал карбоном. В ней и содержались химикалии, которые должны перейти на чистый лист от нажима карандаша. На лист карбона Вилкс положил еще один листок почтовой бумаги, на которой и написал свое первое сообщение из лесного лагеря. Закончив письмо, снял исписанный лист и карбон. Под ними оказался совершенно чистый лист бумаги, на котором даже и следов нажима карандаша не было. Однако Делиньш держал в руках черновик и понимал, что неведомый химик прочитает на этом чистом листе то же самое, что читал он по черновику:

«28 мая. Находимся в лесу у партизан. Проникнуть сюда без серьезных связей труднее, чем попасть в Латвию из-за границы. Если бы по прибытии в Латвию мы сразу встретились с партизанами, то нет никаких сомнений, что мы были бы ликвидированы на месте и нам ничто не помогло бы, так как тогда у нас не было никаких рекомендаций. Примите это за аксиому.

Сейчас находимся в безопасности, за нас несет ответственность командир группы со своими людьми. Провалиться мы можем только случайно. Я очень рад, что нахожусь именно в такой группе. Наше прибытие сюда является такой моральной поддержкой, какой еще не было.

Мы будем работать и сделаем все возможное. В смысле безопасности здесь работать спокойнее, чем в Риге. Но необходимы средства и еще раз средства.

Если вы соответственно разрешите этот вопрос, то беру на себя личную ответственность за то, что вы получите все сведения, какие необходимы, и они будут надежны и точны. Здесь соблюдается такая конспирация,

что трудно описать, но при встрече расскажу, и тогда вы полностью поймете. Более точных сведений о партизанах по чисто конспиративным соображениям получить не могу, но не сомневайтесь, что в нужный момент мы сможем перевернуть эту землю.

Если бы вы смогли пройти через Ирбенский залив у Колкасага, мы провели бы дело так, чтобы люди могли приходить и возвращаться без риска.

Привет от нас, командира группы и его людей. Находимся в окрестностях озера Энгуре».

Поверх тайнописного письма Вилкс набросал еще одно, уже обычными чернилами, и адресовал его в Копенгаген, Дания, Галменс канал, 15, Анне Цирис и Вольдемару Шульцу.

Письмо было передано командиру отряда и в тот же день послано тайным путем Будрису для отправки в подставной адрес английской разведки.

Вилкс все ближе сходил с Делиньшем, да парень и сам охотно помогал ему во всей радиоработе. Самым тягостным и нудным в этом деле является шифровка и дешифровка радиogramм, а у Делиньша оказался настоящий талант. В первый же месяц парень не только сам изучил методику зашифровки и расшифровки телеграмм, но и взялся обучать желающих «братьев». В самом деле, а не понадобятся ли эти знания кому-нибудь из них тогда, когда придет «день действия» и войска НАТО высадутся на побережье Латвии? Соображение было важное, поэтому даже Кох взял несколько уроков шифровального дела, хотя и уверял всех, что шпионов презирает и будет презирать! А Граф стал настоящим учеником Делиньша.

Для тренировки не доставало зуммера. Делиньш приспособил свой старый приемник.

На уроках присутствовали все желающие. В основном собирались только для шуток. Заключали пари, кто кого быстрее загоняет, учитель ученика, или ученик учителя, заказывали «передачи», то жалобы всевышнему на плохую погоду, то письмо английскому премьер-министру с просьбой о помощи, но Делиньш к урокам относился серьезно.

К сожалению, на третий или четвертый день Юрка, ища в эфире хорошую музыку, сломал радиоприемник. Радиодеталей для устройства нового зуммера не было, и Делиньш попросил командира отпустить его хоть на два-три дня на хутора, где он надеялся достать некоторые радиодетали.

В конце концов Лидумс сжалился над парнем и отпустил его. Через два дня Делиньш торжественно наладил новый зуммер.

Больше никто из «братьев» к «учебному» аппарату не подходил. Шестого июля Вилкс передал в разведцентр телеграмму:

«Подготовил радиста. Назначьте время для проверки его квалификации. Желательно было бы также, чтобы вы организовали два-три сеанса радиосвязи для того, чтобы определить, как быстро он принимает на слух».

Десятого июля разведцентр ответил:

«Поздравляем тебя с подготовкой радиста. Пожалуйста, сообщи нам, кто он. Пусть он передаст одно из твоих сообщений, когда тебе удобно. Мы будем знать, что это твой ученик, и сообщим, удовлетворяет ли он нашим требованиям...»

Пятнадцатого июля Делиньш сам передал составленную и зашифрованную учителем телеграмму:

«Радист является партизаном нашей группы — радиолобитель».

Двадцатого июля английский разведцентр ответил:

«Новый радист, который работал на твоём передатчике пятнадцатого, на наш взгляд, является первоклассным. Его почерк записан нами на магнитофонную пленку. Записи будем продолжать, чтобы контролировать, его ли мы слышим.

Передайте вашему ученику, что с этого дня, двадцатого июля, он зачисляется на секретную службу

Великобритании, что ему присваивается псевдоним Барс и что в нашем банке на его имя открывается счет, на который еженедельно будут перечисляться двадцать фунтов стерлингов. Сообщите так же, кто, когда и где его обучал...»

Вилкс, расшифровав эту радиограмму, торжественно вручил ее Делиньшу. Слова о двадцати фунтах стерлингов в неделю были встречены всеми с восторгом. Правда, Кох немедленно напомнил, что за ними надо еще явиться в банк, и тут же предложил себя в наследники. Но Лидумс прекратил неуместные шутки.

Мазайс, выразительно щелкнув себя по горлу, предложил отпраздновать это событие. Повод был подходящий, и Кох немедленно отправился готовить закуску. Граф, который теперь числился учеником Делиньша, спросил:

— А почему Делиньшу дали псевдоним?

Вилкс объяснил:

— Разведцентр присвоил нашему Делиньшу псевдоним. Теперь во всех своих телеграммах и письмах англичане будут называть Делиньша Барсом. Так же должен подписываться и он. Если псевдоним отсутствует или поставлен в начало или в середину телеграммы, значит, рация работает под контролем чекистов...

Делиньш поморщился, сказал:

— Если бы вы с этого начали ваши объяснения, я бы ни за что не стал братья за такое дело! Хорошенькие условия! Заранее думать, как подписываться, когда тебя арестуют!

— Не волнуйся! — успокоил его Вилкс. — У каждого из нас есть свой пароль. Я ставлю слово «Вилкс» или «на днях женился». И совсем не обязательно попадаться чекистам. Обычная условность!

— Ничего себе условность! — не унимался Делиньш. — Ты еще ничего не успел сделать, а тебя уже предупреждают: смотри, сядешь! Как же люди идут в вашу школу?

— Поживешь, узнаешь! — проворчал Вилкс.

— Насколько я понял, нам нужно еще ответить на вопросы.

— Это проще всего сделать тебе самому.

— Нет уж, я навязываться не стану! — заупрямился Делиньш. — Спрашивают обо мне вас, вот вы и отвечайте...

Вилкс достал из рюкзака свой шифровальный блокнот, вынул из него двадцать пять листов и вручив Делиньшу. Парень понял: ему оказано полное доверие. Отказаться и не взять эти листы — значило бы смертельно обидеть учителя.

— А теперь составляй ответ! — потребовал Вилкс. Делиньш составил радиограмму:

«Новый радист с августа 1947 года по февраль 1948 учился в Рижском клубе радиолобителей. До марта 1949 работал там же на коллективной любительской станции. Получил из шифровального блокнота № 15-А двадцать пять листов, начиная с семьдесят шестого листа»...

Это сообщение Вилкс подписал своей группой «Вилкс», а передал его Делиньш. Передачу провели двадцать третьего июля. Двадцать пятого разведцентр распорядился, чтобы дальнейшую работу на рации осуществлял Делиньш. С этого дня всю работу на рации вел уже только молодой радист, а Вилкс иногда занимался зашифровкой и расшифровкой радиограмм.

Все было бы хорошо, если бы не шуточки остальных «лесных братьев». Теперь Делиньша называли не иначе, как «радист ее величества королевы», советовали просить жалование покрупнее, обсуждали, какие ордена получит Делиньш на службе у английской короны. То за обедом просили передать в следующей радиограмме, чтобы ее величество прислала омаров, то, латая прохудившиеся сапоги, принимались жаловаться Делиньшу на военного министра Англии, который скаредничает, не присылает нового обмундирования...

Они были очень недалеко от истины. Делиньш отлично знал, что еще в июне Вилкс и командир подыскали в районе озера Энгуре подходящий «почтовый ящик» и передали адрес англичанам, чтобы те могли использовать его для присылки давно обещанных денег и ценностей. На проверку этого «ящика» Вилкс в сопровождении кого-либо из партизан ходил три раза в месяц, но ничего так и не появлялось. Поэтому насмешки такого рода Вилкс принимал на свой счет и принимался отчаянно ругать англичан за их осторожность, граничащую с неповоротливостью.

Меж тем жизнь в лагере становилась все труднее и беднее.

Все чаще уходившие за помощью к пособникам «братья» возвращались с пустыми руками или приносили еды на день, на два. Пособники ссылались на то, что в окрестных хуторах опять стали иногда появляться «синие». Эти визиты «синих» некоторые из участников группы связывали с работой радиопередатчика, и, по-видимому, были правы.

Лидумс приказал перейти на грибную диету. Но до появления хороших грибов было еще далеко. «Грибники», которых назначали, как в наряд, приносили большей частью сыроежки да круглые шары дождевиков. Кох, главный повар отряда, ругался на чем свет стоит, грозил перестрелять «шпионов», а их передатчик сбросить в озеро. Из всех блюд, придуманных поварами мира, на долю «братьев» осталась только грибная похлебка с крупой да чай без сахара. Деньги, взятые во время прошлогоднего нападения на кассира, подходили к концу, нападать же на магазины, находящиеся в центре больших селений, «братья» не рисковали.

Лидумс решил провести совещание.

Все участники отряда собрались в бункере. Только Делиньш остался на охране, в ста метрах, на подходе к лагерю.

Вопрос был один: где достать деньги?

Мазайс, выходявший на связь с одним из пособников последним, сообщил:

— Рыбаки из колхоза Энгуре ждут выплаты денег. Платят им обычно двадцать пятого числа. Кассир получает деньги в Слокском отделении Госбанка. От Слоки до колхоза двенадцать километров. Кассира сопровождает вооруженный охранник.

— Сколько денег он обычно привозит? — спросил Лидумс.

— Тысяч пятьдесят-шестьдесят.

— Из-за такой мелочи не стоило бы гусей дразнить! — проворчал Бородач. — «Синие» спустят по нашему следу всех собак...

— Из этого района нам все равно придется уходить, — равнодушно сказал командир. — «Синие» уже появились на хуторах,

возможно, они засекали работу нашего радиопередатчика.

— Вот-вот, — иронически подчеркнул Бородач. — Из-за этой паршивой рации нас могут перестрелять как зайцев...

— погоди, Бородач! — Лидумс устало махнул рукой. — Когда Будрис обратился к нам с просьбой устроить «гостей», ты согласился?

— Да, но...

— Ты знал, что у них есть передатчик?

— Да, командир, но кто же мог представить, что они станут читать по нему Библию? Я думал...

— Ну да, ты думал, что англичане завтра же пошлют сюда самолеты и сбросят тебе ящик шоколада и новые башмаки.

Бородач замолчал.

Вилкс торопливо поднялся, сказал:

— Командир, разрешите нам с Эгле пойти на это дело?

Эгле, обросший какими-то серыми клочьями волос, только еще ниже пригнулся на нарах.

Лидумс посмотрел на Эгле. Парень прятал глаза.

— Эгле болен, он никуда не пойдет.

— Тогда разрешите мне! — твердо сказал Вилкс.

— Кто может еще что-нибудь посоветовать? — спросил командир. «Братья» молчали.

Командир встал, сухо сказал:

— Тогда будем готовиться к проведению акции. На ее осуществление пойдут Граф, Делиньш, Вилкс и я. Вилксу выдайте личное оружие...

Мазайс пошел сменить Делиньша на посту. А когда Делиньш вернулся в бункер, в руках у него был советский пистолет.

Пистолет, видно, только что вынули из хранилища, он был еще в масле. В обойме лежали, как тяжелые золотые слитки, патроны. Вилкс немедленно пристроился в уголке, чтобы разобрать и вычистить оружие.

Русское оружие он знал плохо. Поэтому Делиньш терпеливо обучал его чистке и смазке.

На следующее утро Бородач опять ушел на хутор, чтобы уточнить день получения денег в колхозе.

С утра партизаны осмотрели окрестности лагеря, оставили Бородачу на посту и вернулись в бункер. Вилкс и Делиньш обучали

работе на ключе нового кандидата в радисты Графа. Кох занялся приготовлением надоевшей всем похлебки. В полдень прослушали последние известия, а потом поочередно заряжали с помощью ручного генератора аккумулятор для рации.

После обеда Делиньш вышел на пост, Лидумс прилег отдохнуть в шалаше рядом с бункером, а остальные уселись играть в карты.

Вилкс только что проиграл в покер лондонский Тауэр вместе с Вестминстерским аббатством и Большим Беном. Ему отчаянно не везло. Он уже подумал, не поставит ли на карту здание «Интеллидженс Сервис» да швырнуть впридачу и ту школу, в которой проходил курс шпионских наук в Лондоне, — благо, на руках оказались четыре валета, — как из-за бункера послышался шум пилы. Это было так удивительно, что игроки на мгновение застыли с картами в руках.

Но вот Юрка осторожно положил свои карты на край стола и пошел к выходу, ступая бесшумно, как тигр. Вилкс, забыв об игре, бросил своих валетов лицом вверх и выскочил вслед за Юркой. Шум пилы не прекращался.

Прячась за кустами, Юрка и Вилкс подходили все ближе к месту работы. И оба увидели человека с пилой. На сучке, так, чтобы дотянуться рукой, висел автомат...

Вилкса словно что-то подбросило. Он проскочил отделявшее его от неизвестного пространство в три прыжка и встал перед ним с пистолетом в руках.

— Руки вверх!

Человек с пилой выпрямился, но рук не поднял. Юрка тоже щелкнул предохранителем пистолета. Следом подбежал Граф с автоматом.

Тогда из кустов вышел другой незнакомец, на груди которого висели автомат и бинокль. Руки его были подняты. Он громко сказал:

— Братцы, не торопитесь стрелять, мы такие же, как и вы. Я — Чеверс.

Вилкс бросился к незнакомцу, схватил его автоматный ремень и наставил свой пистолет в грудь.

Услышав фамилию Чеверса, Граф приказал Вилксу отпустить захваченного и отойти в сторону, а сам бросился за командиром.

Прошло несколько минут в томительном молчании. Вилкс переглянулся с Юркой. Тот стоял спокойно, не опуская автомата.

От бункера подошли Лидумс и Мазайс. Чеверс вытаращил глаза на командира, воскликнул:

— Так это вы... — и замолчал, заметив резкий жест Лидумса.

Мазайс кивнул в сторону бункера, показывая Вилксу, что тот должен уйти, и пошел следом, прикрывая его собой. На полянке возле подпиленного дерева остались Чеверс со своим охранником и Лидумс с Юркой.

В бункере напряжение возрастало. Все заняли боевые места с оружием в руках. Мазайс приказал Вилксу и Эгле забрать радиостанцию и отходить вместе с ним. Он объяснил:

— Командир опасается провокации.

Шли долго. Лес был тих, ничего, кроме птичьих голосов, не было слышно. Очевидно, люди обсуждали планы своих действий вместо того, чтобы стрелять друг в друга.

Уже темнело, когда Мазайс привел Вилкса и Эгле в какой-то бункер, сохранившийся со времен войны. Открыли банку консервов, взятых с собой. Поужинали спокойно и легли спать.

Часов в одиннадцать утра послышался условный сигнал: за ними пришел Делиньш.

Возвращались торопливо. Вилксу хотелось узнать все подробности об этой неожиданной встрече. Ведь предположения англичан о существовании многих лесных групп подтвердились!

В бункере все было спокойно, — ждали, когда придет Бородач с новостями о кассире.

Группа Чеверса отошла в Талсинский район. Оказалось, что Чеверс вел наблюдение за группой Лидумса в течение шести часов, с одиннадцати утра до пяти вечера, когда решил пойти на переговоры. Для того чтобы обратить на себя внимание, он выслал к расположению лагеря Лидумса своего человека с пилой и автоматом. До встречи с группой Лидумса Чеверс действовал возле Талей и там несколько дней назад совершил ограбление магазина. Чтобы скрыть следы, он отошел в тукумские леса.

Лидумс рассказал, что знаком с Чеверсом еще по службе в буржуазной армии, что его группа тоже поддерживает связь с Будрисом, но сам Лидумс связь с Чеверсом давно потерял и теперь был

рад восстановить ее. Он и Чеверс обусловили «почтовый ящик», с помощью которого должны договориться перед переходом на зимовку о совместном нападении на свиноферму местного совхоза.

— Но то, что Чеверс мог в течение шести часов незаметно наблюдать за лагерем, — сказал командир, — показывает, как непростительно беспечно держится группа. Ну, а если бы это были «синие»? Чем бы все кончилось?

Впрочем, встречей с Чеверсом он был даже доволен. Он послал полный доклад Будрису и теперь ожидал его приезда, чтобы одновременно испросить и согласия на ограбление кассира.

Будрис приехал на встречу вовремя.

Он прикатил на мотоцикле с коляской. В коляске лежала корзинка для грибов. Ни дать ни взять отпускник.

Лидумс и Вилкс, оба с автоматами, лежали в условленном месте. Вилкс взял автомат у Делиньша.

Сначала они пропустили мотоцикл. Подождали, нет ли у мотоциклиста хвоста. Дорога была пустынна и тиха. Пользовались ею, видно, только крестьяне, да зимами, может быть, вывозили лес.

Будрис, развернувшись, возвращался. Лидумс встал и вышел на дорогу. Вилкс остался прикрывать командиров.

Так было заведено с первой встречи. С кем бы Вилкс ни выходил, сначала с Будрисом беседовал посланец отряда. Потом он занимал место Вилкса и охранял вторую встречу. Лидумс настрого запретил «братьям» вмешиваться в дела гостей. Это было правильно. И Вилкс не вмешивался в беседы «братьев» с руководителем. Чем меньше будешь знать, тем спокойнее на душе.

Лидумс помог Будрису закатить мотоцикл в кусты, они уселись на поваленном дереве. Вилкс прислушивался к тишине.

Но вот Лидумс встал, пожал руку Будрису, вернулся к Вилксу.

— Идите, — сказал он.

После приветствия Будрис спросил:

— Какие у вас новости?

— Англичане настоятельно просят сообщить адреса и приметы нескольких хуторов поблизости от морского побережья, на которых можно было бы укрыть новых агентов, подготовленных ими к переброске.

— Время переброски они не указали?

— Нет.

— Ну что же, я попытаюсь что-нибудь сделать, но для этого потребуется не меньше двух недель. Надо не только подобрать безопасные места, но еще и получить согласие хозяев на малоприятное занятие — укрытие неизвестных лиц. Нужны и пароли, по которым те и другие узнают друг друга...

— Я вас очень прошу, дорогой Будрис, не откладывайте это дело. Ведь речь идет о самом главном для англичан — о создании столбовой дороги в Россию! Я вам говорил о своей задаче...

— Я помню, Вилкс...

— И еще: англичане постоянно теребят меня по поводу разведывательной информации...

— Я привез пакет от Приеде. Он собрал кое-что о работе Рижского порта...

— Спасибо! — лицо Вилкса растянулось в улыбке. Но он тут же сказал: — А не могли бы вы передавать мне через кого-нибудь из ваших помощников латышские газеты? Из них тоже можно почерпнуть кое-какую информацию...

— Неужели англичан может интересовать газетная информация?

— Обычная — нет, но я знаю, как ее преподнести.

— Хорошо. Это я вам устрою.

— И последняя просьба: могу ли я получить автомат?

— Лидумс говорил, что вас вооружили.

— Да, пистолетом, но разве это оружие? Мало ли что может случиться!

— Ну что ж, это можно сделать. Лидумс отзывается о вас как о смелом и сдержанном человеке.

— Благодарю вас!

— Пошлите ко мне Лидумса.

Они дружески попрощались, и Вилкс вернулся на пост охраны. Лидумс прошел к Будрису, поговорил немного, помог ему выкатить мотоцикл, подождал, пока стрекочущий этот зеленый кузнечик скрылся из виду, и просигналил отход. Вилкс догнал его.

— Акция разрешена, — сказал Лидумс. — Хотите участвовать в ней?

— Обязательно!

— Будьте осторожны с оружием! Нам совсем ни к чему убийства. Достаточно припугнуть кассира и охранника.

— Да, я понимаю.

— Будрис приказал вручить вам автомат. Это я сделаю по возвращении.

— Благодарю, командир!

Он шел, не чуя ног. Наконец-то он становится полноправным членом отряда. Пусть теперь Кох или Бородач попробуют упрекнуть его в том, что он напрасно ест хлеб «братьев»! Он будет участвовать в акции!

Увы, не обошлось и без разочарования. Когда Лидумс вручал радисту немецкий «шмайссер», Вилкс, принявшись разбирать автомат, вдруг обнаружил, что у автомата короткий боек. Хорошо еще, что Юрка оказался мастером на все руки. Он взял автомат, вытащил откуда-то свои инструменты и через несколько минут вывинтил боек на требуемое расстояние, браня на чем свет стоит тех, кто не умеет стрелять, а заботится о снабжении «братьев» оружием. Он тут же показал свой автомат, на котором был поставлен самодельный боек.

— А будет ли автомат стрелять с таким ненадежным бойком? — забеспокоился Вилкс.

— Попроси у командира разрешение на пристрелку. Может, тебе придется завтра же употребить его в дело, — посоветовал Юрка. Он и сам был заинтересован, удачно ли исправил оружие.

Лидумс не возражал.

Делиньш и Вилкс попросили всех выйти из бункера, завесили плащ-палаткой вход, пристроили мишень, и Вилкс дал две короткие очереди. Автомат стрелял отлично.

Вилкс попытался было испробовать и пистолет, но тут Делиньш возразил: лучше пистолет опробовать в другой раз.

Резон был веский. Особенно веско звучал он сейчас, когда готовилась акция. Не стоит вызывать беду на свою голову. А автомат работал как часы, так что теперь Вилксу не надо будет просить об одолжении, когда командир назначит его на пост или отправит на явку к Будрису. И Вилкс лег в эту ночь спать в обнимку с автоматом, как спали все «братья».

Утром вернулся из разведки Мазайс. Он сообщил, что кассир должен быть в рыбацком поселке на третий день к вечеру.

Лидумс приказал всем готовиться к переходу в новый лагерь.

Четыре человека — участники акции — уходят в засаду одновременно с теми, кто отправляется на новую базу. Перед этим необходимо так замаскировать свой бывший приют, чтобы никому и в голову не пришло, будто тут жили люди.

Два следующих дня «братья» чистили лес. Бункер был замаскирован новым «ветровалом». Деревья с корнями валили на все вытоптаннные тропы, на кухню, на уборную. Прочесали весь лес, как настоящие грибники, но собирали не грибы, а клочки бумаги, окурки, пачки из-под сигарет, даже обгорелые спички. Все это отныне становилось уликами. Собранный в лесу мусор закопали в землю.

Рано утром, в день акции, все, кто не участвовал в ней, простились с остающимися, забрали вещи и оружие и вышли в двадцатикилометровый поход. Прощание было молчаливым.

Только Граф осмелился пошутить на прощание. Он подмигнул Вилксу, показал на автомат, сказал:

— Смотри, не перестреляй своих, когда будешь брать кассира...

Кох угрюмо ответил:

— А что, перестреляет, так ему «синие» орден дадут. Говорят, у них ордена не железные, как у немцев были, а из настоящего золота...

Но никто его не поддержал. Да Вилкс и сам видел, что Кох злится только по привычке. Ему, наверно, хочется участвовать в ограблении, вот он и завидует.

И вот они пошли цепочкой, тяжело нагруженные, и кустарник тотчас скрыл их из глаз.

К вечеру Лидумс, Бородач, Делиньш и Вилкс, последний раз проверив, не наследили ли снова на старой стоянке, пошли в засаду.

Кассир с охранником должны были выехать из Слоки в Талси по шоссеиной дороге, а затем свернуть на проселочную и добираться лесом. В одном месте проселочная дорога пересекала речушку. От моста начинался довольно крутой подъем, на котором лошадь кассира неминуемо пойдет шагом. Это место и выбрал командир для засады.

Печально и глухо гудели мачтовые деревья бора. Вилкс прислушался. Трудно было даже представить, что тут вот, рядом, лежат люди, не выпуская из рук оружия. Жаркое солнце швыряло сквозь листву золотые пятаки, они медленно перекатывались с места на место. Припомнилось, как Вилкс и его коллеги приехали по такой же лесной дороге в лагерь, и в тот миг, когда уже представились командиру, вдруг услышали сигнал, после которого из земли выросли еще два человека с автоматами в руках. Да, эти лесные люди научились прятаться, скрываться, ходить бесшумно, терпеливо, жить в дымных землянках... Научится ли всему этому искусству он, Вилкс?

И нестерпимо захотелось почесать искусанные комарами руки и лицо, захотелось чихнуть, просто встать, наконец, с сырой земли, сесть посвободнее, и ничего этого нельзя было делать. Он подумал:

«Хорошо еще, что сейчас день. А как бы я чувствовал себя ночью?» — и захотелось прогнать эти трусливые мысли, тем более, что где-то далеко взревела автомашина, выбираясь, наверно, из колдобины, потом пронеслась мимо, осыпая лежащего в кустах Вилкса мелкой, похожей на нюхательный табак пылью, и снова наступила такая тишина, словно мир еще не родился.

Осторожно повернув голову, Вилкс взгляделся в небо. Оно было чистое, ясное, но какое-то чужое, опасное, словно и сверху кто-то мог подглядеть, как четверо ставших похожими на зверей «братьев» подкарауливают Человека, потому что только зверям присуще лежать в засаде, терпеливо перенося все мучения, ибо от их долготерпения зависит и сама их жизнь...

Вот так же, по-волчьи, лежали сейчас четыре бандита, — это Вилкс вдруг понял с особой остротой, — именно четыре бандита, а совсем не четверо людей, и поджидали они добычу, без которой могли подохнуть, если и не от голода, так от дурной пищи, от болотной воды, от выстрела охотника, ибо Человек имеет право охотиться на зверей, особенно на хищных.

Мысли эти были отвратительны, но убежать от них было некуда, слишком уж долгой была засада! И Вилкс с горечью подумал: а что, если и другие в их засаде думают так же? Где же тогда героизм, высокое дело, великие замыслы? Может, потому и приучились эти люди ходить по звериным тропам тем же лисьим ходом, каким ходит и настоящая лиса, что стали ближе к зверям, чем к людям?

Додумать эту мысль он не посмел, да и не успел. Командир тоненько свистнул, как свистит черно-серый дрозд, и Вилкс невольно весь сжался от нестерпимого желания, чтобы все это кончилось как можно быстрее!

По мосту тарахтела тележка на железном ходу, дребезжали колеса, позванивали рессоры. Тяжело дышащая лошадь взбежала на половину подъема и перешла с рыси на шаг. В тот же миг «братья» поднялись из кустов и, выставив автоматы, бросились к тележке. Вилкс, которому было поручено остановить лошадь, выдернул вожжи из рук перепуганного кассира и завернул тележку в кусты.

Все остальное происходило быстро, как и было предусмотрено при разработке «акции». Лидумс разоружил охранника, Делиньш и Бородач выдернули простенький дерматиновый портфель из рук кассира, раскрыли его, увидели деньги и торопливо принялись связывать и кассира и охранника по рукам и по ногам. Вилкс привязал лошадь к дереву.

В тележке лежали еще какие-то свертки, подарки, купленные в городском магазине, их брать не стали. Но глаза Вилкса приковались к новеньким хромовым сапогам, голенища которых блестели, отражая дробящееся солнце. Невольно он протянул руку за этими сапогами, слишком уж надоели ему продравшиеся в путешествиях по лесу его резиновые.

Лидумс увидел его борение между желанием и некоторой неловкостью: одно дело — акция, другое дело — просто кража! Усмехнувшись чему-то, сказал:

— Ладно уж, берите, считайте это военным трофеем! И пошли!

Вилкс перекинул через плечо нечаянную добычу, оглянулся еще раз на поверженных людей, которые, кажется, еще не верили, что уцелели, на лошадь, равнодушно тянущуюся к высокоголовому, начинавшему желтеть пырею под деревом, на тележку, на разбросанные вокруг бумаги... И опять что-то неуловимое обеспокоило его. Только отходя, он вдруг понял, что это было... Все напоминало грубую, постыдную кражу, и трудно было оправдать ее...

Только в лесу он немного пришел в себя. Отход оказался куда труднее, чем сама кража. Лидумс торопливо вел их по болотам, по колена, по пояс в воде, а там, где они выползли, наконец, из кишачих гнусом и комарьем болот, заставил натереть подошвы сапог керосином, сыпать табак на свой след...

Окончательно успокоился Вилкс только в лагере, под общий шум и поздравления «братьев». В портфеле кассира оказалось пятьдесят пять тысяч рублей. Да еще военные трофеи — винтовка и хромовые сапоги! И Вилкс, слушая похвалы сотоварищей по лагерю, и сам снова начал восхищаться умелыми и тонкими действиями Лидумса, Бородача, Делиньша, и, конечно, своими.

Уже на следующий день он сочинял тайнописное послание в разведцентр, в котором, не скрывая своей гордости, писал:

«Дорогой Силайс!

Как я уже писал тебе, мы находимся у надежных людей, наших героев-партизан. Это железные люди. Подумать только, как можно жить несколько лет без крова, хлеба, когда каждый необдуманный шаг несет смерть. Из-за куска хлеба люди отдают жизни.

У партизан такой закон, что каждая группа снабжает сама себя — берут все, что плохо лежит.

Еще до нашего прихода группа совершила крупную акцию, добыла солидную сумму денег, но потеряла одного человека.

Перед нашим приходом в группу Будрис запретил нашему командиру совершать акции. Это было сделано только в целях нашей безопасности.

Все лето жили на приобретенные до нашего прихода деньги и на то, что мы привезли с собой. Но деньги уже на исходе.

Поэтому наш командир, по моей просьбе, уговорил Будриса разрешить провести новую акцию.

Через надежных людей были получены достоверные данные о том, что в определенный день и час будет проезжать на подводе кассир рыболовецкого колхоза с деньгами.

Имелись также точные данные о маршруте кассира и его охране.

Я сам принимал личное участие в разработке плана проведения акции и, убедившись, что дело надежное, решил принять в ней участие.

Конечно, это не значит, что я буду все время участвовать в таких акциях. Эгле, как ты сам знаешь, для этих работ неподходящий, и вообще пацифисту в партизанах не место.

Дорогой Силайс, если бы тебе представилась возможность посмотреть на этих ребят, с которыми меня свела судьба, я уверен, что и ты без малейшего колебания согласился бы пойти с ними в огонь и в воду.

Акция была проведена следующим образом:

Я, командир, Барс и еще один партизан заняли позиции и вели наблюдение за дорогой задолго до появления кассира.

Кассир появился только к вечеру, ехал он на подводе и рядом с ним сидел охранник с винтовкой в руках.

Когда лошадь поравнялась с кустами, за которыми мы лежали, по знаку командира все, как один, мгновенно набросились на охранника и кассира. Я схватил лошадь за узду и сразу завернул ее в кусты. Я не успел и оглянуться, как винтовка охранника уже была в руках Барса, а охранник и кассир сидели с поднятыми руками. Охранника и кассира связали, привязали к телеге и заткнули рот, лошадь также привязали к дереву, забрали деньги и ушли. Уходя, тщательно маскировали свои следы, засыпали табаком и поливали керосином, а так же бродили по болотам.

Добыча оказалась не очень большой — пятьдесят пять тысяч рублей.

Как нам стало известно от наших людей, легально проживающих, кассира и охранника нашли только на следующий день. На место происшествия выезжала милиция с собакой, но наших следов они не нашли. Мы в ту же ночь сменили лагерь. Командир похвалил меня за смелые действия, и остальные ребята также довольны мной.

Надеюсь, что скоро и я стану настоящим партизаном, хотя многому еще надо учиться. Я еще первоклассник, а Эгле вообще младенец в партизанской жизни.

В этом письме я так подробно описываю акцию, чтобы тебе была понятна моя жизнь и ты правильно мог обрисовать ее нашим хозяевам.

С боевым приветом

Вилкс»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Торжественно и чинно приближалась длинная, многокрасочная приморская осень.

После первого заморозка комары устроились на зимовку где-то в щелях коры на деревьях и больше не досаждали «лесным людям». Только мелкая мошка еще крутилась столбами при первом намеке на солнечный день, но она была безвредна. Так называемый гнус — северные москиты, величиной с острие иглы, все лето мучившие людей, исчезли начисто. Начиналась самая чистая пора леса, с тонкими запахами, с тихими вечерами, с долгими зорями.

Но человек так далеко ушел от природы, что уже не умеет отдаться под ее защиту. На смену летним огорчениям приходили другие. Не стало комаров, но стало холодно по ночам. Утром, придя к речке за водой для завтрака или для умывания, нужно было сначала разбить ледок, холодная вода обжигала. Вечером в бункере натапливали камелек докрасна и ложились раздетые, а среди ночи принимались натягивать на себя все теплое и просыпались охрипшие, злые. Мазайс, тяжело бухая кашлем, снова спрашивал: «У кого есть кодеин?» — и почему-то оказывалось, что о кодеине опять забыли.

Еды стало больше: началась охотничья пора. Но зато в лесу появились чужие люди да еще с собаками, пришлось удвоить осторожность, чтобы не попасть «на глазок» охотникам. Сами «братья» охотились подальше от бункера, охотились удачно, но когда вспоминали о долгой зиме, которая не за горами, у каждого невольно пробирал холодок по спине, куда сильнее пронизывавший сердце, нежели ночной холод в бункере.

Эгле по-прежнему держался замкнуто. Он не порывался на охоту, на заготовку дров, по грибы, по ягоды, как это делал Вилкс, старавшийся ничем не отличаться от других «братьев», однако работы по лагерю выполнял добросовестно.

На посты по охране лагеря Лидумс ни Вилкса ни Эгле по-прежнему не назначал. Но теперь оба понимали — это не недоверие, а тщательная забота об их безопасности. Делиньш, неумудренный еще большим жизненным опытом, как-то прямо сказал, что в случае

нападения «синих», партизаны обязаны спасти «представителей Запада» даже ценою собственной жизни.

По вечерам много разговаривали о зимовке. «Братья» вспоминали прошлые свои приключения на длинном зимнем отдыхе, называли хуторки, где того или другого из них принимали с открытым сердцем. У Бородача на одном из дальних хуторов была вдовушка, мастерица варить самогон. У нее Бородач катался как сыр в масле. «А придет весна, — рассказывал он, — моя Марта и ревет и бранится, а я все равно усидеть не могу, все жду, когда придет сигнал от командира... Привык, что ли?» — удивлялся и сам он.

Кох собирался вернуться к жене. Жена сообщала, что за все лето никто о нем не спрашивал, и Кох надеялся, что если разрешит командир, ему удастся легализоваться. Двоюродный брат, рассказывал Кох не без гордости, стал писарем в районном Совете. Возможно, брат достанет чистые документы.

Разговоры эти происходили без Лидумса. При командире на них не решались. Говорили, что командир не любит, когда бередят душу разговорами о доме. У самого Лидумса уже много лет нет никакого дома. Кажется, этот железный человек мог прожить всю зиму в лесу в полном одиночестве.

Но, как видно, ржа и железо ест. Иногда Вилкс заставлял командира у мольберта и вдруг замечал эскиз — море, берег и девушка, с неясным лицом, обращенным к зрителю, и чувствовалось, что художник боится выписать это лицо.

Иногда появлялась на эскизах командира высокая строгая женщина с суховатым бледным лицом, со скорбно, а может, обидчиво поджатыми губами, но эти эскизы Лидумс торопливо замазывал.

В эту пору, пору дождей и всеобщего увядания, времени у лесных людей стало много, так как никто не стремился наружу из теплого бункера, поэтому больше разговаривали, порой тоскливо вспоминали прошлую жизнь.

Начинал такие разговоры обычно Кох.

— Эх, теперь бы на Елизаветинскую закатиться в «Эспланату» или в Старый город к Залцману! Сколько я там водки выпил!

— А помнишь, — подхватывал Мазайс, — как немецкий офицерик уронил в трамвае десять пфеннигов и не может найти, затемнение в городе, лампочки только зеленые, а кондуктор зажигает

ассигнацию в пятьдесят марок с голубой крестьяночкой, говорит: «Разрешите, герр офицер, я вам посвечу...»

Порой Вилксу казалось, что «братья» являются полными хозяевами леса. Тогда он передавал решительные телеграммы в разведцентр о том, что им подысканы и подготовлены площадки для приема самолетов с вооружением и людьми, обуславливал нужные сигналы с земли и воздуха, но англичане что-то не очень торопились исполнить свое обещание, — то ли не верили, то ли побаивались противовоздушной обороны. Они все больше настаивали на передаче секретных сведений о промышленности и вооруженных силах, расположенных в Латвии. Но эти сведения мог поставлять только Будрис, у которого, как понял Вилкс, была разветвленная группа или связи с другими националистами, помогавшими собирать эти сведения. Изредка присылал письма Приеде, — он давал сведения по Риге.

Но когда Вилкс начинал вслух мечтать о «широкой дороге», кто-нибудь из «братьев» вдруг загадочно говорил:

— погоди, что ты запоешь зимой, когда каждый след на снегу виден!

— А что тогда?

— А то, что любой лесник или охотник, каждый лесоруб или просто колхозник, выехавший на лесную поляну за сеном, может тебя обнаружить. А от чекистских групп уйти не так просто, особенно зимой.

— Но ведь вам же помогают...

— Одни помогают, а другие ждут не дождутся, когда нас перестреляют! — равнодушно говорил Мазайс.

Вилкс и верил, и не верил. После акции они жили в таком спокойном месте, куда, думалось ему, никогда и человек не заглядывает, только лай диких козлов слышится по ночам да изредка начинают подвывать волки.

Но в один из таких спокойных дней отсиживавшиеся от дождя в бункере «братья» вдруг услышали глухо прокатившийся одиночный выстрел из чехословацкого «шмайссера». Выстрелили недалеко от бункера, а так как «шмайссер» был только у Юрки, а Юрка стоял на выдвинутом по лесной просеке посту, то Лидумс тут же отдал приказ занять круговую оборону.

Все выскочили под мелкий нудный дождь и залегли в заранее определенных местах. И Вилкс увидел Юрку.

Юрка бежал к бункеру, оглядываясь так, словно за ним гнались. Лидумс поднялся с мокрой земли, окликнул его:

— Что случилось?

— На меня напоролся какой-то охотник и попытался меня обезоружить. Пришлось прострелить ему руку.

— Где охотник?

— Скрылся в лесу да еще пригрозил, что скоро вернется сюда с милицией.

Лидумс посвистел, собирая людей, приказал:

— Распределите ношу! Мы уходим на запасную точку! Бункер можно не маскировать, его все равно найдут и разорят.

Через десять минут все были готовы к дальнему походу. На этот раз ни Вилкса ни Эгле не обошли: груза было слишком много, и надо было спасти все, что можно, от уничтожения.

Шли через болота, тщательно уничтожая следы. Вилкс думал, что заблудился бы в этих болотах на третьем шагу, но Лидумс вышагивал впереди с такой уверенностью, словно он вырос в этих местах.

Сделали короткий привал в самое глухое время ночи, а чуть развиднелось, пошли дальше. Судя по быстроте хода, сделали не меньше сорока километров. Миновали утром еще одно болото, шагая по пояс в холодной воде, и, наконец, вышли на островок, поросший густым ельником. Здесь Лидумс остановил группу и указал на небольшие елочки:

— Вот наш новый дом!

Только тут Вилкс приметил заросший травой протоптанный ходок в гущину. Лидумс поднял повисшие ветви, сбил с них дождевую влагу и показал тайный лаз.

Бункер был старый, оставшийся от войны. Его надо было срочно чинить.

Работали без шума. Пилили деревья ножовками, копали глину для печи и тут же закрывали яму дерном, чтобы не осталось следов. Только на третий день была готова маленькая печка, и можно было обсушиться.

Однако никто не жаловался, не проклинал охотника, который выследил Юрку и выгнал их из обжитого жилья. И Вилкс понял: в этой

стране «лесные братья» такие же нежеланные гости, как и он сам.

В начале ноября зарядили дожди.

Люди целыми днями лежали на нарах, постепенно перестали разговаривать. Порой вспыхивали ссоры. Но Лидумс был начеку. Всякие ссоры он гасил самым простым способом, — немедленно отправлял зачинщика в наряд вне очереди. Поэтому люди крепились.

На третий день бункер затопило, Лидумс приказал вооружиться саперными лопатами и обкопать бункер.

После этой аварийной работы, на которой Вилкс показал себя не хуже других, Лидумс сам заговорил о зимовке.

Он сидел босой в чуть подсохшем бункере, отогреваясь у восстановленного камелька, задумчиво поглядывая на огонь, когда Вилкс, мокрый, пропахший потом, ввалился в бункер и рухнул, не раздеваясь, на нары. Лидумс вдруг вскинул голову, спросил:

— Устали, Вилкс?

Вилкс невольно поднялся, сел.

— Не больше, чем другие, командир! — ответил он сдержанно.

— Пожалуй, больше! — Лидумс улыбнулся, объяснил: — У вас нет должной привычки. То, что для нас обычно, для вас — ЧП. Но вы работали отлично.

— Благодарю.

Лидумс заложил руки за голову, сладко потянулся, зевнул, сказал:

— Завтра мы с вами, Вилкс, отправимся на разведку. Сопровождать нас будет Делиньш. Постарайтесь как следует отдохнуть, дорога предстоит дальняя. Мы пойдем в соседний район. Там есть хутор Арвида, если он вам подойдет, перезимуете там... Идти будет легко, нынче ударит заморозок...

Этот Лидумс понимал природу куда лучше Вилкса. Ночью, ежась от сырости, Вилкс огорчался, что путешествие пройдет под дождем, а когда проснулся и вылез из бункера, над миром сияло ясное холодное солнце осени.

Делиньш и Лидумс уже завтракали, когда Вилкс проснулся, — ему дали поспать после вчерашней передряги, но по всему было видно, что они готовы к дальнему пути. За командира распорядился Мазайс, Лидумс молчаливо наблюдал за его усердными стараниями сделать все так, как если бы распорядился сам командир. Радуюсь солнечному дню, Мазайс распределял людей: кого — на охоту, кого —

на сбор ягод и грибов, кого — на пост. Рюкзак Вилкса был уже приготовлен, в нем лежали банки драгоценных консервов — «братья» давно жили на подножном корму, — пара теплого белья, шерстяные носки, пачка русской махорки.

Вилкс торопливо умылся, сел за стол.

Даже Эгле несколько оживился, отыскал в своем мешке пачку сигарет, дал Вилксу на дорогу, вышел проводить путников в долгий поход и отстал только у наружного поста, на котором стоял Бородач.

Вилкс оглянулся перед дальним путем на лагерь. Бородач и Эгле помахали руками, ели и березы тоже словно бы взмахнули прощально своими длинными лапами, процокала какое-то напутствие белка, с любопытством взглядывая на путников, прокричала сорока — самый хитрый лесной разведчик, а затем замелькали перед глазами пятки Делиньша да носки собственных сапог, началась долгая лесная дорога, без троп, без следа, наугад через леса и поля.

К вечеру добрались до тукумских лесов. Там устроили ночной привал и дневку. Лидумс предложил дальше идти ночью: места чужие, тут совсем недавно свирепствовала группа Чеверса, кто знает, не перекрыты ли и до сих пор дороги, по которым Чеверс бежал от расправы из Тукумса к озеру Энгуре...

Когда начало смеркаться, пошли снова. Ночной поход был куда тяжелее.

Каждое дерево казалось врагом, норовившим выколоть глаза и ударить по лицу. Впереди опять шел Делиньш. Парень ухитрялся как-то видеть и ночью! За Делиньшем, порой наступая ему на пятки, шагал Вилкс, замыкал шествие Лидумс.

Они шли в таком порядке долго, когда вдруг Делиньш остановился, едва удержав налетевшего на него радиста, обернулся и шепнул:

— Командир, там свет прожекторов!

Лидумс ответил спокойно:

— Это военный аэродром. Придется идти мимо него, другой дороги нет. Обход займет слишком много времени, притом вблизи населенный пункт, а справа река, через которую нам в это время года не переправиться...

Когда-то, еще в шпионской школе, Вилкс тщательно изучал методику сбора сведений об аэродромах. Все было так же, как и

сейчас. Он приближался к аэродрому, снабженный фальшивыми документами, а порой и без документов, разведывал все, что находилось на аэродроме, и затем, вернувшись в школу, готовил отчет инструктору о выполнении задания.

Тогда его восхищало умение англичан готовить людей для выполнения заданий в стане врага. Ведь и Вилкса и его коллег предупреждали, что если они будут схвачены во время выполнения этих практических занятий, то секретная служба не станет выручать их до тех пор, пока не сочтет это нужным. Но Вилкс шел и выполнял задания одно сложнее другого, и у него было легко на душе, его ставили в пример за бесстрашие, решительность, умение.

И вот перед ним первый советский аэродром. Почему же по коже ползут мурашки?

Лидумс пошел впереди, за ним — Вилкс, за Вилксом — Делиньш. Они видели колючую проволоку, ограждавшую аэродром, видели взлетные дорожки и радиолокационные установки, видели, как поднимаются ночные реактивные истребители, оглушая своим ревом и заставляя путников пригибаться к самой земле, словно вот-вот заденут их головы, видели бензохранилище и ремонтные мастерские, видели часовых на вышках, осветленных прожекторами, обшаривающими низкое, мрачное небо... Ну и что пригодится тебе из этого виденного, Вилкс?

Вилкс шел не дыша, так, во всяком случае, ему казалось. Лидумс двигался спокойно, методически. Заметив, как волнуется его спутник, Лидумс бросил через плечо:

— Спокойнее, Вилкс! Они разглядывают не нас, а небо!

Но только оставив аэродром далеко позади и перейдя через реку где-то в пятнадцати километрах от аэродрома, Вилкс вздохнул спокойно. Теперь лес казался ему лучшей защитой от неожиданностей.

Начало светать, когда они опять залегли на дневку. Маленький костерок устроили возле самой раскидистой ели. Дымок медленно полз меж сучьями и истаявал где-то у вершины начисто, так что издали его никто не смог бы обнаружить.

В путь двинулись засветло. Лидумс объяснил: места знакомые, можно не опасаться.

Все больше становилось распаханых участков, все чаще попадались луга, окруженные ольхой, ветлами, серыми тополями, все

чаще слышался лай собак, тягучий перестук тракторов, — в хуторах собирали урожай. Вилксу даже подумалось, — ничего не изменилось на этой земле! Так же вечно стоят хутора, отделенные один от другого полями и перелесками, так же хозяева собирают урожай по осени, чтобы потом всю зиму отдыхать, изредка съездить в волость, посидеть в пивной, повстречаться с соседями, которых иначе и не увидишь...

Он уже размышлял о таком хуторке, когда Лидумс разрушил его мечты одним замечанием:

— Заметили, Вилкс, как много пустых хуторов?

Вилкс пригляделся. С холма, на котором они находились, видны были три хутора, и ни над одним из них не было печного дыма, ни в одном не светились окна. Он растерянно спросил:

— Выселили?

— Нет, переехали в селение. Большевикам удалось доказать многим хуторянам преимущества жизни в селениях. Во-первых, большевики ввели бесплатное обучение в школах, во-вторых, строят клубы, в-третьих, больницы. И теперь часто можно видеть, как хуторяне свозят в одно место свои дома, если они еще годны для жилья, или ставят новые.

Он сказал это без осуждения, спокойно, как-будто давно уже примирился с тем фактом, что старая хуторская Латвия исчезает на его глазах. Вилкс невольно спросил:

— Неужели нельзя протестовать?

— А кто будет протестовать? Хуторяне сами выносят постановления о сселении, сами выбирают места для будущих поселков, сами строят эти клубы, детские ясли, больницы. Им тоже надоело выть всю зиму по-волчьи от одиночества...

— Но как же тот хутор, куда мы идем?

— Арвид — лесничий. Его участь такая — жить в лесу...

Поздно ночью они подошли по лесной дороге к одинокому дому.

Лидумс оставил спутников на дороге и тихо пошел вперед. В темноте смутно вырисовывались сарай, хлев, баня и сам дом, довольно высокий, белевший заплатами из свежих бревен.

Лидумс тихонько постучал в окно три раза, подождал и стукнул еще дважды. Тотчас в доме началось движение, вспыхнул робкий огонек керосиновой лампы, щелкнула тяжелая металлическая

задвигка в сенях, слышались тихие голоса. Лидумс вернулся и сказал:

— Нас ждут.

Это были такие емкие слова! В них укладывались ужин, баня, свежая постель. Как давно прошли времена, когда Вилкса где-то ждали!

Рослый веселый усач в рубашке с расстегнутой «молнией», в длинных брюках и домашних туфлях стоял в сенях, освещая дорогу семилинейной лампой с привычным стеклом, каких нигде, кроме родной Латвии, не видал Вилкс, — кругленький маленький пузырек над фитилем и длинная узкая трубка. Свет в лампе от сильной тяги казался белым.

— Раздевайтесь, гости, устраивайтесь, а я сейчас баню истоплю, — сказал хозяин, и этих именно слов ждал Вилкс.

Лидумс познакомил хозяина с Вилксом. Делиньш и Арвид обнялись как старые друзья после долгой разлуки. И Арвид ушел на двор хлопотать о бане, а Делиньш принялся растапливать печь.

Все трое разделись и разулись, с удовольствием шлепали босыми ногами по деревянному, чисто вымытому полу. Вилкс спросил:

— Арвид живет один?

— Да. Он считает, что дешевле содержать корову, чем жену. Но у него есть родственники, племянницы, что ли, навещают, — видите, как тут чисто.

— А одному тут не опасно?

— Случаются и неприятности. Предшественника Арвида убили в этом же доме. Но что поделаешь — кто-то должен охранять лес. А Арвид еще выполняет задания Будриса.

И Вилкс опять подивился силе этого таинственного Будриса.

Арвид очень понравился Вилксу.

Понравился и тихий хутор.

Никто не приходил сюда, никто не шел мимо. Можно было часами сидеть у окна и смотреть на дорогу, на линяющие деревья, — еще час назад на дереве было полно листьев, но вот ударил ветер, и дерево оголилось, словно уже не в силах нести свой наряд. Арвид был и весел, и отзывчив на шутку, и в тоже время понимал, когда надо молчать, чтобы не докучать своим гостям. В ту ночь, после долгой жаркой бани, Арвид поставил на стол все, что у него было, достал

даже пиво, наваренное, наверно, для праздника, а утром принялся жарить лепешки, управляясь у печки не хуже женщины.

Утром Арвид провел гостей по окрестностям своего домика, показал скрытные пути отхода, в доме показал заранее устроенный небольшой бункер — чистый, обшитый досками подвал под печью, в котором было очень тепло. Делиньш, переодевшись в хозяйский костюм, сходил в соседний поселок, принес еды и водки.

После этого два дня отдыхали. Спали, ели, разговаривали о будущей зиме.

Вилкс много времени проводил у радиоприемника, слушая передачи из Риги, Москвы, Стокгольма и Лондона. Его интерес к событиям мира был понятен: от них многое зависело в его судьбе и в первую очередь то, сколько ему придется пробыть в Латвии. В лагере радио слушали редко, аккумуляторы предназначались для передач, а зарядка вручную не вызывала большого энтузиазма ни у кого, в том числе и у самого Вилкса.

Однажды он настроился на радиостанцию «свободная Европа». Диктор болтал по-латышски о голодной жизни рыбаков Латвии. Лидумс, прислушавшись к передаче, вдруг возмущенно сказал:

— Неужели эти болваны до сих пор не могут понять, что делается в Латвии? Пользовались хотя бы официальной информацией, ведь есть же у них переписка беженцев с нашими латышами, бывают наши моряки и рыбаки в их портах. Даже и горькая правда лучше сладкой лжи! Неужели они надеются при помощи этой лжи распропагандировать нас? Да мои ребята, проводя всю свою жизнь в лесах, скрываясь от преследования, все равно лучше знают, как трудно нашим соотечественникам, ушедшим на Запад, заработать трудовой лат у тех, кто собирается оказывать нам всяческую помощь в восстановлении свободной Латвии...

Вилкса поразила горечь, прозвучавшая в словах Лидумса. Он вдруг вспомнил и свои собственные унижения, когда пытался хоть как-то устроиться в свободном мире. Да, возмущение Лидумса понятно. И откровенно ответил:

— Я тоже много думал об этом, только боялся высказать свои мысли. Эти идиоты, ответственные за пропаганду, все делают на смех. И сомнительно, чтобы они чему-нибудь научились. Хозяева этой

станции — англичане и американцы. А они всегда считали нас черной костью.

Вращая верньер приемника, Вилкс попал на болтовню стокгольмских радиокомментаторов, сообщавших о подготовке конкурса женской красоты, который будет закончен в канун Нового года, в день святой Лючии из Сиракуз — национальный шведский праздник. Радиокомментаторы в два голоса описывали прелести претенденток на звание «мисс Стокгольм». Вилкс частенько рассматривал в шведских газетах портреты этих красавиц. Но сегодня, после вранья о нищих латышских рыбаках и эта передача показалась ему глупой. Вилкс поймал Ригу и вслушался в музыку.

Передавали концерт. Величественная мелодия Баха пронизала, казалось, все мировое пространство, ударила в сердца, зажгла звезды в небе. Вдруг Вилксу показалось, что его ударили чем-то тяжелым: рижский диктор объявлял, что выступает артист Валдис Рейнис...

— Лидумс, я не ослышался, действительно назвали Рейниса?

— Да. А что тут удивительного? Он репатриировался из Швеции.

— И по-прежнему на сцене?

— Вы же слышали.

— А жена? Где его жена?

— Жена приехала с ним. Говорили, что тут была романтическая история. Они бежали из дому тайно и явились в советское посольство. Их вывезли в Ригу, устроили молодого Рейниса работать, и с той поры еще несколько сот латышей попросились обратно на родину.

— Но ведь отец жены Рейниса — генерал старой нашей армии! — только и воскликнул Вилкс.

— А большевики говорят, что дети не отвечают за отцов! — холодно сказал Лидумс.

Вилкс задумался.

Судьба шпиона забрасывала его и в Швецию. Там он познакомился с генералом латвийской буржуазной армии Тепферсом. Правда, связала их — генерала и лейтенанта — не служба в армии, а разведка. Тепферс занимал официальный пост в шведской разведывательной службе, но главным его хозяином, как и хозяином Вилкса, был представитель «Интеллидженс Сервис» Маккибин, по кличке «Санди» или «Анкль».

Вилкс помнил бледную, задумчивую красавицу фреккен Алдону, помнил и влюбленного в нее молодого Валдиса Рейниса. Ходили слухи, что старый Рейнис, артист с мировым именем, пытался вернуться на Родину, но латышские националисты угрозами и посулами удержали старика в Стокгольме. Однако перед смертью Рейнис завещал сыну непременно вернуться в Латвию.

В доме генерала постоянно подшучивали над этим завещанием старика. Однако сам Валдис Рейнис относился к последним словам отца со всей серьезностью. И только любовь к дочери генерала удерживала его в Швеции.

И вот они оба бежали из «свободного мира».

В последний день отдыха Вилкс не подходил к приемнику. Лидумс понял: бережется! Боится еще чем-нибудь ранить сердце.

Возвращались в лагерь в приподнятом настроении. Даже переход в семьдесят километров, не пугал, — известно, по знакомой дороге и идти легче!

Ночью снова прошли мимо аэродрома. За железной проволокой шла деятельная учебная жизнь, взрывывали и вдруг вставляли свечой самолеты-истребители прямо над головами притихших путников, вспарывая молчаливое темное небо. Полыхали прожекторы, горели красным и зеленым посадочные огни.

На дневку залегли, оставив аэродром далеко позади. Об аэродроме Вилксу почему-то не хотелось разговаривать. В Англии уверены в полном преимуществе западной авиации над советской. Но то, что увидел Вилкс, лишало его этой уверенности...

Но когда на третий день достигли лагеря, настроение у Вилкса снова улучшилось. Больше всего его тешило, что они дважды прошли под самым носом у большевиков вдоль аэродромного поля! Страхи остались позади.

Перед уходом на «зимние квартиры» Лидумс предложил провести охоту на козуль. Пособнику будет приятно, если «гость» принесет с собой хоть маленький подарок... А ведь они собираются прогостить у своих хозяев всю зиму!

Маленькие стайки козуль в окрестностях лагеря попадались постоянно. Охотники в такие дебри не заходили, а сами «братья» в окрестностях лагеря не стреляли. Поначалу Вилкс и Эгле часто вскакивали среди ночи, услышав громогласный вопль старого козла, вызывающего на бой молодых соперников, пока не убедились, наконец, что лесные звери для них безопаснее людей.

Для охоты отобрали автоматы с надульными глушителями — после нападения мирного охотника на Юрку все поняли, что лучше охотиться без лишнего шума.

Рано утром первого декабря охотники — среди них был и Вилкс — покинули лагерь. В бункере остались Эгле и вечно простуженный Мазайс. Мазайс решил, что от его кашля даже медведи разбегутся, а Эгле не разрешил идти командир.

Оделись легко, — каждый понимал, что в тяжелых полушубках и пальто за козулями не угонишься, охотиться-то надо без собак, увидел — стреляй! Что добыл, то и твое.

Сначала шли по двое. Вилкс пристроился в пару к Делиньшу, он верил, что парень удачлив.

Скоро кое-кому и в самом деле повезло — слышались отдельные выстрелы, но Делиньш и Вилкс отошли уже километров на пять, не заметив ни одного следа, ни одного оципанного куста, ни одного лежбища. А на востоке и на западе слышались глухие выстрелы «шмайссеров» с надульными глушителями, и это показывало, что удача бродит в стороне.

Внезапно Делиньш вытянулся, выглядывая из-за высокого кустарника вперед, на прогалину, подавая в то же время сигнал Вилксу, чтобы тот притих. Вилкс осторожно раздвинул кусты.

На прогалине, белой от свежего снега, стоял козел, насторожив уши и высоко подняв красивую рогатую голову. По опушке, на

противоположной стороне прогалины, паслись самки. Гарем был большой, должно быть, козел старый боец, из тех, что так пугали по ночам Вилкса и Эгле.

Делиньшу действительно повезло: он вышел на стадо с подветренной стороны, и вожак пока не слышал запаха человека. Но что-то беспокоило его, может, отдаленные выстрелы, может быть, испуганное звеньканье птиц, которые всегда первыми замечают человека.

Делиньш выставил вперед автомат, шепнул:

— Я бью по козлу, вы стреляйте по козулям.

Вилкс встал рядом, прицелился и, едва Делиньш шепнул одними губами: «Начали!» — нажал на спуск.

Пули легли веером в снег, не долетев до козуль. Только в самый последний миг охотник успел упредить одну из высоко подпрыгнувших самок, та рухнула всем телом, потом вскочила снова и бросилась за другими, показывая белый «вымпел» короткого хвоста. Козел, пронзенный не одной, наверное, пулей, прыгнул в чащу и свалился.

Вилкс бросился за раненой козой. В пылу погони он не слышал ни крика Делиньша, пытавшегося остановить его, ни сигнального выстрела, сзывавшего охотников, он бежал, прыгая через пни, колдобины, промоины, не сводя глаз с единственного нужного ему следа, окрашенного кровью.

Козуля давно уже мчалась одна, отбившись от стайки, может быть, раненная смертельно, но еще подвластная инстинкту самосохранения.

Под снегом забулькала вода. Козуля пыталась еще спастись от преследователя и мчалась через болото, куда-нибудь на потайной островок, может, туда, где родилась и выросла, ни разу не встретив опасности.

Он увидел светло-серое съезжившееся тельце прямо перед собой, на белом снегу, странно уменьшившееся, как только козуля упала, сделал еще прыжок, второй — и ухнул по пояс в ледяную воду.

Вилкс выругался, чувствуя, как холод подходит под сердце, положил тяжелый автомат на кочку и побрел по воде, разгребая ее руками, как веслами.

Наконец он дотянулся до козули, — она была мертва, — и вскинул ее на плечо.

Обратно идти было легче — след в след по пробитой им тропе, — но вода казалась все холоднее и холоднее, вот уже, кажется, останавливается сердце, вот темнеет в глазах... Однако он добрался до автомата, ухватил его за ремень, и опять пошел дальше.

Когда Делиньш разыскал по следам своего напарника, тот уже выбивался из сил. Делиньш забрал его груз, но больше ничем помочь не сумел. Спичек у него не было — не курил, а о том, что, может, придется обсушиваться в лесу, — не подумал. Козулю спрятали, Делиньш снял с Вилкса автомат, и к вечеру охотники были дома...

Вилкс еще притворялся веселым, но Лидумс, узнав о его злоключениях, приказал Делиньшу растереть его водкой и уложить.

Вилкс проснулся от щекочущего запаха жареного мяса. Делиньш уже вернулся из похода за добычей, козла разделали и зажарили целиком на костре. Вилкс заторопился к пиршественному столу, оперся на локти, чтобы вскочить и бежать умываться, а потом есть, есть, есть и вдруг вскрикнул, повалился навзничь, тараша испуганные глаза.

— У меня, кажется, отнялись и руки и ноги, — виновато пробормотал он в ответ на вопросительный взгляд Лидумса.

— Вы накликаете что-то слишком много несчастий на одну голову! — пошутил командир. — А ну-ка поднимайтесь! Для вас оставили самый вкусный кусок, седло дикой козы... — он протянул Вилксу руку, но тот не спешил принять помощь, все лежал с затаенным страхом в глазах, будто прислушивался к тому, что случилось с его телом.

— Мазайс! — позвал командир.

Вдвоем они подняли и усадили больного. Делиньш принес ему умыться. Но каждое движение причиняло Вилксу невыносимые страдания.

— Мазайс, ты у нас чаще всех болеешь, может, ты скажешь, что такое с Вилксом?

Мазайс задумался с видом заправского консультанта, пощупал пульс, потыкал пальцем в мускулы рук, ног.

— Видно, воспаление нервов. С ногами это бывает, ишиас называется, я как-то две недели пролежал, а вот почему ему и руки

прихватило, не понимаю. Нужно тепло. Делиньш, тащи пару небольших валунов, будем нагревать и подкладывать под поясицу... Муравьиного бы спирту достать для растирания, да теперь уже поздно, все муравейники снегом занесло.

После завтрака Вилкса уложили возле самой печки. Делиньш постарался, накалил голышей, нагрел их, обложил больного с таким усердием, что чуть не изжарил его, как жарили утром козла, Лидумс выдал последнюю бутылку водки для растирания.

Днем Вилкс много спал, но и во сне стонал. А просыпаясь, испытывал еще большие мучения. Мазайс и Делиньш — его добровольные санитары — сбились с ног, то поворачивая больного, то усаживая, то укладывая поудобнее.

Даже зачерствевший в своих личных горестях Эгле вдруг принялся ухаживать за коллегой, видно, подумал, как трудно будет ему выбираться отсюда, из лесу, на Запад без Вилкса.

Следующие дни не принесли никаких перемен. Боли оставались такими же острыми.

Лидумс отправил Делиньша за медикаментами и поручил раздобыть заглазный совет от какого-нибудь врача, чем лечить странную болезнь.

Делиньш вернулся через два дня и принес пузырьки с пчелиным ядом, со змеиным ядом, еще какую-то адскую смесь из эфира и хлороформа, которая, при растирании обжигала не только больного, но и его лекаря. А главное средство лечения, сказал безвестный деревенский врач, — теплая комната с горячей кирпичной лежанкой, а еще лучше — больница...

В этот вечер Лидумс подсел к больному, сказал:

— Совершить такой переход, какой мы сделали две недели назад, нам уже не удастся. Но и оставлять вас в этих условиях, где и здоровым-то тяжело, я не хочу. Если вы рискнете пробраться через населенные пункты — а это в нашем положении тоже опасно, — я попытаюсь организовать ваш переезд на хутор Арвиды.

Вилкс торопливо кивнул.

— Все это может закончиться нашим провалом...

— Будем надеяться на бога... — пробормотал Вилкс.

— Хорошо. Санный путь установился, на реках лед, можно попытаться. Завтра я отправлюсь добывать подводу. Вернусь через

три-четыре дня. Потерпите, Вилкс, это время...

Утром Лидумс поручил лагерь Мазайсу и отправился в трудный путь.

Через три дня он вернулся. Был темный сырой вечер, лес придавило туманом. Лидумс возник в проеме дверей, поздоровался с «братьями», подошел к молчаливо ожидавшему Вилксу.

— Ну, как здоровье?

По одному виду командира, по его улыбке Вилкс понял, что все в порядке. Он попытался сесть. Делиньш подхватил его под мышки, усадил.

— Можно ехать? — спросил Вилкс.

— Да. Лошадь на просеке.

— Как, и вы со мной?

— Да. И Делиньш и Эгле.

Все принялись обряжать Вилкса в дорогу. Один подарил толстые носки, другой отдал свои еще новые болотные сапоги, третий раздобыл толстое шерстяное белье. Вилкс пошутил:

— Наряжаете, как жениха!

— Только в строй возвращайся, а невесту мы тебе отыщем!

— Ничего, весной увидимся!

От бункера до подводы больного несли на носилках.

Большая, серая, расплывающаяся в темноте, как привидение, лошадь была запряжена в длинные сани, заложенные сеном. Вилкса положили на сено, закрыли меховой полостью. Лидумс сел впереди, взял вожжи. Делиньш и Эгле устроились в ногах больного. Прощальные возгласы — и вот уже дорога.

Арвид принял гостей радушно, посочувствовал больному, передвинул кровать для него к самой печке. Он объяснил, что ему и самому надоело зимнее одиночество в лесной сторожке...

Арвид занимал две комнаты из трех. Третья, выходящая к лесу, была предназначена для Вилкса, Эгле, Лидумса и Делиньша. Так что жили снова в привычных условиях, даже бункер был устроен, похожий на лесной, хотя все и надеялись, что смогут обойтись без него, и партнеров для любой карточной игры хватало. Если Лидумс или Делиньш были заняты, приходил Арвид.

В спальне у Арвида, на окне, чтобы случайный прохожий мог видеть, стоял приемник. Антенна, поставленная на крыше дома для этого приемника, вполне подходила для передатчика Вилкса. Передатчик, оружие и всякое другое снаряжение были спрятаны в тайнике, под полом.

Делиньш имел вполне приличные фиктивные документы, поэтому он зарегистрировался в сельском Совете как квартирант Арвида. Лидумс вообще не очень побаивался милиционеров. Поэтому он и хозяин хутора взяли на себя сношения с внешним миром, ездили на лошади лесника в соседнее селение, до которого было десять километров, за продуктами и газетами, разузнавали новости...

Первые дни Вилкс и Эгле отдыхали. Затем Вилкс попросил устроить ему встречу с Будрисом.

Будрис, извещенный Лидумсом о болезни Вилкса, привез с собой врача.

Как только послышался условный стук в окно, Лидумс, Делиньш и Эгле спустились в подпол. Арвид зажег лампу, осмотрел в последний раз жилье, — ничто как будто не напоминало, что тут только что спали четверо, — лежал один Вилкс, привычно охая при каждом движении.

Врач был рослый мужчина, седой, стриженный коротко, так что розовая его голова чем-то напоминала рождественского поросенка, которого ставят на стол, не хватало только бумажного цветка в пасти. Врач обил снег с высоких башмаков своей шапкой, повесил пальто, погрел руки возле печки, хмуро спросил:

— Где ваш больной?

Он словно бы и не видел ожидающих глаз Вилкса, и только тогда обратился в его сторону, когда Будрис подвел его к постели больного.

Хмурый голос и грубое лицо врача как-то обидели Вилкса.

Между тем врач присел на табурет возле кровати, бесцеремонно сдернул одеяло и принялся щупать холодными руками вялые ноги и руки Вилкса. Делал он это ничуть не мягче, чем когда-то ощупывал Вилкса Мазайс, и руки у него были грубые, шершавые, так что каждое прикосновение раздражало.

Будрис, стоявший у печки, внимательно взглянув на посеревшее лицо Вилкса, сказал:

— Осторожнее, доктор! Больной мучается уже много недель...

Врач положил руки на колени, долго сидел неподвижно, потом сказал:

— Нервы... — и, помолчав, снова: — Нервы...

Вилкс с возрастающей неприязнью смотрел на врача, потом спросил:

— Что же вы посоветуете?

— Тепло. Витамины. Электризация.

— А если нет электричества?

— Ждите весны. Солнце поможет.

— Запишите мне название болезни по латыни, — вдруг попросил Вилкс.

— Это еще зачем вам? — с внезапным подозрением взглянул на него врач.

— Я попрошу друзей прислать мне лекарства из-за границы.

— Я в ваших связях с заграничными не участвую! — резко сказал врач и встал. — Я не знаю, кто вы и где вы заболели. Я только советую: тепло, электризация, солнце...

Будрис, тихо стоявший у печки, сочувственно спросил:

— Но это не паралич?

— Какой там паралич! — с оскорбительным пренебрежением ответил врач. — Обыкновенное воспаление нервных окончаний. Прележит месяц-другой — и встанет. — И требовательно приказал: — Отвезите меня в Тукумс на автобусную станцию! К утру я должен, быть в Риге...

Арвид помог врачу одеться и вышел с ним. С улицы послышались скрип полозьев, ржание коня. Арвид отправился в Тукумс, за десять километров. Там он останется до утра, у родственников, а потом сходит в аптеку и привезет еще какие-нибудь бесполезные лекарства, если этот «доктор» сумеет написать по латыни хоть одно слово. Вилкс чувствовал, как злость постепенно подступает к горлу, не дает дышать.

Он нащупал костыль, стукнул в пол. Из подполья, волоча с собой одеяла и туфляки, поднялись Эгле, Делиньш и Лидумс.

— Ну, что сказал врач? — спросил Эгле.

Вилкс устремил злобный взгляд на Будриса и отчетливо сказал:

— Это был не врач...

— Кто же? — воскликнул Эгле, тревожно озираясь.

— Черт его знает, кто, может быть, чекист...

— Ты с ума сошел! — Делиньш бросился к постели Вилкса. — Почему ты решил, что это чекист?

— Спроси у Будриса! — повелительно крикнул Вилкс.

Будрис молча стоял у печи. Он даже не пошевелился. Руки его были простерты над горячей плитой. Он медленно произнес:

— Вилкс все еще живет по английским законам. Он думает, достаточно заплатить, и все будет хорошо. Я пробовал пригласить лучшего врача Риги, но когда врач понял, что больной живет нелегально, он отказался. Тогда пришлось обратиться к бывшему фельдшеру немецкой армии, он согласился помочь больному. Вот и все. Но я лично согласен скорее лечиться у такого фельдшера, чем у профессора, которого надо бояться. Я могу еще понять Вилкса, он действительно болен нервной болезнью, но простить его не могу! Он должен был подумать и о безопасности своего лекаря. Зачем лекарю оставлять в руках подозрительного человека бумажку со своим почерком? А если этого подозрительного как раз и схватят?

— Но... господин Будрис...

— Лидумс, посмотрите, Арвид должен был вынуть из саней мой мешок. Он, наверно, в снях.

— Простите меня, Будрис, но...

— Вам надо поужинать, Вилкс, как и всем нам. После ужина я, пожалуй, посплю. Поговорим завтра.

Будрис медленно разлепил тяжелые ресницы, посмотрел на Вилкса, усмехнулся:

— Гипноз тоже средство для лечения нервов! — и сел рядом.

Ужинали молча. Вилкс чувствовал неловкость после прошедшей сцены, но заговорить боялся. Остальные делали вид, что ничего не произошло.

Ночевать разместились кто где. Будрис устроился на полу, бросив под себя старый тулуп Арвида, а под голову — свой дорожный мешок.

Утром, когда Вилкс проснулся, Будриса уже не было. На его месте досыпал вернувшийся из Тукумса Арвид. Лидумс и Эгле возились у печи, жарили картофель с остатками вчерашнего ужина.

Вилкс тихо спросил у Лидумса:

— Будрис не очень обиделся?

— На всякую глупость обижаться — сердца не хватит! — сухо ответил Лидумс.

— Но я же не хотел...

— А вышло хуже, чем если бы хотел его обидеть!

Делиньш, сидевший у передатчика и принимавший «вслепую» очередную, радиограмму англичан, попросил разговаривать потише. Расшифровав телеграмму, он передал ее Вилксу.

Англичане запрашивали, как охраняется морская граница у Ирбенского пролива и где в Курляндии размещены аэродромы и запретные зоны. Вилкс невольно сказал:

— О, черт, что бы им передать это на день раньше! Можно было бы посоветоваться с Будрисом... — и прикусил язык, вспомнив, чем вчера кончился визит Будриса.

Но Лидумс, делая вид, что ничего особенного не произошло, сказал:

— Будрис останется на два-три дня в Тукумсе. Арвид может съездить к нему, когда лошадь отдохнет.

И Вилкс принялся писать Будрису сообщение о запросе англичан.

После обеда Арвид опять уехал в город. Вернулся он только на следующий день. Зато привез ответ Будриса на все вопросы.

На следующую ночь Делиньш по просьбе Вилкса выехал на Боярине километров за десять и там, в лесу, передал следующую радиограмму:

«В полосе Ирбенского пролива радиолокационные станции не замечены, но не могу ручаться, что их нет

совсем. Минных полей и воздушного патрулирования прибрежной полосы нет, однако все западное побережье Курляндии является запретной зоной (далее он перечислял названия районов, входящих в запретную зону). Берег охраняют пограничные войска при помощи патрулей и наблюдательных вышек. В проливе нерегулярно плавают пограничные катера. Кроме пограничной охраны, других гарнизонов в Северной Курляндии не имеется...»

С этого дня англичане начали проявлять живой интерес к человеку, сидящему в далеком лесном хуторе возле города Тукумса, в самом центре Курляндии, весьма далеко от приморских районов Латвии. Как видно, они вполне уверились, что человек этот имеет возможность ответить почти на все их вопросы, а может быть, где-то там, в Англии, шла междоусобная война в разных отделах разведки, и Вилкс имел возможность свидетельствовать за кого-то и против кого-то...

Всего он, конечно, не знал, он мог только кое о чем догадываться и на что-то надеяться.

В конце января Делиньш принял очередную радиограмму англичан. На этот раз они запрашивали:

«Можешь ли ты в нескольких словах описать свое положение? Можешь ли ты, не подвергая себя опасности, сообщить свое местонахождение и описать аэродромы, находящиеся в окрестностях, их мощность и вооруженность самолетами?»

Может ли ваша группа в течение одного или двух месяцев держать в безопасности одного или двух человек, не знающих латышского языка, пока мы организуем их дальнейший путь на север?»

На этот раз Вилкс, не поставив в известность Будриса, предложил Делиньшу немедленно передать прямо из дома:

«Могу укрыть ваших людей».

Первого февраля он сообщил разведцентру о своем положении. Эту радиограмму также передавал Делиньш, и опять из леса:

«Из-за тяжелой жизни в лесу получил болезнь, подобную параличу ног. Без палки трудно ходить. Обстоятельства не позволяют лечиться. Ответьте, можете ли помочь и вывезти меня? Могу указать место, где в любую ночь может приземлиться ваш вертолет. Будет надежная охрана. Если у вас абсолютно нет возможности помочь мне попасть к вам, прошу тогда доставить средства для жизни в городе».

Вечером, когда радиограмма была отправлена, Вилкс сел писать тайнописное сообщение:

«Под влиянием тяжелой лесной жизни я получил что-то вроде паралича ног и без палки ходить не могу. Только в конце декабря удалось перейти на хутор. Необходима диатермия и подобные этому средства для лечения. Из-за ограниченных средств не могу даже переселиться в город для лечения. Прошу создать возможность перебраться к вам. Кое-что для этого могу сделать сам. Может быть, мы согласуем наши действия? Ночью могу указать с земли место для посадки вертолета и позабочусь об охране места приземления. Исходя из здешних условий, использование вертолета является самой надежной и реальной возможностью. Конечно, состояние моего здоровья не означает, что я завтра или послезавтра скончаюсь. Не для того я хочу попасть к вам, чтобы прервать работу, а, наоборот, для того, чтобы привести в порядок здоровье и продолжать дело. Если бы мне удалось попасть к вам хоть весной, то я уверен, что к осени уже мог бы собираться сюда обратно. Кроме болезни, имеется еще ряд причин, по которым было бы больше чем желательно попасть к вам.

Если не сможете исполнить указанное, то, надеюсь, разрешите вопрос о средствах для работы и жизни в

городских условиях. Не забудьте самого важного — вопроса о документах, потому что паспорт является настолько же необходимым, как и оружие. Мне известно, что у вас имеются бланки паспортов. Если не можете иначе, посылайте только бланки паспортов, с остальным справимся сами.

У меня имеются радисты, и если бы была рация, то уже сейчас можно было бы установить две новые станции в местах, которые вы сочли бы выгодными. Если вас интересует это дело, можете к весне осуществить его, выбросив на парашютах одновременно и людей и необходимые вещи. Я могу ночью указать с земли место, где выбросить людей. Оно будет надежное и хорошо охраняемое. Если ваши люди еще не подготовлены, то сбросьте для нас снаряжение: три рации с необходимыми принадлежностями, новые кварцы, новый план времени работы и позывные, и динамо для зарядки аккумуляторов.

Кроме этого, нужны пистолеты, несколько автоматов и, конечно, деньги. Тогда мы установили бы две новые станции. Попробуйте провести такое одноразовое дело. Я гарантирую безопасность с этой стороны. Мест для выброски будет несколько, можете выбрать наиболее удобное. Документы, конечно, за крупную сумму можно купить и на месте, но сама покупка является сложным делом. За годы работы моих новых друзей в подполье установлено, что от покупки документов больше вреда, чем пользы».

После нескольких дней молчания Делиньш принял радиограмму для Вилкса:

«Обсуждаем, как сделать, чтобы вывезти тебя быстрее. Сообщи, кого оставишь вместо себя? С тобой ли еще товарищ по школе? Можешь ли ты попросить вашего руководителя направить с тобой представителя Будриса к нам? Вопрос о средствах и о помощи, как мы надеемся, будет решен успешно».

Вилкс ответил:

«Эгле находится со мной. На моем месте останется обученный мною радист Барс. На Курляндском побережье патрули обыкновенные, вооруженные винтовками. Ходят только вдоль берега. Можете использовать наши адреса».

Этот поток радиogramм оживил Вилкса. Больной все чаще сползал с постели, бродил по дому, постукивая палочкой, выходил во двор, долго стоял там, запрокинув голову и утопив глаза в бездонном небе, расцвеченном белыми облаками. Ожил и Эгле, изучавший радиogramму так, словно пытался запомнить ее наизусть.

Февральские метели еще не начинались, небо было чистое, так и казалось, что вот-вот в нем покажется точка самолета или, как просил Вилкс, геликоптера и станет расти на глазах не ожидая темноты. Слишком уж безопасным казалось небо, — ни звука в нем, ни белесой черты, остающейся после полета скоростных истребителей...

Однако ясные дни уходили, не принося долгожданных сигналов. Геликоптер не появлялся. На улице снова запуржило, поднялись ветры, и люди, отрезанные от мира на хуторе Арвида, снова почувствовали себя как на зимовье в Арктике.

В эти дни, когда Вилкс только усилием воли сдерживал ярость в адрес хозяев, а Эгле опять лежал на неприбранной постели большую часть дня, и только Делиньш исправно дежурил в определенные часы у передатчика, последовал новый запрос. Англичане просили подобрать несколько мест для выброски с воздуха людей и снаряжения, а кроме того, запрашивали, по каким дорогам лучше всего добраться с Курляндского побережья до Риги и как работает Ужавский маяк. Кроме того, требовалось указать лучшие места на побережье, где можно было бы провести морские операции по высадке людей.

Ответить на эти сложные вопросы без помощи Будриса было немислимо, и Лидумс вызвался известить руководителя.

Будрис приехал на хутор десятого марта.

Как всегда, он прибыл ночью.

Судя по тому, как занесен он был сырым мебельным снегом, было ясно, что он долго шел по лесу, пряча следы, вышел на дорогу где-то далеко от хутора и вот стоял перед жителями хутора усталый, но спокойный, как будто для него такая прогулка была чистым удовольствием.

Лидумс вытащил свои запасные валенки, шерстяные носки, повел Будриса переодеваться.

Арвид поставил на плиту чайник, вышел в холодные сени, принес большой пласт шпига, нарезал кусками, бросил на сковороду. Сало зашипело, и сразу всем захотелось есть.

Переодевшись в сухое, Будрис раскрыл свой рюкзак, вынул городские продукты: колбасу, сыр, консервы, бутылку водки.

Рослый, в привычном городском костюме, в чистой сорочке с галстуком, он производил странное впечатление среди людей, которые постепенно теряли контроль за собой, не часто брились, плохо стирали белье и уж, конечно, не гладили его, и это резкое несоответствие словно бы принизило Вилкса, Эгле и остальных в собственных глазах.

Но вот Арвид поставил на стол свое блюдо, Лидумс разлил водку по стаканам, все ударили стаканами по столу, выпили, принялись есть. Тускло горел фонарь, металась тень по стенам, в хлеву шумно вздыхала и пережевывала жвачку корова, конь Арвида Боярин бил копытом по деревянному полу, видно, прислушивался к вою волков, — все звуки в сыром метельном воздухе доносились через стену глухо, но отчетливо. Только пес Ролли молчал, спрятавшись под столом и ожидая, когда перепадет что-нибудь и ему.

Как далеко все это было от «старой доброй Англии»!

Вилксу стало тоскливо от воспоминаний. Так недолго и разреветься! Он вопросительно взглянул на Будриса: может ли тот выслушать его после долгого и утомительного ночного путешествия? Будрис утвердительно кивнул.

Вилкс рассказал о последних переговорах с англичанами.

— Ну что же, этого можно было ожидать, — задумчиво сказал Будрис. — Правда, я не очень верю, что они станут сразу рисковать и самолетами, и своим быстроходным катером. Но судя по всему, англичане приступили к подготовке операции, связанной с заброской их людей в Латвию.

— Как им ответить?

— Требовать, чтобы их люди пробирались прямо сюда, это сложно! Отсюда до побережья довольно-таки далеко. Значит, принимать придется где-то поблизости от места высадки. Дадим им другой адрес, но там можно остановиться на самое короткое время, — пограничная зона. А уже оттуда либо в Ригу, либо сюда.

Он с сожалением отодвинул опустевшую тарелку и посоветовал всем, кроме Вилкса, ложиться. Арвид собрал со стола и ушел к себе. Туда же перебрались и остальные. Вилкс остался с Будрисом.

Инструктаж кончился в три часа ночи. Вилкс получил обрывок карты с отмеченным на нем хутором, все данные об Ужавском участке побережья, где можно было попытаться произвести высадку с катера...

Но вот Будрис потянулся, зевнул, сказал:

— Пора идти!

Он сказал это так же просто, как другой на его месте сказал бы «Пора спать», — встал из-за стола, взял фонарь, вышел в соседнюю комнату, принес свои подсохшие сапоги и принялся переобуваться. Вилкс робко спросил:

— Может быть, заночуете?

— Утром я должен быть в другом месте, — спокойно сказал Будрис и принялся натягивать так и не просохшую куртку.

Накинув на плечи опустевший рюкзак, он переложил пистолет из кармана брюк в нагрудный карман куртки, кивнул:

— Закройте за мной дверь!

Ветер чуть не сбил Вилкса с ног, едва он открыл дверь. На хутор волнами набегала метель, разбиваясь о бревенчатые стены и собираясь по углам дома в новые волны. Ни звезды, ни огонька не было в этой белой заверти. Будрис переступил порог и сразу словно утонул в темноте. Вилкс постоял еще немного, пока не почувствовал, как холод подступает к сердцу, закрыл дверь.

Утром Вилкс сел за письмо:

«На схеме, исполненной тайнописью, в конце письма указано удобное для высадки место возле Ужавского маяка и хутор для приема гостей.

Если высадка пройдет нормально, следует по кратчайшему пути идти на хутор. По дороге идет сильное движение, так как она служит для сообщения между Лиенаей и Вентспилсом. Движение не ограничено, иногда бывает контроль, но редко. Однако на хутор советую идти без мешков, оставив их в лесу. Для проезда в Ригу железнодорожного транспорта не применять.

Выгоднее направляться через Кулдигу в Салдус. Из Салдуса проехать в Ригу автобусом. Еще лучше остановиться на дороге грузовую машину, шоферы охотно подвозят пешеходов, чтобы заработать. Районов и дорог, которые надо бы избегать, нет.

Рекомендую дать людям больше денег. За деньги можно достать все.

Обязательно дайте людям запасную рацию. Каждого обеспечьте автоматом и двумя пистолетами. Автоматы нужны в случае неудачной высадки на берег и необходимости перейти к «лесным братьям». Людей рекомендую одеть в сапоги, темные брюки-галифе и кожаные пальто или куртки.

Думаю, что людей пошлете без паспортов. В таком случае их надо обеспечить деньгами в таком количестве, чтобы можно было попытаться приобрести, документы здесь. Но получение паспорта является сложным и трудным делом, поэтому рекомендую друзьям не спешить с приобретением документов, хотя паспорт является здесь самым необходимым оружием.

Указанное мною место высадки находится в шести с половиной километрах южнее Ужавского маяка. Вблизи места высадки домов нет. Близко к берегу подходит лес и сравнительно недалеко находится указанный для приема хутор.

Адрес безопасного хутора: если идти по дороге Лиеная — Вентспилс в сторону Вентспилса, хутор

находится на правой стороне, на тридцать первом километре от Вентспилса. Живая изгородь из елей ведет от дороги к дому и прикрывает дом. Ориентиром может служить здание с красной крышей, находящееся на противоположной стороне дороги, напротив хутора. В районе высадки дорогу ни у кого не спрашивайте, до хутора надо добраться самостоятельно.

Когда вы сможете выехать на встречу рыбацкой лодки? Если встречу можно организовать, то могу ли я научить двух людей технике тайнописи, чтобы они могли общаться с вами, пока я буду у вас?»

Утром Арвид увез это письмо в Тукумс, где оно и было благополучно опущено в почтовый ящик. А через день, сократив это сообщение до размеров обычной радиограммы и зашифровав ее, Вилкс попросил Делиньша передать ее по радио. Делиньш запряг Боярина и отправился в лес. Вернулся он только ночью. Передача прошла хорошо.

И снова началось ожидание.

Затяжная атлантическая весна принесла, наконец, в Англию не только тепло, но и удачу, по крайней мере одному человеку.

Таким удачником чувствовал себя Силайс.

Все вокруг него как-то неожиданно изменилось. Ему завидовали, его хвалили, к нему прислушивались. И сам он со странным чувством удовольствия замечал, что перемены происходят не только вокруг него, но и в нем самом.

Он стал увереннее, говорил с апломбом, приучился возражать не только низшим по рангу, но и такому несносному гордецу, как начальник Прибалтийского отдела разведки Маккибин, и с удовольствием замечал, что Маккибин не только выслушивает его возражения, но и часто поступает именно так, как Силайс ему рекомендует.

Даже денежные средства, в которых Силайс всегда нуждался, вдруг стали как-то незаметно увеличиваться. То он получал неподотчетную сумму «на представительство», то командировочные для поездки в Западную Германию, то неожиданную премию или праздничное вознаграждение. Раньше эти блага проходили почему-то мимо него, и он лишь задним числом узнавал, что, скажем, референт по делам Эстонии Ребане или специалист по делам Литвы Жакявичус недавно получили такое-то и такое-то поощрение. Теперь он сам мог «случайно» обмолвиться при разговоре с этими гордцами, что собирается купить малолитражку и, конечно, не такой многоцветный будуар на колесах, какой купила мисс Нора, хозяйственный секретарь Маккибина, едва стала любовницей начальника, а строгий темно-синий автомобиль, одинаково пригодный и для деловых поездок и для увеселительных прогулок. Это стареющей Норе нужен альков на колесах, чтобы поражать воображение случайных любовников, а он, Силайс, уважаемый человек, он находится на виду, ему подобает казаться скромным...

Именно — к а з а т ь с я. Б ы т ь скромными должны другие. Неудачники. Глупцы. Бездарности.

И дома как будто все наладилось. Жена Силайса постепенно привыкала к новой жизни, глаза у нее, когда он приближался к ней, были уже не такими испуганными, она реже вспоминала о той, другой, что осталась где-то в Латвии и могла вдруг появиться здесь, в Лондоне, — ведь как-то появляются здесь те люди, которыми командует муж. А в тех условиях, в каких она и Силайс жили, такое явление могло причинить огромную беду: англиканская церковь, к которой принадлежали теперь Хильда и Габриель Силайсы, не прощает двоеженства. В тот день, когда дочка разорившегося лесопромышленника узнала, что у ее немолодого мужа есть другая жена в Латвии, она, казалось, испугалась на всю жизнь.

Но теперь и Хильда привыкла как будто, во всяком случае, она реже спрашивала «о той», вероятно, поняла, что «та» одинаково не нужна ни ей, ни Силайсу.

Словом, затяжная атлантическая весна принесла, наконец, и тепло и первые удачи Силайсу.

С того времени как английская разведка сочла, наконец, полезными услуги Силайса по вербовке людей и повысила его в звании, вызвав из лагеря для перемещенных, в котором он был комендантом, непосредственно в Лондон, под крылышко мисс Норы, в подчинение Маккибину, Силайс делал только одно дело: пытался разгадать намерения начальства. Увы, это было нелегко!

Он пытался разузнать об английских планах у временного «президента» Латвии. Древний старец Зариньш, последний посол буржуазной Латвии при королевском правительстве Великобритании, весьма гордился своим званием «президента». Сии полномочия он получил от Ульманиса в самый последний момент существования буржуазной Латвии, когда рабочие Риги уже окружили дворец Ульманиса. Конечно, старая перечница, — как непочтительно называл Силайс господина Зариньша про себя, — на ход событий никак не действовал и действовать не мог. Но мог бы он подарить земляку хоть совет? Должны же англичане консультироваться с ним? Недаром же начальник Прибалтийского отдела разведки мистер Маккибин так часто бывает у Зариньша, ездит с ним на рыбную ловлю, точнее, на загородные попойки...

Но Зариньш делал вид, что не понимает намеков нового доверенного английской разведки. Он горячо переживал собственные

неприятности. Его коллега — последний латвийский посол в США — Спекке собирался узурпировать звание «президента», вел какие-то темные интриги в Государственном департаменте США, чтобы американцы повлияли на англичан в смысле передачи полномочий Зариньша самозванцу Спекке, словом, между ними шла обыкновенная грызня, какая всегда разъедает эмигрантские группы и группочки. Зариньш жаловался на англичан: скупы, недостаточно поддерживают угасающую жизнь посольства, примирились с существованием Советов и не рискуют начать войну...

Особенно отравляла существование Зариньша статья какого-то обозревателя, появившаяся в журнале «Дипломат» под широковещательным названием: «Каково будущее дипломатов Прибалтийских стран, находящихся в Англии?»

Автор статьи, человек, несомненно, эрудированный, знал жалкую судьбу дипломатов из бывших буржуазных Прибалтийских республик, теперь обитавших на задворках дипломатического корпуса. Между прочим, писал он и о Зариньше:

«Проблема дипломатов Прибалтийских стран в Лондоне является наиболее привлекательной. Нас интересует, какие дипломаты в Лондоне знают что-либо о своих коллегах, значащихся в конце списка дипломатического корпуса «Форин-оффис» под параграфом: «Не включенные более в протокольный список, но признаваемые Ее Величеством и пользующиеся определенными привилегиями и почестями...»

Имена этих лиц следующие: М. Август Торма, М. Чарльз Зариньш и М. Бронис Балутис. Значатся они как «Чрезвычайные посланники и полномочные министры». Однако ни в одном случае не указывается национальность этих лиц.

В так называемом «Шерифском списке», издаваемом Министерством иностранных дел, М. Торма и М. Сарепер значатся под «Эстония», М. Зариньш и Озолиньш под «Латвия» и М. Балутис и Балискис под «Литва». Это же относится и к протокольному списку Министерства иностранных дел — «Red book»^[8], который содержит сорок

одну фамилию консулов Прибалтийских государств, работающих на территории Англии. Все они получили назначения на эти должности от правительств, которые в настоящее время находятся за пределами своих государств.

Эти дипломаты пользуются дипломатическими привилегиями (беспошлинное и безналоговое получение спиртных напитков, различных импортных товаров и т. п.). Они также пользуются дипломатической неприкосновенностью. Отмеченный в протокольном списке параграф: «почести, привилегии» вводит в некоторое заблуждение. Дипломаты Прибалтийских стран не пользуются главной дипломатической привилегией — дипломатическим старшинством. Если бы они включались в список по старшинству, то могли бы десятилетиями быть выше других в связи с длительностью их пребывания на своем посту.

М. Балутису и М. Зариньшу сейчас около восьмидесяти лет. Так как они и М. Торма не представляют Советские Прибалтийские республики, то в их странах нет полномочных лиц, которые могли бы отозвать их, уволить в отставку или дать какие-нибудь другие инструкции. Оба — и Балутис, и Зариньш — в течение последних лет были серьезно больны, и, как нам кажется, сейчас болен и Торма. Кто может заменить их в случае смерти? Есть ли кто-нибудь в правительствах этих республик, кто может назначить им преемников, и будут ли эти преемники признаны министерством иностранных дел Великобритании?»

— Наглая статья! — злобно восклицал Зариньш. Во-первых, он не собирается умирать! Во-вторых, он сам получил президентские полномочия и может назначить себе преемника! В-третьих, при последней встрече с президентом Эйзенхауэром он, Зариньш, получил клятвенное заверение своего высокого собеседника, что Советы будут уничтожены! Не об этом ли говорит недавняя декларация господина президента на открытии недели поработанных стран?

Силайс, лениво слушавший Зариньша, не стал ссылаться на то, что неделя в Америке с треском провалилась. Как говорит пословица:

«Ребенок, старец и дурак на одной деревянной лошадке скачут». Он уже с достаточной отчетливостью понял, что атлантический ветер, принесший ему первые удачи, еще и не долетел до дворца «президента» Зариньша. Ответа на вопросы надо было искать в другом месте.

В свое время Силайс частенько жалел, что по окончании войны поставил свою ставку не на ту лошадку.

У него тогда была возможность оказать некоторые услуги американцам. Те, как говорится, моложе, мобильнее, они не рассуждают, а действуют. Везде, где англичане терпят провал, где у англичан образуется «вакуум», через самое короткое время оказываются американцы. Может быть, они сами и создают эти «вакуумы?»

Но переметнуться к американцам сейчас, когда Силайс столько сделал, чтобы закрепить свое положение в английской разведке, было бы неразумно и даже опасно.

Откуда дует ветер, Силайс понял только в тот день, когда Маккибин вызвал его для доверительной беседы.

Силайсу поручили срочно расширить сеть шпионских школ в Англии и увеличить количество учеников. Созревал, как сказал Маккибин, «план широкого проникновения» в Советский Союз. Оказалось, что желания всех потенциальных противников Советского Союза совпали. В «проникновении» заинтересованы и сами англичане, и США, и, наконец, штаб НАТО.

Вот когда воскресли все надежды Силайса...

В то же время он понимал, что быть в самом центре событий небезопасно. Английская разведка всегда умела выхватывать угли из костра чужими руками. И была жестока не только с врагами или со своими неумелыми агентами, но и с собственными друзьями. Кое-что об этом Силайс знал. Даже с американцами, с которыми англичан, казалось бы, связывала общая ненависть к Советскому Союзу, английская разведка вела частенько двойную игру. Совсем недавно американцы решили использовать двоих связанных с Силайсом латышских националистов. Латыши сообщили об этом Силайсу, тот доложил Маккибину и получил для передачи латышам краткую инструкцию, в случае появления американцев, латыши должны были принять меры к их физическому уничтожению...

Не менее грубую шутку устроили англичане своим коллегам-американцам и в Польше. Заслав туда несколько своих агентов, англичане «доили» их довольно долго. Но вот Маккибину или кому-то другому после анализа некоторых сообщений из Польши пришло в голову, что кое-кто из этих агентов мог попасть в поле зрения польских органов безопасности. Надо было избежать международного скандала, а в то же время следовало разобраться, может быть, подозрения неосновательны? И англичане предложили американцам «подключиться» к этой шпионской группе. Американцы всегда были довольно бесшабашны в таких делах, к тому же они верят в доллар сильнее, чем в бога. Приняв предложение англичан, они начали засылать в Польшу средства связи, оружие, всякое шпионское снаряжение, не удосуживаясь даже убрать американскую маркировку с засылаемых предметов. А англичане, теперь уже бесплатно, пользовались перехваченной информацией.

Через некоторое время засланные из Англии шпионы все-таки попались. Был открытый судебный процесс, выставка шпионского снаряжения. И все пироги и пышки достались англичанам, а синяки и шишки — американцам...

Силайс из случайных намеков, из бесед с другими референтами разведки, — среди них были и прибалты, и армяне, и грузины, и бог знает кто еще, — знал: ни англичане, ни американцы, ни немцы не могут похвалиться большими успехами в тайной войне против Советского Союза. «План широкого проникновения» давно уже блуждает в недрах «Интеллидженс Сервис», план тотальной разведки, начиная от использования туризма, научно-технического и культурного обмена и кончая засылкой крупных вооруженных групп, которые могли бы оказать сопротивление и, пусть ценою больших жертв, все-таки выполнить порученное им дело.

Все эти сведения помогли Силайсу, когда его вызвали пред высокое лицо начальства.

— Ну-с, чем вы можете помочь исполнению нашего плана широкого проникновения, Силайс? — грубовато спросил Маккибин.

Этот угрюмый шотландец никогда не отличался мягкостью в разговорах со своими подчиненными.

Он сидел, угрюмый, серый, не только от седины, но и от той мрачной бледности, какая возникает, когда человек думает о своем

будущем со страхом. Ничто не напоминало в нем того веселого, респектабельного джентльмена-спортсмена с красным лицом, с живым взглядом, каким Маккибин бывал в дни удач по службе или после поездок на рыбную ловлю. Сейчас он выглядел больным стариком, и нельзя было подумать, что рядом, в соседнем кабинетике, сидит его возлюбленная, с которой он переживает «медовый месяц». Так, почечный больной, с мешками под глазами, раздумывающий о бренности жизни и о дороговизне лечения у знаменитых врачей. Но Силайс понимал, с кем он имеет дело: этот тигр будет опасен до самой смерти.

Силайс, делая вид, что не замечает болезненно-мрачного вида шефа, докладывал о состоянии школы, которую только что инспектировал. Из всех учеников школы он особенно горячо рекомендовал троих: Вилкса, Лауву и Эгле.

В противоположность начальству он держался живчиком, таким бодрячком-удачником, которому удивительно везет в жизни. Он давно уже понял, что начальство не любит похоронных физиономий. Силайс делал вид, что не замечает мрачной меланхолии Маккибина и даже, наоборот, имеет возможность осчастливить и самого начальника.

— С этими людьми, шеф, вы могли бы утереть нос чекистам! — вдруг сказал он.

Маккибин подозрительно поднял глаза.

— С ними можно прорезать такую дыру в «железном занавесе», что через нее пройдет грузовая машина с автоматами, пулеметами, рациями и взводом десантников. Ребята горят желанием посмотреть, что делается на той стороне...

Маккибин молчал, глядя все так же упорно и хмуро.

Силайс понял, что вся его карьера висит на волоске. Начальник, вероятно, соображает: что Силайсу известно и от кого. Поэтому он заговорил еще веселее и бесшабашнее:

— Вы поручите этим парням связаться с «лесными братьями» в любом месте Прибалтики, и они откроют ворота для любого транспорта. А там уж нетрудно будет добраться хоть до Москвы, хоть до Владивостока... Что вы скажете, шеф?

Он выглядел так победительно, словно и не замечал иронической гримасы Маккибина, не видел мрачной подозрительности в его

глазах... И, стремясь закрепить захваченные во внезапной атаке позиции, шутливо заявил:

— Если намекнуть об этой комбинации премьеру, он засыплет нас ассигнованиями. Вот когда я куплю себе машину!

И, понимая, что зерну надо дать прорасти, и что во время прорастания опасен всякий заморозок, вдруг вспомнил:

— О, мне еще надо навестить Зариньша! Разрешите идти?

— Идите! — сухо сказал Маккибин и с чрезвычайно занятым видом склонился над столом, на котором не лежало ни одной бумаги, но Силайс мог поклясться, что искры живого интереса внезапно промелькнули в его глазах.

Всякая мысль, подкинутаая вовремя, может показаться твоей собственной. Так, во всяком случае, отнесся к предложению Силайса полковник Маккибин.

Но с такой же легкостью принял ее к сердцу и полковник Янг, начальник Маккибина, а затем и начальник полковника Янга — Дик Уайт — шеф английской секретной службы, и она, эта идея, катилась и катилась из кабинета в кабинет, обрастая все новыми подробностями, предположениями, надеждами, и вот она уже получила секретный шифр — ее теперь называли «Восток», — о ней уже докладывали премьер-министру, на нее выписывали дополнительные бюджетные средства, и пришло такое, наконец, время, когда даже те, кто ее породил, не могли уже ее убить, — она сама была способна убить своих творцов.

Первым это странное перерождение случайно высказанной мысли в зловещую директиву испытал на себе Силайс. При очередном разговоре с ним полковник Маккибин сухо сказал, что готовится операция «Восток» и что Силайс должен выбрать среди воспитанников инспектируемых им школ несколько человек для участия в операции.

И так как Маккибин не сказал ни слова о том, кто подбросил эту идею, Силайс понял: теперь не время заикаться об авторстве! А поразмыслив, пришел к выводу, что, пожалуй, лучше вообще помалкивать. Кто знает, выйдет ли еще что-либо путное из всей этой «операции»? Чекисты — это Силайс знал по опыту, — умеют разрушать самые обдуманые операции. Тогда каждому захочется свалить с себя ответственность, и может прийти такой момент, когда все взгляды и указующие персты упрутся в тебя.

И Силайс, оставив привычный тон похвальбы, принялся за самую черную работу.

В шпионских школах людей натаскивали, как собак, то есть приучали действовать инстинктивно. Возникла опасность — спрячься, притворись камнем, деревом, травой. Гонятся — стреляй, авось отобьешься. Силайс видел, как стрелял Вилкс. Вилкс умел стрелять через плечо, не оборачиваясь, по отражению в зеркале. Эгле

даже и в школе спал с заряженным пистолетом, а при стрельбе никогда не отводил руку от бедра, чтобы невозможно было выбить пистолет. На убийство-то их натаскали, только успеют ли они выстрелить хоть один раз?

Силайс чувствовал, что операция разрастается, как снежный ком. Уже начались совместные совещания с работниками морского штаба. В здании разведки замелькали люди в адмиральской форме. Появились и сухопутные вояки и тоже в генеральских чинах. На одном из совещаний, куда вызвали и Силайса, и Жакаявичуса, и Ребане, как специалистов по Прибалтике, побывал даже личный секретарь премьер-министра: он, видимо, должен был посвятить премьера во все тонкости предполагаемой операции.

На этом совещании речь шла уже о том, что пора обложить Советы, как медведя в берлоге, со всех сторон. Военные базы, созданные чуть не на всех границах Советского Союза, требовали детального уточнения «целей первого удара». Военные ссылались на дороговизну нового оружия. Стрельба по площадям, говорили они, для Советского Союза не опаснее укуса блохи. Попробуйте отыскать на такой территории самые уязвимые места! — иронизировали они. Нужна тщательнейшая разведка, требовали они. Мы должны точно знать, где находятся танкодромы, авиазаводы, ракетные базы и склады атомных бомб противника, настаивали они. И получалось, что во всех бедах виноваты разведчики, которые до сих пор не выложили перед ними карту артиллерийских и авиационных целей.

Свои иронические мысли Силайс держал при себе. Он скромно сказал, что надеется открыть дорогу разведчикам, — только и всего. А уж остальное будет зависеть от оперативности тех, кому доверят «изучение» противника.

Он предполагал, что вся операция, — если, конечно, она удастся! — продлится полгода. Его посланцы за это время изучат обстановку, свяжутся с отрядами «лесных братьев», подыщут открытые места на побережье, устроят тайные аэродромы в лесах, и следующей весной «дорога на Восток» будет подготовлена. А уж затем дело Маккибина и Янга «регулировать движение» по этой дороге.

Но что-то во всем этом распорядке было недостаточно продумано. Силайс невольно вспомнил старую русскую солдатскую песню: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!»

Вместо ранней весны, — как настаивал Силайс, — первую группу разведчиков отправили поздней осенью. Правда, через десять дней после высадки Вилкс доложил, что все благополучно, но дальше начались неприятности. Нет паспортов. Нет связи с «лесными братьями». Только к весне мелькнуло имя руководителя подпольной группы Будриса и сообщение о переходе в отряд...

Первый год был потерян.

И вот теперь, когда Англию, наконец, обогрела атлантическая весна, дело как будто сдвинулось с места. Правда, жаль Вилкса. Бедняга, оказывается, проболел всю зиму. Но каков характер у парня! Даже не жаловался. Только недавно, когда дело пошло к теплу, а ночи еще длинные, темные, попросил помощи.

Вот какие мысли были у Силайса, когда в конце марта он увидел, наконец, утвержденную полковником Маккибином радиограмму для Вилкса:

«Предпринимай меры по подготовке рыбака, который мог бы в одну из ночей между двадцать четвертым апреля и четырнадцатым мая вывезти тебя и назначенного руководством влиятельного человека в какой-нибудь заранее назначенный квадрат в тридцати милях от побережья. Встреча с нашим судном должна произойти между полуночью и пятью часами утра по московскому времени. Точное число и пункт встречи обусловим особо...»

В душе у Силайса пели пасхальные колокола, все казалось ему радостным и веселым. В Англии была тихая, теплая погода. Состоятельные люди готовились к летнему сезону, снимали дачи, пансионаты и целые усадьбы на побережье. В барских поместьях шел последний ремонт перед приездом хозяев и гостей. Силайс готовился к длительной командировке. Правда, пока не в Брайтон, а на восточное побережье Германии, где отстаивался самый быстроходный катер бывшего немецкого военно-морского флота, ныне принадлежащий вместе с людьми и их душами английской разведке. Командиру катера Клозе уже было дано указание приготовиться к длинному и, что греха таить, опасному рейсу. Впрочем, Клозе и его команда давно продали

души дьяволу, и только потом у дьявола эти души перекупили англичане.

В эти дни Силайса снова вызвал Маккибин.

Полковник и на этот раз выглядел мрачным. Видно, «план широкого проникновения» давался с трудом. Первый же вопрос Маккибина ошарашил Силайса:

— А что, если ваш Вилкс работает под контролем чекистов? — спросил Маккибин.

— Как вы могли подумать такое? — возмутился Силайс. — Я знаю Вилкса еще по службе в немецкой армии! Это сильный, храбрый человек, преданный нашему делу и душой и телом!

— О Лауве вы говорили в таком же тоне, а между тем у этого льва оказалась заячья душонка!

— Но Вилкс писал, что Лаува никого не предал!

— Вот это мы и должны проверить! — ворчливо сказал Маккибин.

Да, теперь Силайс лучше понимал англичан! Вот уж воистину, как говорят на их любимом востоке: «Человек, испугавшийся змеи, боится и брошенной веревки!» Значит, они сознательно оттягивали столько времени свое пресловутое «проникновение»! А Маккибин продолжал безразличным тоном:

— И мы проверим это, Силайс! Вы подготовите офицера связи, лучше всего использовать для этого инструктора вашей школы Петерсона, договоритесь с Ребане, чтобы он подготовил одного из своих эстонцев, и мы отправим их по каналу Вилкса. А параллельно, по нашему каналу, направим еще двух человек, латышей, знающих Ригу. Подобрать подходящих людей поручаю вам...

И Силайс понял, — Вилксу еще долго придется ждать обещанного катера...

С этого дня он занимался только подготовкой людей. На параллельную линию он подобрал двух молодых латышей — Тома и Адольфа. Для проверки Вилкса готовил старого своего приятеля Петерсона, а попутно помогал Ребане инструктировать его подопечного Густава, который должен был при помощи Вилкса перейти в Эстонию и осесть там...

В тот день, когда Делиньш расшифровал только что полученную от англичан радиogramму, в которой предлагалось выйти на рыбацкой лодке в море для встречи с английским катером, больной Вилкс готов был отплясывать, как на празднике Лиго.

Делиньш довольно безучастно спросил, а как думает Вилкс искать рыбака? От хутора до побережья восемьдесят километров... На побережье утвердились пограничники... Выходить в море придется из порта... Скорее всего, из Вентспилса...

Праздничное настроение с Вилкса как рукой сняло.

Лидумс, пытавшийся выгладить только что отстиранное белье, с грохотом поставил утюг на доску, сказал:

— Делиньш, кто тебе разрешил обсуждать эти вопросы? Ты что, поставлен вместо Будриса?

— Но я же только... Ой, у вас что-то горит, командир!

Лидумс сбросил утюг, поднял рубаху. На подоле расплзлось коричневое пятно.

Делиньш перехватил рубаху, покачал головой, смиренно сказал:

— Это можно починить. Я вырежу заплату из подола. Под брюками не будет видно.

— Починить можно все, а вот настроение человеку портить нечего! — оборвал его Лидумс. — Сначала надо посоветоваться с Будрисом...

Эгле, лежавший в углу на кровати, небритый, нечесаный, угрюмо спросил:

— А что, ваш Будрис — бог?

— Эгле, вот горячая вода на печке. Немедленно побрейся!

— А если я не хочу?

— Я приказываю!

— Мы, кажется, на зимних квартирах! — насмешливо ответил Эгле. — Да и в лесу не очень были похожи на солдат. А вашему Будрису я и вовсе не желаю подчиняться!

Лидумс сделал два шага, протянул руку и одним рывком поставил худого, серого, похожего на тень человека на ноги. Эгле изогнулся,

сунул руку под подушку. Лидумс сжал его локоть, и выхваченный из-под подушки пистолет грохнулся на пол. Лидумс отшвырнул его ногой. Вилкс поднял пистолет и положил на колени.

— Ни с места! — яростно рявкнул Лидумс.

Делиньш придвинулся ближе, готовый ударить извивающегося Эгле. В этот миг он взглянул через плечо Эгле в окно, вздрогнул и свистящим шепотом сказал:

— Командир, сюда едут какие-то люди на двух подводах...

Снежно-белая дорога, по которой утром уехал Арвид за продуктами в Тукумс, чернела на повороте от подвод. В комнате все замерло, как будто в окна вливалась гроза. Серое лицо Эгле вытянулось, налилось желтизной страха. Вилкс деловито щелкнул предохранителем пистолета, спросил Лидумса:

— Вернуть ему оружие?

— Ни в коем случае! Этот трус погубит и себя и нас! Делиньш, узнай от них, что им надо! Вилкс, Эгле, в подполье! Вилкс, держите пистолет Эгле в кармане! Пошли!

Он поднял крышку в подпол за железное кольцо и другой рукой пригнул Эгле, чтоб того не было видно через окно. Но Эгле уже и сам сползал на дрожащих, как студень, ногах.

Вилкс оперся на печь, обжег руку, выругался шепотом и скатился за Эгле. Лидумс придержал люк, нырнул вслед за Вилксом, опустил руки, и крышка подполья захлопнулась, как крышка гроба.

А возле дома скрипнули сани, зафыркали кони, затем послышался стук в дверь.

Делиньш спросил через дверь:

— Что нужно?

Чей-то чистый, с городским выговором голос попросил открыть дверь.

— Не открою! — ответил Делиньш.

— Почему?

— Я вас боюсь. Вас много, а я тут один, а хозяин уехал в Тукумс. Он запретил мне открывать дверь!

— Да что этого дурака слушать? — заскрипел чей-то рассерженный бас. — Вот взломаем дверь да надаем ему по шее...

— Он, может быть, и без документов здесь живет! Арвид ни о ком в сельсовете не говорил...

Дверь начала дергаться. Делиньш нагнулся к полу и прошептал через щель люка:

— Лидумс, я пошел к ним!

Хлопнула дверь, резко звякнул наружный висячий замок, как будто Делиньш, выйдя, тотчас же запер его. Затем послышались раздраженные голоса, постепенно удаляющиеся. Как видно, Делиньш отвлекал приезжих.

Все было тихо в подвале. Но вот у двери опять заскрипели сани, снова послышались голоса, но уже не такие резкие и грубые, как будто приезжие устали уговаривать Делиньша или, может, пришли к какому-то согласию. Затем затопали лошади, кто-то крикнул: «Садись»! Кто-то еще раз выругался: «Я еще с тобой поговорю, щенок!» Щелкнула плеть, шум начал удаляться.

Лидумс приподнял сильными руками люк подполья. Он слышал тяжелое дыхание Делиньша за дверью. Но вот Делиньш осторожно вошел и сел на кровать, не замечая настороженных глаз своих сожителей, глядящих из щели...

Лидумс откинул крышку совсем, вылез, встал к простенку, чтобы его не увидели, если вздумают вернуться те, приезжие.

— Ну что?

— Уехали... — тихо сказал Делиньш, вытирая пот со лба.

— Кто это такие?

— Брат прежнего лесника... которого убили... — устало сказал Делиньш. — Я уговорил приехать в другой раз, когда Арвид будет дома. Наследник хотел посмотреть, где был убит брат, да попутно уж и распродать мебель, дрова...

— Ну что же, парни, давайте завтракать! — обычным тоном сказал Лидумс.

Делиньш помог Вилксу вылезть и посадил его на постель. Эгле пролез на свое место в угол.

Едва сели за стол, как Делиньш увидел на дороге какого-то человека, подходившего довольно робко, с оглядкой, но все-таки, видно, решившего заглянуть на хутор. Все повторилось сначала. Лидумс и шпионы влезли в подпол, Делиньш вышел, запер замок и пошел навстречу прохожему.

Вернулся он быстро. Объяснил:

— Человек ищет, где бы купить сена. Подводы видел, но ни с кем не разговаривал.

— А ты так ему и поверил? — насмешливо спросил Эгле. Он постепенно приходил в себя, и его характер опять начал проявляться.

— Помолчи, Эгле! — раздраженно сказал Вилкс. — Я и раньше знал, что ты трус, но никак не ожидал, что можно трусить до беспамятства!

— Кто трус?! — завопил Эгле, хватаясь за карман, но Вилкс, злобно оскалив зубы, показал ему его собственный пистолет.

— Молчать! И оружия ты больше не получишь! Неврастеники не имеют права держать в руках оружие!

Лидумс притушил разгоравшуюся ссору тем, что словно бы и не заметил, как дымятся спорщики. Он положил на стол тяжелые руки, задумчиво спросил:

— Что будем делать дальше?

Оба словно споткнулись. Эгле растерянно спросил:

— А в чем дело?

— А в том, что на хуторе оставаться, по-моему, не следует... — размеренно ответил Лидумс. — Эти сельсоветчики завтра же вызовут Арвида и насядут на него, а послезавтра приедут проверить, а вправду ли тут живет один Делиньш? Что будет тогда?

Наступило растерянное молчание. Вилкс хмуро спросил:

— Что думаете вы, командир?

— Убираться отсюда и как можно скорее! — жестко ответил Лидумс.

Завтракали в молчании. И когда вернулся Арвид, молчали. А вечером Лидумс и Делиньш выехали на лошади лесника в Тукумс разузнать что-нибудь о возможном новом пристанище...

Делиньш вернулся к утру. Лидумс, рассказал он, решил проехать по старым хуторам, с хозяевами которых «братья» держали когда-то связь. Путешествие это он посчитал опасным и решил отправить Делиньша назад. Сам он обещал вернуться через два-три дня. Если все будет хорошо, добавил Делиньш.

Делиньш держался спокойно, но Вилкс видел, чего ему стоит это спокойствие. Зато когда Эгле вдруг принимался ныть, что вот они остались тут втроем с этим мальчишкой, Вилкс обрывал нытье коллеги с таким угрожающим видом, что Делиньшу приходилось еще и

защищать труса. Что-то сломалось в душе Эгле. Он уже ничем не напоминал того, всем угрожающего заговорщика, каким явился прошлой весной к «братьям». Делиньш понимал, что это боязнь, но так как сам он никогда и ничего как будто не боялся, то, даже и жалея Эгле, все-таки презирал его.

Переломилось что-то и в природе. Метели вдруг кончились, небо стало нежно-голубым и высоким, как будто в нем отразилось далекое море; облака, курчавые, мягкие, двигались неторопливо, выстраиваясь замками, крепостями, тенями душ людей и животных, — начиналась весна света, пронзительная, тонкая, с ледяными заморозками, с синими тенями, с жаркими проталинами на солнечной стороне леса, со звонкой капелью с крыш.

Собака перестала жаться ко двору, не лезла в дом, она была полна тревоги, то ли любовной, то ли охотничьей, убегала куда-то далеко в лес, и порой ее приглушенный лай доносился, как с того конца света.

Лоси и дикие козы, которых снег теперь не останавливал, а, наоборот, держал своим твердым настом, осмелели настолько, что подходили к самому огороду лесника, уронили как-то прясло изгороди, свалили и растащили стог сена. Только кабаны и медведи еще лежали в своих логовищах, но по утрам порой уже слышалось далекое, как гроза, рычание проснувшегося «шатуна», наверно, залило полую водой берлогу, и он вставал, пьяный ото сна, поводя красными глазами, и вызывал на бой всю округу.

Небо к вечеру становилось таким нежно-зеленым в высоте и серебристым по горизонту, словно его оковывали металлом, как камень в кольце, и только к утру снимали серебряную пластину, давая ему опять изгибаться и светиться самыми огненными красками. В эту весну света исхудавшие, больные, Вилкс и Эгле выползали на завалинку, натянув на себя все теплое, что было в доме, сидели целыми часами, глядя в высокое небо, в начинающий светлеть лес, на потемневшую от подталин дорогу, усыпанную круглыми катышами конского навоза, прислушивались к далекой стрельбе обкатываемых тракторов, — эта гулкая стрельба доносилась сейчас издалека, да не с одной стороны, а со всех сторон, будто три человека в домике лесника были обложены со всех сторон тракторами, как танковыми армиями. И так слабы были эти три человека против грохочущей вокруг, и все мимо, мимо, этой тракторной армии, что порой то один, то другой не

выдерживал, вставал, уходил в дом. Весна в Латвии стала совсем не такой, к какой они привыкли и какую они ожидали увидеть.

Лидумс вернулся на третий день к вечеру.

Когда он вылез из саней, сдирая собачьи рукавицы, колотя нога о ногу, чтобы размять затекшие мускулы, он был ни дать ни взять мужик-подводчик. И лошадь, вкусно похрустывавшая сеном, и сами эти сани, укрытые рядом, все пахло старой Латвией, дальними дорогами от хутора к хутору, крестьянской поездкой на базар, когда хозяин возвращается, наконец, протягивает руку под облучок саней, вынимает оттуда гостинец для детей, а для себя бутылочку водки... Но Лидумс оббил сапоги, деловито сказал вышедшим встретить его сотоварищам:

— Хутор Арвида на примете. Другого подходящего места отыскать не мог. Надо немедленно возвращаться в бункер... Посмотрел на приунывшего Вилкса, на покосившегося, как старый крест на кладбище, Эгле, добавил иронически:

— Отчаиваться не следует, весна...

И поднял руку в небо, заставляя прислушаться: действительно, где-то в темной глубине вечернего неба тревожно курлыкали журавли, тянущие на ночевку.

Грузились быстро. Внимательно оглядели все углы хутора, чтобы не оставить неприятных для хозяина улик на случай, если завтра сюда нагрянут сельсоветчики с милиционерами или сами «синие», упаковали радиостанцию, динамо, аккумуляторы, бережно погрузили все это в сани, вынесли небольшие запасы еды, что приготовил для них лесник, оделись потеплее, и вот уже застоявшаяся лошадь дернула, затрусилась сбивчивой рысью, — это вам не рысак, это простая крестьянская лошадь, трюх-тюх-тюх, пять километров в час, а то и поменьше.

Только на рассвете добрались они до энгурского бункера.

Не доезжая с километр, Арвид остановил лошадь, развернул на обратную дорогу, а Лидумс нарубил еловых лап и насорил ими на повороте, — приезжал порубщик, свалил дерево или два и увез.

Выгрузили вещи, прикинули по плечам, Вилкса от ноши освободили, а те вещи, что из мешков взять сразу оказалось невозможно, припорошили снежком. Пошли.

Тропинка, чуть приметная и летом-то, теперь казалась начисто потерянной, но Лидумс шагал уверенно. Эгле вдруг присел, пощупал что-то на снегу рукой, сказал:

— Тут следы...

— Да, это я вчера проходил! — равнодушно сообщил Лидумс.

Вилкс сразу успокоился. Значит, не наугад идут, все опять проверено, приготовлено.

Но он ошибся: ничего не было готово. Лидумс успел только отбросить снег от входа, оглядеть постройку, проверить, цела ли она, остальное предстояло делать теперь.

Печка с трубой, предусмотрительно прикрытая от дождей и снега деревянными плахами, уцелела, не размокла, но сухих дров не было. Делиньш изрядно намучился, растапливая ее.

Вилкса усадили и не беспокоили, но Эгле тоже предпочитал сидеть не двигаясь. Лидумс гневно сказал:

— Эгле, ты будешь делать все, что тебе прикажут, или можешь убираться на все четыре стороны!

— Я его сейчас пристрелю как собаку! — бешено закричал Вилкс. — Не переносу трусов и слюнтяев!

Эгле выскочил, как ошпаренный. Лидумсу показалось, что Вилкс и на самом деле может пристрелить своего трусливого коллегу.

На четвертый день этого трудного, полуголодного сидения в бункере, пятого апреля, Эгле, стоявший на посту, услышал далеко в стороне мелодию знакомой песни «Бункерочек», которую насвистывали два голоса. Эгле пулей влетел в бункер, крича:

— Командир, сигнал!

Лидумс вышел, прислушался, просвистел припев:

— Лай рит! Лай рит!

В лесу стало сразу шумно. Из-за деревьев появился невысокий, со свернутым в сторону горбатым носом Граф, еще более заросший Бородач, все такой же толстый и громкоголосый Кох, а где-то в стороне уже бухал здоровенным кашлем широкогрудый и плотно сбитый Мазайс. А за ними показалась подвода, на которой торчали из-под брезента углами мешки, корзины, пузатилась даже бочка пива.

— Это еще что такое? — сердито спросил Лидумс, постучав по пузатой бочке рукоятью пистолета.

— Скоро пасха, командир! — нашелся Кох. — Это моя вдова нам на праздник наварила.

— Да и моя вдова кое-что приготовила! — закричал Мазайс. И, увидев показавшегося в дверях бункера бледного Вилкса, закричал: — Эй, Вилкс, я тебя теперь вылечу! У меня лекарства — во!

Подводу разгрузили, и Граф, вскочив на сани, стоя, принялся нахлестывать лошадь. Подводчик ожидал его на шоссе, километрах в двенадцати, надо было спешить.

Мазайс и Бородач вооружились пилой и тотчас отправились за сушняком. Кох завертелся у плиты, готовя праздничный обед, даже Эгле и Вилкс, оживленные этим общим шумом, неунывающим весельем, заторопились, вышли с Делиньшем, выкинули антенну, до которой все не доходили руки, принялись заряжать аккумуляторы.

Перед обедом, когда вернулся веселый, неунывающий Граф, Вилкс спросил у него:

— Как вы догадались прийти сюда?

— Ну, бродяга ветром дышит и ветер слышит! Лидумс дал нам знать, что вам приходится туго, не будешь же отлеживаться на печи!

Усевшись за стол и выпив крепкого черного, заправленного кофейным отваром домашнего пива от «вдовы» Коха, Вилкс принялся стыдить своего напарника за трусость. Эгле молчал, бледнел, мрачнел, а подвыпивший Вилкс все не унимался, то ли пиво подействовало, то ли память о пережитых испытаниях подвела. Вилкс вытащил пистолет, закричал:

— Во время войны таких трусов расстреливали! А сейчас их надо попугивать изредка!

Он прицелился и выстрелил. Эгле закричал и свалился под стол. Вилкс, хохоча, принялся доказывать, что пуля прошла в полуметре от его виска и что нечего трусу разлеживаться под столом. Делиньш с трудом отобрал у него пистолет.

Эгле подняли, но за стол он больше не сел, отлеживался на нарах. Вилкс приставал, чтобы спели «Бункерочек», «Гимн лесных братьев» и ругал англичан, которые даже и не понимают, какие ребята сидят здесь в лесах, что с этими ребятами он готов идти хоть на край света!

В конце концов Граф затянул печальную песню о бункерочке, в котором сидят храбрые «лесные братья», ожидая лучшей доли. Ему подтянули Кох, басовитый Мазайс, который на удивление мог петь без кашля, присоединился и сам Вилкс.

Вилкс пел и плакал, пока Лидумс не приказал замолчать. Делиньш уложил своего учителя на обычное место, рядом с Эгле, но Эгле тотчас же вскочил и перебрался подальше, под защиту коренастого Мазайса. По-видимому, выстрел Вилкса начисто оборвал последние дружеские связи между коллегами.

В лесу влажно и широко шумел ветер, звенела вода в промоинах льда в том самом ручейке, о котором так печально пели сегодня «братья», просачивались и журчали, падая, капли влаги сквозь отсыревшую крышу бункера, по земле властно шел теплый, мягкий апрель, напавшая водой и первым соком оживающую природу. На пороге бункера сидел с автоматом в руках Бородач, и это означало продолжение войны...

Однако внезапный переход от спокойной жизни на хуторах к этому лесному затворничеству даром не прошел. Опять по ночам глухо кашлял Мазайс. Даже веселый Граф что-то приуныл. Казалось, что настоящее тепло так никогда и не наступит. Шли затяжные дожди, они съедали последние снега, но болота переполнились водой и превратились в холодные озера. Пробираться к пособникам за продуктами было трудно, опять на лагерь навалился голод.

После относительно спокойной и сытной зимовки голод был особенно непереносим. Мучительна была постоянная сырость. Вода выступала из земляного пола — пришлось набросать кладки и ходить по ним, — капала с земляного потолка, сочилась из стен. Мокрые дрова не столько горели, сколько дымили, затрудняя дыхание. Холодные ветра придавливали дым вниз, загоняли обратно в короткую

трубу, — ведь эту печь в землянке строил не печник, а неумелые руки лесных солдат. Просыпаясь утром, Вилкс со страхом думал о том, что снова надо влезать в мокрую одежду, — куртка и сапоги никогда не просыхали.

Как-то ночью, лежа рядом с Бородачом, он услышал тихий стон. Повернувшись к соседу, он тронул его руку и ощутил жар.

Он вспомнил, — уже несколько дней Бородач как будто перемогался. Всегда приветливый, веселый, отзывчивый на каждую шутку, он в последнее время больше молчал, с трудом поднимался и выходил по наряду на работу или на пост, хотя никто не слышал от него ни одной жалобы. И вот он окончательно сдал...

Вилкс поторопился отодвинуться от соседа: он и сам болен, а кто знает, не опасна ли та болезнь, что съедает сейчас Бородача?

Утром он долго выжидал, поднимется ли Бородач. Бородач встал, как всегда. Вилкс с некоторым страхом наблюдал, как Бородач, чуть покачиваясь на ослабевших ногах, вышел из бункера за дровами, — у него наступал день дежурства. Обернувшись к Лидумсу, который каждое утро, не взирая ни на холод, ни на погоду, принимался прежде всего бриться, Вилкс только что собирался сказать, что Бородача надо бы освободить от дежурства, как тот, войдя с охапкой дров, вдруг покачнулся и упал возле печки.

Его подняли и положили. И люди без врачебного опыта могли понять — тут не меньше, чем воспаление легких, давно скрываемое и превратившееся теперь, может быть, в смертельную болезнь. Мазайс, постоянный мученик, знавший, кажется, все лекарства и дававший советы всем заболевавшим «братьям», вытащил откуда-то термометр, сунул под мышку Бородачу, все пытавшемся встать и что-то делать, как-то скрыть свою слабость. Температура у Бородача была выше сорока!

Больного уложили поближе к печке. Мазайс вытащил все жаропонижающие лекарства и принялся за лечение. Лидумс озабоченно спросил:

— Что будем делать, ребята?

Делиньш неуверенно посоветовал отправить больного на хутор Арвида. Лидумс недовольно сказал:

— Как ты повезешь его за сорок километров? Да и дороги по лесу перекрыты полой водой. У кого есть друзья среди местных жителей?

Граф вызвался обойти ближние хутора. Не может быть, чтобы не нашлось доброй души, утверждал он. У него, сказал он, тут есть знакомые люди, вот к ним он и обратится.

Графа снарядили в поход. Автомат он оставил, взял два пистолета. Лесную щетину сбрил, переделался в тужурку Мазайса, — у этого хозяйственного человека вещи почему-то выглядели всегда чище и целее, чем у остальных. Лидумс посоветовал не очень доверять встречным, — в прошлом году в этом районе была уже опасная встреча с охотником, пытавшимся разоружить Юрку, так что появление постороннего человека может привлечь внимание властей...

Граф вернулся только к вечеру второго дня, когда Лидумс уже принял особые меры предосторожности, боясь, что парня схватили. Посты были выдвинуты подальше, все вещи собраны и увязаны на случай поспешного отхода.

На радостях Графа приветствовали как победителя. Ему и в самом деле повезло. После трех попыток он все-таки отыскал хуторянина, который когда-то и сам был в лесном отряде. Хуторянин согласился принять больного, обеспечить хороший уход и даже вызвать врача, который сочувствует «братьям». Мало того, завтра хуторянин подъедет к условленному месту на лошади, так что больного надо будет перенести на носилках только до лесной дороги, в пяти километрах от бункера.

Сопровождать Бородача Лидумс направил Графа и Юрку. Оба были вооружены пистолетами. Они должны были дойти до самого хутора и проследить, чтобы о больном позаботились как следует. Мазайс изготовил носилки и вызвался пойти третьим до места встречи с хуторянином. Бородач был очень тяжел, да и разведку следовало вести непрерывно...

В десять часов с больным попрощались. Он был в сознании, но так слаб, что не мог поднять руки, только улыбался смущенно да, прерывисто дыша, просил простить, причинил столько хлопот...

Мазайс вернулся часа через два и успокоил всех. Хуторянин не подвел. Таратайка, правда, неудобная, двухколеска, но хозяин прихватил сена и два одеяла. Граф сел с больным, а Юрка идет впереди, разведывая дорогу. Ехать будут шагом, так что парни вернуться только к ночи.

Все шло отлично, и Вилкса удивило, что Лидумс не снял передовых постов наблюдения. Мало того, он не отменил приказ о распределении вещей, из-за этого обед был более чем скудный, так как продукты были тоже собраны и увязаны. Сам Лидумс возился со своими рисунками, заворачивал блокноты и отдельные листы в парафинированную бумагу, потом все скатал в трубку и уложил в специальный черный футляр, а крышку залил растопленным стеарином, не пожалев целой свечи, которых было не так уж много. Он словно бы собирался переправляться через реку на подручных средствах и боялся утопить свои работы...

Чем ближе надвигалась ночь, тем тревожнее становилось в лагере. Лидумс проверил посты и вернулся, но спать не лег.

Близко к полуночи послышалось далекое уханье совы — сигнал Юрки. Мазайс пошел к нему навстречу.

Юрка вернулся один, но в каком виде! Мокрый с головы до ног, весь исцарапанный ветвями, еле передвигающийся. Первые его слова были:

— Бородача схватили!

Все отпрянули в стороны, словно ждали, что вот-вот из темноты грохнут выстрелы. Лидумс гневно спросил:

— Где Граф?

— Мы на всякий случай еще раньше условились: если нас заманят в ловушку, расходиться в разные стороны, чтобы разбить преследователей. Если даже у них окажется с собой собака, им будет труднее взять нас. Я пошел к хутору раньше хозяина и сразу заметил чужие следы: солдатских сапог с подковками. Когда я начал отходить назад, из дома меня обстреляли. Граф понял, в чем дело, выстрелил в предателя и повернул лошадь с Бородачом в лес. Тут Бородач сказал, чтобы Граф оставил его и спасался сам, — в лесу уже было слышно, как чекисты рассыпаются в цепь. Граф дождал меня, спросил, что делать, но Бородач так просил оставить его и отступить, что мы не могли поступить иначе. Граф ушел к нашему старому бункеру в сторону озера Энгуре, а я запутал следы в болотах и пришел предупредить вас...

— Отдыхай! — сказал Лидумс.

— Может быть, уйти отсюда?

— Уйдем утром. Бородач не выдаст. Надо еще проверить, не придут ли к энгурскому бункеру чекисты по следам Графа. Мазайс, ты сейчас отправишься к Энгуре и встретишь Графа. С тобой пойдет Делиньш. Отправишь его завтра навстречу нам к почтовому ящику у озера. Бедный Бородач!

Это прозвучало как эпитафия на кладбищенском памятнике. И все. Никто не сказал ни слова, хотя все, наверно, думали об одном и том же: а когда придет мой черед?

Да, война продолжалась, и на ней, как на всякой войне, были жертвы.

В ночь с двенадцатого на тринадцатое апреля немецкий быстроходный катер типа «Люрсен-С» под командой капитана Хельмута Клозе подошел с потушенными сигнальными огнями и приглушенными моторами к латвийскому побережью недалеко от Ужавского маяка.

Катер остановился и лег в дрейф в двух милях от советского берега. Тотчас же с борта была спущена резиновая двухвесельная лодка с рулевым управлением и компасным оборудованием, в лодку прыгнули четыре человека, приняли несколько рюкзаков, чемоданов, и лодка отвалила от борта.

Ночь выдалась облачная, темная, влажная, с валким, но не шибким ветром, накатывавшим на берег длинную отлогую волну.

Ни одного огонька не было видно на берегу, только Ужавский маяк чертил со своего небольшого мыска длинную линию по всему горизонту, оповещая проходящие в ночи суда, что они вышли на траверз Вентспилсского порта и должны менять курс для входа в реку Венту.

Катер еще виднелся неясным силуэтом, словно он прильнул к воде, скрывая свои очертания хищной рыбы с узкими обводами, с бронированными надстройками. Он должен был ожидать светового сигнала от пассажиров шлюпки, когда они достигнут берега, а в случае, если пограничники негостеприимно встретят эту шлюпку, принять людей обратно.

Но вот с берега мигнул узкий луч сигнального фонарика, передал тире-точку-тире, а катер начал медленно отваливать в море, двигаясь так бесшумно, будто и сам был привидением и населен не людьми, а только душами людей. Так он отползал долго-долго, пока волны фарватера не скрыли берег. Тогда Клозе приказал включить оба мотора, и катер, как хищная рыба, словно бы прыгнул, вылезая из воды на редан, и пошел со скоростью не меньше сорока пяти узлов.

Четыре пассажира вытащили лодку на берег, разгрузили ее и закопали в прибрежный песок. Перетаскав тяжелые мешки со снаряжением на высокий, поросший сосняком лесок, где еще

сохранились окопы и стрелковые ячейки времен Отечественной войны, они вернулись на берег и тщательно затерли, разровняли и замаскировали все свои следы. Теперь они выбрались уже след в след, и замыкающий, эстонец Густав, разметал пучком водорослей каждую вмятину от тяжелых башмаков.

В бывшем окопе все четверо смазали башмаки пахучей жидкостью, отбивающей нюх у собак, снова взвалили поклажу и пошли, горбясь и задыхаясь, через важно шумящий лес, тщательно обходя редкие снежные залежи, чтобы не оставить лишнего следа.

Пройдя около трех километров с тяжелой ношей, они выбрались на песчаный мысок, густо поросший ельником, с которого впереди, в лощине, виднелась шоссейная дорога, обставленная телефонными и телеграфными столбами, знаками движения. На мыске все остановились, посоветовались, и двое из четверых, запрятав в наскоро оборудованном тайнике лишнюю кладь, взяв только по рюкзаку и небольшому чемодану, стали прощаться.

Худощавый, длинноногий латыш, которого все звали Петерсон, спросил:

— Может быть, пойдете с нами?

— Нет, у нас особый путь.

— Ну что ж, до встречи в Англии... — важно произнес Петерсон.

— Или в другом месте! — нервно хихикнул самый молодой, которого звали Томом.

— Чтоб у тебя язык отвалился! — буркнул второй, уходивший с Томом.

— Куда ты со мной, немым, денешься? — язвительно спросил Том.

— Просто пристрелю!

И разговор этот, и нервная дрожь, то и дело сотрясавшая жилистое тело Петерсона, и ярость Адольфа — показывали, что ни благополучная высадка, ни преодоление первого рубежа не принесли успокоения. Том и Адольф буркнули:

— Пока!

— До встречи!

И вот уже сомкнулись ветви мелкокорослых елей, где-то упала с дерева шишка, прозвучав в темноте и тишине, как выстрел, и все стихло.

Петерсон и молчаливый его спутник, переговаривавшийся с Петерсоном только по-английски, Густав, эстонец по национальности, торопливо закопали тяжелые мешки, оставив тоже по рюкзаку и чемодану, внимательно оглядели место захоронения, сделали несколько метин на деревьях и тоже спустились на дорогу.

В это ночное время дорога была пустынна, однако путешественники попробовали все же свернуть с нее в сторону, чтобы идти параллельно.

Прямо перед ними открывался длинный, бескрайний луг, покрытый туманом, но едва они сошли с дороги, как ноги им связала холодная, словно бы твердая от холода вода. Петерсон зачерпнул воды в высокие сапоги, выругался вполголоса, сказал по-английски:

— Кажется, это и есть знаменитый Журавлиный луг...

— Чем он знаменит?

— Тем, что это непроходимое болото, а совсем не луг!

Густав дернул плечом, но промолчал.

Выбрались обратно на дорогу и пошли быстрее.

Шли довольно долго, прислушиваясь к каждому звуку. Где-то впереди загорланили петухи. В стороне твякнула собака. Журавлиный луг кончился, по обеим сторонам дороги начали попадаться молчаливые, спящие хутора. Начало светать.

Это долгое, осторожное путешествие в мокрой одежде, в мокрой обуви, хотя и утомило, но согрело пешеходов. И даже низкий туман, то и дело наваливавшийся на дорогу со стороны болот, а порой и со стороны не такого уж далекого моря, не столько раздражал, сколько успокаивал их. Пока ничего не случилось. Пограничники, видимо, спали, в эту сырую, темную ночь, машины и путники, которых следовало бы остерегаться, еще не вышли на дороги, а где-то, не так уж и далеко, должен быть безопасный привал...

Возле очередного столба с указателем расстояния Петерсон остановился, осветил фонариком, хотя цифры становились уже видны в молочном тумане рассвета.

— До Вентспилса осталось тридцать километров. Значит, где-то недалеко и наш Соловьиный хутор...

Густав тоже посмотрел на цифры, прислушался.

По-прежнему было тихо, даже петухи замолчали, поприветствовав зарождение дня.

Петерсон пошел медленнее. Теперь он внимательно поглядывал по обеим сторонам дороги, ища опознавательные знаки, которые так долго заучивал в Лондоне.

Впереди, слева, показалось большое здание с красной черепичной крышей — школа, а может, бывший помещичий дом, отданный теперь под правление колхоза. Справа виднелась темная полоса елей — культурная посадка, прикрывавшая какие-то строения. Петерсон торопливо сошел с дороги в кусты. Тут тоже была вода, но только снежная, под которой порой прощупывался ледок. Густав последовал за ним.

Прошлепав по воде метров сто, они нашли точку, с которой хутор был виден целиком, со всеми постройками: с длинным санным сараем, со скотным двором и баней. Опасно было то, что он находился так близко от дороги, может быть, пятьдесят-шестьдесят метров. Но то, что он рядом, радовало, так как обещало тепло, отдых усталому телу, утомленному мозгу.

Он спал, этот благословенный хутор, и никакие соловьи не щелкали возле него, да и слишком рано было для соловьев — холодно. Это потом, когда путники привыкнут к хутору, как к своему жилью, они наслушаются еще и соловьев, и лягушек, а теперь им бы только тепла!

Петерсон выбрал место посуше, поставил чемодан, на него — свой заплечный мешок. Густав тоже освободился от вещей.

— Думаю, что лучше сначала пойти мне одному... — сказал Петерсон. — Вы, с вашим плохим выговором, можете напугать хозяина.

— Я согласен, — выговорил Густав по-латышски. — А что, собственно, впереди, по дороге на Ригу?

— Река Вента. А дальше — прямая дорога на Ригу.

— Какая же это река — Вента? Я видел на карте — ручей.

— Летом — да. Но не весной. Впрочем, я думаю, хозяева найдут способ переправить нас через эту реку. Если уж мы перебрались через море... Ну, я пошел! — перебил он свои воспоминания.

Густав присел на чемодан, наблюдая за Петерсоном.

Петерсон подошел к хутору и осторожно постучал в окно.

Все было тихо в доме, но Петерсон безошибочно чувствовал движение. Ему даже показалось, что в соседнем окне шевельнулась

занавеска, словно бы кто-то, спрятавшись за косяк, пытался рассмотреть человека, потревожившего покой дома. Он чуть отошел от окна, чтобы тот, кто наблюдает, увидел, — стоит одинокий прохожий.

Но вот щелкнула щеколда внутри дома, скрипнули полы в сенях. Хриплый, то ли от сна, то ли от испуга, голос невнятно спросил:

— Кого надо?

— Мне надо поговорить с Курсисом...

— С Курсисом? — удивленно спросил голос.

— Да, да, именно с Курсисом.

После паузы человек дрожащим голосом сказал ответную фразу пароя:

— Курсис два дня назад уехал в Ригу и будет только завтра...

— А мне сказал, что будет дома сегодня рано утром, — ответил условными словами Петерсон.

Дверь чуть приоткрылась, настолько, чтобы просунулся длинный нос хозяина и метнулась рыжая, как пламя, прядь волос. Но Петерсон уже сунул ногу в щель меж дверью и косяком. Да и хозяин, разглядев в белом, словно молочном, рассвете велюровую, зеленоватого оттенка шляпу Петерсона, короткую куртку неместного покроя, как будто успокоился, но заговорил с опаской:

— В дом не входите: это опасно.

— Где же мне устроиться?

— Откройте сарай, справа, под сеном, лаз в подпол. Переждите там. Я извещу того, кто вас ждет. Вы не один?

— Вдвоем. Да вы покажите укрытие.

— Подождите, оденусь.

Он вернулся довольно быстро. Петерсон оглянулся, чтобы просигналить Густаву: «Все в порядке»! — и увидел, что Густав, взвалив мешок на плечи и взяв в левую руку чемодан, уходит от хутора в лес...

Петерсон не мог понять, что вспугнуло партнера. Он пробежал до еловой посадки, но дорога была пустынна. Тогда он закричал приглушенным голосом:

— Густав, Густав, куда вы?

Тот уходил все дальше, вот он поравнялся с мелкими елками предлесья, вот зашел за них, вот он исчез.

Петерсон вдруг с горечью подумал, что ничего не понимает в замыслах своих хозяев.

Он медленно побрел к своим оставленным вещам. Хозяин, ежась от холода, ожидал, ничем не выдавая своих мыслей. Петерсон приволок мешок и чемодан. Хозяин провел его в сарай, показал лазейку и только тогда произнес:

— В случае чего, вы у меня не были, меня не видали, просто забрели по дороге, когда устали идти...

— Хорошо! — согласился Петерсон.

Он нырнул в лаз, услышал еще, как хозяин набирал охапку сена, потом бросил его корове, — из-за стенки хлева слышался его сильно дрожащий голос, но делал он все по привычке правильно.

Впрочем, в этом подполье было довольно сухо и почти тепло. Петерсон даже разулся, надел сухие носки, и не заметил, как его сморил сон.

Когда он проснулся, доска, прикрывавшая лаз, была чуть сдвинута, солнечный луч, пробравшийся в сарай, вызолотил земляную стенку убежища. Петерсон выглянул из лаза и увидел тарелки с едой, накрытые чистым полотенцем. Он усмехнулся: в этой земляной тюрьме по крайней мере кормят!

Хозяина он увидел только поздно ночью. Тот снова принес еду, поставил керосиновый, чисто протертый фонарь, присел на край норы, спустив ноги в лаз, объявил:

— Ужинайте поскорее. Будрис будет ждать вас на опушке леса в двенадцать ночи, а сейчас уже одиннадцать.

— Как же я его разыщу в такой темноте? — недоверчиво спросил Петерсон. — И где его искать?

— От сарая пойдете прямо в лес. Он погукает филином.

— А я?

— А вы идите тихим шагом по направлению к лесу вдоль дороги. Да он вас не потеряет! — вдруг наставительно сказал хозяин. — Если вернетесь обратно за вещами или еще пожить, так дверь сарая будет отперта... — и с этими словами ушел, как будто ему надоело наставлять несмышленного человека.

Без пяти минут двенадцать Петерсон осторожно выглянул за дверь. Ночь опять была черная, волглая. Петерсон торопливо, не видя дороги, пробежал открытое пространство меж сараем и лесом и

остановился в укрытии таких же мелких елок, в каких утром исчез Густав.

Метрах в двухстах, в стороне, по шоссе прошла автомашина с яркими фарами, и хотя свет фар вовсе не был направлен в сторону леса, Петерсон присел, будто его могли увидеть в этой крошечной тьме с дороги, где весело и трудолюбиво ворчал мотор.

Петерсон сделал первые несколько шагов безмолвно. И тотчас же услышал доброжелательный зов:

— Идите сюда!

Он инстинктивно отпрянул и пригнулся к самой земле, как его учили в школе. И в самом деле увидел на фоне более светлого неба фигуру спокойно сидящего человека. Человек привстал, мигнул фонариком, и Петерсон, не вынимая руки из кармана, пошел к нему.

— Вы спрашивали Будриса? — спокойно осведомился человек и посветил фонариком под ноги, — там стоял пень, как будто нарочно приготовленный для этой ночной беседы.

— Я хотел поговорить с Курсисом! — с ударением сказал Петерсон.

— Курсис два дня назад уехал в Ригу и вернется только завтра.

— А мне он сказал, что будет сегодня рано утром.

— Так, пароль правильный. Может быть, перейдем к делу? — спокойно сказал сидящий.

— Да, — тихо, словно его кто-то мог тут подслушать, ответил Петерсон.

— Откуда вы? — спросил Будрис.

— С той стороны... — Петерсон неопределенно махнул рукой.

— Позвольте! — Будрис, видимо, рассердился, голос его стал хмурым. — Я вас не понимаю, как это — с той стороны?

— Английская разведка дала ваши координаты и пароль для связи. Мы высадились вчера, — виновато объяснил Петерсон.

— Кто — вы?

— Трое латышей и эстонец.

— Где же другие?

— Двое ушли в Ригу самостоятельно. Эстонец должен был вместе со мной поступить в ваше распоряжение, но почему-то побоялся явиться на указанный нам хутор и вчера отделился от меня и ушел.

— Да, глупо! — резко сказал Будрис. — Теперь понятно, почему на шоссе я встретил пограничников. — Он помолчал. — Что вы намерены делать?

— Я прибыл сюда специально для встречи с вами и для координации деятельности... — он намеревался сразу польстить неизвестному Будрису, но так и не понял, подействовала ли его лесть.

Будрис, помолчав, сказал:

— Вам придется переждать здесь два-три дня, не выходя из потайного бункера, пока я не создам условия для переезда в более безопасное место. — Вы-то тут не при чем! — словно бы утешая гостя, добавил он. — В определенный час к вам придет человек и скажет, что он от меня. Доверьтесь ему и следуйте за ним. Я думаю, скоро вы увидите некоторых ваших друзей...

Он встал, и Петерсон, никогда не чувствовавший себя слабым, вдруг подумал: лучше иметь этого человека в числе друзей. Лучше иметь его другом! И заискивающе сказал:

— У меня есть для вас письмо Силайса. Но оно укрыто так далеко, что я не рискнул достать его.

— Ничего, мы еще увидимся!

Кажется, наличие письма официального сотрудника английской разведки не очень утешило Будриса. Петерсон подумал: «Эти англичане всегда делают глупости! Хорошо, что Будрис не считает, меня ответственным за промахи моих хозяев...»

Будрис пожал руку Петерсона. Петерсон почувствовал, какой уверенностью веяло от Будриса. Только теперь Петерсон почувствовал себя спокойнее.

Будрис повернулся спиной и зашагал прямо в лес так ловко и быстро, словно видел и в темной, сырой, тяжелой ночи. Петерсон пошел обратно к своему сараю и лишь с трудом разглядел, присев к самой земле, на фоне неба его острогорбую крышу.

Густав и сам не понял, что толкнуло его уйти от этого острогорбого дома, возле которого уже слышались тихие и вполне мирные голоса Петерсона и хозяина.

Во всяком случае, в самую последнюю минуту, когда Петерсон уже возвращался к нему от хутора, а хуторянин ждал у дверей, поеживаясь в одном белье на холодном ветру, Густав вдруг вспомнил, что хозяева, направляя его вместе с Петерсоном, в последнюю минуту напомнили, что у него всегда остается право самостоятельного выбора: или идти со спутником или отделиться от него...

Ничего опасного не было в этом обычном хуторе, стоящем у дороги. На родине Густава, куда ему следовало добраться как можно быстрее, разбросаны такие же хутора и там он тоже должен будет однажды постучать в окно, не зная, чем встретят его: хлебом-солью или выстрелом? Да и вообще, направляясь домой, он должен будет миновать сотни таких хуторов, и, наверно, ему придется попросить приюта не один раз. Ведь его высадили так далеко от родины, что если он вздумает добираться туда пешком, то придется идти неделю... И на что-то надеялись же его хозяева, когда отправляли его вместе с Петерсоном, может быть, таинственный Будрис в самом деле сумеет помочь и ему...

А меж тем он шагал уже по залитому водой лугу, гулко хлюпая сапогами, отставив руку с чемоданом, который казался сейчас еще тяжелее, а впереди, куда он ни взглядывал, все отблескивала, как темное зеркало, река, ничуть не становясь уже, так что дальний берег ее только мерещился в сером предрассветном тумане. Но Густав был упорен, силен, приучен ко всяким тяготам пути, и он продолжал брести по колено, а то и глубже, в весенней снеговой воде, все время придерживаясь залитого водой, но приметного по полоске леса речного берега, пока не вышел наконец на взгорбки, всхолмления, между которыми уже довольно редко попадались ревущие лога с бешеными потоками, да и те ему все лучше и лучше удавалось обходить.

Так бегут каторжники, которым посчастливилось обмануть охрану, бегут, не зная местности, людей, примет, не имея надежд, но пока еще свободные, бегут не по компасу, а на запах дыма, на шелест дерева, на рокот воды, таясь и прячась от всего живого, как будто они уже находятся в потустороннем мире и всякая встреча с живыми грозит им гибелью.

У Густава был компас, были часы, он видел, что идет все на северо-восток, что кончается третий час ночи, начинается четвертый, он знал, что в этот день и в этих широтах восход солнца приходится на пять часов восемнадцать минут, но надеялся, что утро будет еще долго туманным, а день может оказаться облачным, и тогда он успеет уйти от границы, которую он нарушил и поблизости от которой его будут искать, так далеко, что сразу окажется в безопасности.

Вот этот-то поиск безопасности и погнал его вперед, когда Петерсон окликнул его. Он не признавался сам себе, что испугался, он только предположил, что правильнее убраться как можно дальше и от этого хутора, что стоит возле самой дороги, и вообще от дорог, и вообще как можно дальше!

Он давно миновал пограничную зону, и теперь оставалось только переправиться на ту сторону реки, чтобы выйти на далекий запасной адрес, полученный от англичан, откуда ему помогут добраться до Эстонии...

До восхода солнца он прошел еще пять километров. За это время ему попались два небольших хутора, и он тщательно осмотрел берег возле хуторов, надеясь найти лодку, но тут жили, как видно, не рыбаки, лодок не было.

Теперь солнце уже взошло, тумана не было, день оказался ясный, и идти дальше становилось опасно. Он миновал большой поселок, расположившийся на той стороне реки, и опять пошли те же залитые внешней водой луга, снова показалась пашня, и вынырнул еще один хутор, прилепившийся на высоком берегу над самой водой.

С берега он увидел лодку.

На хуторе уже проснулись люди, там топилась печь, но это, может, и не остановило бы его. Он был вооружен и мог бы без опаски сесть в лодку и уплыть. Остановило другое — лодка была прикована тяжелой цепью с амбарным замком на ней к большому дереву, склонившемуся

над самой водой. Отбить цепь сейчас, днем, на виду у хозяев хутора было опасно.

Густав поставил чемодан за углом сарая, скинул мешок с плеч и, присев на солнечном пригреве, принялся наблюдать за хутором. Ему хотелось выяснить, кто тут живет, есть ли мужчины, как выглядят обитатели, можно ли довериться им и попросить просто перевезти через реку... А если в доме одни женщины — это теперь, после войны, случается нередко, — их можно и припугнуть.

Дом был разделен на две половины, и, кажется, жили в обоих. Но Густава успокаивало то, что хутор находился далеко от всяких других домов — это не колхоз, подумалось ему, возможно, тут живет лесник или просто рыбак, а то и единоличник, Густав знал, что не все крестьяне — владельцы хуторов пошли в колхозы. Все это в известной мере обнадеживало его.

Открылась, чуть скрипнув, дверь, и вышла женщина с подойником. Густав разглядел ее, пока она шла, широко и свободно шагая, к хлеву. Немолодая крестьянка с крепкими руками, с широкими плечами, с мужским шагом. Она вошла в хлев и долго разговаривала с коровой, потом принялась доить ее, зацвиркали струйки молока, запахло свежестью и теплом, и Густаву сразу захотелось есть.

В другой половине дома тоже проснулись, там шевельнулась занавеска, затем в сенях заскрипели половицы под тяжелыми шагами. «Мужчина!» — обозлился Густав. Там наливали воду в умывальник, плескались, потом все стихло. Густав заметил, что половины дома не сообщаются.

Хозяйка вернулась в дом с полным подойником, дым гуще повалил из трубы, видно, там готовили завтрак. И опять Густав вспомнил о том, что ничего не ел, что устал, что впереди еще далекий путь.

Хозяйка вышла снова, теперь она выпускала птицу: кур, гусей. Гуси, крича и переваливаясь, поспешили к воде. Хозяйка высыпала из решета корм для кур, и они забацали клювами по деревянной колоде, словно где-то заколотили в барабан. Вот хозяйка зашла за угол сарая с противоположной стороны, сейчас она увидит Густава...

Густав, стараясь придать лицу равнодушное выражение, ждал.

Милда Целмс прожила большую и трудную жизнь...

Эти слова давно стали привычными, мы как-то даже не ощущаем их веса. Мы читаем их в газетах, в книгах, они приложены к разным людям, но каждый из нас прожил большую и трудную жизнь, и мы только сочувственно вспоминаем собственные горести или просто пробегаем глазами эти строчки, и они ничего не возбуждают в душе.

А стоило бы подержать эти слова в ладонях, чтобы ощутить их тяжесть.

Она родилась и выросла на хуторе, но хутор был чужой. Она всю жизнь занималась земледелием и скотоводством, но и земля и скот были чужие. А хозяева очень любят утверждать свое достоинство окриком, а то и пинком. Правда, пинки чаще достаются в детстве, а вот окрики можно слышать всю жизнь и подчиняться им, как подчиняется рабочая лошадь.

В тысяча девятьсот сороковом году Милда еще ничего не успела понять, хотя и видела, что жизнь переменилась. Незадолго перед этим она вышла замуж за такого же батрака Яниса Целмса. Янис понимал больше. Он даже участвовал в какой-то комиссии, которая делила между безземельными батраками землю, отобранную у помещиков и отрезанную у крупных землевладельцев. Но и года не прошло, как в Латвию ворвались немцы, и все стало по-старому. Яниса Целмса не убили только потому, что очень уж молилась за него Милда, ну и, может быть, потому еще, что он был тихим человеком: ушел с земли, которую еще и не привык называть своей, вернулся из чужого хутора в свою развалюшку, стоящую на хозяйской земле, и принялся снова батрачить. Да и рабочих рук осталось мало. Хозяин Целмса, айзсарг, мог бы и сам пристрелить батрака, — ему-то за это ничего бы не было! — но он вовремя вспомнил, что Целмс был примерной покорной рабочей скотиной, на которую можно вполне положиться. А сам хозяин мог отправиться в Ригу выпрашивать милости у немцев, — ведь он стрелял по отступавшим русским, убивал их жен и детей, значит, заслужил поощрения.

В тысяча девятьсот сорок четвертом хозяин бежал из Риги за границу, не успев даже заехать в свой дом. А года через три Янис и Милда уже состояли в колхозе. Теперь Янис был бригадиром.

Милда никогда не слыхала о «детекторах лжи», которыми, с легкой руки американцев, многие разведки оснащают свои школы, чтобы «читать» мысли будущих шпионов, она ничего не знала о такой науке, как психология, она была простой крестьянкой, и Густав, который долго присматривался к хозяйке хутора, мог с уверенностью сказать, что у него найдется сто один способ подчинить ее волю, причем, сто первый — оплатить услугу — вероятно, будет самым простым.

И вот она вышла из-за сарая, увидела Густава, вспыхнула от смущения, поклонилась и поздоровалась.

Она была, плохо одета: ватная кацавейка, короткая матерчатая юбка и сапоги. Густав отлично знал, как завоевывать сердца плохо одетых людей. Он встал с чемодана, на котором сидел, кивнул несколько свысока, бойко заговорил на своей невообразимой смеси из эстонского, немецкого и латышского:

— Кароший дом! Кароший погода! Угостить завтрак, я есть платить! Заблудился на охота. Надо за река, в Пилтене. Опять платить карошо! Наличная. Один румка водка — тоже наличная...

Он не совал ей деньги в руки, он знал, как это невыгодно, — вытаскивать бумажник до того, как сделаны услуги. Он заплатит потом. Об этом красноречиво говорила его высокомерная и снисходительная улыбка, об этом должен был говорить весь его вид: добротное пальто, хороший костюм, кожаный чемодан. Он солидный человек, и он в состоянии оплатить любую услугу. И теперь он улыбался более дружелюбно, ожидая этих услуг.

Милда тоже улыбнулась, но нерешительно, как и подобает такой замарашке перед приличным господином. Она даже сделала что-то вроде книксена, — ведь и она до конфирмации училась в школе и знала, как приветствуют господ. И голос ее прозвучал как надо: немного искательно и в то же время доброжелательно:

— Пожалуйста, проходите в комнаты. Сейчас будем завтракать...

— Чем бог послал! — мило пошутил Густав. — Если бы бог послал румка водка, с его стороны было бы карашо очень!

— Может быть, у мужа есть, не знаю, — ответила Милда и утешила: — Но муж перевезет вас через реку, а на той стороне есть магазин, он в восемь часов откроется.

Она попыталась даже помочь неожиданному гостю, хотела взять его чемодан, но Густав понес его сам. Милда пошла впереди.

Теперь Милда могла бы с закрытыми глазами описать незнакомца. И оттого чувствовала себя все беспокойнее.

Да, он одет был по-городскому: серое кепи, темно-коричневое пальто, на ногах брезентовые сапоги с голенищами выше колен — таких сапог Милда никогда не видала, — за спиной брезентовый зеленый рюкзак. Но у этого охотника не было ружья.

И речь этого человека, и его беспокойные глаза с твердым, словно бы ощупывающим взглядом, и назойливое упоминание о плате за все, что она для него сделает, — все вызывало в ней тревогу. Понимала она и поведение этого человека. Если он пришел с той стороны, то, конечно, думает, что ничего здесь не переменялось, как ничто не менялось там. Откуда ему знать, что Милда Целмс все эти годы училась? Откуда ему знать, что Милда Целмс окончила курсы животноводов, не раз бывала на совещаниях в Риге, запросто разговаривала с учеными, с руководителями района, а, случалось, и республики... Он небось думает, что она так и живет замарашкой, какой он ее увидел, ведь он может мерить только старыми мерками, вот он и принимает ее за такую же батрачку, каких он видал тысячи там, откуда явился, и, вероятно, не предполагает, что когда Милда Целмс идет с мужем на центральную усадьбу колхоза, то одета она так же, как их учительница, как женщина-врач из местной больницы, как женщина — агроном колхоза. И это презрительное высокомерие «господина» было не только оскорбительно, — оно больше, чем все другое, выдавало в нем постороннего, чужака и, следовательно, опасного человека.

Милда открыла дверь, посторонилась и пропустила незнакомца. Теперь нужно было как-то предупредить мужа.

Незнакомец поставил чемодан, снял рюкзак и подошел к жаркой печи, Милда поставила на плиту сковородку и бросила несколько кусков бекона. Позванивая посудой, она непринужденно крикнула в приоткрытую дверь комнаты:

— Янис, вставай, у нас гости!

Янис, уже одетый, вышел из комнаты.

Добродушно поздоровавшись с гостем, Янис выслушал ту же короткую историю о том, что перед ним заблудившийся охотник, которому надо поскорее попасть на ту сторону и затем в Пилтене. Милда ставила на стол тарелки и раскладывала поджаренный бекон. Незнакомец с удовольствием подсел к столу, вынул из кармана плитку московского шоколада, угостил хозяйку, хозяину предложил папиросы «Казбек».

Целмс не разговаривал с женой, даже не смотрел на нее, и незнакомец чувствовал себя все спокойнее. Он был прав в своих предположениях: тут все оставалось по-старому. А Целмс курил папиросу и думал, успевая в то же время угощать неожиданного посетителя, задавать незначительные вопросы, отвечать на его расспросы.

Да, лодка у берега принадлежит ему. Ну, конечно, он перевезет гостя. Да ему и самому надо на тот берег. Да, водополье сейчас большое, наверное, и охотиться трудно, все луга залиты...

Они разговаривали о безразличных, пустых вещах, но Целмс то и дело ловил на себе острый взгляд гостя. Ловил и думал: он чужой. Его нужно как можно скорее доставить туда, где разберутся во всем. Но он очень силен. Ему всего тридцать пять, а Целмсу давно за пятьдесят, если начнется схватка, Целмсу не справиться. Хорошо бы предупредить соседа, Озолса, но как это сделать, чтобы не вызвать подозрения? Если этот незнакомец что-нибудь заподозрит, он может снова уйти в лес, в болота, и тогда его и рота пограничников не отыщет...

Так длилось это странное, безъязыкое объяснение, пока и хозяин и гость завтракали, и Милда старалась не смотреть на мужа, а сама безмолвно кричала:

«Он чужой! Чужой! Неужели ты не видишь этого, Янис? Его надо задержать! Его нельзя выпускать! Он может натворить много бед! Или ты забыл, как такие же, еще совсем недавно, стреляли в нас, травили нас, держали впроголодь, чтобы только продлилось их царство?»

Так шел безмолвный поединок, но внешне все было тихо, спокойно, и Густав мог с уверенностью сказать:

«Да, в этой стране ничто не изменилось, люди здесь по-прежнему смиренны, тихи. Они все еще хранят рабскую зависимость от того, кто

сильнее, они подчиняются тому, кто умнее их, и никогда не станут другими!» — И он тихонько благословлял своего бога, который привел его в это чужое жилище, где Густав мог бы, если бы захотел, стать хозяином чужих душ.

А Целмс думал:

«Ошибки тут быть не может, он чужой! И Милда знает это, но знает также, что нельзя ничем выдать себя. И ее я в это дело не могу втравить. Если этот человек станет защищаться, а может, и стрелять, то пусть он лучше стреляет в меня. Я повидал всяких людей — хороших и плохих, своих по душе и чужих, и только чужие люди могут держаться так по-барски перед простым человеком...

Целмс докурил папиросу, встал.

— Ну что же, поедем? Я только зайду за ключом от лодки к соседу, вчера он вернулся поздно, не вернул ключ...

Он не глядел на гостя, снимая со стены свой плащ, но и спиной чувствовал, как напрягся тот, услышав о соседе. Но Целмс уже открыл дверь и вышел.

Милда с трудом выдохнула воздух. Она тоже не смотрела на гостя, она стояла у печи, думая, что сделает сейчас незнакомец? Выскочит из дома или удержится? Она слышала, как тот повернулся на лавке, лавка скрипнула. Но в кухне уже раздавались веселые голоса, муж возвращался с Озолсом.

Озолс работал в бригаде Целмса и жил на его хуторе, так как был одинок, да и поля были близко, не надо каждый день переправляться через реку, как делали остальные члены бригады, кто жил в новом колхозном поселке и на хуторах по ту сторону. Озолс и вошел с усмешкой, как входят мужчины в дом после анекдота, рассказанного во дворе, чтобы женщины не слышали, веселый, тоже уже не молодой, но еще крепкий крестьянин, поздоровался с незнакомцем.

— Ну, собрались? Милда, когда у тебя так пахнет, мне совсем не хочется на работу! Ой, отобью я тебя у Целмса! — и захохотал, все еще белозубый, чисто выбритый, не то что Целмс, которому порой и побриться некогда.

Милда усмехнулась старой шутке, завернула, как обычно, завтрак мужу, сунула сверток в карман плаща. Она знала одно, — все надо делать, как всегда, тогда не ошибешься, ничего ненужного не скажешь,

ничем не насторожишь этого чужого человека, который надевал рюкзак на плечи.

— Табак чуть не забыл! — воскликнул Целмс и прошел в комнату, неловко зацепив плащом дверь. Дверь захлопнулась.

За дверью Целмс снял со стены свое охотничье ружье, тихо, стараясь не клацать затвором, вынул дробовой патрон, заложил жаканову пулю, с разрезом на тупом конце, с какой ходят на медведя. Помедлил: «Правильно ли я делаю? — сам успокоил себя: — Да, правильно! Это опасный гость!»

Он ударом ноги открыл дверь, шагнул в кухню и, направив ружье в грудь незнакомца, резко скомандовал:

— Руки вверх!

Густав метнул взгляд на дверь. У двери стоял сосед, упервшись спиной в косяк, и видно было, что он ни за что не выпустит Густава из комнаты. Целмс повторил с угрозой:

— Руки вверх!

И Густав медленно поднял руки.

Он ожидал всего. В мыслях он стократно схватывался с чекистами. Он умел стрелять, не вынимая пистолет из кармана. Мог стрелять через плечо. Знал джиу-джитсу. Учился обезоруживать вооруженного противника и использовать выхваченное у того оружие. Он предусмотрел сто вариантов схваток с чекистами. Он не предполагал только одного, что его захватят двое крестьян, из которых один безоружен, а у другого всего лишь охотничье одноствольное ружье, которое и заряжено-то, наверное, утиной дробью! А если и пулей? Будет ли еще этот крестьянин, конечно, не приученный к убийству, стрелять? И однако все эти предположения уже опоздали! Он стоял перед двумя этими крестьянами и смирной пожилой женщиной, подняв руки.

Целмс приказал:

— Обыщи его, Озолс!

Вот обыскивать Озолс не умел! Он только пошарил по карманам пальто, пиджака и брюк и даже не подумал, что оружие может быть подвешено под мышкой, что оно может быть привязано к ноге, что карманы пальто и брюк могут быть прорезные, чтобы можно было выхватить это спрятанное от возможного обыска оружие. Озолс провел

по одежде брезгливо, небрежно, он не хотел иметь никакого дела с чужим человеком, сухо сказал:

— Ничего у него нет.

Целмс приказал:

— Я вас задерживаю, идите с поднятыми руками к лодке! А ты, Озолс, захвати его чемодан...

И Густав вышел с поднятыми руками, пригибаясь в низких сенях, но не опуская рук, за ним шел Целмс с ружьем, а за Целмсом Озолс с чемоданом, и так они прошли к лодке.

Целмс приказал Густаву сесть на корму. Озолс поставил чемодан и отомкнул замок на приковывавшей лодку цепи. Затем он влез с чемоданом в лодку и сел на весла. Целмс устроился на носу, внимательно наблюдая за Густавом.

Им надо было спуститься по течению с полкилометра, чтобы высадиться на прибрежном взгорье, а оттуда пройти еще с полкилометра до хутора, на котором был телефон.

Озолс взялся за весла, но лодка сразу закрутилась во все стороны. Рыбацким делом Озолс никогда не занимался, грести и управлять лодкой, да еще в водополе, не умел. Впрочем, он сумел бы выстрелить из ружья, и Целмс, после некоторых колебаний, передал ему ружье, а сам сел на весла.

Сильное, течение несло лодку. Кругом была вода, материковый берег угадывался только по кустам и деревьям, выступавшим из воды. Незнакомец сидел неподвижно, лицом к гребцу и конвоиру, глядя на мутную воду, какими-то слепыми, будто ничего не видящими глазами. По лицу его то и дело пробегала нервная дрожь.

Лодка врезалась носом в вязкий грунт. Целмс бросил весла, шагнул прямо в воду и выдернул лодку до половины на берег. Потом взял ружье у Озолса и приказал задержанному выйти. Озолс опять подхватил чемодан и пошел справа от задержанного, Целмс на три шага позади. Они шли к видневшемуся вдалеке хутору.

Густав остановился, повернулся к Целмсу и заговорил:

— У меня есть деньги! Много денег! Я отдам их вам! — лихорадочно бормотал он. Он словно бы забыл о ружье Целмса, сунул руку в грудной карман пиджака и вытащил оттуда пачку сторублевок.

— Положи свои деньги в карман и — вперед! — гневно крикнул Целмс.

По лицу задержанного катились слезы и пот. Но ружье Целмса уперлось чуть не в грудь, и человек повернулся словно бы на ватных, подгибающихся ногах и покорно зашагал дальше.

Он прошел сто метров, двести, все замедляя шаги. Крестьяне не торопили его. Он подумал, что эти недалекие люди, видно, уже ослабили внимание, и вдруг резким движением выхватил откуда-то пистолет.

Но Озолс был настороже. Заметив движение незнакомца, он схватил его за руку и так сжал своими твердыми пальцами, что пистолет выпал. Озолс оттолкнул незнакомца и схватил пистолет.

— А ну, не шути! — прикрикнул он, вытирая пот с лица. Одна мысль о том, что могло только что случиться, бросила его в дрожь.

Теперь незнакомец сдался совсем. Оправившись от толчка, он остановился, снова повернулся лицом к своим решительным конвоирам и принялся снимать с себя и передавать им все свое снаряжение: запасные обоймы к пистолету, бинокль, компас, даже портсигар из какого-то тяжелого металла... Отдав все, он покорно повернулся и медленно пошел дальше, теперь уже и вправду словно прощаясь со всем, что видел перед собой. Зеленый рюкзак на спине покачивался в такт его шагам, а шаги становились все короче и короче.

Они подошли к месту, где река делала резкий поворот. Много лет назад, в такое же большое половодье, река в этом месте нашла себе новое русло, спрямилась, и тут осталась только старица, лишь весной становившаяся такой же бурной и полноводной, как и прежде. За старицей остался небольшой, поросший мелкой ольхой островок, выглядевший, как острый мыс основного берега. Здесь река казалась уже всего, хотя на самом деле за островком разливалась еще на целый километр.

Когда задержанный и его конвоиры оказались напротив островка, Густав молниеносно сбросил с плеч пальто вместе с рюкзаком и ринулся с высокого берега в воду.

Вода была ледяной, но он плыл ловко, уверенно быстро. Целмс и Озолс растерянно метались по берегу. Беглец уходил.

Целмс крикнул Озолсу, чтобы тот бежал скорее к телефону, а сам вскинул ружье к плечу и тщательно прицелился в правую руку беглеца. Он умел убить белку выстрелом в глаз, трудно ли было попасть в плывущего человека... Но он не хотел его смерти. Пусть он выберется

на остров, но чтобы он больше не мог плыть. И, выждав, когда до островка осталось метров десять, Целмс выстрелил.

Человек исчез под водой. Целмс выругал себя, как он неосторожно выстрелил! Кажется, убил насмерть!

В это время беглец вынырнул у самого берега. Было видно, что правая рука его висит, как перебитая.

Беглец вылез на берег, оглянулся, прошел несколько шагов вверх и остановился: увидел, что впереди еще больше воды. Тогда он спустился к берегу и сел напротив Целмса на холодную сырую землю.

Целмс перезарядил ружье и мог выстрелить еще раз. Но он стоял неподвижно, опустив ружье к ноге. Он ждал. Незнакомец никуда не мог уйти с острова. Через полчаса, ну, может быть, через час сюда придут работники госбезопасности и возьмут беглеца. Целмс сам доставит их на остров на своей лодке.

Густав думал о том же. Он видел с островка, как бежал Озолс к хутору, как ворвался в дом, широко распахнув дверь. Сейчас он вызывает помощь.

Целмс крикнул через протоку, чтобы беглец перевязал себе руку. Ведь он же видит, что бежать больше некуда. Густав не ответил. Он сидел на берегу, освещенный холодным еще солнцем, и обыскивал сам себя. Он вынимал из карманов бумаги. Достал какой-то блокнот, тщательно просмотрел его и принялся разрывать и бросать в воду листы. Вынул записную книжку и тоже разорвал несколько страниц. Белые клочья бумаги плыли, как маленькие льдинки.

Ждать, когда за ним придут, он не стал. Взглянув еще раз на Целмса, все следившего за каждым его движением, он встал, подошел к воде и, как показалось Целмсу, взял в рот кончик воротника своей рубашки. Затем он бросился в воду и поплыл.

Целмс видел, что плывет он как-то странно. Все его тело словно бы вытянулось, потом сжалось, снова вытянулось и после нескольких судорожных движений вдруг застыло. Быстрая внешняя вода понесла его вниз по течению, пока не прибила к ветвям в прибрежных ивах, и там оно застряло.

Целмс бросился за лодкой.

Когда он пригнал ее, на берегу уже были люди из сельсовета и кто-то еще.

Труп все еще покачивался на большой воде среди затопленного ивняка.

В ночь на семнадцатое апреля немногословный Курсис, хозяин хутора, пришел в сарай, открыл деревянный люк, сказал:

— За вами человек от Будриса.

Петерсон вылез из убежища.

Фонарь осветил молодого человека в кепке, в короткой куртке на «молнии», в брюках, заправленных в сапоги. Взгляд у него был твердый, спокойный.

— Мне приказано проводить вас! — Человек склонил голову, словно представлялся Петерсону, но не назвал себя. — Где ваши вещи?

Курсис достал из тайника чемодан и рюкзак Петерсона. Вероятно, он был доволен тем, что опасный гость уходит, но ничем не выразил этого.

Петерсон взвалил на плечи рюкзак, молодой человек взял чемодан, сказав:

— Я помогу. Мы пойдем быстро.

Петерсон пожал руку равнодушному хозяину хутора. Хотелось сказать что-нибудь доброе на прощание, но ничего не подвернулось, вымолвил только:

— Будьте счастливы!

— Счастливого пути! — буркнул хозяин.

Молодой человек вышел из сарая и свернул в лес, в ту сторону, где недавно Петерсона ожидал Будрис. Петерсон решил, что снова увидит этого таинственного человека, но провожатый зашагал по опушке леса все дальше и дальше, и надо было торопиться, чтобы не отстать.

Повеяло влажным ветром реки, и проводник вдруг остановился.

— Вента! — объяснил он вполголоса.

Петерсон невольно подумал о Густаве. Как он здесь прошел? Вента лежала черно-матовая, противоположный берег, заметный только по купам прибрежной ольхи, отступал в темноту, в низинах река вышла на простор, и редкие взгорбки и холмы выглядели островами в этом море воды...

Проводник мигнул карманным фонариком, с той стороны реки что-то сверкнуло в ответ, затем послышалось всплескивание весел, и вот в берег уткнулась старая рыбацкая лодка.

Петерсон и проводник сели в лодку, и лодка, все с тем же тихим поплескиванием, отошла от берега, развернулась, пошла все ходчее и ходчее под ударами длинных весел. Лодочник молчал.

Они давно уже миновали купу прибрежных деревьев, а вокруг все была вода. Проводник, поняв беспокойство Петерсона, равнодушно сказал:

— В этом году большое водополье. Вента уже за нами, мы плывем по лугам, но лодочник знает, где можно выбраться на коренной берег, а то вылезешь на каком-нибудь островке и станешь куковать неделю.

Но вот лодка мягко ткнулась в землю, проводник выскочил на берег, помог выбраться Петерсону, буркнул что-то лодочнику и опять зашагал впереди, осторожно перехватывая чемодан то правой, то левой рукой.

Неожиданно вышли на дорогу. Проводник сказал:

— Нам уже недалеко.

Впереди зачернела грузовая автомашина, притулившаяся к самой бровке шоссе. Ни возле нее ни в ней никакого движения: шофер решил отдохнуть, устав от мелькания света.

Проводник стукнул в окошко водителя, тот приоткрыл дверцу, сказал:

— Живо в машину. Там есть брезент!

Проводник поставил в кузов чемодан, помог Петерсону вскарабкаться по колесу, забрался сам, расправил брезент, под которым оказались остро пахнущие ящики с копченой рыбой, уложенные так хитро, что между ними образовалась щель, в которой можно было улечься вдвоем. Проводник расправил брезент над собой и Петерсоном, лег, с удовольствием сказал:

— Теперь можно и закурить!

Рыба пахла так остро, что у Петерсона закружилась голова. Но машина уже тронулась, пошла быстрее, и ветер движения начал сносить запахи, дышать стало свободнее..

Петерсон взглянул на часы: было без пяти минут два ночи.

С этого мгновения он часто посматривал на часы. Он слышал, как зашуршали под шинами асфальтовые улицы какого-то городка, как

опять начали посвистывать, вылетая из-под колес, песчинки и мелкие камешки грейдера, но высунуть нос из-под брезента опасался. А проводник, покурив, вдруг уснул, сладко посапывая носом.

Ехали час, другой, третий... Проводник спал. Изредка в какую-то щель меж брезентом и бортом кузова проникала колючая, как шило, короткая вспышка света от встречной машины, но движения было мало на ночной дороге, и Петерсона тоже стало укачивать. Проснулся он оттого, что машина стала.

Страх мгновенно сжал его сердце, он схватился за пистолет. Но шофер негромко сказал:

— Приехали!

Проводник мгновенно отшвырнул край брезента, будто и не спал совсем, спрыгнул на шоссе. Дорога посветлела, как всегда перед рассветом, деревья вдруг приблизились и кивали, словно разглядывали и осуждали пришельцев, нарушивших их покой.

Петерсон спрыгнул прямо на прошлогоднюю траву, достал из кузова мешок, приладил на плечи. Проводник поговорил с шофером, машина ушла. Тогда проводник внимательно огляделся и сошел с дороги на еле приметную тропинку. И тотчас же послышался негромкий голос:

— Стой! Кто идет?

— От Будриса! — торопливо сказал проводник, опуская чемодан.

Из чащи выступили два человека с автоматами наизготовку. Они подошли ближе, и проводник обменялся с ними еще какими-то словами. Тогда один из них, молодой парнишка, у которого еще ни усов, ни бороды не было на загорелом лице, назвался, словно шутя:

— Делиньш!

Второй попрощался с проводником, взял у него чемодан Петерсона, коротко назвал себя: «Юрка»! — и скомандовал:

— Пошли!

Проводник махнул на прощание Петерсону и пошел обратно на шоссе.

Юрка двинулся впереди. Делиньш замыкал шествие.

Так они шли больше часа. Медленно и спокойно надвигался рассвет, напоенный густым, как молоко, лесным туманом. Отсвечивали серебром снежные лужи, ручьи и окна в болотах. Низкие клочковатые тучи укрывали солнце, но тепло все равно пробивалось на землю.

Громко и озорно разговаривали птицы. А трое путников все шли, шли, шли...

Лагерь возник внезапно, как видение. Выдвинулся на узкую тропинку человек с автоматом, легла через маленький, но шумливый ручей кладка из двух сушин, и вот уже заплясал огонь в яме меж корней большой широколапой ели, открылась дверь бункера, и люди высыпали на поляну, встречая вновь прибывшего.

И вдруг возглас:

— Петерсон!

И ответный:

— Вилкс!

Вилкс отшвырнул палку, на которую опирался, шагнул вперед и обнял пришельца.

Петерсон, так и не освободившись от мешка, похлопывал приятеля по спине, отстранялся, чтобы разглядеть лицо, а тот забрасывал его вопросами, вовсе и не ожидая ответа:

— Как там Силайс? Что делают ребята из школы? Эльзу видел? Кто тебя вывозил?

Но вот он оглянулся, отстранился от Петерсона, вытянулся во фронт, официально сказал:

— Командир группы Лидумс!

— Рад приветствовать вас, Петерсон! — сдержанно сказал Лидумс.

Кто-то помог Петерсону освободиться от вещей. Кто-то увлек его к столу, накрытому под небом. И тучи как-то незаметно разошлись, брызнуло солнце, и все сразу приобрело уютный, почти домашний вид — так, лагерная стоянка бойскаутов, как в детстве, только удивительно, почему эти бойскауты бородаты и вооружены разнокалиберными автоматами, собранными словно бы со всех полей сражений минувшей войны.

В это время вышел из бункера заспанный Эгле. Не глядя ни на кого, пошел с полотенцем в руках умываться. Петерсон взглянул на сутулую спину, на торчком стоящие уши, окликнул:

— Эгле!

Эгле оглянулся, уронил от неожиданности полотенце, бросился к Петерсону. Он не мог выговорить и слова, только всхлипывал, то ли от радости, то ли от неожиданности, поздоровался, смутился своего

растрепанного вида, снова побежал к речке, потом вернулся в бункер. Граф, заглянув в бункер, удивленно сказал:

— Бреется!

Вилкс осторожно пояснил Петерсону:

— Он совсем было опустил. Может, твое появление как-то встряхнет его.

Когда Эгле появился снова, он уже ничем не напоминал ту колючую елку, имя, выбранное им для себя, которое так нечаянно начал оправдывать всем своим поведением. Появление Петерсона и в самом деле словно бы оживило его.

Сразу после завтрака Петерсона уложили спать.

Засыпая, он слышал осторожные движения, полусшепот, потом наступила тишина, он понял: это охраняют его покой, — и умилился, совсем, как в детстве. И показалось: все будет теперь хорошо.

Проснувшись, Петерсон вышел из бункера и увидел всю группу в полном составе у того же стола из еловых плах под открытым небом. Его ждали.

Теперь, понял он, наступила торжественная минута настоящего знакомства. Петерсон вынул из кармана пиджака письмо и вручил его командиру, передал приветствия президента Зариньша и Силайса, снял с пальца золотое кольцо с девизом: «Будь преданным до смерти!» — и передал его Лидумсу вместе с просьбой Силайса, чтобы это кольцо побывало у каждого члена группы.

Затем он достал пачку денег — пятьдесят тысяч рублей — и отдал Лидумсу. Краем глаза он проследил, что символический подарок Силайса не так уж тронул «братьев», как этот вещественный знак внимания. Тогда он тут же сообщил, что в закопанных на месте высадки вещах находится еще четыреста пятьдесят тысяч рублей, а также пятнадцать пистолетов и пять автоматов бесшумного боя, которые переслали с ним англичане.

После этого он вручил проявленное тут же им тайнописное письмо Силайса. Письмо было адресовано Будрису, но Петерсон попросил огласить его для всех «братьев». Лидумс прочитал вслух.

«Героические друзья!

С глубоким уважением каждый человек в свободном мире смотрит на вас и ваш героизм, выдержку и верность

нашей земле и народу. Каждый думающий представитель нашего народа вспоминает о вас с восхищением и уважением.

Я благодарен судьбе, что могу послать вам привет от всех, кто думает о вас здесь, в свободном мире. С глубокой болью сочувствуем вам в вашей судьбе, и хотелось бы вместе с приветом послать вам какую-нибудь хорошую и радостную весть. Однако судьба наша очень горька, и мы должны быть настолько сильны, чтобы уметь смотреть ей в лицо. Колесо времени крутится медленно, и я знаю, что то, что для одного месяц, для вас — год, и то, что для другого год, для вас — вечность. Однако выдержку и терпение, которых у вас до сих пор хватает, надо сохранить и в дальнейшем.

Конечно, все может случиться, и могут быть неожиданности, и, может быть, даже скоро, и в таком случае от вас тоже потребуются терпение. Запад готовится к неизбежной борьбе против коммунизма, но начало этой борьбы уже сейчас означало бы хотя бы вначале победу большевиков, так как силы Запада еще не подготовлены полностью, но Запад сможет начать и осуществить эту борьбу через полтора-два года...

...Как Запад готовится к борьбе, пусть расскажет мой верный друг. Пусть он расскажет вам о положении наших людей на чужбине и все о моей работе, намерениях и положении, планах на будущее и имеющихся у нас средствах.

Сердечный привет, в особенности моим старым приятелям, и я имею честь присоединить здесь привет им и всему вашему содружеству от министра Зариньша. Он посылает свой привет в следующих словах: «Ночь прошла, мы уже видим рассвет!»

С сердечным приветом — ваш верный Силайс».

Письмо было встречено глубоким молчанием. Петерсон подумал, что надо оживить этих людей, и попросил слова. Лидумс пожал плечами, но не возразил. Тогда Петерсон произнес длинную речь о том, как Запад готовится к решительной схватке с коммунизмом,

превознес до небес военную мощь Запада. Он все еще надеялся поднять дух у «братьев» и добиться похвал в свой адрес, — ведь он тоже рисковал, пробираясь сюда, к ним.

Петерсон был несколько раздосадован прохладным отношением «лесных братьев» к его лекции да и к самому его появлению среди них.

Конечно, это равнодушие могло возникнуть и от усталости, на что-то подобное намекнул Петерсону Вилкс. Да и Вилкс не очень понравился Петерсону: обезноживший, передвигающийся только при помощи палки, он был совсем не похож на того свирепого, вечно нацеленного, как ружье, летчика, каким знал его Петерсон раньше. И притом Петерсону пришлось выслушать целую лекцию Вилкса о правилах поведения в этом бандитском отряде...

Еще меньше понравился Петерсону Эгле. Этот, кажется, окончательно опустил. Вилкс, видимо, прав, подозревая, что Эгле давно бы сбежал из леса, если бы надеялся хоть как-то устроить свою жизнь у большевиков. Вилкс только намеком высказал это свое опасение, но Петерсону не надо было долго разъяснять, достаточно взглянуть на Эгле, чтобы понять, как тому все надоело...

Ко всему прочему, Петерсон, разбирая свои вещи, обнаружил потерю пистолета. Это было уже чрезвычайное происшествие. Заикнувшись Лидумсу о пропаже пистолета, он нарвался на настоящий допрос: где может быть потеряно оружие? Какой системы пистолет? Нет ли на пистолете каких-нибудь особых знаков и примет? — словно по этому пистолету могли не только обнаружить и схватить Петерсона, но и уничтожить весь их лагерь.

Петерсон припомнил: машина остановилась, он спрыгнул в колючую прошлогоднюю траву, захрустевшую под башмаками с таким шумом, что он вздрогнул. Тут проводник дал сигнал, появились «лесные братья», произошла встреча...

Лидумс вызвал Юрку, ходившего на встречу, и приказал немедленно отправиться обратно и обыскать место встречи самым тщательным образом. Петерсону он пояснил довольно сухо:

— Если на дороге будет обнаружен пистолет, да еще английского происхождения, он немедленно попадет в руки «синих». А они уже и так встревожены: в устье Венты, как сообщает мне связник, обнаружен труп утонувшего неизвестного...

Петерсон вздрогнул: утонувший неизвестный! Может быть, это Густав?

Надо было срочно проверить, не Густав ли утонул при переправе через Венту, и обнаружены ли при трупке какие-нибудь вещи. Лидумс ответил, что уже сообщил Будрису об утопленнике и просил его узнать подробности.

Юрка набил диск патронами и исчез в лесу, словно утонул в нем, хотя лес, только что оттаявший, казался сквозным. Но Петерсон уже заметил эту особенность лесных жителей: они были здесь, как в родном доме, где, как известно, даже домашние божества защищают хозяина.

Слухи об утопленнике не улучшили настроение Петерсона, хотя он и поблагодарил бога за то, что попал в гостеприимный лагерь «лесных братьев» без особых происшествий. Когда Петерсон поделился своими опасениями с Вилксом, этот опытный человек сразу согласился, что утопленником может быть только Густав. Слишком слабо населена прибрежная полоса Курляндии возле Венты, чтобы там не могли опознать утопленника. Важно было другое: как погиб Густав? При задержании пограничниками? При переправе? Где бывшие при нем вещи? Захвачены ли они пограничниками или оставлены Густавом где-нибудь в безопасном месте, которое после его смерти так и останется неизвестным? Петерсон порадовался тому, что большинство вещей Густава и деньги они спрятали вместе...

Самое неприятное еще предстояло: надо сообщить разведцентру о том, что Густав отделился и, возможно, погиб. В конце концов Петерсон и Вилкс сочинили совместными усилиями радиogramму, в которой и предупреждали разведцентр и оставляли для себя возможность проверки. Она гласила:

«Шестнадцатого апреля встретил в лесном бункере Петерсона, оказавшегося из-за наводнения в критических условиях. Густав самовольно отделился, и Петерсон в его дальнейшей судьбе ничего не знает. По непроверенным данным Густав утонул. Посланные нам средства находятся в надежном месте. Рация Петерсона закопана. Более подробные данные последуют...»

Лидумс не возражал против передачи. Он, видно, и сам был убежден, что в Венте погиб именно Густав.

Теперь радисты действовали куда смелее, чем в прошлом году. Отсутствие каких бы то ни было отрядов «синих» в окрестностях показывало, что их станции ни разу не пеленговались. На этот раз, сразу же после прихода в лагерь, Делиньш набросил длинный трос радиоданной прямо на соседнее дерево, провел в отдушник и пристроил к широкопередаточному радиоприемнику. Когда надо было передавать очередную шифровку, на место приемника включали радиопередатчик Вилкса.

Делиньшу помогал Граф. Этот мрачноватый горбоносый парень не очень понравился Петерсону, но эмиссар не мог не признать деловых качеств Вилкса, сумевшего в трудных лесных условиях, во время тяжелой болезни, обучить сложному делу радиоданной двух «лесных братьев». Граф еще не получил самостоятельного ключа, но Вилкс не без гордости представил разведцентру своего нового помощника.

Сам Петерсон предпочел бы, чтобы командир группы передал ему в помощь Делиньша. Паренек казался очень почтительным, бойким, кроме того, он единственный из «лесных братьев» не задавал Петерсону раздражающих вопросов, вроде того, сколько правительств будущей Латвийской республики уже создано за границей, много ли латышского золота, находящегося в иностранных банках, израсходовано различными эмигрантскими организациями и так далее? У Графа с языка все время слетали именно такие каверзные вопросы, и английский эмиссар не всегда находился с ответом...

Юрка вернулся к вечеру. Ни слова не говоря, он выложил на стол перед Петерсоном потерянный пистолет. Он даже не хвалился тем, сколько времени его искал. Просто сказал, что Петерсон обронил пистолет, выскакивая из машины.

Но этот промах стоил Петерсону дорого. По представлениям «лесных братьев» потеря личного оружия была самым тяжелым проступком. И хотя они не позволяли себе лишних намеков или упреков, но поглядывали косо. Петерсону пришлось подарить этот проклятый пистолет Юрке, чтобы хоть чем-то загладить свой промах. Он отговорился тем, что в спрятанных его вещах очень много оружия, а здесь пистолет ему пока не нужен. Лидумс уже предупредил его, да и

Вилкс объяснил, что в первое время он будет лишь гостем отряда, а гостей не посылают ни в наряды, ни в опасные вылазки...

Через день Вилкс принимал экзамен у Графа...

Торжественным этот экзамен назвать было трудно, но во всяком случае и учитель и ученик волновались. Граф очень быстро и точно зашифровал «донесение» и бойко застучал ключом. «Принимал» передачу Графа Делиньш. Вилкс торжественно следил за секундной стрелкой. Показ прошел очень удачно, и в условленный час Вилкс передал в разведцентр торжественную радиограмму:

«Следующее мое сообщение передаст новый радист, подготовленный мною. Встреча в море налаживается, хотя из-за последних событий немного задержалась».

Двадцать третьего апреля во время так называемого одностороннего сеанса радиосвязи разведцентр передал:

«Дайте ответ на следующие вопросы: имеется ли подтверждение, что Густав погиб? Если имеется, то кто обнаружил его труп? Возможно ли, что он попал живым в руки чекистов? Где находится его рация, вещи, деньги? Остались ли они вместе с вещами Петерсона? Доставлены ли вам вещи Петерсона и Густава и деньги, которые вез Петерсон?»

Радиограмма была длинной. В конце ее разведцентр снова поднимал вопрос о встрече в море. Англичане настаивали, чтобы Вилкс обеспечил выход в море до пятнадцатого мая, так как позже ночи будут слишком короткими. Они напоминали, что у Петерсона имеется радиомаяк, который можно прикрепить к мачте лодки, чтобы с встречающего катера запеленговать местонахождение лодки и отыскать ее даже в полной темноте...

Это сообщение очень обрадовало Вилкса. Теперь он мог надеяться, что через две-три недели окажется вне пределов досягаемости для «синих» и получит возможность лечиться, жить в свое удовольствие, отдыхать...

В тот же день Граф передал от имени Вилкса первую свою радиограмму. Вилкс сообщал:

«Подробности о моем выходе в море сообщу в ближайшее время. Густав утонул в Венге. При трупе никаких вещей не обнаружено...»

Но для более подробного сообщения о гибели Густава и о выходе в море была нужна встреча с Будрисом. Этой же встречи ждал и Петерсон: он должен был информировать его о своих полномочиях и надеждах. И Лидумс отправил письмо Будрису через свой «почтовый ящик».

Ответ был получен через день. Будрис назначал встречу на одном из хуторов, в пяти километрах от лесного лагеря.

К месту встречи вышли рано утром, так как Вилкс мог передвигаться только медленно. Шли как гуляющие люди, придерживаясь обочин дорог, пустив вперед Делиньша, который должен был предупредить условным сигналом остальных при появлении опасности.

Вода схлынула из леса, реки и речки вошли в берега, трава начинала зеленеть, длилось воистину лучшее время года, когда уже и тепло, и терпко пахнет смолой, и дятлы пьют березовый сок, продалбливая луночки в бересте и в коре, и комаров еще нет, только, безвредная пока мошкара вьется столбами над мелкими озерцами, оставшимися от схлынувшей большой воды. Еще продолжается весна света, но дали уже начинают покрываться зеленым пушком, распространяющимся внезапно, как облако, упавшее на землю.

И люди чувствовали себя беспечно, свободно, только Вилкс покряхтывал, а порой и пристанывал при неловком движении. А Петерсон, впервые шедший при свете дня по дружелюбной земле, не мог нарадоваться красоте весны, терпким запахам леса, синему воздуху окоема.

Однако на подходе к хутору Лидумс напомнил всем, что этот мир не так уж безопасен. По его распоряжению вся группа остановилась, Делиньш и Граф пошли вперед, на разведку. Петерсон, стоя на опушке леса, с тревогой приглядывался, как разведчики прокрадывались к одинокому хутору: Делиньш — со стороны леса, Граф, спрятавший автомат под плащом, со стороны дороги. Но вот Граф поднял руку, подавая сигнал, что опасности нет, и Лидумс заторопил гостей к дому.

Будрис был уже здесь.

Петерсон впервые смог разглядеть знаменитого подпольщика. Прошлый раз они встретились ночью, в лесу, тогда английскому эмиссару было не до того.

Перед ним стоял высокий, крепкий, как дуб, человек лет сорока, по-видимому, моряк в прошлом, очень спортивного вида, гибкий, быстрый в движениях, но в тоже время весьма умудренный жизнью, спокойный, не суетившийся напрасно, выглядевший значительно и важно, должно быть, привыкший к почтению окружающих.

И не только Петерсон взирал на представителя подполья почтительно. Одной улыбки Будриса было достаточно, чтобы Вилкс прямо расцвел, чтобы Эгле подтянулся и словно бы даже вырос, — эти двое были просто влюблены в руководителя национально мыслящих латышей, как со всем почтением называли они Будриса между собой.

Хозяин хутора, один из пособников Лидумса и его группы, относился к почтенному гостю почти подобострастно. Впрочем, сам Будрис держался дружески, пошутил с Вилксом, спросил Лидумса, хватает ли им еды, пообещал перебросить от одного рыбака несколько ящиков копченой рыбы. Собственно, хозяином здесь был именно он, Будрис, и Петерсон, настороживший слух при упоминании о рыбаке — ведь именно при помощи рыбаков должен был уйти на ту сторону Вилкс, — понял, — человек, по одному слову которого рыбак может прислать «лесным братьям» несколько ящиков копченой рыбы, может и отправить этого рыбака хоть на Готланд.

Хозяин хутора спросил, не желают ли его гости сначала пообедать. Будрис поддержал это предложение, напомнив, что Вилксу, с его больными ногами, особенно нужен отдых, и Вилкс признательно поблагодарил и того и другого. Стол накрыли в чистой половине дома. Делинш и Граф взяли на себя роль помощников хозяина, Юрка ушел на караул, а остальные сели за стол. За столом деловых разговоров не вели, пили немного, берегли силы.

Когда молодые «братья» убрали со стола и отправились на кухню пообедать вместе с хозяином, Петерсон задал первый вопрос:

— Узнали ли вы что-нибудь о Густаве?

— По-видимому, ваш коллега где-то спрятал свои вещи. Приметы утопленника, найденного в низовье Венты, соответствуют вашему описанию Густава. Один из моих друзей-рыбаков разговаривал с участковым уполномоченным милиции, который сказал, что никаких

вещей или документов при нем обнаружено не было. Поэтому милиция удовольствовалась версией об отсиживавшемся где-нибудь уголовнике и никаких розысков больше не производила...

Вилкс и Петерсон переглянулись, и оба с облегчением вздохнули. Эгле хмуро сказал:

— Это самое лучшее, что мог сделать Густав в его положении!

Странно, но прозвучала эта фраза так: «Собаке — собачья смерть!»

Петерсон, как будто только и ждал мгновения, принялся излагать свои планы на будущее.

Он прибыл из Англии с заданием установить непосредственный контакт с Вилксом, что он практически уже достиг, — низкий поклон в сторону Будриса. Он должен взять с собой радиста Делиньша, которого он знает под кличкой Барс как сотрудника английской секретной службы, и перейти на другое место, откуда он будет поддерживать постоянную радиосвязь с разведцентром и с группой Будриса. В случае, если Вилкс уедет в Англию, в группе Будриса останется вполне подготовленный радист Граф.

Петерсон приостановился, ожидая, не будет ли возражений. Ни Лидумс, ни Будрис не протестовали. Тогда Петерсон, сразу приняв более важный вид, перешел к следующему разделу речи.

Было поразительно, как умел он меняться в зависимости от того, какую определял себе цену. Если в начале речи, когда он говорил об обычных шпионских заданиях, какие мог выполнить и Вилкс, и Эгле, он держался простецки, — этакий рубаха-парень, запанибрата со смертью, как и все остальные, исключая, впрочем, погибшего Густава, который оказался просто глупцом, то теперь, приступая к новому разделу своих сообщений, он вдруг надулся спесью, даже вспомнил старую офицерскую выправку, выпрямился, хотя сидел на грубой крестьянской деревянной скамейке, а совсем не в мягком кожаном кресле какого-нибудь штаба. И уже по одному тому, как напряглось его тело, как лицо налилось спесью, было ясно, — вот теперь-то он считает себя куда выше остальных.

Вилкс даже глаза вытаращил, когда увидел своего старого коллегу по школе и прочим мытарствам за границей в его новом обличье, Будрис же только плотнее сжал обветренные губы, чтобы не

рассмеяться. Теперь перед ними был посол некоей иностранной державы, и не просто посол, а человек, пришедший судить и миловать.

— Я буду выполнять в Латвии задания штаба НАТО, так как моим непосредственным шефом является начальник отдела объединенного разведывательного комитета НАТО, готовящего данные для будущей войны. Я буду опираться на вашу группу, Будрис.

Англичане считают, что подпольное движение в Латвии должно быть разделено на две категории: легально живущие и вместе с тем связанные единой идеей латыши, которые создают подпольные организации в городах и на хуторах, и вооруженные отряды, которые позволяют сохранить жизнь тем деятелям, которые не могут легализоваться. Но сейчас пока никаких диверсий, никаких акций, так как мы должны сохранить наши силы до начала дня «Д», «дня действия», «дня великой войны»...

Да, это была речь эмиссара! Вилкс и Эгле сидели с вытянутыми лицами, чуть не разинув рты! Вот кто приехал к ним! Инспектор! Всемиловистейший или строжайший судья! Только Будрис мягко улыбался во время этой речи, оглядывая необычного гостя своими большими серыми глазами, особенно, когда тот налегал на свои «полномочия».

— Вы согласны с этой программой, Будрис? — вдруг прервал свою плавную речь прямым вопросом Петерсон.

— Я думаю, что не следует делить медвежью шкуру, когда сам медведь еще в лесу! — тихо, но властно сказал Будрис.

Петерсон словно споткнулся в разбеге и уставился немигающими глазами в спокойное лицо Будриса, — словно его разбудили внезапным толчком. Но вот Петерсон еще строже выпрямился на скамье, спросил:

— Позвольте, у вас есть собственные предложения?

— Нет, что вы, просто я считаю, что об этом еще рано думать, — так же мягко повторил Будрис.

— У вас есть возражения и по другим моим предложениям? Что вы скажете о новой тактике действия партизанских групп?

— Не надо очень надеяться на английские данные. Никаких массовых отрядов в лесах сейчас уже нет. Если и есть две-три группы по два-три человека, то они только отсиживаются в лесах от ареста.

— Но мы же налаживаем переброску денежных средств для них! Я, например, привез пятьсот тысяч рублей!

— Кстати, о привезенных вами деньгах... Вы не знаете, откуда берут их англичане? Вот хотя бы такие?

Будрис вынул из кармана бумажник, достал пачку денег разного достоинства и разложил их на столе. На всех ассигнациях были отчетливо видны следы кнопок, которыми деньги когда-то были где-то приколоты. Может быть, в коллекции страстного нумизмата, а может быть, на доске объявлений банка где-нибудь в Сити или на Уолл-стрите как образцы советских денег.

Лидумс, взглянув на эти деньги, откровенно рассмеялся.

«Гости», склонившиеся над столом, смущенно молчали, словно были в ответе за своих хозяев. Будрис насмешливо продолжал:

— Как вы думаете, Петерсон, не удивится ли кассир советского магазина, заподозрив в вас коллекционера? А от подозрения до расследования один шаг...

— Я не мог предполагать... — растерянно произнес Петерсон.

— И я не мог. Мне их вернул мой легально проживающий единомышленник. Кстати, эти подозрительные деньги находились в той пачке, которую следовало вручить рыбаку, согласившемуся вывезти Вилкса в море. Хорошо, что они к нему не попали! — с нажимом добавил он.

— И... и много таких денег? — неуверенно спросил Петерсон.

— Вы вручили Лидумсу пятьдесят тысяч рублей. В трех пачках было по несколько таких купюр. Вам придется осмотрительнее обращаться и с теми деньгами, что остались в тайнике.

— Из-за такой мелочи могла полететь к черту вся операция! — Вилкс возмущался все громче и яростнее. — Этот рыбак не раздумает, Будрис, как вы считаете?

— Лодка и рыбак подобраны. Остается только назначить день, чтобы отправить вас.

Петерсон собрал со стола опасные деньги и протянул Будрису. Воспользовавшись тем, что Вилкс заговорил об отъезде, напомнил:

— Англичане просят вас направить к ним своего представителя и вручить ему письмо о положении в Латвии. Согласитесь ли вы послать вместе с Вилксом Лидумса?

— Это можно будет решить только после того, как я выясню целесообразность такого вояжа.

— Мы очень просим вас ускорить решение, — сказал Вилкс. — Англичане будут ждать нас в середине мая. Я получил от них радиограмму, предназначенную вам... Позвольте мне огласить ее...

— Пожалуйста, Вилкс. Вилкс начал читать:

«Вилкс, прошу с текстом этой телеграммы ознакомить твоего латышского шефа.

Дорогой Будрис! Мы, правда, не имели возможности пока лично познакомиться с вами, но надеемся, что настанет время, когда наша встреча с вами состоится. Развитие международных событий позволяет считать, что это не за горами. Мы не смеем просить вас ускорить осуществление нашего личного знакомства путем вашего выезда в Англию, но для нас было бы желательно, чтобы вы, если сочтете возможным и целесообразным, направили к нам вашего полномочного представителя. Наша просьба вызвана следующими обстоятельствами: сейчас, когда осуществление наших планов по проникновению в тыл большевиков и созданию там опорных пунктов для развертывания широкой подрывной и разведывательной работы близко к осуществлению, нам необходим ваш представитель, который мог бы со знанием дела и обстановки в Латвии консультировать нас по ряду вопросов, относящихся к технике проведения наших будущих разведывательных акций. Мы намерены вместе с вашим представителем обсудить вопросы, относящиеся к путям проникновения наших разведывательных групп на территории Прибалтийских республик и в Россию, о методике подготовки и экипировке наших людей, которые будут засылаться в СССР, о людях, которые пригодны для выполнения разведывательных заданий в Советском Союзе. Мы гарантируем полную безопасность вашего представителя и его быстрое возвращение к вам. Это возвращение мы предполагаем осуществить во время следующей нашей операции, связанной с заброской наших людей на территорию Латвии. Со своим представителем вы сможете регулярно поддерживать связь, и он сможет

информировать вас о положении его дел с помощью радиопередатчика, который у вас остается, и средств тайнописи, доставленных вам Вилксом и Петерсоном. К нам постоянно обращаются представители латышской эмиграции на Западе с просьбой разрешить им встретиться с вашим представителем, если он прибудет к нам. Они также намерены обсудить некоторые вопросы, интересующие их в Латвии, и деятельность латышских национальных формирований на Западе. Особенно заинтересован в этой встрече полномочный министр Латвии в Англии Карл Зариньш».

— Хорошо. Я обдумаю этот вопрос, — повторил Будрис.

— У меня есть еще одна просьба, — заторопился Петерсон. — Помогите перебросить вещи мои и Густава, оставленные на побережье. Я подготовил описание и схему места, где расположен тайник.

Он, кажется, снова утерял всю свою посольско-эмиссарскую важность и возвращался из царства грез в трудный мир действительности.

На этом совещание закончилось. Лидумс вышел из комнаты, позвал молодых «братьев», и они начали накрывать на стол.

Петерсон с некоторым удивлением наблюдал, как хозяин хутора и Граф с Делиньшем ставили на стол большие блюда с рыбой, копченым угрем, жареным беконом, как затем Граф принялся вышибать пробки из бутылок. Готовилось пышное пиршество: как говаривал латинист в гимназии, где когда-то учился Петерсон: «Лукулл в гостях у Лукулла!»

Петерсон осторожно спросил Вилкса:

— А кто это нас угощает?

— Сегодня угощает Будрис! — важно сообщил Вилкс. — Он всегда помнит о том, что в лесу бывает очень не сладко! И каждый раз устраивает маленький пир.

— Ничего себе — маленький! — улыбнулся Петерсон. — Я сбился со счета в этих блюдах и бутылках.

— Погоди еще! Придется посидеть на похлебке из грибов, так захочется съесть целую свинью!

Вилкс действительно норовил побыстрее пришвартоваться к столу. Петерсон, уяснивший, наконец, что это почти официальный банкет, затеянный к тому же едва ли не в его честь, внимательно и чуть ли не ревниво следил, чтобы не было никакого умаления его эмиссарской особы.

Умаления не было. Наоборот, Будрис и Лидумс усадили его между собой, подкладывали лучшие куски, стакан его ни минуты не оставался пустым, и Петерсон сразу почувствовал себя почитаемым и уважаемым гостем. Когда за опустевшим от яств столом остались только он да Будрис — Вилкса быстро сморило и он ушел спать на сеновал, Лидумс вышел варить кофе, а молодые «братья» ушли снова на охрану дома, — Петерсон вдруг сказал:

— И подумать только! Эти англичане до сих пор думали, что Вилкс ходит по Латвии в наручниках, а его рацию таскают за ним чекисты в форме!

— Что? Что? — не понял Будрис.

— Я говорю, что у англичан такая маниакальная подозрительность ко всему происходящему в Советском Союзе, что они не верили даже Вилксу!

— Ну-ну! — Будрис покачал головой. — Теперь я понимаю, почему они заставили больного Вилкса мучиться целое лето! И, пожалуй, оставят здесь еще и на зиму.

— Ну, этого не будет! — с гордостью перебил Петерсон. — У меня есть чрезвычайные полномочия! Стоит мне выйти в эфир и передать условную фразу, как тут же все изменится словно по волшебству: к вам сразу приедут и люди с новыми рациями и оружием, и в ваши «почтовые ящики» станут поступать деньги и ценности. Для этого меня сюда и направили...

— Да, ваши хозяева не очень благодарны, — с усмешкой сказал Будрис. — А что, если мы будем учиться у них подозрительности и перестанем принимать их людей?

— Вот, вот! Я им это самое и передам!

— А может, лучше не торопиться? Они ведь ждут от вас основательной проверки! — поддразнил Будрис.

— Такие люди, как вы! Да что я говорю! С такими людьми, как вы и Лидумс, как ваши «лесные братья», мы могли бы давно всю Латвию перевернуть!

— Может быть, может быть! — засмеялся Будрис. — Но сейчас лучше всего отдохнуть. Впереди длинная дорога...

Он осторожно открыл окно и окликнул Делиньша. Барс зашел в дом, помог охмелевшему английскому эмиссару подняться из-за стола и отвел его на сеновал, где уже храпел Вилкс. Посвящение Петерсона в «лесные рыцари» закончилось. А Будрис и Лидумс еще долго сидели перед стаканами с черным кофе и обсуждали дальнейшие действия.

К концу апреля с Балтики вдруг ударил теплый ветер, подсушил землю, унес тяжкие весенние тучи, и сразу наступило лето.

Луна уходила в последнюю четверть, еще две недели безлуны и настанут белые ночи, туристы всего мира потянутся в фиорды Норвегии, на ледники Гренландии, в советский город Ленинград, чтобы внезапно потерять представление о дне и ночи, ложиться спать в девять часов утра и блуждать по взморью всю ночь, всю ночь, которой в сущности не будет.

Но лирику белых ночей чувствуют не только поэты. Ее учитывают и шпионы. В своих расчетах и планах они опираются главным образом на темноту и не любят белые ночи. Недаром же англичане радиовали Вилксу, чтобы, он был готов к выезду в море не позднее пятнадцатого мая, в последнее темное новолуние перед белыми ночами.

В эти дни радиосвязь между далеким Лондоном и лесным бункерочком в Курляндии действовала безотказно и постоянно.

В иные дни Вилкс и Делиньш принимали по четыреста-пятьсот слов шифрованных радиogramм. Им помогали и Петерсон, и Граф, и Эгле, и то в иные дни расшифровка кончалась далеко за полночь.

Тридцатого апреля Вилкс получил сразу четыре радиogramмы. Англичане спрашивали о деловых подробностях встречи.

«Как узнать твою лодку, какой она окраски и чем отличается от других рыбацких лодок?»

Какая длина лодки?

Хватит ли на лодке горючего, чтобы добраться до Готланда в том случае, если наш катер вас не найдет?

Сколько человек команды на лодке?

Если мы не встретимся в первую ночь, можешь ли ты быть на том же месте через сутки?

Пойдет ли твоя лодка вместе с другими или ты выйдешь отдельно?

Пожалуйста, выбери место встречи подальше от других рыбацких лодок и мест лова и как можно ближе к Готланду.

Если мы не встретимся в море, иди прямо на Готланд и попытайся попасть в город Слите. Обязательно объяви там, что являешься политическим беженцем и что твое имя Леон Серма. Этой версии придерживайся на всех допросах. О связях с нами не говори. Полиция сама обратится к нам, и мы немедленно вытребуем тебя к себе...»

Всю эту пачку радиogramм Вилкс немедленно отправил через командира к Будрису. Третьего мая он получил от Будриса необходимые данные. Плыть на Готланд Будрис не советовал. С Готланда рыбаку трудно будет вернуться домой, так как там его могут задержать, тогда в прессу проникнут сведения о том, что в лодке были посторонние люди, а это для рыбака опасно.

Вилкс посоветовался с Петерсоном, с Лидумсом, да ему и самому не очень хотелось сидеть в шведской тюрьме.

В конце концов он ответил:

«Длина лодки восемь метров, ширина — три с половиной. Мачта белая, с левой стороны зеленый, с правой — красный огни. В носовой части в белом четырехугольнике русскими буквами черного цвета написано название лодки: «Магда № 0042». На корме надпись: «Вентспилс-8». До Готланда плыть не могу. В лодке, кроме нас двоих, будет еще один человек. На месте встречи можем быть так же и в следующую ночь. Лодка выйдет отдельно, вблизи места встречи никого больше не будет. Выйдем из Вентспилса между двадцатью тремя и двадцатью четырьмя по московскому времени. Сразу поставим беакон и на расстоянии двадцати миль от берега начнем сигнализацию бортовыми огнями, включая и выключая их. Выйдем в море точно на тридцать миль. О сигналах, точном курсе и скорости лодки, а также о времени выхода сообщу еще раз за сорок восемь часов до выхода в море. Выйду приблизительно двенадцатого-тринадцатого мая При встрече с нами дать рыбаку пять тысяч рублей»..

Пятого мая разведцентр ответил:

«Согласны с твоим выходом в море от двенадцатого до четырнадцатого мая, а также два-три дня после этого. Начиная с десятого будь, пожалуйста, в постоянном контакте со своим радистом, чтобы и вы и мы могли предупредить друг друга, если по каким-либо причинам встреча не сможет состояться.

Пожалуйста, скажи своему радисту, чтобы он немедленно сообщил нам о твоём выходе в море. И пусть срочно информирует нас, если ты будешь вынужден из-за порчи мотора или метеорологических условий вернуться. Деньги для оплаты рыбакам будут.

Пожалуйста, возьми с собой как можно больше всяких советских документов и так же все, что найдешь нужным. Так как Петерсон находится среди вас, никого для замены тебя посылать пока не станем. Твой новый радист очень хорош. Благодарим. Скажи, пожалуйста, кто будет поддерживать связи с нами, когда ты уедешь, и можем ли мы надеяться, что вместе с тобой прибудет какое-либо влиятельное лицо от вашей группы?»

Последний вопрос разведцентра Вилкс снова адресовал Будрису. А сам пока сообщил:

«Барс уйдет вместе с Петерсоном в другое место. В моей группе остается новый радист — Граф. Если обстоятельства позволят, возьму с собой уполномоченного группой офицера».

Все это время Будрис действовал где-то на юге, возле Вентспилса. Там находились в тайнике вещи и деньги, привезенные Петерсоном, там изыскивались возможности вывоза Вилкса на рыбацкой лодке в море.

В ночь на седьмое мая дежурный по лагерю услышал далекие позывные. Впечатление было такое, что где-то на проселках заблудилась автомашина. Весь лагерь был поднят на ноги: приехал Будрис!

Осторожный Будрис остановил автомашину в пяти километрах от лагеря. В грузовике находилось несколько ящиков свежеекопченной рыбы. Под этими ящиками Будрис запрятал снаряжение Петерсона, и все, что осталось от погибшего Густава. Юрка, Граф и Делиньш сняли с машины ящики с рыбой, чемоданы Петерсона и Густава и торжественно повели Будриса в лагерь. Только к рассвету «братья» перетаскали весь груз в лесной бункер.

Петерсон был бесконечно рад получить свое снаряжение. Все оказалось в целости и сохранности. Хитроумная упаковка предохранила вещи от сырости. Пока Кох готовил завтрак, Петерсон разбирал и показывал «братьям» свое снаряжение. Тут были новейшая портативная радиостанция, которая переносилась в небольшом портфеле, ручной генератор, преобразователь тока, кварцы, средства тайнописи, радиомаяк для наводки самолетов и катеров, который Петерсон сразу передал Вилксу для его предстоящего путешествия в море, пистолеты, автоматы бесшумного боя, шифровальные блокноты, яды, химикалии для подделки документов, четыреста пятьдесят тысяч рублей денег, всяческие предметы обихода: щетки, кисточки для бритья, зеркальце, зубные щетки — и каждая из этих мирных на вид вещей имела какой-нибудь тайник, в котором было спрятано недоброе содержимое...

Радисты прежде всего занялись, конечно, радиостанцией. И сразу возник спор, где она изготовлена? Английские и американские детали были словно намеренно перемешаны в таком порядке, что решить, кто же создатель конструкции, было невозможно.

— Это, наверно, для того, чтобы нельзя было определить, какую разведку представляет шпион...

— Так проще простого допросить самого шпиона! — засмеялся Граф. — Уж если такая рация попадет к «синим», значит, и радист будет у них в руках!

— Шпион обязан отравиться! — совершенно серьезно выпалил Делиньш.

Длинный горбатый нос Графа вдруг вытянулся чуть не до самых губ.

Петерсон заподозрил какую-то насмешку, но Делиньш выглядел так деловито, что обрушиться на него за паникерство не было никакой возможности. Тогда английский эмиссар решил поразить воображение

этих новичков в сложном и трудном деле шпионажа, чтобы пресечь неуместные разговоры об опасностях профессии.

Он достал из чемодана два одинаковых блокнота, вырвал по листку бумаги, взял со стола кружку, налил воды.

— Допустим, — начал он тоном бывалого лектора, — я нахожусь возле аэродрома и записываю или зарисовываю кое-какие данные, которые меня интересуют. И вдруг ко мне подходит подозрительный человек... Что я должен сделать? Прежде всего уничтожить улики. Уликой могут стать мои записи или рисунки. Тогда я делаю так... — он помедлил немного, привлекая всеобщее внимание, взмахнул листом бумаги перед лицами заинтересованных зрителей, как настоящий фокусник, и опустил бумагу в кружку с водой. Подняв кружку, он подал ее первому потянувшемуся к ней слушателю. Кружка была полна прозрачной водой. Никаких следов бумаги в ней не было.

Петерсон наслаждался неожиданным эффектом и нарочито спокойно сказал:

— Чтобы не было никаких подозрений, я могу выпить эту воду... — и действительно выпил, поставил, нарочито стукнув, пустую кружку на стол.

— Ну да-а... — иронически протянул дотошный Делиньш. — А если кружки рядом не будет?

— Но может быть пруд, речка, наконец, просто лужица от лошадиного копыта, — пояснил Петерсон с упорством прирожденного педагога, хотя ему больше всего хотелось закатить затрещину этому простоватому пареньку. Если бы не золотые руки и всегдашняя готовность Делиньша помочь, выручить, услужить товарищу, Петерсон ни за что не взял бы его своим помощником, слишком уж не проста была его простоватость, так и казалось, что за ней скрывается очень умная усмешка. Вилкс признался Петерсону, что Графа больше обучал Делиньш, нежели он сам, хотя, конечно, благодарность от разведцентра предназначается именно Вилксу.

— А если не будет ни пруда, ни болотца? — продолжал выпрашивать дотошный Делиньш. — Тогда как?

— Ну, разорвать на клочки и пустить по ветру! — не очень уверенно предположил Граф.

— А «синие» подберут каждый клочок и склеят. И приклеят тебе смертный приговор! — продолжал упорствовать Делиньш.

Петерсон видел, что спор принимает нежелательный оборот. Как там ни говори, но это мужичье — он уже понимал, что среди лесных бандитов образованных людей раз-два и обчелся, а костяк составляют те самые хуторяне, которые своей инертностью и ограниченностью погубили старую Латвию, — это мужичье боится всякого нового дела. Они привыкли убивать, грабить, отсиживаться по лесам, а ведь их предстоит научить тонкому делу разведки, без них Петерсон вряд ли сумеет подобраться к тому воображаемому аэродрому, о котором он начал речь. Все это надо учесть... Поморщившись, он небрежно сказал:

— На разведку работают лучшие ученые мира! Неужели вы думаете, что там не нашлось ни одного человека, который не предусмотрел бы и этот вариант?

Он вырвал еще листок из блокнота, дал его Делиньшу:

— А ну-ка, проглоти это!

Делиньш недоуменно повертел бумажку, скомкал ее и сунул под язык. На лице у него возникло такое удивленное выражение, что Петерсон не выдержал, расхохотался. Засмеялись и другие, еще не понимая, что же произошло с Делиньшем. А Делиньш сделал глотательное движение, удивленно сказал:

— Ничего нет во рту! И вкусно! Как будто жевательную резинку подержал, а ее вдруг не стало. Дадите еще один листик?

В голосе его было столько умильной просьбы, что и всем захотелось попробовать на вкус удивительную бумагу, которая имела такую невероятную способность исчезать в воде и таять во рту, да еще походить по вкусу на американскую жевательную резинку.

Петерсон роздал всем по листку, ухмыляясь тому, как страх перед тяжелой работой шпионов у этих простодушных людей таял подобно той специальной бумаге, которую они пытались удержать во рту, а она исчезала, оставляя лишь привкус мяты и сахара.

Потом он взял листок из другого блокнота. Теперь все следили за ним и его действиями с почтительным вниманием.

— Допустим, — все тем же лекторским тоном продолжал он, — вы работаете у себя дома. Например, шифруете радиограмму, которую надо срочно передать. — Он положил лист на стол и принялся чернилами писать на нем цифровую вязь шифра. — В это время вы курите сигарету. И вдруг — стук в дверь! Вы подходите к двери,

естественно, взяв свою запись в руки, чтобы не оставлять ее на столе... — он проделывал то, о чем говорил. — Спрашиваете: «Кто там?» — Вам отвечают: «Дворник!» — или «Телеграмма!» — Вы подозреваете, что это «синие». Тогда, не вызывая у них никакого подозрения, что вы что-то прячете, вы тут же делаете так... — Он поднес лист к еле дымящейся сигарете, и лист вспыхнул, как магний, с той лишь разницей, что не осталось ни пепла, ни дыма, ни запаха. И спокойно распахнул дверь.

За дверью сияло солнце, под большой елью сидели Вилкс, Лидумс и сам Будрис. Петерсон взглянул на них и пожалел, что потратил столько времени на пустые фокусы. Там, под елью, как будто только что закончился важный разговор. Слушатели Петерсона, пораженные эффектным исчезновением исписанной бумаги, еще искали ее следы на полу, оглядывали тесный бункер, будто ждали, что пепел еще кружится где-то под потолком, а Петерсон уже забыл и о них, и о своих фокусах. Он торопливо шел к беседающим.

Приблизившись, Петерсон понял, что историческое решение уже принято. Будрис давал последние наставления:

— Вы, Лидумс, должны проститься со своими близкими, — кто знает, сколько времени продолжится ваше странствие. Своим заместителем оставьте Графа, он дисциплинирован, самовольничать не будет. Доклад о положении в стране я вручу вам перед самым отъездом. Несмотря на то что мы его исполним средствами тайнописи Вилкса, в случае любой опасности уничтожьте его. Вам, Петерсон, следовало бы сообщить хозяевам, что с вашими вещами и деньгами все благополучно. Они, вероятно, беспокоятся, ведь вы почти месяц не подавали им признаков жизни.

— О, я подготовил свою радиogramму, — торопливо сказал Петерсон.

И, хотя с первого шага по этой чужой земле решил, что будет действовать только самостоятельно, он выхватил из кармана и протянул Будрису листок с еще незашифрованной радиogramмой. Будрис прочитал вслух:

«Свои вещи получил. Подробности о Густаве сообщу письмом. Проинформировал своих новых друзей о положении дел на Западе. Самой тяжелой проблемой является

паспорт, без него невозможно действовать. Прошу Будриса достать. Привет Силайсу и нашим друзьям».

— Ну что же, передайте, — равнодушно сказал Будрис. — Ваша рация в порядке?

— Да, да, в назначенный час мы проведем передачу. Мне поможет Делиньш, — чересчур почтительно, даже и по собственному разумению, сказал Петерсон и разозлился на себя. Почему, в самом деле, в присутствии Будриса он держится как мальчишка?..

Вечером Будрис и Лидумс покинули лагерь. Будрис направился в Вентспилс подыскивать машину для переброски путешественников, убежище на время ожидания, лодку для отъезда.

Десятого мая все: и отъезжающие и обеспечивающие отъезд, встретились снова на хуторе под Вентспилсом. Их поместили в тесном неопрятном бункере, выкопанном в сенном сарае, в котором когда-то отсиживался Петерсон. Тут были Вилкс, Лидумс, Делиньш, немедленно наладивший радиосвязь с Лондоном, и сам Будрис, координировавший все действия.

Вилкс не замечал никаких неудобств. Он находился в том восторженном состоянии духа, которое переполняет верующих в чудо. Наконец-то он окажется на той стороне! Правда, эти свои восторги, которые прорывались, как взрывы вулкана, и могли показаться обидными тем, кто оставался на этой стороне, Вилкс пытался смягчить, часто упоминая о героизме остающихся товарищей. Он упоминал и о том, что там, в Англии, он и Лидумс смогут оказать английской разведке неоценимую помощь в планировании и организации разведывательной работы на территории Латвии, что там, в Англии, он и Лидумс поставят вопрос и о том, чтобы все участники подполья могли время от времени выезжать туда для отдыха и лечения.

Двенадцатого мая Вилкс передал через Делиньша прямо с хутора сообщение в Лондон:

«Нахожусь вместе с Делиньшем в Вентспилсе. Выйду в море из устья Венты через ворота Вентспилского порта в двадцать три тридцать. В тридцатимильной зоне буду самое большее через четыре часа. Сделайте все, чтобы встретиться в первую ночь, в противном случае я буду

вынужден оставаться в море еще целые сутки. Прошу уточнить день...»

Разведцентр подтвердил прием радиограммы Вилкса и предложил randevу в море в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое мая.

Четырнадцатого Будрис привез все необходимые бумаги.

Лидумс получил письмо Будриса к Зариньшу и представителям английской разведки, мандат на право ведения за границей переговоров с представителями заграничных латышских «комитетов» и подробный доклад о положении в Латвии. Вилкс, ознакомившись с полномочиями Лидумса, чуть не затанцевал от восторга. Помешали, кажется, только больные ноги. Он без конца благодарил Будриса и Лидумса за эти высокие полномочия, за то, что тот согласился на поездку. Теперь Вилкс мог сказать, что он выполнил больше, чем поручали ему когда-то при отправке в Латвию.

В присутствии Будриса Вилкс передал в Лондон:

«Четырнадцатого мая, в двадцать три пятьдесят выхожу из Вентспилсского порта и пойду прямо по курсу на Запад. В лодке будут три человека — рыбак, я и упоминавшийся ранее офицер...»

По окончании сеанса радиосвязи все вышли из бункера и прошли к хозяину. Там уже был накрыт стол: Будрис прощался с путешественниками и желал им доброго пути. Неразговорчивый хозяин, накрыв на стол, вышел на дорожку охранять покой гостей.

Будрис прямо с хутора пошел в сторону города, а Лидумс, Вилкс и сопровождавший их Делиньш направились к реке.

Там, в кустах, нависших над берегом, их ожидала рыбацкая моторная лодка. На сигнал электрического фонарика из кустов вынырнул крупный мужчина с резким, словно продубленным лицом, молча пошел впереди.

В лодке оказалась маленькая каюта, перед которой стоял мотор, и низкий трюм, наполненный рыбацкими сетями, прикрытый сверху небольшим навесом. Рыбак отодвинул сети и показал узкий лаз. В глубине трюма, было сухо и тепло, пол прикрывали обрывки старых сетей.

Делиньш проследил за тем, как отошла лодка, и поспешил на хутор, чтобы сообщить об отъезде.

Вилкс и Лидумс лежали молча, отсчитывая время по торопливому стуку мотора. Лодку била мелкая противная дрожь, от которой начинало поташнивать, хотя еще не было ни волн, ни всплесков, они шли по реке. Но сама непрерывная трясучка вместе с тревожным ожиданием действовали тошнотворно.

Но вот в борт начали ударять тяжелые, словно масляные, волны, и путешественники поняли, — они проходят морской порт. Затем рыбак выключил мотор, лодка ударилась бортом о мол, на палубу спрыгнули двое, и резкий свет фонаря просквозил сквозь щелки в трюмном потолке, сквозь плотно набросанные сети. Рыбак отвечал на вопросы злым голосом плохо выпавшегося человека. Шел пограничный досмотр.

Вилкс сжался, чтобы занимать как можно меньше места. Лидумс лежал спокойно, словно прерывистые, как сигналы Морзе, лучики, прорывавшиеся в трюм, ничуть не касались его.

Но вот грохот подкованных сапог на палубе внезапно оборвался... Мгновенная тишина, когда даже голос воды перестал быть слышен. Можно возблагодарить бога: пограничники ничего не заметили. Затем запел мотор, — о, какая приятная слуху песнь! — и Вилкс выпрямился, сказал:

— Пронесло!

Это было первое слово с того момента, как они залезли в трюм.

Лидумс промолчал. Вилкс подтянул под голову сверток сети, устроился поудобнее и принялся смотреть на светящиеся стрелки часов, которые передвигались так медленно, будто механическое сердце, толкавшее их, остановилось. Однако они все-таки шли!

Вилксу было уже совсем не вмоготу от этого терпеливого пения мотора и тихой, соленой, пропахшей запахом тухлой рыбы темноты трюма, когда вдруг Лидумс произнес:

— Уже можно подняться на борт!

Они приоткрыли крышку люка, выползли из трюма и выглянули наружу. Все было спокойно. Свинцово-матовое море поднимало пологие волны, на которых рыбацкая лодка скользила как по маслу. Темнота была еще густой, плотной, как слабо разведенная краска, но звезды вверху уже начали бледнеть. Земля медленно и величаво

поднимала свой западный край навстречу солнцу, но до восхода оставалось еще ее меньше четырех часов.

Вилкс прошел в маленькую рубку лодки, присел за спиной рыбака, наблюдая движение по курсу. Лидумс остался на палубе, закурил, пряча по лесной привычке сигарету в рукаве.

Он словно бы по наитию чувствовал время. Через два часа, когда по расчетам Вилкса пора было включать беакон, Лидумс неслышно подошел, тронул его за плечо, сказал:

— Начинайте!

Вилкс передал беакон рыбаку и встал сам к мотору. Рыбак, осмотрев хитрую игрушку, прикрепил ее на самом верху мачты и принялся включать и выключать бортовые огни. Все трое внимательно прислушивались к вязкой тишине моря, которую распарывал, словно ткань, рокот их собственного мотора. Так хотелось услышать густой, мощный рев двигателей скоростного катера, который Вилкс вызывал и призывал всеми доступными ему средствами, может быть, даже и молитвой!

Направленный луч радиомаяка из-за его определенной и очень малой частоты волны уловить мог только радист катера, включивший свою аппаратуру на ту же самую волну. В мире беспокойных радиоволн, заполнявших все околоземное пространство, для других улавливающих аппаратов он был недоступен. Действие беакона с верхушки мачты определялось кривизной земного шара, доступной для наблюдателя, если бы он влез на мачту, за пределами этой кривизны начиналась мертвая зона, луч отклонялся от поверхности и уходил куда-то в пространство, но с этой, небольшой сравнительно высоты он обшаривал окрестности на тридцать примерно миль, так что быстроходный катер, заслышав мерцающий радиолуч беакона, мог домчаться до лодки за полчаса, а то и меньше. А уж тут впередсмотрящий катера обнаружил бы световые сигналы, которые механически просверкивали в темноту: красный, зеленый, красный, зеленый...

Лидумс, наблюдая, как то зеленый, то красный луч мореходных огней их лодки блуждал в темноте, прыгая по верхушкам волн, вдруг спросил:

— И вы верите во всю эту технику, Вилкс?

— Безусловно! — горячо сказал Вилкс. — Если катер в море, он нас обязательно обнаружит!

— В том-то и дело, Вилкс, что рядом со всей вашей техникой есть это самое «если». А оно зависит уже не от техники, а от тех, кто техникой руководит...

— Вы хотите сказать, что англичане...

— Я хочу только сказать, что по расчетам времени катер должен был подойти к нам еще полчаса назад...

Вилкс с испугом посмотрел на свои часы. Действительно, было больше четырех. Небо на востоке бледнело. Через полчаса световые сигналы вообще не будут нужны. Беакон может продолжать работу, но сигнализация фонарями при полном дневном свете, к чему она? И где этот долгожданный катер? Что могло помешать англичанам прийти на это так тщательно подготовленное рандеву?

Он растерянно смотрел на мачту, с которой на всю округу вопили невидимые радиолучи о его тревоге, слушал шум моря вокруг и боялся подумать, что хозяева техники оказались менее точными, нежели эта самая техника. Лидумс равнодушно сказал:

— Пойдемте завтракать, Вилкс. У нас в народе есть чудесная пословица: «Не поев, не выпьешь, а не выпив, не затанцует!»

Рыбак опасливо оглядывал горизонт. Но не было видно ни одного дымка. Свет он выключил, мотор поставил на малые обороты. Ему хотелось поскорее вернуться к берегу, оставив своих пассажиров в море. Но выкинуть их он не мог, поэтому молча принялся кипятить кофе в своем маленьком камбузе.

Лидумс посоветовал:

— Переждем день здесь. Синоптики, по словам Будриса, обещали тихую погоду на пять дней вперед.

Рыбак проворчал что-то насчет горючего, но протестовать не осмелился. Просто выключил мотор.

В полдень, проснувшись от тревожного сна, определили местонахождение лодки. Она все еще находилась в заданном квадрате. Беакон для экономии энергии аккумуляторов выключили.

Едва наступили сумерки, Вилкс опять приказал мигать огнями. И снова время потянулось с такой медлительностью, будто его кто-то растягивал, как резиновую ленту.

Утром шестнадцатого рыбак решительно повернул лодку обратно к берегу. Остаться в море он не мог, так как его продолжительное отсутствие могло вызвать у пограничников подозрение.

Вилкс проклинал англичан. Лидумс полушутя, полусерьезно сказал:

— Вы слишком нервозны для вашей профессии, Вилкс. Очень может быть, что англичане просто не верят вам. Если вы их станете честить в таких же выражениях по радио, то они безусловно пожалеют об этой неудаче. Но нам предстоит еще благополучно вернуться!

— Вам хорошо, вы возвращаетесь домой, а каково мне? Ведь я так хотел отдохнуть и полечиться...

— А я, между прочим, заметил, что эти последние волнения на вас подействовали благотворно. Вы совсем перестали жаловаться на вашу болезнь.

Вилкс вдруг выпрямился, словно прислушиваясь к чему-то, встал, вытянулся во весь рост, потом осторожно притопнул одной ногой, другой, резко присел, выбросив руки, выпрямился, снова присел, затем принялся делать одно гимнастическое упражнение за другим, то выбрасывая одну ногу вперед, то выворачивая ее назад, все больше удивляясь и как-то встревоженно-торжественно наблюдая сам за собой. Вдруг подпрыгнул, ударил обеими ногами о палубу, как в лихой пляске, и, ликуя, закричал:

— Вы правы, командир! Я выздоровел! Но что это значит? — еще более удивленно спросил он то ли себя, то ли спутника.

— Очень просто! Нервное возбуждение, которое мы с вами пережили, избавило вас от вашей болезни. А я вот прихватил насморк. И если я чихну во время досмотра, то нам уже не придется выругать англичан, кроме как в воображении!

— Ради бога, не надо! — испуганно закричал Вилкс.

— Ничего, ничего, я потерплю до берега, — успокоил его Лидумс.

Досмотр лодки, вернувшейся с неудачного лова, был совсем поверхностным. Спрятавшиеся под сети Вилкс и Лидумс слышали, как рыбак проклинал погоду, рыбу, морского бога, испортившийся не вовремя мотор, а пограничники подшучивали над ним, затем они поднялись с лодки на свой базовый катер, и лодка пошла по мелкой, чуть бьющей волне вверх по реке. В том же месте, где пассажиры усаживались в лодку с такими надеждами, они вылезли из нее хотя и

сумрачные, но довольные хоть тем, что все кончилось для них благополучно. Постояли в кустах, глядя на ясное небо, на зеленый луг за кустарниками, который им надо было миновать, но ничего подозрительного не было, и они, оставив пока вещи в кустах, торопливо пересекли луг, вошли в лес и скоро были снова на том же хуторе.

На пороге скотного двора, где был оборудован бункер, их встретил Делиньш. Он по-мальчишески кинулся к командиру, обнял его, потом пожал руку Вилксу, бормоча досадливо:

— Проклятые англичане! Они еще вчера сообщили, что не нашли вас, а потом вообще дали отбой! Ух, если бы они были тут! Я бы сделал из них отбивные котлеты и отдал собакам!

Он протянул расшифрованные радиogramмы.

Первая была от самого Делиньша. Согласно уговора он сообщал утром пятнадцатого мая в разведцентр:

«Четырнадцатого мая в двадцать три пятьдесят друзья вышли в море по указанному курсу. Будут ожидать также ночью с пятнадцатого на шестнадцатое. Ждем результата операции. Барс».

На тот же день разведцентр сообщил Делиньшу:

«В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое рыбацкую лодку не встретили. Из-за недостатка горючего быть там в следующую ночь не сможем».

Получив эту радиogramму, встревоженный Делиньш послал хозяина хутора к Будрису, хотя всякая незапланированная заранее встреча могла привести к провалу. Будрис приехал через два часа. Вместе с Делиньшем, исходя из сложившейся обстановки, они передали англичанам:

«Лодка останется в море с пятнадцатого на шестнадцатое мая и будет ожидать вас. Возвращение связано с большим риском для друзей. Приложите все усилия для того, чтобы в эту ночь обязательно встретить их».

Барс».

В ответ англичане передали:

«В связи с недостатком горючего отзываю наш катер и не можем быть на месте встречи в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое. Отменяем эту операцию. Будьте осторожны, возможно, ситуация опасна».

После этого англичане замолчали. Делиньш провел всю ночь в мучительной тревоге. Теперь, встретив неудачливых путешественников, он изливал свою ярость на англичан.

Вилкс тоже кипел от бешенства. Провалить так счастливо разработанную операцию! Подлецы. Они всегда бездушно относились к латышским патриотам! Вот их система: загребать жар чужими руками, а когда от них требуется риск — отвертеться под всякими липовыми предложениями! Он считал, что англичане несомненно были на месте встречи, но не подошли, опасаясь, что их вместо рыбацкой лодки встретят катера пограничной охраны. Они всегда были чересчур подозрительны, а каково тем, кто организовал встречу — им наплевать!

Так как делать до появления Будриса было нечего, то он сочинял радиogramму, отбрасывая один вариант за другим, чтобы выразить свое презрение «предателям», как он именовал теперь своих хозяев. В конце концов он составил, а Делиньш передал от его имени следующее послание:

«В ноль-семь шестнадцатого мая благополучно возвратился в порт. Подробно обо всем напишу в письме. Я не рассчитывал, что вы можете нарушить уговор и не быть на месте встречи даже и на следующую ночь, нарушить уговор после того, как мы уже находились в море, когда операция уже началась и ее невозможно было отменить. Замечу, все ваши аргументы довольно противоречивы. В первую ночь мы были в назначенном месте и в точное время. В правильности нашего курса я не сомневаюсь. Беакон работал хорошо, и неудачу я могу

объяснить только тем, что вашего катера не было на месте встречи».

Затем Делиньш долго принимал и еще дольше расшифровывал ответ. Вилкс выхватывал записи из-под его руки. Увы, ничего утешительного в ответной радиограмме не было. Англичане радировали:

«Вашему счастливому возвращению в порт мы действительно рады. Глубоко сожалеем, что несчастный случай не позволил нашему катеру быть на месте встречи в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, но можем определенно утверждать, что в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое наш катер был в назначенное время, в условленном месте. Кажется, нет никакого объяснения, как мы могли не встретить друг друга. Немедленно организовали интенсивные поиски вашей лодки в обширном районе западнее назначенного места встречи и прекратили их только тогда, когда, судя по времени, поиски стали бесполезны. Этот несчастливый исход только укрепляет нашу решимость делать в следующий раз все лучше, если ты дашь свое согласие повторить операцию осенью...»

Лидумс прочитал эту радиограмму, усмехнулся и сказал:

— Неужели вы, Вилкс, все еще не понимаете, в чем дело? Ваши хозяева хотели только одного: чтобы мы, не найдя их катера, на нашей лодке пошли бы к острову Готланд. Они действительно любят загрести жар чужими руками! Наше появление на шведской территории устраивало их гораздо больше. Ведь в этом случае они ничем бы не рисковали. Поэтому они просто и не выходили на это ими же назначенное рандеву...

— Ну, дайте мне только вернуться туда, я там испорчу кое-кому жизнь! — пробормотал Вилкс.

— Ну что же, подождем до осени, — философически ответил Лидумс. — Надеюсь, что осенью они возьмут нас прямо с берега!

Будрис известие о неудаче «рандеву» встретил бесстрастно. Но сам Вилкс не желал быть таким твердокаменным. В разговорах с Делиньшем и Лидумсом он постоянно возвращался к мысли об обмане со стороны англичан, и тогда на него страшно было смотреть: не человек, а клокочущий вулкан!

Между тем он действительно выздоровел! То есть ноги еще были не в порядке, мускулы ослабли за время долгой болезни, но уже ничего не болело, не ныло. Пока он еще носил себя, как стеклянный сосуд, шагал и усаживался осторожно, прислушиваясь во время каждого движения, что происходит в нем, — но постепенно забывал о прошлых мучениях.

И когда Будрис, выслушав печальный отчет, задумчиво спросил — не у них, конечно, а скорее у самого себя, — как отправить неудачливых путешественников обратно в лагерь, Вилкс довольно браво ответил:

— Мы можем добраться и пешком! Водополье кончилось, луга сухие...

Будрис усмехнулся, сказал:

— Ну, зачем же такое отречение? Мы что-нибудь придумаем. К тому же вы забыли о своих больных ногах!

— Именно забыл! Забыл! — с восторгом закричал Вилкс. — Во время этого проклятого ожидания я был так напряжен, что всякая боль кончилась!

— Да, я знавал подобные случаи...

Будрис обратился к Лидумсу:

— Я попытаюсь сговориться с шофером рыболовецкого колхоза и переправить вас на машине с рыбой. Вещи заберите с собой, выходите на шоссе — точка тебе известна — к полуночи. В случае, если машину остановит патруль, скажите, что вы, грузчики рыбозавода, ездили за «свежаком». Имейте в виду, в лагере большие затруднения с продуктами. Так что, когда будете уходить с машины, возьмите с собой рыбы, я потом расплачусь с шофером...

Вояж совершили благополучно. Набрав несколько мешков рыбы, вылезли из машины. В условном месте, в тайнике, отыскивали письмо Графа, в котором было сказано, куда Делиньш должен явиться, отправив путешественников на Запад.

Каково же было удивление Петерсона и Эгле, когда они увидели не только Делиньша, которого ожидали с огромным нетерпением, но и самих путешественников! Весь день в бункере то и дело вспыхивали отголоски той грозы, которую уже обрушил на головы своих хозяев Вилкс.

— Это предательство! — вопил Эгле.

Петерсон пытался остановить его, но через минуту сам раздражался бранью:

— Что же, они считают, что мы недостойны их забот?

«Братья» помалкивали. Они понимали, что их подопечные побаиваются и за себя. Если англичане не пожелали рисковать ради Вилкса, то где гарантия, что они помогут остальным?

Настроение в отряде было хмурым и оттого, что чувствовалось приближение голодовки. Лес был еще пуст, он не мог прокормить человека. Птица села на гнездовье, звери скрылись, ни следа, ни лежки нельзя было усмотреть на подсушенной земле. А уходившие на добычу продуктов «братья» все чаще возвращались с таким мизерным «подаванием», что старый Кох только морщился.

Лидумс опять принял руководство отрядом. Петерсон все чаще поговаривал о том, что ему пора бы отделиться с Делиньшем, а Вилксу оставить для работы на рации Графа. И Делиньш почти совсем согласился покинуть своего бывшего учителя.

В это время Вилкс надумал передать англичанам радиogramму о морском флоте, базирующемся в Лиенае.

Этой радиogramмой он собирался и напомнить о себе и в то же время слегка отомстить англичанам. Пусть потом раздумывают, какие неоценимые сведения получили бы они, если бы вывезли Вилкса к себе. Вот, мол, вам, я и не то еще знаю, а захочу — скажу, не захочу — промолчу!

Когда он показал свою «достоверную» информацию, полученную от того самого рыбака, что вывозил их на randevу, Лидумс дружески посоветовал не передавать ее. Слишком она была сомнительна.

Но Вилкс заупрямился, и Лидумс отступил.

В эти дни работала только новая рация Петерсона, на которой тренировался Граф. Дальше перебранки с Лондоном по вопросу о том, почему англичане не встретили Вилкса, дело не шло. Все очень внимательно следили, как передает свою радиogramму Вилкс.

К вечеру двое из «братьев» отправились за продуктами. Вилкс сидел за столом в бункере и упрямо шифровал свою радиogramму. Лидумс лежал на нарах, недовольно наблюдая за ним. Эгле, Петерсон и Граф играли в карты. Кох, по обыкновению чертыхаясь, готовил весьма скромный ужин. Юрка стоял на посту, лениво поглядывая окрест и наблюдая, как постепенно уходит свет. Вот уже на самых вершинах сосен медленно тает золотой отблеск солнца.

Вдруг оба «брата» промчались с пустыми мешками мимо Юрки и, крикнув в один голос: «Синие»! — нырнули в бункер. Юрка прислушался.

В лесу потрескивали сучья, где-то далеко взвизгнула собака, как взвизгивает всегда, напав на след. Юрка опрометью бросился за «братьями» в бункер.

Там творилось что-то невообразимое. «Братья» хватали оружие. Эгле, совершенно потерянный, почему-то совал в свой рюкзак миски и ложки. Вилкс, разорвав шифровку, пытался проглотить ее, но перепутал сорта бумаги, эта была быстро воспламеняющаяся. Потом он догадался, наконец, вытащил ее изо рта, поднес к сигарете, бумага вспыхнула и растаяла, и Вилкс бросился к выходу. Лидумс ухватил его сильной рукой за полу пиджака и удержал.

— Стоять! — крикнул он.

Петерсон вытащил пистолет, но руки у него так дрожали, что он никак не мог снять пистолет с предохранителя. Граф, уже вооруженный автоматом, помог ему. Лидумс, выждав, чтобы все привели оружие в порядок, приказал:

— Без моей команды не стрелять! Собрать личные вещи и оставить лагерь! Отходим на юго-восток, в направлении Энгурского массива. Прикрывать отступление остается Граф. В случае появления собак, стрелять сначала в собак, потом в проводников! Делиньш, возьми радиостанцию. Пошли!

Они едва успели покинуть бункер, как из лесу донеслась громкая команда:

— Левый фланг, подтянись!

Эта русская команда, смешанная с латышской речью, прозвучала так близко, что Эгле сразу выронил свой сверток, — он нес две шубы — свою и Вилкса. Петерсон, побелев от страха, рванулся было в сторону, но Кох взял его под руку, зло шепнув:

— Слушай не их команду, а Лидумса! Он выведет!

Прикрываясь кустарником, бежали, что есть сил, стараясь в то же время, чтобы под ногой не треснул сучок. «Синие» шли медленно. Они, как видно, еще не подозревали, как близко от лагеря находятся, вероятно, прочесывали лес вслепую.

Лидумс отводил свою группу по широкой дуге, стремясь зайти в тыл чекистам. Пробежав с километр, услышали стрельбу. По-видимому, чекисты наткнулись на покинутый лагерь и теперь обстреливали его, не решаясь атаковать.

Граф молчал. Беспорядочная стрельба советских автоматов продолжалась довольно долго. И вдруг заговорил «штурмовик» Графа. И сразу усталые, запыхавшиеся люди ускорили бег: голос «штурмовика» мог означать одно: чекисты нащупали след отступающих.

«Штурмовик» Графа то замолкал, и тогда Вилкс шептал побелевшими губами молитву, то вдруг начинал бить где-то в другом месте, все удаляясь и от лагеря и от отступающей группы, и Вилкс напряженно желал здоровья и счастья храбрецу, отводившему на себя беду. Вилкс чувствовал себя все хуже и хуже, снова заныли ноги, с трудом сгибалась поясница, а он все не осмеливался бежать во весь рост, как делали это другие. Правда, Делиньш, догнав его и поняв, что Вилкс бежит из последних сил, взял мешок и автомат учителя. Когда, наконец, Лидумс тихо сказал. «Привал!» — Вилкс был едва жив от усталости и боли.

После короткого привала Лидумс повел группу дальше, оставив Делиньша на условном месте ожидать Графа, если тому удастся уйти от облавы.

Вот они идут уже два часа, три часа, а за ними такое же безмолвие, как и впереди. И наконец, Лидумс отдает приказ:

— Отдых!

Они бежали, шли и чуть ли под конец ни ползли, и оторвались от чекистов километров на двадцать. И сейчас Лидумс деловито распределял посты, разрешил Коху развести небольшой огонь, благо

лес был так густ, что, казалось, тут и руку не просунуть. Все были голодны, все устали, но больше всех, пожалуй, изнемогли Вилкс, Эгле и Петерсон.

Петерсон лежал в кустах, полумертвый от усталости. Но едва он услышал чьи-то шаги, как выхватил пистолет и чуть с испуга не застрелил Делиньша, приведшего с собой Графа. Граф, которому пришлось пробежать чуть ли не вдвое большее расстояние, рассвирепел и отобрал у него оружие.

Кох, вздыхая об оставленном в лагере готовом ужине, собирал захваченные второпях продукты. По расписанию тревоги «братья» были заранее предупреждены, кто и за что отвечает. Но продуктов было мало, да и собрать их не успели, и теперь оставленный в лагере ужин казался «царским». И неизвестно было, что ожидает их дальше.

Скромный ужин еще не был готов, когда над лесом в ночной тишине вдруг зарокотал «кукурузник» И Вилкс, и Петерсон помнили эти легкомоторные русские самолеты еще со времени войны. Петерсон, решив, что «кукурузник» разыскивает их, схватил плащ Делиньша и накрыл им огонь. Но «кукурузник», видимо, не заметил среди мохнатых елей маленького костра и улетел. Остался только сожженный плащ.

Наконец кое-как поужинали, можно было ложиться спать. Правда, ночевка в лесу была менее удобна, нежели в теплом бункере, тут ни нар, ни постелей для них никто не приготовил. Зато можно было послушать Графа.

Граф, устроившись в засаде, скоро увидел чекистов. С ними оказалась, как и предполагал Лидумс, розыскная собака, которая взяла след Графа. Граф подпустил собаку на десять метров и с первой очереди уложил ее.

Проводник открыл стрельбу по Графу. На помощь проводнику бросился второй солдат. Граф переполз на другое место, — там залег в ямку — и дал по ним вторую очередь...

— Один подпрыгнул и рухнул, считаю, что убил, другой покатился, и мне его уже не видать. Но Лидумс приказал: «Отвести!» — и я пополз на северо-запад. Тут они все пошли цепью в мою сторону, я тогда ходу, а сам останавлиюсь да по ним — р-раз! — чтобы не очень увлекались. Теперь они меня будут искать там всю ночь да еще и завтра целый день!

Уже засыпая, Граф вдруг проворчал:

— Оставили антенну на сосне! Я слышал, как они обрадовались, когда ее заметили. И были среди них солдаты с маленькими чемоданами за спиной, наверно, с портативными радиопеленгаторами...

Он повернулся на бок и заснул, а Делиньш, Вилкс и Петерсон начали упрекать друг друга в забывчивости и решать, чья же рация была запеленгована, как будто это имело теперь какое-то значение. Лидумс приказал спать, а сам остался на посту.

Отдохнув часа два, с рассветом двинулись все таким же беглым шагом дальше, в сторону Талсинских лесов. На следующую ночь они были километрах в пятидесяти от лагеря.

Четыре дня вся группа голодала. Собирали заячью капусту, ели молодые стебли сосняка, дудки камыша, ростки хвоща. «Братья» отлично знали, чем можно набить желудок во время голодовки, но от такой пищи воротило душу. На пятый день Лидумс с Юркой пошли на разведку.

Вернулись они с полными рюкзаками еды и с запасом новостей. Местные жители рассказывали, что войска ЧК наткнулись в Энгурских лесах на группу «лесных братьев» численностью приблизительно в пятнадцать человек. Бой шел всю ночь. Несколько «лесных братьев» было убито, но и войска ЧК потеряли часть солдат, трупы их были вывезены на санитарной машине в Тукумс. А уцелевшие «братья» отступили в Талсинские леса.

После возвращения Лидумса с продуктами прошлые испытания стали забываться.. Однако нападение войск ЧК как-то отрезвило приезжих. Никто из них не выказывал желания выйти снова в эфир и передать англичанам какое-либо сообщение о себе. Лишь четырнадцатого июня Вилкс передал Лидумсу тайнописное послание английской разведке, адресованное: Швеция, Стокгольм, Лидингс, Хересрудсваген, 4, К. Усма.

В своем послании Вилкс сообщал:

«В конце мая, вблизи района, где расположена группа, показались войска ЧК, мы называем их «синими». Наша группа акций не проводила, поэтому считаю, что один из

передатчиков был запеленгован. Я прекратил передачи и спрятал «сэт» в двухстах метрах от лагеря.

«Синие» стали прочесывать лес в противоположном от нас направлении. Из этого заключаю, что пеленгация была не очень точной. Второго июня в 20.00 постовой заметил «синих» на расстоянии восьмисот метров от лагеря на лесной тропе. Покинули лагерь, а один из нас остался прикрывать отход. Были на расстоянии одного километра от лагеря, когда «синие» обнаружили пустой бункер и открыли по нему огонь из автоматов и пулеметов.

Прикрывавший наш отход отступил немного от лагеря и, когда «синие» были на расстоянии тридцати-сорока метров, открыл по ним огонь из штурмового автомата. По словам прикрывавшего, двое «синих» упали. Еще не знаем, убиты ли они или только ранены. Сам прикрывавший остался невредим и впоследствии присоединился к нам. Сейчас находимся в безопасности и не потеряли ни одного человека.

Эти события затянули переход Петерсона на другое место. Начать работу на «сэте» смогу разве что в конце июня. Убежден, что «синие» оставили в старом лагере и поблизости от него засады и поэтому не могу посылать сейчас за спрятанным имуществом. «Сэт» спрятан очень хорошо, и за его сохранность я спокоен. Кварцы, коды и расписание находятся при мне. Вблизи лагеря, в котором мы сейчас находимся, «синие» в настоящее время не обнаружены, и я надеюсь, что подобных «маневров» больше не будет.

Для прикрытия командир назначил опытного человека с задачей застрелить собаку. Между прочим, прикрывавшим является недавно представленный мною новый радист.

Командир умело руководил отходом и перебазированием. Шлю вам и Силайсу сердечный привет и надеюсь осенью встретиться.

Р. С. Пожалуйста, сообщите, с какого числа можете выехать встречать нас, ибо надеюсь, что неудавшуюся встречу можно повторить с лучшим исходом».

Увы, теперь жизнь была поневоле тихой. Хотя рация Петерсона была в лагере, но ее пока что превратили только в приемник для прослушивания «слепых» передач и обычных сообщений радио. Слушали еще музыку, особенно сентиментальную, — всякие любовные песенки и тягучие танцевальные мелодии — и однажды услышали в «слепой» передаче обращение к себе:

«Дорогой Вилкс и все друзья! Мы потрясены случившимся, но рады благополучному исходу дела. Определенно исключаю, что причиной вашей, правда, благополучно закончившейся, трагедии является только пеленгация, но все-таки прекратите свою работу на рации примерно на два месяца, обращайтесь к нам по радио только в случае крайней необходимости, хотя мы и будем слушать все время по расписанию связи. Вызывайте нас в течение трех минут, не больше. На вызов мы отвечать не станем, это запутает чекистов, ожидающих двусторонней связи...»

После этого подолгу сочиняли тайнописные послания. Надо же было сообщить хозяевам, что ты все еще жив.

Много играли в карты, рассказывали старые анекдоты. Делиньш, числившийся теперь помощником Петерсона, с интересом расспрашивал своего шефа о прошлой жизни. Эти рассказы были не хуже сказок. Только сказки почему-то кончались печально.

Соблюдая законы конспирации, Петерсон, конечно, не называл своей настоящей фамилии. Но он не мог удержаться, чтобы не похвалиться своими блестящими связями в прошлом. И кем он только не был! Учился в офицерской школе; служил во многих воинских частях; стал инструктором осоавиахима в Риге перед войной; полицейским чиновником после начала оккупации; офицером латышского легиона «СС»...

Эта тоска по прошлому непрерывно тянула его в Ригу. Он все еще не верил, что вся жизнь в Риге переменялась. Впрочем, без Риги он не мог выполнить ни одного поручения англичан. Чем могли помочь ему лесные люди, когда от него требовали сведений о радиолокационных установках, новых типах самолетов, вооружении морских кораблей?..

Вскоре он начал просить Лидумса о новой встрече с Будрисом.

В конце июля эта встреча состоялась.

На этот раз они разговаривали с глазу на глаз, в теплом и пахучем, похожем на памятный Петерсону Межапарк, лесу. Если бы не комары, которые висели плотным темным облаком над собеседниками, если бы под ними была скамейка, а перед ними столик с пенистыми кружками пива, Петерсон, вероятно, и не пожелал бы лучшего. Но пока что о Межапарке можно было только мечтать. Сидя на поваленном ветром дереве, отмахиваясь от комаров, Петерсон убеждал собеседника:

— Поймите, у меня есть и старые друзья, есть и новые люди, адреса которых мне дали англичане, там я смогу развернуть настоящую сеть, которая поможет мне собрать нужные сведения. Мне нужно подыскать одну-две безопасные квартиры для наших друзей, которых англичане в ближайшее время забросят в Латвию, подобрать места, где можно устроить тайники. В эти тайники английские агенты из числа иностранных моряков будут закладывать для нас и деньги, и разведывательное снаряжение, а мы станем оставлять для них наши отчеты для доставки в Лондон...

— Но мы отвечаем за вашу безопасность! — холодно прервал Будрис. — До получения железных документов мы не можем отправить вас в город.

— Я могу пока действовать конспиративно...

Будрис, казалось, и не смотрел на собеседника, но волнение Петерсона было так велико, что невольно подумалось: он может ринуться в город очертя голову, не замечая опасности. Будрис устало сказал:

— Хорошо, мы переведем вас в Ригу, но рисковать вашей рацией и радистом я не могу. Делиньш останется в отряде вместе с передатчиком. Все ваши сообщения мы будем пересылать ему, так же, как и ответы радицентра, полученные Делиньшем, отсюда будут переправлять вам. На этом условии, я могу отправить вас в город...

— Согласен! — горячо воскликнул Петерсон.

— Ну что же, готовьтесь к переезду. — Будрис вздохнул. — Но постарайтесь забыть дорогу в наш лагерь, людей, которых вы здесь видели, обстоятельства, при которых попали сюда. Как видите, с моей стороны тоже есть условия...

— Яволь! Мы умираем, но не сдаемся! — воскликнул Петерсон возбужденно. Он вскочил на ноги и вытянулся во фронт, как перед присягой. Будрис равнодушно сказал:

— Мы с вами взрослые люди и понимаем, как происходят провалы. Я прошу о немногом, — вести себя так, словно вы жили и действовали в одиночку.

Весь пыл Петерсона пропал. Он заговорил более миролюбиво:

— Да, мне тоже больше подходит версия одиночного проникновения через границу. Верьте мне, я ни словом не обмолвлюсь ни о ком, если даже на меня и обрушится несчастье.

— Пусть его лучше не будет! — улыбнулся Будрис.

Через две недели Петерсон ушел из лагеря. Его провожали горячими напутствиями одни коллеги. Для «братьев» он был и остался эпизодической личностью. «Так, хвастун, крикун. Пошумел и исчез. Хорошо еще, что хоть деньги группе передал. Он нам ни брат, ни сват. Вот прижмут его в городе, опять к нам прикатит...» — вот какие слова слышали Вилкс и Эгле о своем ушедшем коллеге. И, кажется, сами думали так же.

После ухода Петерсона Лидумс приказал:

— Имущество собрать, распределить на вьюки, каждому взять мешок с личными вещами и один вьюк с хозяйственными, выступаем через два часа. Мы не можем рисковать, а в случае провала нашего гостя риск неизбежен!

Вот когда в адрес Петерсона посыпались проклятия!

Все, конечно, понимали, что Лидумс напрасно слова не бросит. Но как же жалко было оставлять обжитой лагерь! В последнее время с питанием стало неплохо, а на новом месте начинать сначала. Хорошо еще, если Лидумс поведет к одному из покинутых бункеров. А если прикажет ради безопасности устраиваться на новом месте?

Вскоре все были готовы к походу. Петерсона проводили ночью, а сами вышли с рассветом.

Шли плотной группой, впереди командир, сзади — его заместитель Граф, Вилкс и Эгле находились в центре. Так как Вилкс опять мучился с ногами, причитающийся на его долю груз распределили между собой, а рацию, ручной генератор и прочие принадлежности шпионского ремесла нес Делиньш.

Ранним утром вышли из леса и оказались перед лугами. Луга были скошены, стояли стога, но влажная земля выгнала отаву, хоть снова начинать сенокос. Лидумс приказал рассредоточиться и пересекать луг поодиночке, цепью.

Вилкс удивленно спросил Делиньша:

— А разве не лучше пройти шаг в шаг, как ходили когда-то индейцы?

— Писатели так ходили, а не индейцы! — с сердцем ответил Делиньш. Он наступил на гнездо шершней, и здоровенный шершень, чуть не с воробья величиной, ужалил его прямо в бровь. Половина лица сразу опухла, как после здоровой затрещины. — Надо понимать, если мы все пройдем след в след, так тут шоссе останется после нас! И чему только в ваших шпионских школах учат! — презрительно заключил он.

Луг перебежали рысью. К счастью, на новом месте бункер был почти не поврежден. Пришлось лишь немного почистить его, нарубить свежих сосновых лап для постелей. Делиньш отыскал подходящее дерево, накинул на него антенну. Лагерь был снова готов к жизни.

В этот день Граф принял адресованную Вилксу радиogramму разведцентра. Англичане сообщали:

«Для будущей операции пошлем наш катер к берегу Курляндии. С него будут высажены на берег три человека: радист для твоей группы и два эстонца, которых просим принять и укрыть на некоторое время. Все трое высадутся на берег при помощи весельной лодки, на которой будут два наших гребца-латыша. Они сразу примут тебя и твоих друзей и увезут их на катер.

Желательно, чтобы, кроме тебя, вышли Эгле и представитель вышестоящего руководства. О месте и времени операции сообщим позже, но до этого передай нам сам лично, не спрашивая совета у других, какие места предлагаешь ты.

Твоя связь с нами должна быть организована так, чтобы ты, находясь на берегу, мог принимать и расшифровывать наши радиogramмы, в течение не более получаса и сумел информировать нас, если у тебя возникнет такая необходимость, немедленно. Это значит, что одна рация, твоя или Петерсона, должна находиться вблизи от берега. Для этого необходим ручной генератор. Можешь ли ты это организовать и сделать все необходимое перед самой операцией?..»

С этого дня опять пошла волна двухсторонней связи. Нападение чекистов было словно забыто.

Три человека ежедневно сидели в отдельном углу: Граф, Делиньш и Вилкс, шифруя и расшифровывая радиogramмы. Надо было условиться о сигналах, о расположении постов на берегу, о самом месте высадки, о количестве людей, которые будут принимать участие в операции. Когда большинство деталей было обусловлено, Вилкс отправил послание Будрису, прося о встрече.

Встреча была назначена на одном из ближних хуторов. Вилкса сопровождали Лидумс и Граф.

Будрис ознакомился с радиogramмами сторон и дал свое согласие. Сопровождать Вилкса будет опять Лидумс. Место высадки он посоветовал избрать недалеко от Ужавского майка, свет которого будет хорошим ориентиром для катера.

Лидумс и Граф вышли из дома, оставив Будриса и Вилкса одних.

Будрис осторожно спросил:

— Англичане просят прислать им и Эгле. Не лучше ли было бы оставить его в группе для поддержания морального духа наших бойцов? Присутствие среди них представителя Запада будет воодушевлять их, они почувствуют себя не такими одинокими. А сейчас создается сложное положение: Петерсон ушел в Ригу, вы вместе с Эгле возвращаетесь в Англию, в группе никого не остается...

Вилкс подумал немного, сказал:

— Я согласен с вами, но Эгле знает о вызове. Видели бы вы, как он плясал, когда прочитал радиogramму!

— Он забыл о своих угрозах? — усмехнулся Будрис.

Вилкс внимательно поглядел в смеющиеся глаза Будриса, чуть помрачнел. Он думал, что никто из его друзей, кроме Лидумса, не знает об этих идиотских угрозах. А если и знают, то не придают им значения. Однако от этого всевидящего ока никуда не денешься. Правду говорят «братья», что с Будрисом можно разговаривать только как на исповеди. Солги, и он никогда уже больше не одарит тебя доверием!

— Это ведь касается только меня. — Вилкс пожал плечами. — Не думаю, чтобы ему очень поверили там. Но, конечно, каши с ним не сварить, и он может помешать нашему делу, когда окажется в Лондоне.

— Ну, я этого не думаю, — Будрис был невозмутим. — Лидумс объяснит, что Эгле не прав. Хотя при желании он действительно может доставить нам неприятности. Помните, он как-то бросил, что еще «скажет свое громкое слово»! Это было, кажется, после того, как вы попугали его за трусость.

— Он и есть трус! — с внезапной ненавистью воскликнул Вилкс. — И ему ничего не стоит оклеветать своего же товарища! Я помню его еще по школе, он и там наушничал, как мог. До сих пор

жалею, что пришлось взять его в свою группу. Если бы не его приставания и нервозность, Лаува никогда бы не пошел на легализацию. Он виноват в том, что бедняга Лаува не выдержал той проклятой зимы взаперти...

— Вы, кажется, чересчур усложняете дело, Вилкс. Лаува просто устал от неустроенности своей жизни, к тому же у него тут жена. Эгле, пожалуй, ни при чем. Правда, он постарается обвинить вас в неосмотрительном доверии к Лауве. Вы, вероятно, могли не выпускать этого Лауву из-под своего контроля. Но это уж ваш личный, так сказать, спор...

— Да, мы с Лидумсом могли бы больше сделать для нашего дела без этого неврастеника, — Вилкс механически крутил в пальцах сигарету, не замечая, как из нее сыплется табак. — Он, конечно, просто со злости на то, что вы мне больше доверяли, постарается принизить нашу роль, когда окажется в Англии... — Он говорил вяло, приглушенно, но видно было, что ум его напряжен. Вдруг он выпрямился, как будто на него снизошло божье благоволение, громко сказал: — А вы знаете, мы можем его оставить здесь на некоторое время.. Только сказать об этом ему надо в день отъезда. И лучше будет, если это скажете вы. Вас он не посмеет ослушаться.

Больше он не мог сдерживаться, вся его ненависть к этому трусу, подонку, ублюдку вырвалась наружу, и было ясно, что он согласен не только с тем, что Эгле лучше оставить здесь, он был бы только рад, если бы эта серая тень человека вообще никогда не вернулась в жизнь.

— Ну что же, мы еще подумаем об этом, — спокойно сказал Будрис, поднимаясь.

Возвращаясь в лагерь, Вилкс нет-нет да и улыбался со злорадным удовольствием. Да, этот Будрис — молодец! Как он точно продумал, что Эгле постарается умалить роль Вилкса, Лидумса, да и всей группы, когда вырвется в Англию! Хотя бы для того, чтобы лишить Вилкса заслуженной награды! Так вот пусть же посидит здесь еще с годик, может, поумнеет, наконец, поймет, какое маленькое место он занимает в жизни!

В начале сентября Будрис еще раз порадовал Вилкса: устроил совещание «лесных братьев» с участием четырех легально проживающих его единомышленников.

Вот когда Вилкс увидел, наконец, тех, на кого будет опираться Англия!

В темном лесу, пронизанном багровым светом костра, тесным кружком сидели четверо незнакомцев. Хозяевами импровизированного ночного приема были Лидумс и Будрис. Между сидящими была расстелена скатерть, на которой стояли бутылки армянского коньяка, русской водки, жбаны и кувшины домашнего пива, разложена всевозможная снедь, какой давно уже не приходилось отведывать «лесным братьям» из группы Лидумса. Оказалось, что каждый из участников совещания постарался для этой дружеской встречи.

Вилкса и Эгле представили сидящим как эмиссаров английской секретной службы, прибывших нелегально в Латвию для установления контакта.

Все поднялись и стоя исполнили гимн буржуазной Латвии и гимн лесных братьев. Голоса были хриплые, мало музыкальные, но воодушевления хватило бы на целую капеллу.

Эгле, обрадовавшись развлечению, пристроился к делегату из Латгалии. У того за спиной стоял еще неразвязанный рюкзак, из которого аппетитно высовывались горлышки бутылок дорогого вина.

— Где это вы раздобыли? — поинтересовался Эгле.

Делегат, рыжий, с нечесаной бородой детина, выдернул бутылку розового муската, гулким ударом ладони под доньшко выбил пробку — Эгле еще никогда не приходилось видеть, чтобы таким способом открывали вино, — водку-то он и сам мог бы открыть точно так же, — вино забурлило, становясь похожим на живую кровь, и полилось в стаканы. Делегат усмехнулся, сказал:

— Государство выдало!

Эгле восхитился этим «острым» каламбуром. Именно, именно, государство выдало! Вот как надо жить! А этот преснятина Лидумс боится потревожить государственную торговлю. После прошлогоднего налета на кассира ни одной акции! Да разве так должны действовать «лесные братья»? Они должны шуметь, греметь, воевать!

Прикончив третью или четвертую бутылку розового вина, Эгле как-то и не заметил, что большинство делегатов окружили Вилкса. Ах да, дают поручения! Ну черт с ними! Он все пытался выпросить у латгальца, а много ли в Латгалии аэродромов и воинских частей, а где

они расположены, а может ли латгалец принять представителей из-за границы и обеспечить их убежищем?

Вдруг латгалец, по-видимому, окончательно опьяневший, заорал во все горло:

— Держите его, это шпион!

Кто-то попытался утихомирить его, но латгалец уже вытащил пистолет. Эгле вспомнил, как весной его чуть не пристрелил Вилкс, и рухнул на землю, попав в костер. Пока у латгальца отнимали оружие, пока гасили загоревшийся плащ Эгле, вся торжественность обстановки была нарушена.

Впрочем, Эгле быстро протрезвел. Пьяного латгальца оттащили в сторону и уложили под присмотром охранявших встречу «братьев». Эгле виновато бормотал, что давно не пил вина, что не представлял, какое оно может быть крепкое, но и Лидумс и Вилкс взирали на него с презрением. Совещание продолжалось своим чередом, но Эгле уже больше не задавал вопросов и не лез ни к кому с дружескими излияниями. А когда протрезвевший на холодке латгальский делегат попытался извиниться перед ним при прощании, Эгле так стремительно ретировался, что Делиньш, приставленный к нему для охраны, еле отыскал его в мохнатых елях.

На Вилкса это совещание произвело неизгладимое впечатление. Что бы потом ни говорили его коллеги Петерсон и Эгле, но именно он, Вилкс, проделал самую главную работу по сколачиванию, правда, небольшой, но такой необходимой для английской разведки группы национально мыслящих латышей. И теперь-то ясно, как могуществен Будрис, если он за короткий срок, по одному намеку Вилкса, мог собрать людей из всех трех краев Латвии: из Курземе, из Видземе и из Латгалии...

Ночной разговор у костра, суровые лица делегатов, их краткие, пусть и жестокие, пусть порой и обидные высказывания о роли центров латышской эмиграции, их мужественные слова о собственной борьбе, — все это теперь не только в памяти Вилкса, это записано в протокол совещания, внесено в коллективный доклад. Вилксу становится все более ясным, что претензии делегатов законны, более того, он сам сторонник той точки зрения, что если и будет формироваться за границей правительство Латвии, то его надо организовывать в основном из местных людей, оставив

представителям заграничных центров эмиграции лишь незначительные портфели, что-нибудь вроде министра вероисповеданий и культов или, на лучший случай, министра народного здоровья, министра культуры да, может, еще с десятков вакансий начальников различных министерских департаментов. Вождями Латвии должны быть те, кто находится здесь!

Будрис, выслушав эти его мысли, — они беседовали один на один, когда Вилкс провожал его к шоссе, после окончания совещания, — довольно мрачно сказал:

— И вы думаете, что англичане, Силайс или Зариньш согласятся с вами?

— Мы их заставим согласиться! Я сам буду докладывать Маккибину о положении в Латвии. И пусть они попробуют сопротивляться!

— Я все-таки думаю, что рано делить пирог, когда тесто еще в квашне, а начинки и вовсе нет, — утомленно сказал Будрис. — Но ваши мысли и впечатления я очень ценю!

Они расстались в ста метрах от шоссе, по которому уже шли автомашины, хотя солнце только что поднялось. Легкий туман еще стелился по земле меж кустарником, на полянах было словно разлито молоко, но день обещал быть жарким, уже пахло клейким запахом сосновой смолы, всюду гомонили птицы, — все обещало радость.

— Я приеду проводить вас! — мягко сказал Будрис, пожимая руку Вилксу. — Интересно, рискнут ли на этот раз англичане провести операцию?

— Не беспокойтесь! — Вилкс иронически улыбнулся. — Вы еще плохо их знаете! На этот раз они все сделают точно. Помните, они говорят о трех людях, которых мы должны принять! Они уже открыли свой сабвей через Латвию, так что ждите все новых и новых гостей.

— Сабвей? — удивился Будрис.

— Ну да, подземка! Так они называют тайную дорогу шпионов. Им здорово не везло со шпионажем в России и то, что здесь они связались с вами и вашими людьми, для них настоящая находка!!

— С вашей помощью, Вилкс, только с вашей помощью! — улыбнулся Будрис.

— Тем более счастлив я, что попал в ваши руки! — горячо воскликнул Вилкс — И поверьте, я создам вам там, на Западе, такую

репутацию, что они и шагу не сделают, не посоветовавшись с вами!

— Что же, я буду только рад! И желаю вам удачи!

Они простились, и Вилкс пошел назад, беспечно посвистывая. Он знал, что опасности нет. По обе стороны лесной тропинки мягким шагом лесных людей шли Делиньш и Граф, которым командир поручил охранять высокого гостя.

Двадцать пятого сентября все было готово к операции.

В этот день в лагерь приехал Будрис.

Будрис коротко сообщил Эгле, что тот за границу не поедет. Он останется в группе Лидумса, как представитель английской секретной службы.

Эгле потрясенно молчал.

Он уже так привык к мысли, что через несколько дней окажется в полной безопасности, что вычеркивал каждый из прошедших дней в своем календаре с усердием и яростью школьника. Он давно подсчитал, сколько получит денег по возвращении, представил, как кутнет до того, как объявится родным, придумал, какие трогательные речи произнесет, оказавшись дома. Там, наверно, все еще думают, что он лежит где-то в Шотландии, в больнице, они-то знают эти больницы для бедных! — а он вернется к ним героем! После долгого-долгого отдыха, но не раньше, чем все деньги придут к концу, да еще продержавшись некоторое время на те средства, что подарит ему за храбрость отец, Эгле явится, наконец, к Силайсу и скажет:

— Я готов поехать снова, но только в том случае, если вы дадите мне такие же большие полномочия, какие дали Петерсону...

И Силайс доложит Маккибину, и Маккибин скажет:

«А что же, он уже знаток этого дела! Дайте ему полномочия!»

И тогда Эгле покажет какому-нибудь Вилксу, что значит настоящая решительность. Он сделает всех этих отсиживающихся в лесу людишек настоящими мужчинами! А может быть, к тому времени уже начнется война... И тогда Эгле займет одно из руководящих мест в будущем правительстве. Не займет даже, а захватит!

А сейчас у него дух захватило от страха. Губы побледнели и тряслись. И когда он заговорил, слова падали как в тину:

— Я... я хотел... Мне надо было бы...

— Следующая очередь ваша, — любезно сказал Будрис. — Мы подготовим кого-нибудь из тех, кто прибывает к нам в этот раз, и вы

тогда сможете уехать.

— Но если англичане не захотят...

— О, не беспокойтесь! Тут нет никакого риска...

Будрис вышел из бункера. Вверху, возле стола, поставленного под елью, его ожидали те, кто примет участие в операции, он торопился. Эгле не сел, а без сил упал на нары. Но на него смотрели равнодушные и жестокие глаза Коха, рядом сидел Юрка, и Эгле подумал: «Только не распускаться! Эти звери могут сделать со мной все, что угодно! Хоть и убить! Я должен держаться спокойно!»

А за столом Будрис передавал последние документы Лидумсу: письмо для Силайса, новый доклад о положении в Латвии.

Когда Лидумс спрятал все инструкции и документы, Будрис торжественно открыл свой рюкзак и достал из него два довольно больших свертка, выложил их на стол и торжественно сказал:

— А это подарки! Вот это для господина Силайса! — Будрис развернул ткань, в которую был увязан подарок, и все увидели огромный письменный прибор из местного красноватого гранита, изображавший Лачплесиса, уходящего в море на своей легкокрылой ладье. Вилкс даже позавидовал предусмотрительности Будриса. Он и сам был бы не прочь получить такой подарок! Но Будрис уже завернул прибор и взял второй сверток: — А это для господина Зариньша! — еще более торжественно сказал он, раскрывая большую и, наверно, очень дорогую каменную шкатулку, в которой лежали вдруг засветившиеся, как осколки солнца, кусочки янтаря. — Я надеюсь, что вы, Лидумс и Вилкс, сумеете обставить вручение подарков со всей торжественностью, как мы сегодня поручаем это вам!

Все встали вокруг стола, на котором лежали подарки, помолчали с минуту, словно прощались с какой-то частью прожитой жизни, а может, вспоминали, что им-то англичане и тот же Силайс и Зариньш присылали совсем иные подарки: оружие, яды, коды, смертельные дары тайной войны...

Молчание было таким тягостным, так что все с радостью услышали призыв Коха к обеду.

Вечером вся группа вышла провожать отъезжающих. Командиром опять оставался Граф. Теперь он мог действовать вполне самостоятельно. В разведцентре его почерк был записан на пятнадцати

катушках магнитофонной пленки. Он имел право передавать какую угодно информацию.

Поздно вечером уходящие на запад вышли на шоссе в сопровождении Будриса. Провожал их один Граф.

Там Будриса ожидала грузовая автомашина.

Шофер перекинулся с Будрисом несколькими словами. Будрис подал сигнал, и Лидумс с Вилксом вышли из перелеска. Грузились быстро.

Опять летели мимо хутора и перелески, снова громыхали мосты, но на этот раз никакой новизны Вилкс не испытывал. Он лежал в кузове рядом с молчаливым Лидумсом, надеясь на счастье Будриса, как на каменную гору.

Им действительно везло. До того самого хутора, на котором они, отсиживались во время предыдущей операции, никто не остановил машину.

Здесь Вилкс и Делиньш вылезли из машины, попрощались с Будрисом и Лидумсом, которые должны были укрыться в другом месте.

Двадцать седьмого сентября Делиньш передал от имени Вилкса радиogramму в разведцентр:

«Нахожусь вместе с Делиньшем на исходной позиции и буду вместе с ним до трех часов перед началом операции».

Вечером двадцать восьмого сентября Лидумс приехал за Вилксом и Делиньшем на колхозной автомашине. В двух километрах от места операции они покинули автомашину и укрылись в густом мелком лесочке. До побережья оставалось два километра.

В этом лесу они просидели без огня и курева сутки. Делиньш в последний раз передал радиogramму о том, что Вилкс и Лидумс выходят в обусловленное место на берегу и ожидают катер.

В двадцать один час тридцать минут Вилкс включил беакон, поднятый на высокую сосну. Обеспечивавший прием гостей с той стороны Граф и его помощник разошлись по берегу на полтораста-двести метров и начали подавать короткие сигналы карманными фонариками.

Ночь выдалась темная — английские синоптики сумели предугадать все: низкую облачность в районе Балтийского моря, туман на побережье, отсутствие ветра, влажность воздуха. Беакон работал отлично — направленное его излучение уходило на тридцать миль в море, и катер, поймав его один раз в свои приемники, мог затем безошибочно выйти прямо к тому месту, где он был укреплен.

Вилкс почувствовал, как его охватывает дрожь. Дрожь ожидания. Боязнь провала. И в то же время какое-то странное чувство огорчения, словно ему становится жаль покидаемой земли, оставленной странной жизни, упорных и упрямых людей, с которыми он столько времени делил хлеб и воду...

Они лежали в старом, еще от войны оставшемся окопе. Вилкс все острее чувствовал жалость к себе, вечному изгнаннику, горечь по утраченной родине, на которую, неизвестно, поможет ли бог вернуться. Вилкс приподнялся на коленях, выставив ухо над бровкой окопа в сторону моря. Что-то неуловимо изменилось в мире. Что-то придвинулось со стороны, вошло в их ожидание, — чужое, беспокойное, живое. Он тронул Лидумса за плечо.

Далеко в темном море силуэтом проступало движущееся судно. Оно шло словно бы беззвучно, видимо, рокот мотора погасили самым совершенным глушителем, но оно было видно на фоне туч и темного моря, как живая тень. Может быть, оно уже давно стояло там и только теперь, поймав сигналы беакона, подало признак жизни. Катер находился примерно в полумиле от берега.

Ни звука не было слышно, но все время чувствовалось движение там, на катере. Вилкс понял, — это его мысли опережают взгляд и рассказывают ему о том, что происходит там. Там спускали лодку.

Прошло еще много минут — Вилкс не мог бы сказать — сколько, хотя все время посматривал на светящиеся стрелки часов, — и вот лодка приблизилась к берегу. Граф шагнул в воду и спросил пароль:

— Кто вы?

— Мы от Габриэля!

Граф ухватил лодку за нос и ответил:

— Люцифер ждет вас!

Лидумс, поднимаясь с земли, чему-то тихо рассмеялся. Вилкс спросил:

— Что вы?

— Странный пароль выбрали англичане: «Люцифер ждет вас!» Люцифер — это же сатана! Неужели они уверены, что все эти люди попадут в объятия самому сатане?

Вилкс не нашел, что возразить. Англичане всегда были в шпионских делах романтиками. Действительно, почему на берегу Латвии этих людей должен ждать сатана? Но Лидумс уже вышел на кромку прибоя, приглядываясь к экипажу и пассажирам лодки.

В лодке было шестеро, все с автоматами. Трое из них были гребцы, трое шли к «Люциферу». Эти трое выпрыгнули из лодки, и Граф уже поторапливал их, чтобы они быстрее разгружали свое имущество.

С двух сторон подошли помощники Графа. Чемоданы, мешки, ящики с ручками, похожие на патронные, были очень тяжелы. Их выкладывали прямо на песок, и двое помощников Графа оттаскивали ящики на взгорье, в лес.

Но вот лодка опустела и закачалась на волне. Лидумс подошел к Графу, обнял его. Подождал, пока вернулись носильщики, обнял и их. Наклонился и потрогал землю рукой, словно хотел проститься и с нею, а затем горсть ее положил себе в карман. Вилкс, пожав руку Графа, торопливо прыгнул в лодку, — все думы и лирические воспоминания о матери-родине как-то вдруг вылетели из его головы, он уже нетерпеливо поглядывал на Лидумса.

Но вот и Лидумс перешагнул через борт лодки, сел на переднюю банку, три гребца, до сих пор не произнесшие ни слова, навалились на весла, и лодка медленно поползла обратно к катеру, который все мерещился вдали серой тенью на фоне туч и моря.

Начиналась дорога в Англию.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В тот праздничный день, 6 ноября, когда мирный рижский житель Янис Приеде вдруг услышал произнесенный долговязым незнакомцем пароль, прозвучавший как выстрел, — все для Яниса кончилось.

Нет, он был еще жив, только долго-долго длилась боль в сердце, вязкая темнота залила глаза, и чувствовал он себя так, словно только что кто-то выстрелил ему в сердце, пуля прошла чуть-чуть левее, и вот он возвращается к жизни, но никогда уже не будет таким сильным, уверенным, спокойным, каким был все эти годы.

Можно было еще отделаться от этого кошмара простым пожатием плеч, притвориться, что ты ничего не понимаешь, — а он уже пробормотал отзыв:

— Дача сдавалась, но теперь там ремонт...

В это короткое мгновение он подумал о чем-то, был какой-то проблеск мысли, который Янис едва ли мог выразить словами. Что-то вроде: «Они уйдут, и это будет еще хуже!» Или: «Пусть уж я один отвечу за все!»

Ему показалось: жизнь его кончилась.

Нет, он еще не умер, он двигался, даже отвечал на вопросы этих чужих людей, рассматривал их, дивился их беспокойной, словно бы трусливой наглости, с какой они распорядились и им самим и его домом, и хотел только одного: чтобы жена не пришла домой, чтобы ее как можно дольше задержал парикмахер, чтобы она заехала к матери, мало ли что может случиться в ближайший час, вдруг все это только приснилось ему, и вот-вот он проснется... Но если это только сон, то пусть тогда Майга как можно скорее вернется и разбудит его...

Но он уже понимал, что это не сон.

Он пошел в магазин и увидел улицу, увидел темное здание бывшего гнезда айзсаргов и вдруг не поверил, что в этом доме снова обосновались профсоюзы, не поверил в красные знамена над воротами домов, не замечал уже праздничной толпы, не слышал беззаботного шума в магазинах, правда, там теперь толпились только опоздавшие, и не так уж много; умные люди готовятся к празднику задолго. И он покупал водку, пиво, какие-то консервы, а сам думал, почему он такой

несчастный, неужели одна ошибка обязательно должна повлечь за собой другую, одно преступление стать фундаментом для другого... Но ведь это же получается так, как в каком-то греческом мифе, где Геракл громоздил гору на гору: Пелион на Оссу...

Янис не так уж давно начал снова учиться, наверстывать пропущенное за войну, и сведения о греческих мифах, которые он получал из учебников, очень его занимали, но в эту минуту, вспомнив о Геракле и его подвигах, он застонал, да так громко, что продавщица, завертывавшая в бумагу его покупки, с испугом спросила:

— Вам плохо?

— Да! — машинально ответил он, а потом испугался. Ведь эти бандиты, вошедшие к нему в дом, могли и не довериться ему, послать за ним кого-нибудь. Кто знает, сколько их появилось? Может быть, эти трое только разведчики, а тут вот, на улице, в магазине, в подъезде соседнего дома дежурят их помощники или сообщники, вооруженные пистолетами или, может, автоматами...

Он огляделся и увидел обыкновенную праздничную толпу, услышал все те же обыденные, но празднично-обыденные слова: «Бери побольше простой водки, а черного бальзама достаточно одной бутылки, для вкуса и запаха. Я всегда подливаю не больше двух рюмок на бутылку, отлично!» «Да не надо сыру, кто ест сыр? Я сделала соленую редьку с маслом, помнишь, прошлый раз все ели только редьку».

Он слышал все и не понимал, как люди могут разговаривать о таких пустых вещах, когда с ним произошло самое страшное несчастье. И в то же время знал, что никому не скажет о навалившемся на него несчастье, потому что и само-то несчастье пришло к нему как кара за проявленную им однажды трусость, за страх перед смертью... И подумалось, лучше бы я тогда умер...

Но он был жив, и следовало торопиться, чтобы эти свирепые люди, ворвавшиеся в его дом, не подумали, будто он обманывает их... Ведь они могли и застрелить его. Застрелить и уйти. Что им Приеде? Просто — неудачный адрес. Наверно, так сказали бы они, если у них спросили бы отчет. Например, тот же самый Силайс, или, как он называет себя таким вот людям, вроде Приеде, и этих шпионов: «Габриэль». Они застрелят Яниса Приеде, а потом, вернувшись туда, откуда пришли, скажут этому Габриэлю: «Мы его пришили, хозяин!»

Почему-то он явственно услышал именно эту фразу, жаргонную, загадочную, хотя никогда не водился ни с ворами, ни тем более, с бандитами. Но услышал так явственно, что даже оглянулся: не идут ли за ним?

Никто за ним не шел. Но теперь он боялся не только бандитов, тех, что ждали его, — ему думалось, что его обязательно сопровождают или сторожат у входа в дом, и Приеде боялся всех людей! Он оглядывался на идущих сзади и думал: «Ну, конечно, это следят за мной! Следят чекисты! Они пропустили этих бандитов ко мне, а теперь ждут, что я стану делать, что станут делать бандиты! И очень может быть, что вот сейчас мне на плечо ляжет тяжелая рука и тихий голос произнесет: «Гражданин, пройдемте со мной...»

И опять что-то произошло в его сознании. Он вдруг подумал: «Но ведь как раз это было бы лучше всего! Старому моему преступлению уже, наверно, миновала давность. Ну, а новых преступлений я не совершал, я просто принял у себя людей, но и сделал-то это лишь потому, что побоялся: уйди они в ночь, в неизвестность, они могут натворить бог знает что, лучше уж пустить их к себе и посмотреть, так ли уж они опасны».

И тут ему показалось: ведь именно эта мысль и заставила его ответить паролем. Да, он испугался! Не за себя, а за других. Кто знает, куда они пойдут и что сделают? А сейчас они в его руках. И пока они в его доме, они не опасны...

Это была странная мысль. И она словно бы спасала его от страха. Он не позволит им совершать преступления! Он будет держать их при себе, этих посланцев дьявола, а когда увидит, что они готовы на мерзость, обезвредит их. Как? Но это уж другой вопрос...

Он вытер пот со лба. Пот был холодный, не тот, что бывает после жаркой работы или после долгого отдыха летом на взморье. И лоб был холодным. И самому Приеде было холодно, так что он нечаянно заклацал зубами. Но тут он вспомнил, как подозрительны к людям те, что пришли к нему, остановился, еще раз вытер лицо, уравновесил дыхание, и только тогда поднялся, не спеша, по лестнице и открыл дверь своим ключом.

Да, они были подозрительны ко всему на свете. Они стояли в коридоре перед дверью, сунув руки в карманы, и Приеде знал, что руки их сжимают рукояти пистолетов, рукояти мокры от пота,

предохранители на пистолетах спущены, эти люди готовы стрелять, не вынимая оружия из карманов, прямо сквозь пиджак, сквозь плащ, для этого им достаточно шевельнуть пальцем.

Он сделал вид, что ничего не заметил, прошел, как сквозь строй, под настороженными взглядами в столовую, расставил закуски и бутылки. Не глядя на них, спиной чувствовал, как они переглядывались, соглашаясь друг с другом: «Мир! Не стрелять!»

Дальнейшее было как сон, как смутные очертания дна сквозь толщу воды, когда погружаешься в море и пытаешься разглядеть рыб, раковины, крабов, — все опасно и неопределенно. Но утром вспомнил: обещал нечаянным гостям устроить их с жильем, обещал помогать, мало ли что еще обещал!

Утром Янис почувствовал себя несколько легче. Во-первых, его постояльцам было совестно, что вчера они напились, как свиньи, во-вторых, они несколько притерпелись к нему, приобвыкли, — спокойная ночь, казалось, обещала им такой же спокойный день и еще много-много других дней, они как бы укрылись от опасности за спиной Приеде — и были благодарны ему. И когда он, не очень скрывая, как ему все это неприятно, сказал, что пойдет к знакомому человечку насчет будущей квартиры, все трое согласно кивнули. Конечно, они еще не доверяли ему, но в их положении и недоверие следовало скрывать, а Приеде, сам не понимая как, нашел верный тон в отношениях с ними, чуть-чуть иронический, чуть-чуть удивленный, но в то же время и покровительственный. Да он и на самом деле чувствовал себя так: покровительственно. Что они могли без него? И длинный — Вилкс — первым отозвался на этот тон, уже говорил без повелительных интонаций, второй — Лаува — еще хотел бы покомандовать, но он и сам был под началом. Опасаться по-прежнему приходилось только колючего Эгле, этот, кажется, и родился с рукой в кармане, и в люльке держал не детские погремушки, а боевой пистолет. Впрочем, Приеде уже понял, — это у Эгле не от храбрости, а от страха...

И вот он шел по улице, свободный человек и в то же время связанный всеми возможными узами с теми, кого до сих пор презирал, именовал даже про себя убийцами, подлецами, особенно после того, как сам прикоснулся к ним и вдруг понял, какова пропасть, отделяющая этих людей от всех прочих, таких, как он, что-то

строящих, что-то делающих. Их назначением было разрушать то, что строили Приеде и другие. В то время, когда Янис попал к ним в лапы, он был еще молод, он страстно хотел жить, не очень-то представляя, для чего, собственно, живет человек. Но теперь, когда он понимал, что жизнь это и есть созидание, все эти разрушители оказались так далеки от него, что ничего, кроме ненависти, не могли возбудить в нем. И он шел и думал, что делать дальше?

Пообещав так неосмотрительно, что устроит своих неожиданных гостей с квартирой, он еще не представлял тогда всей ответственности. Но кому бы мог он порекомендовать этих людей с их пистолетами, с радиостанциями, ядами, шифрами, с их намерениями и надеждами? Самое удобное место для них — тюрьма... Конечно, может быть, что завтра же другие такие же темные люди, как эти опасные посетители, пристрелят Приеде — он помнил угрозы Силайса, — но, право же, гораздо легче пострадать самому, чем позволить этим людям совершать преступления. Нет, Янис Приеде не может громоздить ошибки одну на другую.

Он словно очнулся ото сна и огляделся с растерянным видом. И тут же понял, что бессознательное чувство ярости против нарушителей его спокойствия само толкало его именно туда, куда в конце концов он и решил прийти. Приеде стоял на углу улицы Ленина напротив обычного городского дома, похожего на все другие жилые и официальные дома, отличавшегося только скромной табличкой: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров Латвийской ССР».

Было какое-то мгновение, когда Янис приостановился, как будто у него захватило дыхание. Это была слабость. Но он уже знал, к чему может привести слабость. И, преодолев это состояние, когда все мускулы становятся словно ватными, ноги подкашиваются, в глазах плывут цветные пятна, он пересек улицу и, не оглядываясь, не думая больше, следят за ним или нет, вошел в приемную Комитета.

— Мне нужно дежурного! — с трудом произнес он, словно задохнулся от быстрого бега.

Сотрудник, сидевший в приемной, едва взглянув на Приеде, ничего не спросил, снял трубку телефона, сказал кому-то: «Вас просят!».

Вскоре из внутренней двери вышел молодой человек, внимательно оглядел Приеде и жестом руки пригласил войти. Там, в небольшом кабинете он усадил Приеде в кресло, подумал и, видя его взволнованное состояние, налил стакан воды, который и пододвинул к нему. Только после этого он спросил:

— Что у вас стряслось?

Видно, так хорошо выглядел Приеде в эту минуту, что дежурному понадобилась не обычная фраза, а именно это тревожное: «Что стряслось?»

— Вчера ко мне пришли трое неизвестных и обратились с условной фразой, которая свидетельствует о том, что они явились в Ригу тайно, с опасными целями, прямо из-за рубежа. Они ночевали у меня и сейчас находятся у меня, и из разговора с ними я выяснил, что они прибыли сюда со шпионскими заданиями, которые мне пока неизвестны.

— Вы сказали, фраза... Это что же, пароль?

— Да.

— Заранее обусловленный?

— Да.

— А почему они назвали пароль именно вам, а не кому-нибудь другому?

— Да не обо мне сейчас речь, а о них! — с отчаянием сказал Приеде. — Если я не вернусь домой в ближайшее время, они могут уйти, исчезнуть...

— Да, вы правы! — сказал дежурный.

Не отрывая настороженного взгляда от лица Приеде, дежурный набрал номер телефона и сказал кому-то:

— Товарищ полковник, срочное дело! Тут у меня сидит человек с вопросом по вашему ведомству... Есть, товарищ полковник!

Положив трубку, дежурный вынул из ящика стола лист бумаги, сказал:

— По существу вашего заявления с вами будет разговаривать полковник, который скоро приедет сюда. А до его приезда я попрошу вас письменно изложить все, что вам стало известно о людях, явившихся к вам:

— Их надо немедленно арестовать! — вскрикнул Приеде в полном отчаянии. — Они скроются!

— Скажите-ка лучше, под каким предлогом вы ушли?

— Искать для них квартиру...

— А как вы думаете, сколько понадобится времени, чтобы найти безопасную квартиру для трех человек?

— Н-не знаю... — растерянно протянул Янис.

— Ну вот, и они тоже не знают! — с ударением сказал дежурный. — Так что спокойно напишите все.

И Приеде принялся писать.

Он писал минут десять или пятнадцать, стараясь ничего не забыть, как вдруг стукнула дверь, и дежурный встал.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Заявитель излагает свое заявление.

Янис поднял глаза от листа бумаги и замер. Полковник внимательно посмотрел на него, потом сказал:

— Здравствуйте, Приеде.

— Здравствуйте, товарищ Балодис... — сказал Приеде, вставая.

Хотя дежурный и назвал Балодиса полковником, но ничего военного в его обличье не было. Штатский костюм, широкие, на манер морских, брюки, свежая сорочка с галстуком, шведское пальто, которое он снял перед тем, как садиться, и швырнул на спинку стула. Широкие плечи, огромные руки, фигура из одних костей и мускулов, — все это было от прежнего Балодиса, сильного, смелого, острого на шутку и резкого на слово человека, а вот эти морщинки, эти круги под глазами — это было уже новое.

— Я слушаю, — сказал Балодис, предлагая Янису сигарету.

Приеде не заметил, как по какому-то знаку в приемную вошла скромная женщина, уселась в сторонке, разложив перед собой ручку, чернильницу, тетрадь. Он увидел ее уже позже, когда разгоряченный, стал представлять, как втискивались неизвестные посетители в его квартиру. Заметив женщину, он растерянно умолк.

— Продолжайте, продолжайте! — подбодрил его Балодис. — Стенограмма заменит ваше письменное объяснение, на подготовку которого потребуется время, а оно для нас сейчас дорого. Почему вы назвали им отзыв, когда слышали пароль? — продолжал Балодис.

— Я вдруг подумал: а может, у них таких, как моя квартира, на примете несколько? Тогда они уйдут, и я уже ничего не смогу сделать...

— То есть, не сможете помочь им? — вдруг спросил присутствовавший при разговоре дежурный.

— Не стройте из меня дурака! — угрюмо сказал Приеде. — Я хотел сделать именно то, что и сделал, — прийти к вам.

Услышав, что «гости» были вынуждены отпустить Приеде на поиски квартиры, Балодис задумчиво сказал:

— Да, найти в Риге безопасную квартиру на троих нелегко! — и приказал дежурному: — Позвоните Слуцкису, спросите, — нет ли у него на примете свободной квартиры какого-нибудь нашего отставника или хозяина-одиночки, который согласился бы временно приютить троих приезжих!..

— Квартира? Для кого? Для них? — Приеде смотрел на Балодиса и на остальных, вытаращив глаза. — Да им не квартира нужна, а тюрьма! Тюрьма! Я же сказал: они опасные люди!

Дежурный меж тем позвонил, поговорил с неведомым Слуцкисом, и тот сказал, что сейчас съездит в район завода ВЭФ к знакомому пенсионеру. Хозяин живет один, работает на заводе, квартира тихая.

— Пусть будет в районе ВЭФ! — сказал Балодис и встал. — Что ж, Приеде, поедем посмотреть квартиру для ваших «подшефных».

— Я? — Приеде все еще не мог прийти в себя. — Нет. Они меня пристрелят!

— А если они пристрелят не вас, а вашу жену, или меня, или любого другого человека? Вам от этого будет легче? Если они однажды доверились вам, значит, будут доверять и впредь!

— Но их надо арестовать! — в отчаянии воскликнул Приеде.

— Если бы это было так просто! — Балодис покачал головой. — А что, если за ними идут такие же? Вдруг они придут к такому человеку, который захочет помочь им?

— В нашей-то стране? — вскипел Приеде.

— Однако вы, в нашей-то, как вы говорите, стране, до сих пор не пришли к нам, не сказали, что когда-то вас завербовала сначала немецкая разведка, а затем английская?

— Я не вербовался в шпионы! — закричал Приеде.

— Почему же эти «гости» пришли именно к вам? Я не вспоминаю прошлое. Для успокоения вашей совести, Приеде, могу сказать, что ваше малодушие и участие в радиоигре на стороне немецкой разведки

не принесло нам вреда, так как наши разведчики сумели повернуть ее против немцев, и результаты вам, наверно, известны...

— Да... Я помню, как советская авиация разгромила немецкие батальоны, готовившиеся встретить «морской десант», о котором шла речь в последней радиোগрамме разведотдела дивизии...

— Но все это прошлое, Приеде! Меня занимает другое: почему вас еще числят в активе?

— Это все Силайс! Он продал меня тогда англичанам.

— Ну вот... И вам придется еще долго оставаться в этом «активе» Силайса. И это будет именно та помощь, которой мы от вас ждем...

— Я понял... — все так же угрюмо подтвердил Приеде.

— Ну, что же, поедем! — спокойно заключил Балодис.

Балодис вернулся домой только к восьми вечера. Магда и сын сидели в столовой, с книжками. Сын — на диване, Магда, как всегда, — за своим письменным столом. Сын включил для себя маленькую лампу-ночник, вделанную над изголовьем дивана, Магда — настольную, под голубым абажуром. От этого комната казалась темной и очень пустой.

— Это у тебя, Август, называется праздник? — спросила Магда.

Сын выглядел обиженным. Еще неделю тому назад отец обещал, что седьмого они пойдут на новую оперу. А сам ушел утром, по какому-то телефонному звонку, и вот только сейчас вернулся. Арвиду было всего двенадцать лет. Он не очень верил, что дела взрослых такие уж неотложные. Скорее всего, размышлял он, тут какой-то подвох. Может быть, папе просто не захотелось идти на эту оперу. Мало ли он повидал разных спектаклей. И маму обидел. Но ведь праздник есть праздник, он праздник для всех. Почему же для них с мамой никогда почти не бывает праздников?

Балодис понимал его настроение. Болтая с сыном, споря с ним, узнавая о его увлечениях, он всегда старался вспомнить свое детство, чтобы быть на дружеской ноге с Арвидом. К сожалению, из этих попыток почти ничего не получалось. Какое детство было у Августа Балодиса? Детство батрачка, пастушонка... Конечно, когда он вдруг вспоминал об этом своем детстве и принимался что-нибудь рассказывать, сын замирал от любопытства. Но все-таки относился к рассказам отца почти так же, как и к повестям Григулиса или Лациса. Интересно! Очень интересно! Но представить, что именно так и жили тогда люди, почти невозможно. Это могло быть только в старину. А стариной для маленького Арвида было все, что происходило до его появления на свет. Новая история мира начиналась для Арвида с тысяча девятьсот какого-то пятидесятого. Старина была, конечно, интересна, порой страшновата, но она была так давно!..

Магда иногда даже сердилась, особенно, если Балодис действительно вспоминал страшное. Для нее страшное тоже кончилось с того дня, как кончилась война. Теперь она аспирант, вот-

вот станет кандидатом искусствоведческих наук. В ее мире было столько красоты: красоты искусства, красоты книг, красоты музыки, полотен, красок, — что, узнавая от Магды новости ее мира, Балодис и сам начинал думать, что слишком уж позадержался в старом мире...

Он неприметно вздохнул, вспомнив об этом «старом мире», и постарался сделать веселое лицо.

— А не лучше ли просто поужинать вместе? Мама откроет для нас бутылочку вина, и мы с тобой, Арвид, выпьем по случаю праздника как настоящие мужчины! Согласен?

— Согласен! Согласен! — вдруг оживился Арвид, вскочил с дивана, включил верхний свет. Балодис с некоторой грустью подумал: «Парень живет далеко от меня! А ему так нужен сейчас отец! Он рад даже тому, что может побыть со мной полчаса за столом...» И с жестокой ненавистью вспомнил опять о «старом мире», осколки которого сейчас, вероятно, тоже сидят за столом и выпивают по поводу первой своей победы. Как же! Они отлично устроились. Квартира вне подозрений. Приеде сделал все как можно лучше! Как будто ждал их сто лет и держал под подушкой ключ от их обеспеченного и спокойного будущего.

Вспомнил и спохватился. Надо было немедленно позвонить в Москву.

— Накрывай на стол, Арвид, помогай маме, я только позвоню...

Магда проводила его слишком внимательным взглядом. За эти годы она вполне усвоила опасность телефона. Этот проклятый телефон мог зазвонить в любое время дня и ночи. И почти каждый звонок немедленно отрывал мужа от нее и сына. Аппарат прямой телефонной связи с Москвой стоял в кабинете Августа, и Магда никогда не знала, надолго ли телефон оторвет Августа от семьи. Не знала даже, опасно ли его исчезновение для него самого. Он уходил, улыбаясь, говоря: «Я скоро вернусь!» — но это скоро могло продолжаться и час, и день, и неделю, и месяц. Хорошо еще, что в последнее время его отлучки не превращались в целые годы отсутствия.

Магда прислушалась. Муж говорил спокойно. Но он всегда спокоен, даже тогда, когда уходит «на операцию». Боже мой, и слова-то такие, докторские... «Операция!» Как будто речь идет об удалении больного органа у человека. Хотя Август ведь как-то сказал ей: это и

есть одна сложная и долгая операция по излечению общества. Но он никогда не говорил ей, как опасны бывают некоторые такие «операции». Только из третьих уст, от знакомых жен помощников Августа она порой узнавала, что где-то в кого-то стреляли, что где-то кого-то ранили, а потом и сама навещала этого раненого в госпитале, приносила цветы, пирожные, фрукты и думала об одном: «А если Августа...»

А Балодис сидел в своем кабинете за плотно прикрытой дверью и докладывал о событиях.

— Они пришли от Силайса, товарищ генерал, — говорил он. — Силайс дал явку на некоего Приеде. Может быть, вы помните, товарищ генерал, был у нас такой радист в разведотделе армии, в тысяча девятьсот сорок четвертом. Он попал вместе со мной в плен... Ага, вспомнили? Хорошо, продолжаю. Их трое, вещи закопаны в лесу возле Вентспилса. Я думаю, что это и есть первые ласточки того самого плана англичан, о котором вы нас информировали: «План широкого проникновения...» Поэтому мы их устроили на квартиру к отцу одного нашего сотрудника. Нет, Приеде явился сам. Да, понимаю. Жду вас. Ну почему же завтра? Можно и после праздников, теперь-то они никуда не уйдут... Хорошо. Есть, товарищ генерал...

Он опустил трубку, потянулся всем телом, как после трудной и тяжелой работы, расстегнул пиджак, подумал, снял его, остался в сорочке, потом снял и галстук. Он очень устал, и Магда простит его. А сыну надо будет рассказать об одном из прошлых праздников, — они ведь были разные! Иные Август встречал в лесу, другие на войне, третьи — на подпольной сходке, а многие — в тюрьме буржуазной Латвии. Да и Магде будет невредно послушать о некоторых из таких праздников, например о том, когда вместе с Августом сидел тот художник, постой, постой, как его имя? — он еще все рисовал заключенных, их прогулки по кругу, их каторжную работу... Уже после установления Советской власти в Латвии, при создании Музея революции, начали собирать эти рисунки каторжника и выяснилось, что он был едва ли не лучшим из молодых художников... Ах да, Буш! Арестант Буш! Так вот пусть Магда послушает об одном из таких праздников, вспомнит эти рисунки. Надо бы спросить, а издан ли альбом этого художника?

Его вывело из задумчивости тихое постукивание в дверь. Это Арвид пришел звать к столу. Ладно, отбросим все злое и недоброе в мире, предадимся ненадолго отдыху, он всегда бывает слишком короток.

Генерал-лейтенант Голубев прилетел в Ригу утром восьмого ноября.

День был, как говаривали в старину, неприсутственный, но те, кого касалась операция «Янтарное море», были всегда готовы к действию. В самом деле, разве заставишь противника соблюдать твои праздники? Это в рыцарские времена воины прекращали сражение в субботу, чтобы дать своим врагам помолиться, и начинали его снова в понедельник. Нынешние «рыцари плаща и кинжала» стали циничнее. Они для своих атак нарочно выбирают праздничные дни, надеясь, что веселые люди менее бдительны...

Балодис встретил Павла Михайловича на аэродроме.

С тех времен, как началась их дружба, прошло много лет, но Балодис так и не мог бы сказать, что угадывает настроение Павла Михайловича по первому взгляду на него. Вот и сейчас Павел Михайлович держался ровно, спокойно, будто и не было никакой особой причины, которая оторвала его от праздничного отдыха. Только, здороваясь с Балодисом, встряхивая тяжелую руку полковника, словно бы между прочим спросил:

— Ну, как они?

И Балодис, поняв, что все главное надо приберечь для серьезного разговора в другом месте и в другое время, так же коротко ответил:

— Отдыхают!

Идя к машине, Павел Михайлович расспрашивал, как движется диссертация Магды, как учится Арвид, пообещал, что пришлет своего парня, сверстника Арвида, в гости к Балодису на новогодние каникулы, — пусть побегает вместе на лыжах, и за всеми этими дружескими разговорами не было никакой тени, как случается, когда двое самых близких друзей вдруг среди разговора вспомнят об одной и той же опасности. Павел Михайлович как будто нарочно выключил все размышления о тех троих пришельцах из чужого мира, предаваясь, пока можно, чувству дружеской приязни и отдыху.

О том, что перед самыми праздниками недалеко от Вентспилса совершен прорыв границы, Павел Михайлович узнал примерно через

час после того, как прорвавшиеся достигли берега.

Еще тогда произошел крупный разговор с командованием пограничных войск. Прорывавшиеся не сумели уничтожить следы на берегу, да и торопились они очень. При первом же обходе границы служебная собака обнаружила закопанную в песке резиновую лодку. Осмотр лодки показал, что добраться на ней до берега можно было только с какого-нибудь судна, подошедшего к берегу чуть не вплотную. Следовательно, в территориальные воды прорывался вражеский корабль. Пусть это всего-навсего катер или субмарина, однако они не были обнаружены. А такая безнаказанность несомненно повлечет новые действия...

И вот трое из прорвавшихся оказались в Риге...

Павел Михайлович прикидывал, что лучше — схватить ли немедленно этих трех человек, вывезти их в окрестности Вентспилса, чтобы они откопали свой «клад», предложить им выйти в эфир и сообщить англичанам, что у них все благополучно, и ждать, что скажут их хозяева, или же...

Вот это самое «или же», мелькнувшее в первое мгновение, когда он выслушал вчера рапорт Балодиса, и заставило его рано утром сесть в самолет.

Машина ворвалась в путаницу улиц. Праздник продолжался, и это было видно по толпам народа, по очередям у кино, по оживленной толчее возле магазинов. Балодис сказал что-то по-латышски шоферу, и машина, проскочив несколько улиц, вышла в район заводов.

— Не хотите ли посмотреть, где они устроились? — лукаво спросил Балодис.

— Что? Как посмотреть? — спросил генерал.

— Ну, конечно, не с визитом зайти, а взглянуть на их замок. Вот он, третий дом направо, забор, ворота, за ними флигель...

Генерал и в самом деле прильнул к окну. Дом как дом, таких тут, на окраинах, сотни. Добротный, на большую семью. Во дворе еще отдельный флигелек, комнаты на три-четыре, из трубы вьется дым.

В это время из ворот вышел человек и пошел навстречу тихо идущей машине. Павел Михайлович невольно откинулся назад, словно боялся, что его тут кто-то узнает.

— Это не из них?

— Приеде. Видимо, идет за продуктами. Я рекомендовал ему некоторое время держать «гостей» в напряжении. Вот он и старается. Так ему будет легче, не станут лезть с расспросами!

Открыл совещание председатель республиканского Комитета государственной безопасности генерал Егерс.

Уже много лет в республике не случилось ничего опасного. Люди, собравшиеся сегодня здесь, в просторном кабинете Егерса, держались напряженно, настороженно, хотя каждый из них прошел большую школу жизни, трудной работы, военных опасностей.

Приехал представитель командования пограничных войск. Он уже и так испытывал чувство изрядной вины и побаивался, что генерал-лейтенант Голубев привез для него полный мешок неприятностей. Приморская пограничная линия очень длинна, и если потенциальный противник решил пробить в ней брешь, придется потратить много сил и средств, чтобы предугадать и предотвратить новые попытки прорыва.

Генерал Егерс предоставил слово Балодису, который кратко изложил накопленные факты:

— Как организована негласная охрана? — спросил генерал.

— Оперативная группа наблюдает за домом и проживающими в нем круглосуточно...

Павел Михайлович думал о том, что произойдет, если принять план операции, которая постепенно складывалась из тысячи деталей и уже была окрещена названием «Янтарное море». Если принять во внимание те короткие реплики, которыми пока что обменялись шпионы со своим покровителем Приеде, можно думать, они действительно лишь первые ласточки. Одна ласточка, как говорится, весны не делает! Но прилетела-то не одна, их — три, и надеются они на появление большой стаи! А такие перелетные птицы весьма опасны!

Даже не зная их подлинных целей, можно ждать всего: взрывов, убийств, кражи государственных секретов. Конечно, и три ласточки не сделают весны, особенно если их сразу запереть в клетку. Но как тогда поймать ту стаю, которая готовится где-то к перелету? Ведь те-то ласточки полетят не наобум, им поставь радиомаяки на побережье, зажги костры в лесу. И кто-то будет пытаться это сделать, — если не

эти трое, то какие-то другие, недаром же англичане так уверенно говорят о своем плане широкого проникновения...

Ну, а если оставить этих троих на свободе? Давай-ка прикинем, товарищ генерал, во что обойдется нам с тобой и нашим с тобой помощникам эта их «свобода»...

Дело не в напряженности работы. Пусть они и расползутся из своей щели, как клопы, в разные стороны, — весь их маршрут установить нетрудно. Может быть, они еще и помогут своими передвижениями, наведут на следы где-то спрятавшихся одного-двух иностранных агентов. Но появление их среди честных людей, их подлая работа над душами могут поколебать чье-то неустойчивое равновесие... А сколько вреда это принесет тем, кто всерьез воспримет их лживые сказки? Человеческая душа — вот главное богатство в нашей стране, а души-то как раз эти людишки и научены калечить...

Павел Михайлович глубоко задумался. Он вспоминал разные случаи, когда перед ним вот так же вставала дилемма: обезвредить ли преступника сразу или дать ему походить на коротком поводке, вспоминал случаи из недавней истории, когда то немцы подлавливали англичан в тайной войне, то англичане ловили немцев на такие же хитрые трюки. Англичане ухитрились однажды заслать к немцам просто мертвое тело, продержав его предварительно в леднике целый месяц, пока для мертвеца шили мундиры и подделывали документы...

Да, Павел Михайлович знал много подобных историй, но сейчас перед ним стояли другие задачи, другие люди, — свои, советские, которых он обязан охранять.

Он поймал удивленный взгляд Егерса и спохватился: слишком задумался!

— Первичные мероприятия в отношении шпионов я одобряю, — сказал он. — Но не следует забывать, что английскую разведку создавали хитрые и умные люди. Это вам не немцы, их не упрекнешь в прямолинейности мышления. Англичане наверняка предусмотрели и такой вариант, что эти люди могут провалиться или попасть в наше поле зрения... Вот почему я спросил, как организована негласная охрана. Если шпионы обнаружат слежку, они могут принести нам, как известно, много вреда...

— Каким образом? — спросил один из присутствующих на совещании у Павла Михайловича. — Мы их арестуем — и все!

— Ну, арестовать шпионов, попавших в поле зрения, совсем не трудно. Но ведь английская разведка могла дать и такое задание: шпионы, поняв, что они провалились, должны продолжать работу как ни в чем не бывало, а меж тем дать знать условным сигналом, что положение опасное.

— Товарищ генерал, но ведь от этого мы тоже ничего не теряем! — сказал начальник следственного отдела. — Мы почувствуем, что игра не дает результатов, что англичане активности не проявляют, и просто прекратим ее, арестовав шпионов...

— Вот тут вы неправы! Мы можем многое потерять! Представьте на минуту, что англичанам стало известно: их шпионы находятся под нашим наблюдением. Тогда в своих телеграммах, которые, — как они будут предполагать, — мы прочитываем, они станут давать ложную информацию, например дадут явку к честному советскому человеку и, наоборот, обелят своего подшефного. И таких телеграмм мы будем получать по несколько штук в месяц. Против кого тогда повернется игра? Органы безопасности будут тратить время, расследуя эти фальшивки. А самое страшное — это то, что англичане могут бросить тень на честных советских людей. И если мы берем на себя ответственность за такое обоюдоострое мероприятие, так нам необходимо быть особенно бдительными, анализировать малейшие детали поведения шпионов, знать все их мысли... И не дать им заметить нас...

Егерс, усмехнувшись, сказал:

— Почему эти проклятые англичане не могли выбрать другой участок для заброски своих шпионов?

— Не надо думать, что разведки атакуют только побережье Латвии! Из наших ориентировок известно, что разведки стран — участниц НАТО — заметно активизировали заброску своей агентуры в Советский Союз по всем каналам, легальным и нелегальным. В последнее время мы обнаруживали и ловили шпионов и в Белоруссии, и на Украине, и в Краснодарском крае, и на Дальнем Востоке. И дело не обходилось без жертв. На территории Эстонии погиб начальник пограничной заставы старший лейтенант Козлов. Там же, при захвате американских агентов-парашютистов Кука и Тоомла, был тяжело ранен работник Комитета госбезопасности республики...

Из всех участников совещания Голубев несомненно имел самый большой опыт по отражению тайных шпионских атак на Советский Союз. Он начал эту борьбу еще в годы Отечественной войны, воевал сначала против немецкого шпионажа, потом, по мере передислокации шпионских армий к англо-американским кормушкам, против разведок этих стран.

— У меня есть несколько предложений, товарищи, — медленно заговорил Голубев. — Первое, как это ни парадоксально, — помочь оказавшимся в Риге английским шпионам. Они очень хотят создать здесь, в Латвии, безопасный плацдарм для заброски новых шпионских групп. Вероятно, они хотят открыть здесь ворота не только в самую Латвию, но и дальше — на восток, на юг, на север. Это общая мечта всех разведок мира. Так не проще ли нам создать здесь, в Латвии, где уже «приземлились» английские шпионы, все необходимые условия для тех, кто пойдет по их следам? Устроить им «переправы» через границу, организовать опорные пункты для приема этих будущих «посетителей»?.. Не менее важно и другое обстоятельство. Этот контроль позволит нам дезинформировать противника по вопросам, которые его больше всего интересуют в нашей стране, даст нам возможность вовремя узнавать кое-что из их планов подрывной работы против Советского Союза, позволит определить техническую оснащенность их агентуры. С другой стороны, если рассудить, эти трое шпионов сами идут к нам в руки. Почему же не воспользоваться этим обстоятельством? Полковник Балодис уже сообщил, что шпионы почти что с первой минуты знакомства с Приеде просят связать их с «лесными братьями», которые, по мнению англичан, до сих пор бродят по лесам Латвии. Мы можем пойти навстречу этому желанию англичан и, в частности, начальнику прибалтийского отдела английской разведки господину Маккибину.

Присутствующие заулыбались, кто-то вспомнил похожие случаи из времен Отечественной войны и ликвидации бандитизма в Латвии, когда деятельность шпионов иностранных разведок была тоже довольно оживленной: «лесными братьями» интересовались и американцы, и англичане, и шведы...

Павел Михайлович продолжал:

— Между прочим, товарищи, этим мы в какой-то степени воскрешаем славные традиции чекистов времен Феликса

Дзержинского. Как вы помните, — если не по опыту работы, так из истории, — в те годы иностранные разведки тоже проявляли повышенный интерес к нашей стране. Тогда чекисты Феликса Дзержинского организовали ряд переправочных пунктов на границах панской Польши и буржуазных республик Прибалтики, и большинство иностранных агентов шло в нашу страну по каналам, которые контролировались органами Чека. Даже такой опытный конспиратор, как Савинков, до самого ареста не подозревал, что находится все время под контролем. А ведь он устраивал даже парады своих агентов! Помните историю о том, как он принимал на Тверском бульваре в Москве торжественный марш своей «подпольной организации»!..

Что ж, если англичане этого хотят, мы создадим для них «лесную группу». Когда все будет подготовлено, Приеде может сказать шпионам, что разыскал старого знакомого, который имеет связь с лесом. В роли этого знакомого должен выступить кто-то из наших людей, он же примет на себя ответственность за всю дальнейшую связь со шпионами, организует им передачи в эфир, станет снабжать их «информацией», разбавив данные некоторыми дезинформационными сведениями. Вот, примерно, тот план, который мы должны обсудить со всей тщательностью... Причем надо все время помнить, что Маккибин послал сюда довольно опытных людей. Особенно это касается руководителя группы Вилкса, в котором мы предполагаем одного из офицеров-летчиков буржуазной Латвии.

Павел Михайлович умолк, сел и положил тяжелые руки на стол. Пальцы непроизвольно постукивали по столу, словно выбивали барабанную дробь, что-то вроде сигнала: «Слушай!» — каким в старину караульные предупреждали друг друга о бдительности. Он старался ничем не воздействовать на своих слушателей, даже взглядом, и смотрел прямо перед собой, словно видел в полированной доске массивного чернильного прибора, сделанного из местного камня, изображение будущего.

Он только теперь рассмотрел, наконец, блистательный чернильный прибор, на который так долго поглядывал. Прибор изображал Лачплесиса, сталкивающего ладью в море. В ладье было три отделения — трюмы, что ли, и в них налиты разные чернила: зеленые, красные и синие. Лачплесис опирался одной ногой в гранитный берег, другая была по колено в море, состоявшем из трех

волн с барашками. Камня много, художества — чуть, а стоит такой прибор, наверно, бешеных денег...

Павел Михайлович оглядел всех. И, словно бы в ответ на его взгляд, все задвигались, заговорили.

— Лучше продержат шпионов всю зиму в Риге, — твердо сказал Егерс. — Дать им возможность выйти в эфир, но не сразу, несколько поманежить их, чтобы им не казалось, что тут только и ждали их пришествия. Выяснить через Приеде, каковы, собственно, дальнейшие намерения англичан. А исподволь готовиться и к переходу в лес, но идти туда весной, когда и в лесу можно наладить сносное существование. Не стоит очень уж торопиться с «услугами» английской разведке. Наоборот, я думаю, что, чем труднее будет шпионам зацепиться за «лесных братьев», тем дороже будет казаться их услуга англичанам...

Павел Михайлович остановил взгляд на Балодисе. Балодис был самым большим докой в лесной жизни. Когда-то он руководил действиями партизан, организовывал разведывательную сеть в тылу противника. А после войны ему пришлось выбивать из леса бандитские группы.

Август Янович посмотрел на генерала. В глазах промелькнула тень улыбки.

— Я думаю, нам нет нужды спешить навстречу желанию англичан. Да и шпионы станут покладистее, если потрясутся немного от страха. А Приеде их уже, по моему совету, напугал так, что они боятся выйти из дома. Операцию по переходу в лес готовить надо, но переходить только весной...

Предложение было принято.

На следующий день Павел Михайлович улетел в Москву.

Руководство всей операцией «Янтарное море» было возложено на полковника Балодиса.

А Павел Михайлович, занимаясь своими очередными делами, часто вспоминал тот, второй праздничный день ноября, когда он сидел в кабинете председателя Комитета госбезопасности Латвии. И вспомнив, брал трубку, звонил, спрашивал полковника Балодиса.

Балодис отвечал кратко: «Живут тихо». Или: «Вышли в первый раз в эфир. Текст радиogramмы пересылаю»; «Начинают испытывать нужду в деньгах»; «Вилкс выходил искать родственников», «Лаува

выезжал искать жену. Беседовал ночью, ушел удрученный»; «Вышли в эфир вторично...»

В конце апреля Балодис недовольно сказал:

— Лаува явился с повинной. Что делать?

Павел Михайлович усмехнулся в трубку, ответил:

— Подождите меня. Я должен быть скоро в Таллине. По дороге туда остановлюсь дня на два в Риге.

Да, многогрешный Лаува сидел перед следователем и исповедовался без запинок, без стеснения, без лишних слов и жалоб. Он чувствовал себя почти как католик перед святым отцом, пришедший на исповедь настолько своевременно, чтобы надеяться на полное отпущение грехов.

Павел Михайлович, войдя в кабинет следователя, сразу узнал Лауву. Описание, данное когда-то Янисом Приеде, запомнилось. Действительно, лавочник или мелкий служащий в отставке! Плохи, должно быть, дела у господина Силайса, если он пополняет свои школы таким материалом!

В комнате было прохладно, хотя за окном шумел яростный солнечный апрель. Лопотали деревья всеми своими зелеными язычками, хлопали в ладошки под порывом ветра; стучали девичьи каблучки, слышался веселый шум, какой бывает только в яркие весенние дни. Лаува сидел лицом к окну и рассказывал, время от времени страдальчески поглядывая туда, в зелень и весну, из которой ушел по собственному почину в эту комнату. Впрочем, пока все было хорошо. Встретили его вежливо, правда, большого интереса не проявили, но и в каталажку не сунули, сразу вызвали на разговор.

Следователь слушал внимательно. Не прерывал Лауву, когда тот пускался в философские откровения, не торопил его... И Лаува возблагодарил небо за то, что нашел, наконец, хорошего слушателя. В своей компании такие мысли, как сейчас, он высказывать не мог, приходилось молчать, лгать, таиться...

Больше всего Лауву поразило, что ни один человек по эту сторону границы не желал войны. А ведь Силайс утверждал, что стоит им, его посланным, оказаться в Советской Латвии, как их встретят с распростертыми объятиями и чуть не с развернутыми штандартами над головой. Откуда у Силайса такая уверенность, Лаува, ей-богу, не понимает. Наверно, от глупости...

...Когда он явился к собственной жене, которая всегда любила его и ждала столько лет, она встретила мужа с радостью, но стоило Лауве заикнуться о том, что на Западе есть могущественные силы, которые

готовят войну, и что Лаува надеется на быструю их победу, — и жена взглянула на Лауву как на сумасшедшего...

А когда жена поняла, что он явился прямым о т т у д а, она просто потребовала, чтобы он немедленно шел в милицию.

Тогда он бежал из дома...

Но вот странное дело, после визита к жене Лаува вдруг потерял всякий интерес к тому, что ему надлежало делать. Он почувствовал себя лишним в том мире, в котором так долго жил. И не то чтобы на него повлияло долгое бездействие, жизнь тунеядца, да еще прикованного волей судьбы к четырем стенам. В разведывательной школе их учили и тому, как переносить подобное бездействие... Дело было в другом... Он хотел быть человеком с собственным именем и родиной, пусть ему и придется заплатить за это второе рождение какую угодно цену...

Эти признания не вызвали у Павла Михайловича большого интереса. Все шпионы говорили примерно одно и то же. Во-первых, стандартное обучение. Во-вторых, стандартное мышление. В-третьих, одинаковые причины появления перед следователем: или поимка или повинная явка. Павла Михайловича больше занимало, как прошла для этих людей длинная, тяжелая зима...

Лаува заговорил и об этом.

Сначала все было просто. Был дом, была еда, даже водка. Отдыхали, играли в карты, строили планы на будущее. Потом Вилкс попросил принести книг. То ли Приеде не понял, о каких книгах шла речь, то ли в Риге больше не издают таких книг, какие хотел бы читать Вилкс, только Приеде принес сочинения каких-то новых писателей, которые вместо приключений сыщиков и шпионов описывают истории самых простых людей, работающих как будто совсем неподалеку, то ли на заводе ВЭФ, то ли на велосипедном или где-нибудь в пригородном колхозе. Когда Вилкс высказал свое неудовольствие по поводу этих книг, Приеде сказал, что их в школе, наверно, учили правилу: врага надо знать! Ну вот и изучайте!

Из этой маленькой истории вышла настоящая чепуха. Пошли споры о прошлом, о настоящем, о будущем, пока Вилкс не приказал выкинуть книги. Но от этого легче не стало.

Однако жили-то они на родине, и родина постоянно напоминала, что жизнь тут стала иной. Они были тут чужими, должны были думать

о своей безопасности, прятаться, таиться...

Равенство со всеми свободными людьми можно было получить, став таким же, как они.

И вот два дня назад он покинул конспиративную квартиру и снова приехал к жене. Приехал проститься с нею и попросить, чтобы она еще подождала его. Теперь-то он уж наверняка вернется со спокойной душой. Он не знает, сколько лет ему придется пробыть вдалеке от семьи, но знает, что, вернувшись, сможет честно смотреть в глаза людям.

Жена собрала ему корзинку с бельем и продуктами и сама проводила в милицию. Лауву, правда, покорило то, что в милиции уже знали о его первом посещении дома, но, поразмыслив, он понял, что жена права. Зачем ей муж преступник? Она-то прожила свою жизнь честно! Ей даже доверили воспитание детей. А учительница не может лгать ни себе, ни людям...

Павел Михайлович оставил Лауву за сочинением мемуаров. Мемуары обещали быть длинными, раньше одного-двух дней Лаува не управится. Ну, а потом... Потом он станет по-прежнему Курлисом, Теодором Курлисом, каковым и был до бегства из Латвии. Очень возможно, что еще этим летом он вернется домой к жене, нужно только уточнить, какую все-таки роль играл этот Курлис в полицейском управлении Мадоны, кем он там служил.

Дело теперь не в Лауве. Дело в тех двоих, которые не спят вторую ночь после ухода Лаувы, читают и перечитывают его записку:

«Решил выйти из подполья. Уехал к жене. Она обещала достать для меня паспорт. О вас ничего не скажу, клянусь богом, не беспокойтесь, но не вздумайте разыскивать меня. Это вас погубит. Не осудите за мой поступок, но дальше жить так не могу».

И все. И никакой подписи. Лаувы уже не стало, но Курлиса еще не было. Рождение всегда проходит тяжело.

Перепуганные шпионы прибежали прямо домой к Приеде и сейчас отсиживаются у него, прислушиваясь к шуму каждой проходящей машины. Хорошо еще, что не ринулись просто в бега, ищи

их тогда по всей Латвии. Но Приеде всегда был для них хорошим советчиком, показал себя храбрым парнем, вот они и надеются. А что делать с Майгой Приеде? Того и гляди, сюда еще заявится Майга, чтобы спасти своего беспутного мужа, который связался с какими-то подозрительными типами. М-да...

И сам Приеде насаждает на полковника Балодиса. Он боится, что из-за всей этой истории разрушится его семья. Наконец, у него есть дела на заводе. Не может он бесконечно ходить по бюллетеню и выпрашивать отпуск то на два дня, то на три. Товарищи поглядывают косо. В заводском коллективе человек должен быть кристально чистым, а то живо заработаешь презрение. А Приеде не может потерять доверие товарищей!

На Приеде насаждает Вилкс. «Ты обещал нам связи? Обещал связать нас с лесом? Давай-давай!» Вот как заговорил Вилкс, когда почувствовал, что у него под ногами горит земля.

Павел Михайлович сидел у Балодиса и разглядывал его твердое, но все в бороздках, словно размытое солеными волнами лицо моряка.

— Август Янович, под каким именем вас знала немецкая разведка и допрашивавший вас у немцев. Силайс? — вдруг спросил генерал.

Балодис отлично понимал, что генерал помнит все детали, связанные с его заброской во время войны в немецкий тыл. Но он был отлично дисциплинирован и ответил спокойно:

— Балодис.

— А под каким именем вас знали в бывшем националистском подполье?

— Будрис.

— Так вот, кунгс^[9] Будрис, не пора ли вам, как это ни странно, снова пойти в лес? — спросил генерал.

Балодис неприметно вздохнул. В те далекие времена, когда он был в тылу у немцев, возле него не было Магды, не было маленького Арвида. Одному в таких случаях легче. А теперь придется уклончиво отводить глаза от взгляда Магды, подолгу не встречаться с Арвидом, числиться не то в командировке, не то в нетях, а что они, самые близкие ему люди, скажут на это? А что, если как раз в то время, когда он будет в новой роли, следовательно, невидимым для близких, Арвид или Магда встретят его просто на улице Риги?

— Я слушаю, Павел Михайлович, — сказал он.

— Надо собрать ваших бывших партизан и устроить бункерок в лесу, — веселым голосом сказал генерал. — Помните, как вы тогда пели? — и хрипловатым баритоном курильщика пропел:

Тур маза межа бункурити,
Ко тумсас еглес гадиги седз...

Балодис улыбнулся произношению, но промолчал. Он и сам понимал: другого выхода нет. Не отправишь же этих приобвыкших к тихой жизни людей так просто в лес?! Даже к шпионам надо быть милосердным. Сколько их там, в школах, ни учили, в лесу могут сносно устроиться только очень умелые люди. Таких у Балодиса на памяти было много. С одними он жил в партизанских отрядах, других сам вывел из бункеров ЛЦС и приобщил к доброй мирной жизни. И снова поморщился: как ни кинь, все на кол... Так, что ли, говорит русская пословица... Теперь придется отрывать людей от мирной жизни, от жен и детей, от работы, превращать неизвестно на какое время в «лесных бандитов».

— Придется, Август Янович, перелицевать одежду, — мягко, но настойчиво сказал генерал. По-видимому, он почувствовал, что творится в сердце Балодиса. — И людей собирайте немедленно. Если мы задержимся с переводом Вилкса в лес, он может заподозрить черт знает что. Записке Лаувы они все равно не поверили, понимают, дьяволы, что он вытряхнет весь мешок, как только зайвится к нам.

— Есть, товарищ генерал! — спокойно ответил Балодис.

— Даю вам три дня сроку. Маевку ваши люди должны справлять в лесу. Шпионов переведем ко Дню Победы. Надеюсь, что погода установилась надолго. Пусть найдут какой-нибудь старый бункер, изучат место, разработают себе легенды. К тому времени как придут шпионы, лагерь должен иметь вполне обжитой вид. Впрочем, вас не надо учить.

Балодис молчал. Он перебирал в памяти имена своих бывших помощников...

Со многими товарищами он не встречался уже много лет. А не переменялись ли они? Не ослабли ли их дух и сердце?

Павел Михайлович напомнил:

— А где этот ваш художник? Вэтра, кажется?

— Здесь, в Риге. На днях я видел его в горсовете с эскизами праздничного украшения. Он возглавляет бригаду оформителей. Боюсь, что ему теперь не до нас.

— Ну, вы скажете тоже! — недовольно заметил генерал.

— По-моему, он разводится с женой...

— Вот это уже хуже! — Павел Михайлович потер виски. — Причина?

— Жена приревновала к натурщице. Подробности он не сообщил.

— Странная причина! — досадливо сказал генерал. — Поговорите с ним, а потом пригласите мадам Вэтру. И предупредите, что операция рассчитана на все лето. Пусть подумает. Ему же все равно надо где-нибудь писать пейзажи.

— Да, там попишешь пейзажи! — усмехнулся Балодис. — В каждом названии будет слово «болото». «Глухое болото». «Болото утром». «Болотный хутор».

— Будет писать лес, — отшутился генерал. — Шишкин всю жизнь писал лес, а стал знаменитым. Но если бы Вэтра согласился, я считал бы его самым лучшим из возможных кандидатов на пост командира группы. Кто у вас еще есть?

— Помните корабельного повара, который, кормил нас под Мадоной?

— А, Кох! Но ведь он старик!

— Лучше, если в группе будут люди разного возраста. Из наших работников я послал бы Линиса. Он молод, отличный радист. Если подготовить для него хорошую легенду, он может оказаться лучшим помощником Вилкса. Эгле, как мы знаем, не силен в радиоделе, так что Вилксу такой помощник придется по душе. Еще я взял бы шофера, которого вы рекомендовали на работу после выхода из леса.

— Граф? Помню, помню! В лесу он как дома! Никогда не носил компаса, а ходил как по ниточке. Ну, еще можно позвать Мазайса. Он томится в городе, звонил как-то, просился снова на оперативную работу...

— Ну вот видите, вы уже насчитали пять человек! По существу группа уже есть. Что ж, действуйте! И группа будет вполне интеллигентной, не может же знаменитый Будрис водиться с простыми бандитами! Предводитель — художник, Граф — осколок прошлого,

Мазайс — потомственный батрак, человек почтительный, услужливый. Англичане пальчики оближут!

Викторс Вэтра был упрям.

Он стоял перед полотном и продолжал работу, хотя сердце готово было остановиться от непосильной боли. Хорошо, что никто не наблюдал за ним. Посторонний человек, наверно, не выдержал бы и сказал:

— Ну что ты портишь картину?

Вэтра и сам ловил себя на том, что мазки ложатся неравномерно, синяя краска наползает на красную, создавая какие-то зеленые пятна, тогда как по замыслу картина должна быть в голубых тонах, ведь она и называется «Девушка и море...»

И все это из-за Анны.

Кто бы мог подумать, что жена художника, сама художница, вдруг вздумает ревновать мужа к натурщице! Хотя теперь-то Викторсу понятно, как это произошло.

В последние годы у Анны ничего не получалось, так, поделки, сладенькие рисунки для детского издательства, а ведь и она мечтала быть станковистом, мастером больших полотен. Но что делать, жизнь оказалась сложнее и труднее, чем думалось в дни молодости. Мало денег, много дерзаний, много денег — подальше от дерзаний. Сладенькие рисунки Анны давали больше, чем большие полотна Викторса.

Но вот и Викторс схватил удачу за яркий хвост. Это произошло в тот счастливый день, когда он увидел на берегу моря девушку, заглядевшуюся на далекий парус шхуны. Шхуна Викторсу была не нужна, его интересовало только лицо девушки, ее устремленная куда-то в голубую даль фигурка, которая, казалось, вот-вот оторвется от земли и полетит над морем в далекое зыбкое морево ранней весны, в голубизну, пронизанную и солнцем и отраженными от воды лучами.

Викторс не выдержал, свернул свой этюдник, неуклюже подошел к девушке, отрекомендовался. В этот мартовский день, когда на побережье еще никого не было, он оказался смелым и даже умелым ухаживателем. Правда, может быть, этюдник, повешенный через плечо, сыграл свою роль, девушка не убежала, даже руку протянула,

когда он назвал себя. И отвечала на его наивные расспросы, больше похожие на анкету отдела кадров, нежели на беззастенчивое ухаживание, которого, может быть, она боялась. Во всяком случае, через несколько минут Викторс знал о ней достаточно много, чтобы высказать внезапную свою надежду: не позволит ли она написать ее на фоне моря, вот так, как она только что стояла? О, только маленький этюд! Не больше!

Мирдза — ее звали Мирдза Краулиньш, — сдержанно возразила, что никогда никому не позировала, разве только перед фотографическим аппаратом, где-нибудь на пикнике, но Викторс неожиданно обнаружил, что может быть первоклассным оратором. Кончилось тем, что она приняла навязанную им позу, но, боже мой! — как это оказалось неестественно, натянуто, неловко! Викторс готов был бранить себя последними словами, — ведь можно же было, не обращаясь к девушке, подкрасться и попытаться сделать набросок! А теперь ничего, ну просто совсем ничего не получалось!

Был субботний день. Помучившись часа полтора, измучив свою добровольную жертву, Викторс угрюмо захлопнул этюдник. Это с ним случалось часто — увидеть, но не победить. Материя непреклонна. Она редко переходит в видение. Теперь эта девушка будет сниться ему много ночей подряд, но по утрам, вскочив с постели, он ни разу не воскресит своих ночных видений. Краски окажутся неподатливыми, жухлыми, линии будут оборачиваться насмешливыми кривыми, задумчивость на этом нежном лице превратится в гримасу недоумения, все духовное, тонкое станет грубым, материальным, и он, разочарованный неудачник, однажды соскреbet все с холста тупым мастихином и швырнет подрамник подальше, чтобы он не напоминал о неудаче. Их у Викторса и так слишком много...

Девушка вдруг робко спросила:

— Может быть, приехать завтра?

Викторс просиял. Сам он никогда не решился бы попросить продолжить этот неудачный сеанс.

Но она была умницей, эта маленькая Мирдза Краулиньш. Потом, значительно позднее, она рассказала Викторсу, что он был похож на обиженного, надутого маленького ребенка. Ничего себе ребенок, сто девяносто сантиметров роста, с бицепсами, как у тяжелоатлета, с грубым лицом, на котором война оставила столько морщин, что его

можно принять за пятидесятилетнего! Еще позже Мирдза рассказала, что ее поразило, как такой огромный человек с толстыми ручищами может столь бережно обращаться с маленькими кисточками, так нежно касаться этими кисточками холста, оставляя чуть ли не мушиные следы, когда, казалось бы, он должен писать толстыми малярными кистями и, уж конечно, не на холсте, а прямо на стенах домов, вроде того, как это делал мексиканец Сикейрос... Нет, она была не глупа, эта маленькая Мирдза, она была довольно начитана для своих двадцати с чем-то лет, кое-где бывала, кое-что видела, вот знает же она Сикейроса, помнит репродукции Пикассо... Да, а где же она училась или училась?

Оказалось, она студентка филологического факультета. Вот откуда эти познания!

В город они возвращались вместе. Потом Викторс проводил ее до дома, оказалось, что она и живет неподалеку, на улице Криштиана Барона, а завтра они снова встретятся на том же месте, на взморье.

В воскресенье дело пошло так хорошо, что через два часа работы, продрогнув на неласковом мартовском ветру, они с удовольствием отыскивали пустое кафе, долго сидели там, потягивая кофе. Мирдза даже не отказалась от рюмочки ликера.

Они обменялись телефонами. Мирдзе было далеко не безразлично, во что выльется мечта художника. Расстались они друзьями.

Через несколько дней Викторс вдруг выяснил, что не может вспомнить лицо Мирдзы Краулиньш. Миниатюрный этюд ничем не помогал ему. А Викторсу теперь казалось, что дело вовсе не в позе девушки на его новой картине, а именно в ее одухотворенном лице. Он столько раз перемазывал холст, что, отдай его под рентгеновскую экспертизу, эксперты могли бы насчитать у художника по крайней мере десять разных эпох творчества, как насчитывают их у Ван-Гога, или Пикассо. Вэтра, в их представлении, мог быть и «розовым», и «голубым», и «сентименталистом», и «имажинистом». Кем только он не был за эти две недели! Только автором картины «Девушка и море» не смог стать. Девушка была безлика, она была похожа на слепую. Известно, если художник не видит предмет своего искусства, то и полотно у него слепы.

Измучившись, Вэтра позвонил Мирдзе. Мирдза пришла к нему в мастерскую.

Ее тоже интересовала картина. Она не сказала — художник! Но Викторсу это и не требовалось. Он снова увидел ее лицо!

Теперь она приходила часто. Стояла в задумчивой позе у окна, — так ее легче было видеть у моря! — или сидела, забравшись с ногами, на диване, болтала, читала какую-нибудь свою книгу. По-видимому, у нее было мало друзей, только ее испанисты да книги. Сначала она даже понравилась Анне. Анна работала дома, не в мастерской, но приходила к мужу часто, то с горячим кофейником, то с неудающимся рисунком, то напомнить об обеде. Мастерская находилась на чердачном этаже того же дома, а Анна любила проявлять заботу о муже.

Картина продвигалась так быстро, как Вэтра мог только мечтать. Этюдами лица Мирдзы, ее фигурки и моря были увешаны все стены.

И вот несколько дней назад Анна, разглядывая почти законченную картину, вдруг сказала:

— Ты ее любишь! — и заплакала.

Это было такое невероятное обвинение, что Викторс вдруг словно онемел. А Анна хлопнула дверью и ушла.

С этого дня в доме начался тихий ад.

Мирдза не приходила. Может быть, ее тихий ангел шепнул ей, что Вэтре теперь не до нее. Может быть, началась весенняя сессия. Но Анна ревновала жестоко и безрассудно. Она ревновала Вэтру не только к Мирдзе, нет, она ревновала к возможному успеху картины, ревновала к мастерству, с которым Вэтра ухитрился написать это полотно.

Викторс понимал: всякая ревность делает человека тупым, ограниченным. Но он боялся за картину. Теперь он никогда не оставлял дома ключ от мастерской, а жена думала (и говорила ему), что он продолжает свои шашни, — так изящно стала она теперь выражаться! — и у него не хватало сил переубедить ее...

Кажется, напрасно взялся он сегодня за работу. Еще час-два такого бессмысленного стояния перед полотном с кистью в руке, и картина будет испорчена навсегда. Откуда тут такие потеки? Когда он успел наляпать эти красные пятна?

Он торопливо швырнул кисти, сбросил халат, умыл руки. Пожалуй, никогда уже не вернется к нему та душевная радость, с

которой он начинал эту работу. И возможно, сама работа будет отныне доставлять только горечь, а очень может быть, что он уже никогда не закончит ее.

Он постоял немного, глядя на полотно, словно прощался с ним, хотя мог в любой момент продолжить работу. Но было какое-то ощущение, что это именно прощание.

Снизу раздались шаги, высокий голос жены произнес:

— Тебя к телефону! — и после небольшой паузы, словно бы со злорадством: — Звонит твой старый друг Балодис!

Он был так далек от своего прошлого, юности, войны, смертельной опасности, в конторе жил долгие годы, что даже не понял, что она сказала. Спустился вниз, подошел к телефону.

— Вы мне срочно нужны, Викторс.

Он удивился, но переспрашивать не стал. Он еще помнил дисциплину прошлых лет.

— Хорошо, буду через десять минут.

Прошел в столовую, сказал мягко:

— Анна, я должен уйти.

— Можешь вообще не возвращаться!

Но яда, которым она пыталась напитать каждое свое слово, хватило не надолго. Он опять услышал всхлипывания.

Он накинул плащ и вышел.

Графа в обычном мире все называли Паэгле. Илмарс Паэгле.

В этом обычном мире не было ни, выстрелов, ни землянок, ни леса. В этом обычном мире никто не охотился за ним, никто не знал его псевдонима, и сам он тоже ни за кем не охотился, водил отличную машину, разговаривал с пассажирами вежливо и только в том случае, если они сами напрашивались на разговор. Но когда вдруг из выхлопной трубы вырывался со щелчком сжатый газ, он невольно ловил себя на том, что вжимает голову в плечи. Слишком уж похожи были эти взрывы газа на выстрелы.

Он водил такси, отлично знал город, любил своих пассажиров, особенно, если садились целыми семьями и при этом не ссорились. Любил выезжать в дальние поездки, на взморье или еще лучше — в Таллин или Вильнюс. Но, проезжая по шоссе через леса, он невольно бросал изучающие взгляды вокруг. Он помнил много мест, где сам попадал в засады или устраивал засаду на других. Он знал в окрестных лесах столько заброшенных землянок, что мог бы на досуге составить карту тайных лесных поселений, ныне опустевших. Граф уже давно отошел от этих дел, со старыми товарищами из оперативной группы встречался редко, разве что кто-нибудь из них вдруг оказывался его пассажиром и, признав в молчаливом шофере Графа, удивленно восклицал:

— Вон ты где теперь!

Но и эти пассажиры никогда не называли его Графом. Чаще всего спрашивали: «Постой, как же тебя называть?» И он отвечал: «Паэгле. Илмарс Паэгле».

Два года назад он женился, у него рос сын, и он очень любил заехать по пути, когда шел «порожняком», на минуту домой, взглянуть, как мальчик ловит свою толстенькую ножку и бессмысленно бормочет: «Агу, агу...» — это только мать младенца могла утверждать, будто он произносит: «Папа!»

Он любил жену, веселую толстушку, умевшую хохотать в самые трудные дни, когда Илмарс только что стал Илмарсом, когда у него не было еще ни квартиры, ни хорошей работы.

И вот сегодня его вызвали к телефону. Диспетчер, милостивая девушка, королева автопарка, сердилась на Илмарса за то, что тот отдал все сердце толстушке и сыну, и, должно быть, потому язвительно сказала:

— Кто-то чужой! Ну, рассказывай, Илмарс, что натворил? Наверно, сдачи не дал какому-нибудь пижону? Смотри, если будет жалоба, вылетишь!

— Я всегда даю сдачу полностью и другу и врагу! — проворчал Илмарс и взял трубку.

— Кто у телефона? — спросил какой-то отдаленно знакомый голос, которого Илмарс никак не мог узнать.

— У телефона Илмарс Паэгле, — тревожно ответил он.

— Здравствуйте, Граф. С вами говорит Будрис.

Илмарса пошатнуло. Девушка-диспетчер ядовито сказала:

— Я так и знала, не сдал с червонца, а то и с полусотенной. Я давно говорила, что женатикам у нас в таксопарке не место. Они только о чаевых и думают.

В трубке встревоженно спросили:

— Вы меня слышите, Граф?

— Да.

— Приезжайте ко мне, как можно быстрее.

— Я только что принял смену.

— Я оплачу пробег и простой по счетчику.

— Есть!

Он не назвал того, с кем разговаривал, но короткое «есть!» вдруг встревожило девушку-диспетчера. Куда делась ее ядовитость и язвительность. Она взяла трубку, чтобы положить на рычаг, и высунулась в окошечко, как кукушка из часов.

— Надеюсь, все в порядке, Илмарс? Это не из дома? Не по поводу малыша?

— Нет, нет, Анете!

— Ну и хорошо! — и, успокоившись, занялась своим делом.

А Илмарс, неожиданно снова почувствовавший себя Графом, стремительно летел по только что политым улицам, держа баранку так цепко, словно это был автомат, и глядя так пронзительно сквозь смотровое стекло, словно ожидал вот тут же, немедленно, увидеть врага и броситься на него, с автоматом так с автоматом, с голыми

руками, так с голыми руками, лишь бы он никуда не ушел, не повредил его маленькому сыну, его веселой и такой спокойной жене.

Два оперативных работника — Линис и Ниедре — столкнулись нос к носу в бюро пропусков. Линис прилетел самолетом из Вентспилса, Ниедре доставила оперативная машина из Мадоны.

— Линис, ты что здесь делаешь? — удивленно воскликнул Ниедре, — неужели в Вентспилском районе вы границу заперли на замок?

— А тебе в Мадоне, видно, тоже стало скучно?

— Нет, — сказал Ниедре, — я к Балодису. Должно быть, станет снимать стружку за то, что мы упустили Чеверса. Он на днях ограбил совхоз и исчез. Прямо «неуловимый», как он себя называет.

— К Балодису? — маленький, крепкий, очень моложавый Линис — в свои тридцать он выглядел восемнадцатилетним — сделал страшные глаза и прошептал на ухо приятелю громким шепотом, как пугают детей: — И я тоже к полковнику!

Ниедре, прослуживший с полковником лет двадцать, присвистнул, сделал грустное лицо.

— Ну, дитяtko, видимо, произошло что-то серьезное!

Друзья постоянно изошрялись в прозвищах для Линиса. За малый рост и моложавость его называли то мальчишка, то сынок, то дитяtko, но Линис не очень обижался. Он, и верно, чувствовал себя мальчишкой, все в мире ему было внове, все интересовало, как только что открытая книга. Линис в свои тридцать лет по-прежнему был таким же страстным исследователем мира, какими бывают только в юности. Возглас приятеля не столько насторожил его, сколько вызвал в памяти сотни дерзких головоломных приключений, которые случались с ними, когда их вызывал Балодис и подключал к своим делам и заботам. Линис вдруг подтянулся, оправил светло-серый пиджак, проверил, правильно ли лежит галстук, — как, надев военную форму, проверял, точно ли посажена на голову фуражка, — и зашагал впереди приятеля.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, Линис вдруг тихо прищелкнул пальцами. Ниедре вытянул голову и из-за его плеча взглянул на лестничную площадку. На площадке стоял, жадно докуривая сигарету, молодой парень в сером костюме, в желтых

ботинках. Видно, ему было жаль недокуренную сигарету, а его там ждали, и он делал рукой успокаивающий жест: «Сейчас! Сейчас!» Линис шепнул Ниедре:

— Не узнаешь? Мой крестник!

— «Юрка»? Вот бы никогда не поверил. Настоящий стилияга!

Арнолдс Лидака, он же «Юрка», обернулся на шаги.

— Товарищ Линис? Товарищ Ниедре? За что меня вызвали? Я же ничего...

— А вот сейчас мы все это проверим! — засмеялся Линис. — Я тоже ничего, однако вот вызвали!

— И вас? А я было испугался... Сами знаете, работаю в порту, мало ли что могло там случиться. Я ведь теперь старший стивидор! Отвечаю за погрузку иностранных судов! — не без гордости похвалился он.

— Как же не знать, когда я сам тебя рекомендовал на повышение! — улыбнулся Линис.

Арнолдс Лидака был настоящим «крестником» Линиса. Несколько лет назад «Юрка» вышел из леса и сдался первому же человеку в фуражке с синим околышем. Человеком этим оказался Линис, много дней терпеливо выслеживавший последнюю банду в районе Вентспилса. Может быть, потому, что сдавшийся и пленивший были одного возраста, Линис внимательно следил за подопечным. Итак, Арнолдс Лидака, «Юрка», как звали его в банде, стал старшим стивидором. Что ж, работа отличная, ответственная. Вентспилсский порт принимает сотни иностранных судов. Лидака стал специалистом своего дела. Отлично. Но Лидака уже не торопился туда, куда так настороженно только что смотрел.

Юрка прошептал:

— И Граф здесь!

Глаза его по-детски округлились. Линис сделал такие же.

— Да ну? Значит, будет дело!

Линис вошел в приемную и одним взглядом оценил обстановку. Да, дело выглядело куда как серьезно. Он сразу узнал Вэтру, узнал и Графа, увидел коренастого, широкоплечего и, как всегда, угрюмого Мазайса, наконец, и сам он вместе с Ниедре и Лидакой зван сюда не пиво пить! Действительно, что-то случилось!

Секретарь полковника, увидав Линиса и Ниедре, прошел в кабинет, скоро вернулся и сказал:

— Товарищ Балодис просит всех зайти...

Балодис встал из-за стола, пошел навстречу, здороваясь с каждым за руку.

Был он в привычном сером штатском костюме. Таким они встречали его не один раз. Встречали в городе, встречали и в лесном бою. Полковник редко носил форму. В той партизанской войне, которую они вели после праздника победы, отыскивая и вылавливая остатки разбитой немецкой армии и сколоченные разными подонками лесные банды, форма порой была не нужна, привлекала излишнее внимание.

Балодис знал всех собравшихся.

Одни из них в свое время воевали на противной стороне и стреляли по нему, как и он стрелял по ним. Потом они поняли, куда ведут лесные пути-дорожки и вышли по одному, а порой и целыми группами из лесов, перевязав, а то и перестреляв своих главарей. Другие вместе с Балодисом очищали леса и болота Латвии, от этой лесной заразы. Сдавшиеся часто присоединялись к отряду Балодиса. Они показали свою храбрость и искренность во многих боях, и он мог надеяться на них, как надеялся на самого себя. Недаром же он выбрал этих людей из сотни тех, кто мог и хотел бы разделить с ним опасности новой операции.

Поздоровавшись со всеми, Балодис сказал:

— Помните, несколько лет назад мы попрощались с вами в твердой уверенности, что кончилось время лесных походов, боев и засад... Мы переходили к мирной жизни последними, очистив всю нашу землю. И вот сегодня мне пришлось собрать вас снова...

— Разрешите вопрос, товарищ полковник, — нетерпеливый Линис поднялся. — Десант? Новая банда?

— Одна банда ходит, банда Чеверса, но об этом мы спросим у Ниедре. Они опять упустили этого убийцу! — Ниедре невольно пригнул голову. — Что же касается десанта, то десант есть. Из Англии! — он многозначительно подмигнул и после паузы добавил: — Из трех человек. Один уже явился с повинной, но двое... Ох, уж мне эти двое! Эти двое непременно хотят побывать в лесной банде.

Наступило неловкое молчание. Потом вдруг, словно бы по невидимому сигналу, грянул хохот. Смеялись все, и сам полковник, как ни пытался сделать серьезное лицо, вдруг не выдержал, захохотал.

— Так вот у меня к вам вопрос: покажем им банду?

Смешливый Линис все еще не мог удержаться — смеялся, остальные начали переглядываться.

— Они, что же, посидят там день-два и уйдут? Или мы должны повязать их с поличным? На радиопередаче или еще как-нибудь?

— Боюсь, что дело будет значительно серьезнее, чем кажется Линису, — сказал полковник. — Эти двое пришли как авангард. Одному из начальников английской разведки и во сне видится, что он откроет через Латвию широкую дорогу в Советский Союз. Вот он и отправил этих разведчиков узнать дорогу. По нашим предположениям, в ближайшее время оттуда придут еще люди для организации в Латвии подрывной работы. Лесная группа должна будет продержаться не только то время, которое понадобится для разгадывания всех планов противника, но и «принять» тех, кого англичане пошлют. А это может случиться только осенью или весной будущего года...

Год в лесу! Это теперь-то, когда каждый отведал мирной жизни со всеми ее радостями! «А как мои дети? Как моя жена? Как моя работа? — по-видимому, эти и подобные мысли мелькали одновременно у всех, так как лица вдруг посуровели, глаза потемнели.

— Операция несколько осложняется тем, что у нас мало времени на подготовку. Повинившийся шпион спутал нам карты. Оставшиеся рвутся в лес немедленно, боятся, что тот их выдаст. Он-то конечно, так и поступил, но других пока убеждают, что они в безопасности. Однако долго терпеть они не смогут. Следовательно, праздники вам придется встречать уже в лесу. Командиром опергруппы, я полагаю, мы назначим товарища Вэтру, если у него нет возражений.

Все повернулись к художнику. Они знали его. Почти у каждого хранился памятный рисунок, сделанный Вэтрой, то ли карандашный портрет, то ли какой-нибудь акварельный этюд. В лесной землянке маслом не попишешь! Этот суровый великан, которому больше пристал бы топор в руках или корабельный канат, умел так нежно прикасаться кисточками к бумаге и полотну, что оживало все, что он переносил при помощи красок и делал вечным. Одного они не понимали: зачем ему, художнику, снова идти в лес? Тогда он был

просто самородком, но теперь-то он окончил институт, теперь-то его работы выставляются в салонах и в музеях...

Полковник встал из-за стола.

— Ну, друзья, начинается работа. Завтра вы собираетесь у меня, получаете последние инструкции. Базу вам придется строить самим, если Граф не найдет для вас подходящего жилья в лесу. Помнится, он знал все бункера во всех лесах Латвии. Сейчас вы свободны. Знаю, что предупредить о секретности задания вас не надо. Товарищ Вэтра, прошу, останьтесь!

Люди вышли бесшумно, как будто уже шли по лесу, где каждый неосторожный шаг, звук, треск сучка под ногой может стоить жизни. Но в то же время были на их лицах усмешки. Уж очень странной была игра, в которую они вступали, хотя любому из них она могла стоить жизни.

Август Янович с любопытством приглядывался к женщине, сидевшей напротив. Удлиненное, какое-то слишком серьезное лицо, чуть ли не с трагическими черточками у губ; гладко причесанные волосы, словно бы женщина долго и умело выбирала самую скромную из причесок, — Август Балодис видел снимки, на которых эта женщина выглядела более эксцентричной, с прической «под мальчика», «под ангела» и даже с «вороньим гнездом» на голове. Она была очень похожа на актрису. Она играла и сейчас. Играла «обманутую жену».

Разговор между ними шел напрямую.

— Командировка, которую мы собираемся предложить товарищу Вэтре, может оказаться очень длинной, — говорил Балодис. — Как и в прошлом, Викторс Вэтра уходит на секретную работу и долго не увидит семью. Вы можете отвечать на вопросы о нем, что он с группой талантливых художников уезжает или уехал в творческую командировку...

— Он едет один?

— Из Риги? Да.

— Я спрашиваю, отсюда он едет один или... с женщиной?

— Помилуйте, что вы! Я же сказал, что это секретная командировка, похожая на его прежние. Деньги вы будете получать здесь, письма — тоже, ваши письма для него передавать мне...

— Какой срок командировки?

— Пять-шесть месяцев... Но, может быть, и год...

— А как же... я?

— Что же делать? Вспомните его послевоенную работу! Тогда он тоже исчезал на несколько месяцев...

— Не беспокойтесь, я скучать не буду.

— А вот это уже совсем не тот тон. Представьте себе, мы слышали о ваших подозрениях. И если говорить напрямик, то наша забота о поездке Вэтры — это забота и о его семье. Мы знаем, что ваши подозрения неосновательны, но они мешают Вэтре работать, как

мешают работать и вам. А за такой длительный срок вы и сами поймете, что напрасно обвиняли мужа.

Женщина вскинула удивленные глаза на Августа Балодиса, но ничего не сказала. Помолчал и он.

На стенах кабинета висели несколько картин. Они выглядели как окна в другой мир, прорезанные в темных дубовых стенах. Но самыми интересными картинами были настоящие окна. За ними была весна, бледно-голубое небо с барашками облаков, похожих на вспененные волны, а если смотреть вниз, то виделись и берега — улица, переполненная народом. Погода держалась теплая, город был наполнен яркими цветами, ярко одетыми людьми. И хотелось смотреть не на картины, а именно в окна, — такая ошеломляюще бурная и красочная текла за ними жизнь.

Полковник с усилием отвел глаза от окна, сказал:

— Товарищ Вэтра не решился сразу дать согласие на отъезд и попросил побеседовать с вами. Конечно, он не говорил о размолвке, однако отрывать человека от семьи, в которой нет мира, всегда опасно. Поэтому мы и пригласили вас.

— Пусть едет, я не стану его удерживать... — холодно ответила женщина.

Анна поднялась, защелкнула замок сумочки. «Ба, она приготовилась плакать! Даже платочек вытащила наполовину! Ну и ну, актриса!» Теперь полковник Балодис был вполне уверен, что делает доброе дело, уводя Виктора Вэтру на долгий срок из-под опеки этой дамы. Вэтра немного очухается в лесу, там будут другие заботы, а она поживет одна и, может быть, помягчает сердцем. Порой таким рассудочным людям полезно оказаться в одиночестве. Тут-то и возникает тревога за другого. А Балодис все сказал достаточно прямо, чтобы она не думала, будто ее мужа ждут розы и лавры. Конечно, потом она удивится, что он привезет с собой лишь пейзажи Энгуре и Тукумса, лесные поляны и сцены охоты на диких коз и кабанов, но это будет уже потом, когда можно будет рассказать обо всем и когда она сможет гордиться своим бесстрашным мужем...

Полковник проводил Анну Вэтру до приемной, потом по коридору до лестничного марша и там еще постоял, глядя, как высокомерно идет она, подняв свою маленькую, похожую на птичью, головку, небрежно помахивая сумкой.

В этот вечер он провожал всю группу в лес. Больше провожатых не было. Но он знал, что Анна Вэтра и сама не пошла бы провожать мужа. И ему был обидно и больно за товарища.

Впрочем, сам Вэтра, кажется, не унывал. Он вместе с Графом тщательно осматривал снаряжение, инструменты, оружие, поклажу на машине, рюкзаки отъезжающих, следил за упаковкой, как будто ему давно недоставало именно такого живого, почти бездумного занятия, когда поневоле отвлекаешься от всего, живешь этим часом, этим делом, этими заботами. И полковник, наблюдая за ним, думал: «Выдержит!»

На рассвете они выгрузились в лесу.

Накануне Граф съездил в Энгурское лесничество и действительно отыскал там давно заброшенный, но почти уцелевший бункер, в котором сохранилась даже печь из бензиновой бочки с выведенной через крышу трубой. Сделанные им на месте снимки проявили, рассмотрели и решили, что бункер подойдет. Во-первых, старый, основательно обжитой, со множеством тропок и порубок вокруг, во-вторых, не надо завозить такие подозрительные вещи, как новую печь. Сразу видно, что живут в бункере давно.

От лесовозной дороги до бункера было не больше пяти километров, значит нетрудно перетащить вещи.

Сопровождал группу оперработник с мотоциклом. Мотоцикл он вез в кузове грузовика, чтобы не пугать хуторских собак. Недалеко от места выгрузки отыскивали удобное дупло в дереве, которое отныне будет почтовым ящиком для связи группы с Балодисом. Было обусловлено, что оперработник с приходом в группу шпионов будет два раза в сутки, утром и вечером, навещать «почтовый ящик» и забирать сведения из группы. Туда же он должен доставлять распоряжения и инструкции.

«Почтальон» завел мотоцикл и уехал, увозя донесение о благополучном прибытии на место. А остальные, нагруженные, как лошади, потащились в лес.

Земля уже подсохла и мягко пружинила под ногами. Остро пахло хвоей, смолой, молодой листвой. Шли по старой, почти невидимой тропинке, но Граф был таким проводником, что мог бы привести их в рай и в ад.

Перетаскав все имущество, пообедали и легли отдыхать.

Вечером начались занятия.

Прежде всего принялись разрабатывать и заучивать свои легенды. Командира отныне называли только Лидумс. У некоторых были старые, партизанских еще времен, псевдонимы, они вернули их. Легче помнить, что ты уже был Графом, а ты Мазайсом, Кохом, Юркой, чем заучивать новые имена. Труднее, чем другим, пришлось Линису и

Ниедре. Оба оперработника в период оккупации Латвии находились в Советской Армии, в Риге не бывали, не знали ни немецких анекдотов, ни песен подполья. Не знали даже, какие сигареты курили при немцах, сколько они стоили, что тогда пили, как назывались рестораны. А все это надо было знать. Ведь «гости», которых они здесь ждали, в те времена непременно бывали в Риге и уж, конечно, как полагается лакеям, пили и жрали все, что перепало с господского стола.

Линис вспомнил, как все дразнили его за маленький рост и молодость, Дитятком, — и взял себе псевдоним Делиньш. Ниедре, отпустивший бороду, назвался просто — Бородач.

Делиньш — опытный радист, приспособил старенький приемник, протянул на вершину сосны антенну и они сразу попали в общий ритм жизни страны, хотя отныне должны были жить как на зимовке и по законам зимовки: никакого общения с внешним миром, выход из леса только с разрешения командира, ежедневная упорная работа. Шпионы должны прибыть в группу сразу после праздников, за эти несколько дней каждый член группы обязан не только выучить собственную легенду, но и легенды всех остальных. Если уж они воюют вместе столько лет, так должны отлично знать все друг о друге.

Это было очень похоже на какую-то странную школу.

Лидумс называл имя и приказывал:

— Делиньш! Расскажи анекдот!

— Входит немец в дом, а там три латыша Гитлера ругают...

— Мазайс, что ты курил и сколько стоили твои сигареты?

— Норд-фронт! Длинные, в синей упаковке!

— Юрка, где находился ресторанчик «Унгария»?

— На углу Даугавпривас и Калнциема.

Порой Лидумс приказывал вести перекрестный разговор на жаргоне или «вспоминать» разные случаи из «прошлой жизни» группы. Слишком ретивых фантазеров он одергивал так строго, что все работы по лагерю вели провинившиеся в порядке внеочередных нарядов. Чаще всего темой для разговора о «прошлых подвигах» Лидумс избирал «нападение на кассира прошлой осенью». Надо было подготовиться к расспросам шпионов о том, откуда «лесные братья» берут средства для жизни. В общей легенде группы был перечень всевозможных ограблений, совершенных якобы до прошлого года, когда главный шеф группы Будрис запретил бессмысленные грабежи.

Последним «ограбили» какого-то кассира. Но с того времени держатся осторожно. Нашли двух-трех пособников, которые и помогают им скрываться от возмездия.

Вечерами пели песни: «Бункерочек», «Лесной гимн», «Курземские партизаны», и быстро спевшиеся Делиньш, Мазайс и Граф умело выводили унылые мелодии:

Синие сосновые леса!
Солнца золотистый свет!
Пусть нас охраняют небеса,
Сам господь хранит от бед...

Больше нравилась баллада о курземских партизанах, в ней хоть говорилось о любви. Там Клактс торопился увидеть прекрасную Имулиет и шел к ней, когда пели петухи. Из баллады было невозможно выяснить, чем кончились эти свидания, но, судя по всему, беднягу Клактса прикончили «синие», и новоиспеченные «лесные братья» усердно орали:

Ах, в памяти только ты,
Прекрасная Имулиет,
К тебе я спешу, когда
Петух возвестит рассвет!

Два раза в день дежурный по лагерю и сам Лидумс шли к «почтовому ящику». Пока новостей не было.

А потом опять начиналось: «Папиросы?» «Сколько стоил билет в кино?» «Какую картину смотрел со своей девушкой в августе сорок четвертого?» «Какой марки шнапс подавали в ресторане «Эспланада?» «Сколько стоила рюмка шнапса?» «Сколько пропил в ту ночь?» И непьющий Бородач с усилием вспоминал, сколько же стоил этот проклятый шнапс в ресторане, которого он не видывал, и как там были расположены зеркала, и какие там девочки с челочками ждали господ немецких офицеров... В газетах того времени, выходивших в Риге, оперуполномоченный Ниедре, ворвавшийся в город с передовыми частями 13 октября 1944 года, с отвращением читал объявления:

«Двум немецким офицерам, прибывающим в двухнедельный отпуск в Ригу, хочется познакомиться с двумя хорошенькими девушками — лучше, если одна будет блондинка, другая брюнетка, — чтобы провести отпуск вместе. Все расходы берем на себя...» Но одно дело — читать такие объявления, освободив город от всей этой погани, и совсем другое дело — притворяться, будто ты жил в то время в этом самом городе, помнишь ту «чудную» и «роскошную» жизнь...

Но Лидумс был неумолим, и через три дня «лесной брат», поднятый среди ночи строгим голосом командира: «Делиньш, что было нарисовано на обертке сигарет «Рококо» и сколько они стоили?» — отчетливо отвечал: «Красивая дамочка, такая пухленькая. Стоили полтора лата...»

Занятия кончались не раньше полуночи. Только прослушав последние известия, ложились спать. Лишь дежурный охранял лагерь.

А утром все начиналось сначала...

Так прошли майские праздники, так прошла неделя после праздника. И только восьмого мая Лидумс достал из «почтового ящика» короткое сообщение:

*«Направьте Мазайса в Ригу по условному адресу.
Встречайте гостей девятого».*

Обучение окончилось. Начинался опасный экзамен.

Да, порой им казалось, что они взялись за непосильное дело.

Спать рядом со шпионами; оберегать их как малых детей; кормить их нашим хлебом; выслушивать изо дня в день яростные их нападки на Советскую власть, которую каждый из слушателей защищал своей грудью; делать вид, что веришь их хвастливым заявлениям о том, что скоро-скоро все в Латвии будет по-другому, для того именно и пришли сюда шпионы, уж они-то тут камня на камне не оставят, уж они-то составят свой проскрипционный список, по которому повесят или расстреляют каждого приверженного к коммунизму...

Слышать их речи о прошлых подвигах, о сладкой жизни за границей, делать вид, что завидуешь такой собачьей жизни... Да, для всего этого нужны крепкие нервы!

Сначала чекисты помалкивали, поддакивали, но вот однажды Бородач сорвался, наговорил всяких горьких слов в адрес тех, кто бросил Родину и удрал за границу. К его удивлению, подействовало: Вилкс приказал Эгле прекратить спор. Так-так, значит, вы, собачьи дети, побаиваетесь?

Лидумс был недоволен такой несдержанностью. Ну, пусть бы сорвался Мазайс или Граф, но Бородач — опытный оперработник мог бы и потерпеть, мало ли бывало случаев, когда победа зависела только от терпения! Бородач окончательно рассердился. Разговор они вели во время обхода окрестностей лагеря, тут их никто не слышал.

— Не мы к ним, а они к нам пришли, так пусть прислушиваются к тому, что в Латвии делается! — сердито заявил Бородач. — А для нас такие стычки даже полезней. Пусть докладывают своим хозяевам, что им тут в рот не смотрят, сами умеют думать. Сколько они ни лгут о своей красивой заграничной жизни, но во всякой лжи просвечивает капелька правды. Вот мы и будем этой самой нечаянно высказанной правдой бить их по отвислым губам, чтобы не очень язык распускали. Ведь проговариваются же они то о нищенском заработке на шахтах, то о мертвой скуке в чужом раю. Почему же нам не использовать эти их оговорки? Скорее притихнут...

Лидумс подумал-подумал и согласился. Он, конечно, знал, что Бородач своими словопрениями не исправит подшефных. Висельнику крылья не приделаешь, все равно отвалятся. Но очень может быть, что эти вояки призадумаются, как это произошло с их бывшим дружкой Лаувой...

Сам Лидумс в споры не вступал. Суровый, даже несколько мрачноватый, он как нельзя лучше подходил к роли командира. Был он справедлив, требователен, молчалив, и шпионы относились к нему с опаской, хотя и видно было, что они очень рады, попав в подчинение к такому командиру.

Но случались и промахи. Юрку долго пробирала дрожь, когда он вспоминал, что произошло при вооружении Вилкса. Автомат для него достали и вручили. Но кто-то из начальства решил позаботиться о безопасности участников группы и приказал спилить боек. А тут Вилкс неожиданно обнаружил, что автомат с укороченным бойком! Это поопаснее любого нечаянно оброненного слова, случайно

возбужденной подозрительности. Хорошо еще, что Юрка был когда-то оружейным мастером и сумел немедля устранить дефект.

Но и оставлять действующее оружие в руках у шпионов все же было опасно.

Лидумс вызвал Балодиса-Будриса.

После этого Будрис прислал с очередной почтой несколько обойм патронов «особого назначения». Порох в этих патронах был заменен слабым, они были почти безопасны, хотя выглядели вполне внушительно. Этими патронами и зарядили оружие шпионов.

А тут еще произошла встреча с бандой Чеверса...

Бывший командир батальона латышского легиона «СС» Петерис Чеверс не пожелал выйти из леса, когда Советское правительство объявило амнистию всем сложившим оружие. Чеверс наделал столько дел, что предпочел волчью жизнь в лесу. Банда его распалась, но несколько человек, залитых, как и их командир, кровью с головы до ног, успели скрыться. Для него встреча с другой «бандой» была находкой. Но и для группы Лидумса обнаружение «неуловимого» Чеверса тоже было находкой.

В давние времена, служа в латышской армии, Вэтра-Лидумс встречался с Чеверсом. Это и решило исход дела.

Отправив Линиса-Делиньша со шпионами на запасную точку под предлогом их безопасности, Вэтра-Лидумс пошел на совещание с Чеверсом. Сопровождал его Юрка.

Можно было бы попытаться захватить бандитов немедленно. Но стрельба в лесу всполошила бы шпионов. Да и взять банду надо было живьем. Но тогда вставал вопрос — а как передать захваченных бандитов в КГБ? Поэтому пришлось начать переговоры.

И вот они сидели на поляне, освещенной жарким августовским солнцем, и Лидумс вспоминал прошлое. Юрка сидел за спиной командира, положив автомат со взведенным курком на колени, и поглядывал на бандитов, привычно запоминая их лица. На куске материи, небрежно отодранной от целого рулона, стояли бутылки водки, лежала нарезанная кусками ветчина, селедка, банка с горчицей. Чеверс только что ограбил большой магазин в Талсинском районе и теперь с шиком угощал новоявленных «друзей».

Он несколько завидовал Вэтре. Как же, Вэтра сохранил вполне боеспособный отряд. За шесть часов наблюдения за лагерем Чеверс

успел посчитать количество людей у Лидумса. У самого Чеверса осталось всего четверо.

Но зато спеси Чеверсу было не занимать стать. Разговаривал он напыщенно, этакий хозяин лесов и болот. Вэтра шутил, переводил разговор на старые офицерские воспоминания, а Чеверс все похвалялся своей неуловимостью и ловкостью.

Юрка думал: «Он целиком в бандитском мире. Кто палку взял, тот и капрал. Сейчас он потребует, чтоб Вэтра присоединился к нему и пошел в подчинение...»

Но Вэтра похваливал угощение, пошучивал над тем, что скоро в округе не останется ни одного нетронутого магазина и тогда Чеверсу придется переходить на подножный корм. Он никуда не торопился, словно ему нравилось сидеть в гостях, и Чеверс как-то неожиданно размяк, вдруг начал жаловаться на судьбу.

Действительно, частые грабежи всполошили местных жителей. Вот и теперь, близится осень, пора переходить на зимние квартиры, а добыча в магазине оказалась ничтожной. Сторож поднял тревогу, и они еле унесли ноги. Не согласится ли Вэтра объединить отряды для нападения на совхоз. Там они могли бы потрясти кассу да заодно прирезать десятка два свиней, чтобы обеспечить себе зимовку.

Вэтра задумался. Да, он согласен с Чеверсом, что для зимовки запас свинины был бы хорош, но совхоз расположен в большом селении, там есть и милиция, и коммунисты. Впрочем, он согласен помочь Чеверсу, но не сейчас, а так дней через пять-семь. Сначала надо как следует разведать этот совхоз.

То, что Вэтра не отверг предложения, подбодрило Чеверса. Теперь он поставил новый вопрос, как разделить районы действия? Вот после нападения на магазин Чеверс отступил из Тукумских лесов в Энгурский массив, но ведь он мог привести по своим следам ищек и те наткнулись бы на отряд Лидумса. Как считает Лидумс, может ли Чеверс отсидеться по соседству с ним?

Чеверс разложил на самодельной скатерти старую, времен войны, крупномасштабную карту Курляндии. Вэтра взглянул на нее. Озеро Энгуре и его окрестности он оставлял себе. Все пространство к востоку может обживать Чеверс.

Договорились о «почтовом ящике». Место новой встречи назначит Вэтра. Где-нибудь недалеко от совхоза. После этого они

совместно навестят совхоз. Разведку совхоза Вэтра возьмет на себя, у него там тоже есть пособник, ему это сделать легче.

Простились вполне дружески. Чеверс пытался даже навязать подарок — несколько бутылок водки, но Вэтра отказался: в его отряде пьют только по праздникам, но иванов день прошел давно, а на праздник песни они приглашения не получили. Водка разрушает дисциплину.

Чеверс поморщился. Намек был ясен. Один из его сподвижников уже пытался затянуть песню. Под этот вой Вэтра и Ниедре и ушли.

У себя в бункере наскоро провели совещание. Решили как можно быстрее подготовить захват Чеверса и его банды, пока он не натворил новых дел.

К утру бункер опустел. Вход в него был тщательно замаскирован, только знающий человек мог теперь разыскать в куче валежника дверцу, окно, дымоход. Группа ушла на новое место.

Вилкс и Эгле были вполне удовлетворены объяснением о встрече с бандой Чеверса. Теперь они собственными глазами видели еще один отряд, на который могли опираться в будущем англичане. Об этом Вилкс и доложил своим хозяевам.

Впрочем, мало ли было таких приключений за долгое лето!

Вот уже и Делиньш превратился в радиста английской разведки, уже и Граф начал делать успехи на ключе. Уже получены десятки распоряжений из Лондона, туда переданы десятки жалобных радиogramм Вилкса, — шпионить-то он не мог, в лесу жить приходится по-волчьи, так что тут Вилкс вполне оправдал свою кличку, выть — выл, а дела не делал! Уже и осень приближается с каждым днем, а конца операции «Янтарное море» не предвидится. Только и радости — уйти из лагеря на день, на два, прийти к оперработнику, проживающему на ближайшем хуторе, получить пересланные письма родных, отправить свои ответы. Но как тоскливо быть рядом от дома — рукой подать! — и не иметь права зайти, посмотреть на ребят, на жену.

Оставлять шпионов в убеждении, что «лесным братьям» помогают охотно, было опасно, поэтому отряд частенько переходил на «подножный корм». Когда к осени стало худо с питанием, заскучали все, не только шпионы. Тут-то Лидумс и подбросил идейку — ограбить кассира. О, как оживились шпионы! Делиньш не может и

сейчас без смеха вспоминать сообщения, какие писали по этому поводу Вилкс и Эгле англичанам. А между тем хуже всего пришлось во время этой операции двум приятелям Делиньша, которые исполняли роль кассира и охранника. Охраннику кто-то из ребят в горячке ткнул в зубы, а кассир, простоявший привязанным к дереву больше двух часов, вспомнил давно забытый им радикулит — место оказалось болотистым. Зато Вилкс получил в виде премии новые сапоги, старые он так изодрал, что не мог бы делать больших переходов.

Наступила осень. Была она еще солнечная, ясная, только холоднее стало по утрам, только к вечеру напозлали туманы с соседних болот, пригибая дым костра к самой земле, заставляя поеживаться и торопиться поскорее в бункер. На ночного дежурного была возложена новая обязанность — ежечасно подбрасывать дрова в печку, потому что под поношенными пальто и куртками спать стало холодно. Лидумс начал замечать, как его товарищи бросают довольно злые взгляды на шпионов. Еще бы, эти проклятые шпионы просидели все лето за чужой спиной, да так ничего и не сделали для того, чтобы можно было считать операцию «Янтарное море» законченной.

Ну, дали англичанам «безопасные» адреса для присылки денег и инструкций. Ну, написали десяток писем. Но где же разрекламированный Вилксом «план широкого проникновения?» Никто на свидание к Вилксу не идет. «Почтовый ящик» в окрестностях Энгуре пустует, напрасно Вилкс бьет свои новые сапоги, навещая «ящик» каждые две недели. Так и хочется сказать: «А ну, руки вверх! Поиграли — и хватит!»

Но Лидумс молча взглядывает на злых, невыспавшихся от сырого холода людей, и те торопливо отводят глаза, спешат на работу: рубить дрова, собирать поздние грибы, охранять «хозяйство». А сам Лидумс уходит в сторонку, садится на пенек и принимается в десятый раз писать неизвестно откуда забредшую к речке рябинку в окружении ярко-желтого шиповника с красными, как искры, ягодами...

Первого ноября Лидумс получил послание от оперработника с хутора, по-прежнему два раза в день навещавшего придорожное дерево с дуплом. Сопровождавший Лидумса Юрка заметил, что командир повеселел. Письмо Лидумс сжег, пепел развеял.

Вечером Лидумс сообщил Делиньшу и шпионам, что группа идет на встречу с Чеверсом для ограбления совхоза. Шпионы и Делиньш останутся на месте. Юрка выйдет немедленно, чтобы заложить в «почтовый ящик» Чеверса письмо о скорой встрече.

Утром Лидумс, уже отойдя от бункера, сказал:

— Нападать на Чеверса будем сами. Другая группа будет рядом под руководством полковника Балодиса.

Встреча состоится завтра днем. Во время переговоров о нападении на совхоз Лидумс предложит выпить за удачу. Участники группы должны угощать «хозяев» с полным радушием, но сами по возможности не пить. Когда «хозяева» опьянеют, Лидумс подаст сигнал. «Юрка, дай закурить!» — Чеверс не знает, что Юрка не курит. Надо сразу перевязать бандитов. Рассаживаться во время пирушки так, чтобы каждому взять своего соседа справа. До тех пор, пока Лидумс и его товарищи не возьмут бандитов, резервная группа чекистов вмешиваться не будет, чтобы не подвергнуть Лидумса и его людей случайной опасности.

Ну что же, были задания и потруднее. Тут, как никак, действовать будут шестеро против пятерых, да к тому же мы заранее подготовлены, тогда как бандиты несомненно обрадуются «подарку» и постараются нализаться на дармовщинку.

Все произошло примерно так, как и предполагалось. Только Юрке засветили в глаз кулаком, — на его несчастье выбранный им заранее помощник Чеверса оказался крепок на голову, водка на него почти не подействовала. И когда прозвучал сигнал, помощник сразу сообразил, что происходит нечто неладное. Но, кроме удара кулаком, он больше ничего не успел предпринять...

Резервная группа подоспела на сигнал, но все было уже кончено. Связанные по рукам и по ногам бандиты лежали вокруг длинного стола из сосновых плах, Юрка делал примочку из водки и сердито косился здоровым глазом на своего недруга.

— Ну, как, больно? — полюбопытствовал командир у Юрки.

— Ничего, заживет! Зато теперь, когда эту плесень убрали, воздух в лесу будет чище...

Протрезвевший Чеверс скрипел зубами от бешенства, но молчал. Столько лет таиться по лесам и так глупо попасться! Нет, эти чекисты не дураки! А вот он как раз сваял дурака! Попался на такую пустую выдумку! А ведь шесть часов они наблюдали за этими людьми и ничего не сумели распознать!

Но впереди у него еще много времени, чтобы поразмыслить как следует над своей судьбой, а эти шестеро уже собираются и снова уходят в лес. Куда? Зачем? Неужели они будут еще ловить кого-то,

сами похожие на лесных бродяг, оборванные, истощенные, с автоматами на груди. Вот они прощаются с чекистами в форме и один за другим исчезают в лесу, легкие на ногу, бесшумные, как привидения. Не привиделись ли они и Чеверсу? Но нет, Чеверс связан, а они свободны. Они уходят...

Лидумс не забыл, что обещал угостить своих «подшефных» свежей свининой. Ведь они ушли, чтобы напасть вместе с группой Чеверса на совхоз. И по лесной дороге пробирается телега с двумя свиными тушами к лагерю у озера Энгуре.

...Лидумс сидит в лесной сторожке рядом с полковником Балодисом, и между ними идет откровенный разговор.

Юрка дежурит на пороге с автоматом и все меняет примочки. Надо еще придумать, откуда появился синяк. Ребята подзуживают:

— Скажи, что при налете на совхоз тебя сбил с ног хряк...

— Нет, он поцеловал прекрасную свинарку, и та оставила ему отметину на память.

Граф понимает, что Юрка вот-вот взорвется, и приказывает:

— А ну-ка, парни, прекратите!

Граф, как всегда, замещает Лидумса, и насмешники мгновенно растворяются в желтеющих зарослях кустарника. Чуть слышно шипит палая листва под ногами.

А разговор в сторожке идет своим чередом.

— Ты видел Анну, Август? — спрашивает Вэтра.

— Да.

— Как она?

— Молчит.

— Да, она умеет молчать.

Пауза. Оба закуривают, как будто можно дымом сигареты прогнать острую тоску по дому, по работе, по людям. Но тут Вэтра снова чувствует себя Лидумсом, на которого возложена сложная задача, и спрашивает:

— Что будем делать дальше?

— Придется переходить на зимние квартиры...

— Неужели оберегать их еще шесть месяцев?

— Надо.

— А что, если англичане просто не поверили Вилксу?

— Может быть. Англичане достаточно хитры, чтобы опасаться провала. Поэтому мы и оставляем, им время для проверки. Сейчас они все равно упустили все сроки для высадки с моря. Началась пора штормов. Теперь надо готовиться к весне. Готовятся они, будем готовиться и мы. Группу можно распустить до верны, а тебе и Делиншу придется остаться со шпионами. Мы подберем надежный хутор и сообщим адрес. Как похолодает, переселяйтесь туда.

— На всю зиму!

Балодис понимает состояние Вэтры, но говорит как будто о другом:

— Еще никто никогда не подсчитывал моральные убытки, которые может принести советским людям непоиманный шпион. Мы привыкли вести счет материальным ценностям. Но даже и с этой точки зрения деятельность какого-нибудь непоиманного шпиона может принести такой урон, что потом сто раз пожалеешь, почему был таким непредусмотрительным. Сейчас можно уже откровенно сказать, что ваше лето прошло не напрасно. Разве могли мы без вашей помощи поймать Чеверса и его банду без жертв? Ведь бандиты не собирались сдаваться живыми. А сколько еще совершил бы преступлений этот волк? Нет, если бы я мог, я бы подсчитал твои личные убытки: утраченное время, обиды жены, ненаписанные картины, посчитал бы, сколько положительного труда могли бы сделать за это лето твои люди, и оказалось бы, что это огромная ценность. А затем я положил бы на другие весы несостоявшийся налет на совхоз и прикинул, кого из советских людей там убили бы бандиты? Пусть всего лишь одного человека, скажем, сторожа... И вспомнил, что ты мог бы предотвратить эту смерть. Какая же чаша перевесила бы в этом случае? Твоя — со всеми твоими личными несчастьями, огорчениями, с несделанным трудом твоих людей, или та, на которой лежит жизнь этого спасенного тобой человека? Помнишь, у Достоевского есть такой вопрос: ты можешь исполнить свое желание, но знаешь, что от этого зависит жизнь и смерть неизвестного тебе человека, предположим, китайского мандарина. Так будешь ли ты выполнять это свое желание ценой смерти человека? Это не такой уж казуистический вопрос. Ты только что решил его, рискуя своей жизнью. Люди из совхоза никогда и не услышат, что кого-то из них ты сегодня спас от смерти. И никто из людей, может быть, никогда не услышит о том, как ты прожил год в

обществе шпионов и убийц, чтобы спасти чью-то жизнь от рук этих шпионов. Но если тебя спросят: можешь ли ты прожить так год или даже больше, что ты ответишь?

— Пусть в этом хуторе хоть полы вымоют. Прошлый раз нам пришлось остановиться у такого грязнули, что в доме нечем было дышать! — сердито сказал Вэтра.

— Вымоют, вымоют! — засмеялся Балодис. — И баню истопят. Ты, помнится, всегда был любителем крестьянской бани.

— За все лето ни разу не побывал! — жалобно пробормотал Лидумс.

— А как, пишется что-нибудь? — поинтересовался Балодис.

— Какое! — Лидумс махнул рукой. — Так, акварельки! Такие же, какие пишут холодные художники для рижского рынка. Впрочем, есть у меня одна рябинка! — он вдруг оживился. — Когда кончится вся эта маета, перенесу ее на холст и повешу в твоей квартире. Магде, наверно, понравится... — И сразу снова погрузился. Вероятно, вспомнил о своей мастерской.

Балодис был в мастерской недавно. Анна Вэтра не любила работать в мастерской, поэтому там было холодно, пыльно. Балодис долго смотрел на картину «Девушка и море». Как могло случиться, что картина стала предлогом для семейной ссоры? Ничего опасного для Анны Вэтры не было в этом полотне. Девушка стояла напряженно, было понятно, что она ждет кого-то с моря. Ей совсем и не нужен художник, она не замечает, что ее пишут, что на нее смотрят. Она во власти собственных дум.

Он ничего не сказал об этом художнику. Вэтра и сам знает, что Анна не очень занимается его мастерской. Будет время, он вернется туда, допишет и эту картину и напишет десятки других...

Балодис улыбнулся. Странно выглядел сейчас художник. С этим автоматом, с пистолетом, привязанным на шнурке к поясному ремню и опущенным в карман куртки, он больше походил на Чеверса, лесного бандита. Кто бы мог подумать, что он — мастер пейзажа и портрета, что его картины висят во многих музеях...

Пора было прощаться. Балодис поднялся.

— Через несколько дней я сообщу адрес хутора. Сходи туда, покажи его подопечным. Надеюсь, найдем такое жилье, которое им

понравится. А потом распускай людей. Ты знаешь, как это сделать, чтобы не вызвать никаких подозрений.

— Есть, товарищ полковник!

— И напиши домой. Можешь написать, что скоро приедешь на несколько дней...

— Есть, товарищ полковник!

Он вышел из землянки, посвистел. Из леса вынырнули молчаливые люди.

Лидумс посмотрел на солнце. Оно держалось еще высоко. Если поторопиться, то ночевать они будут в бункере.

И пошел впереди, шурша палой листвой, отводя костлявые сучья оголившихся березок и ольховника, сквозь которые солнце выглядело, словно через проволочную колючую сетку. Но это было его солнце, над его землей, и от этого было легко шагать по шуршащим листьям.

Тяжелая болезнь Вилкса, простудившегося на последней осенней охоте, несколько омрачила сцену прощания.

Он, правда, надеялся, что зимовка в добротном крестьянском доме, жаркая печь и сытая еда скоро вылечат его, но прощался с «братьями» печально.

Зато как молчаливо радовались те, чья затянувшаяся «командировка» кончалась! Беспокоило только одно: уже каждый понимал, что весной она неминуемо продолжится. Уж сдался бы, что ли, этот Вилкс! Ведь в нем одном вся загвоздка! Но, видно, этот Вилкс никогда не сдастся!

Вот, наконец, появился карауливший в условном пункте Юрка, сказал, что подвода для Вилкса пришла.

Присели на минуту в полной тишине, исполняя обычай, затем поднялись, помогая Вилксу и Эгле, Делиньшу и Лидумсу. Кто нес тушу козули, убитой Вилксом, кто тащил половину разрубленной свиной туши, — на хутор ехали с подарками. Вот уже Юрка, помавав последний раз рукой, скрылся в лесу, уже дернулись сани, колотясь о землю на тонком снегу, и знакомые места медленно отступили назад, скрываясь в синей дымке зимних сумерек.

Эгле временами подсаживался на сани, чтобы поболтать с коллегой, Делиньш и Лидумс молча шли позади, скрипя промерзлым снегом, то отставая, когда лошадь пускалась рысью, то нагоняя. Им было о чем подумать.

Делиньш думал о том, что завтра его товарищи окажутся в городе. Там они увидят свои семьи, вернуться в привычную обстановку, и все это лето им порой будет казаться приснившимся.

А вот для него, Делиньша, и для командира отряда эта «командировка» затягивается на всю зиму и, кто знает, может, на весь будущий год. Сейчас идет декабрь, а англичане все только обещают свои широкие операции по проникновению... Опять они пропустили лучшее время и теперь переносят все на весну, как будто нарочно испытывают терпение Делиньша и Лидумса. Ну, черт с вами, мы тоже

умеет ждать! Теперь-то они завязли в этой операции, им захочется получить, наконец, дивиденды. Вот тут мы их и поймаем!

Вот как думал Делиньш, когда уж очень уставал от ожидания...

Лидумс раздумывал о том, как отнесется Анна к его затянувшемуся молчанию... Может быть, она так привыкнет к положению «соломенной» вдовы, что больше не пожелает видеть мужа? Что ему предпринять, чтобы это обоюдное молчание не стало слишком опасным? Не следует ли попросить у Балодиса отпуск для устройства личных дел? В конце концов теперь, когда подшефные устроены в безопасном месте, Балодис мог бы разрешить отлучку хоть на две недели, чтобы художник Вэтра устроил свои дела...

Дорога была длинной, трудной, и трудные думы одолевали усталых пешеходов. Но впереди ехали на скрипящих санях люди, отданные им под охрану и ответственность, и нельзя было свернуть с этого проселка на шоссе, где стоило только «проголосовать» и услужливые шоферы за каких-нибудь три-четыре часа доставили бы усталых путников прямо домой, на квартиру, чтобы они начали новую жизнь, вернее — вернулись к старой, такой милой сердцу и уютной.

Но оба продолжали свой тяжкий путь, даже не перемолвившись словом.

Но было и одно утешение: оба они притерлись друг к другу, усвоили достоинства и недостатки один другого, и, кажется, были согласны между собой, хотя и безмолвно, что выбрали для такой долгой засады товарища по сердцу.

Особенно часто думал о том, как важно выбрать товарища по сердцу, Делиньш. Он был еще молод, горяч, не умел сдерживать свои чувства с той осторожной холодностью, какую проявлял его командир. И теперь радовался хоть тому, что трудную зиму будет не с кем-нибудь другим, а именно с командиром. Командир как-то умел сдерживаться, словно раз навсегда сжал сердце в кулаке, и был ровен, приветлив, никогда не повышал голоса, не хмурился, не печалился, не сердился. А Делиньш давно догадывался, что командиру совсем не легко, видно, что-то случилось у него в семье, хотя Лидумс ни слова не говорил о своих неприятностях...

Прошло рождество, наступал Новый год.

На праздники хозяин хутора устроил для своих постояльцев сюрприз: наварил пива, закупил вина, каждому приготовил маленький

подарок. Он был чутким человеком и хотел хоть немного скрасить тяжкую жизнь гостей. Тем более, что она проходила на виду у него, и он видел, как они маются от безделья, неизвестности и неуверенности в будущем.

Даже Вилксу как будто немного полегчало от этих забот.

По радио поймали какую-то церковную службу. Передавали ее не то из Швеции, не то из Западной Германии, но Вилксу было достаточно того, что она напомнила ему о детстве. Пол был устлан можжевельником, на столе стояло угощение, на какое-то время Вилксу и Эгле показалось, что вернулось прошлое. Лидумс и Делиньш не мешали своим подопечным развлекаться, не такой уж сладкой была подпольная жизнь, пусть хоть немного утешатся. Но в назначенное для сеанса радиосвязи время Делиньш все-таки развернул радиопередатчик, настроил его на нужную волну и принял от английского разведцентра очередную телеграмму для Вилкса.

Англичане спрашивали Вилкса о его теперешнем состоянии и интересовались, может ли он приютить и продержать в безопасности одного или двух человек, не знающих латышского языка, пока их дальнейший путь на север не будет налажен...

До сих пор всякий ответ на телеграммы англичан Вилкс обязательно показывал Будрису. Но, то ли сентиментальные воспоминания растрогали его, то ли дала себя знать болезнь, на этот раз не удержался, тут же набросал и зашифровал ответ и попросил Делиньша передать немедленно.

«Могу укрыть ваших людей», —

сообщил он.

И Делиньш, передавая этот ответ, понял, его учитель наконец-то увидел первые плоды своей тяжелой работы. Если уж англичане начали разговор о заброске, он согласен на все, чтобы это дело закончилось как можно быстрее, может быть, англичане догадаются тогда, как сам он нуждается в помощи, и отзовут его из этой негостеприимной страны...

На следующий день Лидумс ушел в район за продуктами.

Пока оперработник, проживавший на соседнем хуторе, ходил по рынку с его кошелкой, Лидумс, вновь превратившийся в Вэтру, звонил

Балодису.

— Кажется, англичане от переговоров с нами переходят к практическому осуществлению своих планов, товарищ полковник, — осторожно сказал он. — Но самое главное в том, что речь идет об одном-двух людях, не знающих латышского. Похоже, что мы должны создать перевалочную базу...

В трубке молчание. Наконец Балодис ответил:

— Боюсь, что это опять только пробный камень. Посуди сам, каким путем они попадут к нам в это время года? Скорее всего речь пойдет о подготовке места приземления для весеннего транспорта. А что говорит Вилкс? Он советовался с вами? Просил вызвать меня?

— Он сообщил англичанам без согласования с вами, что берется укрыть людей... Поэтому я и поспешил сюда.

— В чем дело? — Балодис, вероятно, рассердился.

— Я думаю, это оттого, что он очень болен, — примирительно ответил Вэтра. — Он, наверно, надеется, что те, кто придут, заменят его и ему можно будет вернуться в Англию.

— Ну что же, продолжайте ваше дело. Я пока не поеду к вам, подожду, узнаю, насколько самостоятельным чувствует себя Вилкс.

— Как дела у меня дома, Август? — каким-то чужим голосом спросил Вэтра.

— Отлично! — слишком оживленно ответил Балодис. — Передали Анне три ваших письма и ваши деньги. Ответ я привезу.

Он не сказал: «Ответ получен...» или «Ответ посылаю...» Он сказал: «Привезу сам». Это могло означать только то, что ответа еще не было...

Вэтра положил трубку на рычаг.

Он посидел еще несколько минут в пустом кабинете районного уполномоченного, полистал газеты. Но сегодня и с газетного листа требовательно смотрело лицо Анны. А ведь Анна и не подозревает, какой долгой может стать их разлука...

Оперработник принес аккуратно уложенную кошелку с продуктами. Захватив ее, Лидумс отправился в обратный путь.

На другой день Балодис сообщил через оперработника, что выезжает для консультации в Москву. За время его отсутствия Делиньш принял несколько радиограмм для Вилкса. Теперь англичане

торопили Вилкса, просили адреса надежных квартир, запрашивали о возможностях приземления вертолетов. Они торопились!

Да и Вилкс начал поторапливать их. Он долго терпел свою болезнь, но, как видно, потерял всякую надежду на скорое излечение и писал требовательно:

«Из-за тяжелой жизни в лесу получил болезнь, подобную параличу ног. Без палки трудно ходить. Обстоятельства не позволяют лечиться. Ответьте, можете ли помочь и вывезти меня? Могу указать место, где в любую ночь может приземлиться ваш вертолет...»

Об этом же он писал и в тайнописном послании, в которое включал сжатый отчет о своей работе в течение осени.

В середине февраля Делиньш принял из Лондона ответ на радиограмму Вилкса:

«Обсуждаем, как сделать, чтобы вывезти тебя быстрее. Сообщи, кого оставишь вместо себя? С тобой ли еще товарищ по школе? Можешь ли ты попросить вашего руководителя направить с тобой представителя Будриса к нам? Вопрос о средствах и о помощи, как мы надеемся, будет решен успешно...»

Делиньш передал расшифрованную радиограмму адресату. Вилкс, лежавший возле печки на узком топчане, вскочил, схватил палку, проковылял к лампе.

Лицо Вилкса побледнело, затем начало медленно покрываться румянцем. Он как бы выздоравливал на глазах, — так подействовала на него радиограмма. Лидумс, сидевший у стола с книгой в руках, удивленно вскинул глаза на Вилкса. Вилкс повернулся к нему, крикнул:

— Ура, командир! Ты поедешь со мной! Вот когда мы утрем им нос!

— Куда мы поедем? — Лидумс осторожно положил книгу, встал, с усмешкой глядя на взволнованного Вилкса.

— В Англию поедем, вот куда! В Лондон поедем! Понятно, командир?

— Пока нет! — хладнокровно сказал Лидумс.

— Вот для вас виза! — торжествующе продолжал Вилкс. Он помахал бумагой, и свет в лампе заколебался, бросая уродливые тени на стены, на пышущую жаром печку. — Вот! Читайте! — и протянул радиogramму Лидумсу.

Делиньш смотрел во все глаза на командира. Ему очень хотелось понять, что он чувствует? А Лидумс, пробежав расшифрованную радиogramму, равнодушно вернул ее Вилксу.

— Что же вы молчите? — пораженно воскликнул Вилкс.

— А о чем тут говорить? — Лидумс пожал плечами. — Речь идет о том, чтобы направить представителя Будриса, значит решать этот вопрос будет сам Будрис.

— О чем вы говорите? — не выдержал, наконец, Эгле, все время следивший за переходящей из рук в руки бумагой. — Кто едет? Куда едет?

— Я и Лидумс едем в Англию! — торжествуя, словно бы пропел Вилкс. — И ты поедешь, командир! — переходя на неофициальный тон, с ударением повторил он. — Поедешь, или я не буду больше Волком!

— А я? Как же я? — нетерпеливо порываясь схватить трепещущий в воздухе листок бумаги, закричал вдруг Эгле. — А обо мне там есть?

— Есть, есть, — равнодушно буркнул Вилкс. — Спрашивают о твоём здоровье, поскольку ты останешься здесь нашим эмиссаром.

— Как? Я не еду? Не может быть! — лихорадочно забормотал Эгле. И вдруг закричал: — Это все ты! Это твои интриги! Это ты нарочно притворился больным, чтобы тебя поскорее вывезли! Ты нарочно не подпускал меня к рации! Ты боишься, что я расскажу в Лондоне, как ты тут обольшевичился! Что ты тут говорил про англичан! Думаешь, я не помню? Нет, брат, я все помню! Я еще притяну тебя к ответу!

— Молчи, дурак! — бешено закричал Вилкс. Вся его ненависть к этому трусу и подонку, с которым ему, по воле англичан, пришлось делить столько времени и горе и радости, вдруг вырвалась в этом крике. Лидумс молча положил свою руку на его плечо, и она была так тяжела, что Вилкс рухнул на стул. Делиньш предусмотрительно шагнул к постели Вилкса, там под подушкой лежал пистолет, до которого Вилкс мог дотянуться. Как на зло, в обойме были настоящие

патроны, не те, что привезли когда-то в бункер, когда еще опасались, что шпионы могут угадать правду. Перед осенней охотой поддельные патроны заменили, и теперь любой выстрел, да еще такой рукой, как у Вилкса, мог принести смерть.

Ошеломленный Эгле отскочил в угол, шаря трясущейся рукой по карманам, совсем забыв, что его пистолет находится в тайнике, под полом, где спрятана радиостанция.

— Сидеть! — тихо, но как-то особенно властно произнес Лидумс, и Вилкс притих, только дрожь била его длинное сухое тело. Эгле, присмирив, тоже присел на скамейку у самого выхода, будто намеревался немедля задать стрелкача, если Вилкс повернется к нему. Он забыл, что Вилкс без палки не может передвигаться и все ждал, что на него вот-вот нападут.

— Нервишки разыгрались! — хмуро произнес Делиньш.

— Это верно! — подтвердил Лидумс. — А тебе, Вилкс, надо бы подумать, что от обещания до исполнения — пропасть! Речь идет о весне, а сейчас только половина зимы! Так что вам еще долго придется жить вместе, под одной крышей, есть хлеб от одной буханки. Тебя, Эгле, я тоже не могу простить! Ты знал, куда идешь! Как видишь, хозяева о тебе помнят, — он взял забытый в перепалке листок, медленно прочитал радиограмму, — беспокоятся и о тебе. А уж дальнейшее зависит от них. А теперь — спать! Делиньш, возьми пистолет Вилкса. Получит при надобности!

— Эх, мозгляк, весь праздник испортил! — пробормотал Вилкс в сторону притихшего Эгле, взял палку и проковылял к постели.

Лидумс опять уселся у лампы, как будто ничего не случилось.

Делиньш вытащил из-под подушки пистолет Вилкса, открыл люк подполья и спустился туда.

Выбравшись обратно, он предусмотрительно передвинул свою кровать так, что ножки ее оказались на крышке люка.

Он еще долго лежал не засыпая и все глядел в невозмутимое, словно высеченное из камня лицо Лидумса. Делиньш все пытался представить себе, что скажет Будрис, когда они вызовут его для сообщения о предложении англичан.

По всему выходило, что, кроме Лидумса, идти на связь с англичанами некому. Будриса не пошлют, Силайс чересчур хорошо

познакомился когда-то с Балодисом, чтобы забыть его или не признать. Значит, пойдет Лидумс...

Но как он может быть таким спокойным? Ведь он и так в течение этого года был дома только дважды. Правда, и эти посещения, видно, ему не принесли радости, но если ему придется уйти теперь, то это уж будет так надолго, что невозможно представить, когда наступит день возвращения.

Меж тем Лидумс впился глазами в книгу, чуть шевелятся губы, может быть, он повторяет какую-нибудь особенно понравившуюся строку? А за окном метет мокрая поземка, скребется в окно куст, ни звезды, ни луны не видно в небе, бескрайний лес, который гудит за окнами, как океан в бурю, февраль — месяц ветров! С Балтики уже дует теплом, но оно еще долго не осилит эти снега, эти ледяные озера, эти замороженные стены лесов.

Глядя в лицо своего командира, Делиньш все больше утверждался в уверенности, что, если Лидумсу придется ехать в Англию, он проделает это так же спокойно, как жил все лето в лесу, как зимует на хуторе, как готов перейти обратно в лес, лишь только это потребуется. Он будет продолжать эту игру до ее естественного конца, сколько бы она ни продолжалась.

Утром Делиньш, выйдя вместе с Лидумсом из дома под предлогом «разведывательной» прогулки, набравшись храбрости, спросил:

— Товарищ Вэтра, неужели вы действительно вот так и поедете в Англию, оставив родных и близких, никого не повидав? Похоже, что Вилкс поедет только с вами...

— Ну и что же?

— Но ведь неизвестно даже, сможете ли вы когда-нибудь вернуться? Если англичане разоблачат вас, они упекут вас на всю остальную жизнь в какую-нибудь тайную тюрьму...

— Кто-нибудь должен ехать, Линис, — тихо ответил Вэтра. — Мы обязаны знать, что собирается предпринять противник. Ну, а в случае разоблачения... — он помолчал немного, усмехнулся и сказал: — Несколько лет назад американцы с большим шумом объявили, что они арестовали у себя советского шпиона. Был назначен открытый процесс. Собралось сотни две корреспондентов. Полицейские вывели на скамью подсудимых человека, который не говорил по-русски. Он

назвался канадцем. От защитника он отказался, так как не считал себя ни в чем виновным. Предложенный судом адвокат ничего не добился, подсудимый только попросил доставить ему несколько альбомов и пачку хороших карандашей. И суд начался.

Со стороны обвинения выступили два свидетеля: финн и американец, которые утверждали, что обвиняемый — русский, что он шпион, что они — свидетели — передавали ему секретные данные. Обвиняемый не отвечал. Он сидел за своим столиком и что-то писал в блокноте. От последнего слова он тоже отказался. Тогда назначенный судом защитник взял слово и сказал, что судить надо не обвиняемого, а свидетелей обвинения, которые продали свою родину: финн даже дважды, — и свою и Америку, — а его подзащитный, не желающий защищаться, если он даже и действительно русский, только боролся за свою родину и притом в неравных условиях. А вам, господа судьи, он ответил вот чем! — и предъявил то, что делал подсудимый во время суда. Подсудимый рисовал! Он рисовал судей, присяжных заседателей, — их в американском суде бывает двенадцать человек, — свидетелей обвинения, и все это были отличные рисунки, одни злые, другие добрые, но это был голос художника. Такого человека действительно можно уважать!

— А где он сейчас?

— Ему дали двадцать лет каторжной тюрьмы.

— И он никогда не... выйдет? — Делиньш хотел сказать: «Не вернется!» — но в последнюю минуту поправился.

— Кто знает? Мир так переменчив. Этим человеком все еще интересуется общественность. Прошлой зимой мне пришлось читать, что этот человек, даже сидя в тюрьме, занимается разными изобретениями, которые были рассмотрены в управлении тюрем и приняты. Очень может быть, что ему еще сбавят срок...

— И он вернется к нам?

— А разве я сказал, что он русский? Об этом в деле нет ни одного слова, кроме показаний свидетелей обвинения, а они могут быть ложными.

— Ну, если он такой человек...

Лидумс улыбнулся, поняв недоговоренное. Да, Делиньш прав, хотя бы в том, что только в защите больших идей рождаются большие характеры. И мягко сказал:

— Ты привык к тому, что наши враги, попав к нам в руки, начинают немедленно выдавать всех и вся. Это естественно, потому, что они и сами не очень уверены в правоте своих идей, а уж в их чистоте тем более. Но этот человек мог быть с таким же успехом и представителем другой страны, только убежденным в своей правоте. А таких стран в мире теперь много.

— Я знаю другое, — хмуро проворчал Делиньш, — я знаю, почему вы о нем вспомнили. Думаете, дадут ли вам блокноты и карандаши...

— Я думаю, что они мне не понадобятся...

— То есть, что можно обойтись и без них?

— Не будем задавать вопросы судьбе. Она слишком часто преувеличивает опасность!

Делиньш умолк, искоса поглядывая на своего спутника. Шел густой снег, похожий на падающую с неба светлую кисею, и за этой кисеей лицо Лидумса казалось печальным. Если он и задавал вопросы судьбе, то, наверно, совсем не о том, о чем думал Делиньш.

Они повернули назад и медленно побрели к хутору, где их с нетерпением ждали люди, которых они обязаны были охранять.

А охранять шпионов пришлось...

Утром Делиньш увидел, что к хутору кто-то подъезжает на санях. Проселочная дорога осталась в стороне, ехали именно сюда.

Делиньш окликнул командира.

Лидумс оценил всю опасность. Приезжие увидят на хуторе незнакомых людей, может быть, попытаются проверить документы, возможна стрельба. Он приказал Вилксу и Эгле спрятаться в подполе и сошел вслед за ними.

В это мгновение Делиньш узнал человека, слезавшего с саней. Это был заведующий роно. Когда-то Делиньш, бывший еще Линисом, учился вместе с ним и даже жил в одном общежитии.

Делиньш вышел, мгновенно замкнул дверь висячим замком и поманил заведующего к сараю.

Разговор был коротким.

— Вы меня узнаете? — спросил Линис. Заведующий роно вытаращил глаза. — Я выполняю здесь задание органов госбезопасности. Прошу вас немедленно уехать. Все справки можете навести у оперуполномоченного, — он назвал фамилию.

— Но позвольте, — заведующий роно повысил голос, — в этом доме жил мой родственник. В прошлом году он был убит бандитом. Я должен получить оставшееся после него имущество!

— А я предпочитаю сначала поймать убийц! — сухо сказал Линис. — Имущество из этого дома, дрова со двора и сено из сарая никуда не денутся, а убийца имеет обыкновение исчезать и убивать в другом месте. Так что прошу немедленно уехать!

Заведующий готов был поднять крик, но уполномоченный сельсовета, сопровождавший наследника, и двое понятых — один, что подвез их, второй — сторож сельсовета, — вовремя вспомнили, что у них в районе всю зиму живет оперуполномоченный КГБ и с ним еще один работник — радист. Они удержали наследника от безрассудства.

— Хорошо, я уеду, но вы мне еще ответите за превышение власти! — пробурчал покрасневший от бешенства заведующий роно и влез в сани.

Завроно свое слово сдержал. Едва Делиньш выпустил Лидумса и охраняемых из подпола, на дороге показался новый посетитель. Всем пришлось снова лезть в погреб.

На этот раз Делиньш не ждал посетителя, а бросился навстречу. Это был радист группы охраны, которому категорически запрещалось появляться в пределах хутора.

Радист-лейтенант, увидев взбешенного Делиньша, взмолился:

— Вы не знаете, товарищ Линис, что делает этот наследник! Уж не понимаю, чем вы его обидели, только он поставил на ноги все начальство! Потребовал проверить, кто живет в доме его родича, что тут делаете вы. Если мы не успеем сообщить в Ригу, то вам тут жизни не будет!

— Похоже, что жизни тут нам во всех случаях не будет! — буркнул Линис, выпроваживая посетителя подальше. — Свяжитесь с Ригой, сообщите, что мы снова уходим в лес.

— Да ведь холодно же, вода вокруг, и снега в лесу по пояс!

— Ничего не поделаешь! Я совсем не хочу, чтобы из-за одного дурака пострадало все наше дело. Завтра или послезавтра мы уйдем. Постарайтесь только удержать этого ретивого чиновника, чтобы он не полез сюда снова.

Линис вернулся в дом озабоченный. Вилкс и Эгле, вылезшие из убежища, поняли, что над их головами сгущаются тучи.

Общее настроение выразил Лидумс. Он сказал:

— Как стемнеет, я поеду искать более надежное место. А вам я советую не подавать признаков жизни. Огня не зажигайте, а еще лучше — укройтесь в подполье.

— У нас же сегодня сеанс двухсторонней связи, — напомнил Вилкс.

— Хорошо, я поеду после сеанса, — согласился Лидумс.

В этот вечер была принята самая важная для Вилкса радиограмма. Англичане переходили к решительным действиям. Они сообщали:

«Принимай меры по подготовке рыбака, который мог бы в одну из ночей между двадцать четвертым апреля и четырнадцатым мая вывезти тебя и назначенного руководством влиятельного человека в какой-нибудь заранее назначенный квадрат моря в тридцати милях от побережья. Встреча с нашим судном должна произойти между полуночью и пятью часами утра по московскому времени...»

Поздно вечером Лидумс поехал к оперработнику. Дела принимали такой оборот, что требовалось вмешательство руководства.

Ночью приехал Балодис-Будрис.

После доклада Лидумса он долго молчал, что-то обдумывал. Кажется, Лидумс понял, о чем думает полковник, потому что тихо сказал:

— Вилкс не согласится никого взять с собой, кроме меня. Он уже сказал мне об этом.

— Ну-ну, Викторс, — остановил его полковник, — ты уже и так натерпелся достаточно! Мы еще подумаем над этим предложением. В конце концов англичане просят «кого-нибудь». Не Вилксу решать этот вопрос.

— Но ему будет легче представить меня. Как-никак, но мы ели из одного котла почти целый год! — напомнил Вэтра.

— Я совсем не хочу, чтобы ты весь век оставался разведчиком! — сердясь на то, что Вэтра, в сущности, прав, и не желая в этом сознаться, заметил полковник.

— А не ты ли, Август, любил повторять фразу Хемингуэя: «Впереди еще пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал контракт на весь этот срок»? — грустно напомнил Лидумс. В эту минуту он подумал о том, что, кажется, и сам подписывает этот пятидесятилетний договор.

— Художники тоже нужны народу!

— Ну что ж, буду писать английские пейзажи, ходить по музеям, изучать подлинники Тернера... Я всегда интересовался английским искусством, — чуть натянуто пошутил Вэтра.

— Перестань, дорогой мой!.. Мы еще посоветуемся с Павлом Михайловичем. Утром он прилетит в Ригу и сразу приедет сюда. Давай пока отдыхать. Тебе, наверное, после встречи с Павлом Михайловичем еще придется пойти в лес и посмотреть бункер. На хуторе оставаться, и верно, не стоит. Пусть Вилкс и Эгле еще подрожат за свои шкуры, а то у них все пока проходило без сучка, без задоринки. Так недолго и привыкнуть к мысли, будто у нас тут для шпионов райское житье.

Спать легли тут же, в одной комнате, на приготовленной хозяином целой копне сена, покрытой полостью и простынями. От сена казалось, что уже наступило лето, что за окном должна быть жара, вот сейчас вскочи — и беги купаться в тихую заводь, над которой толкуются столбики белых бабочек дубового шелкопряда и синие мотыльки поденки. И сны от сена были какие-то суматошно радостные, солнечные, от которых и утром еще хотелось улыбаться.

Утром Вэтра и Балодис долго сидели за столом, лениво переговариваясь, не касались только двух тем: вызова в Англию и семейных дел Вэтры. Об Анне художник спросил Балодиса сразу, как только увидел его. Но Балодис ответил что-то слишком коротко: сказал, что редко встречает ее. Поэтому о ней лучше было молчать.

Генерал приехал в этот глухой хутор к полудню, прямо с аэродрома.

Обняв Вэтру за плечи, потряс его, словно примеряясь, он ли это.

— Ну, рассказывайте! — И плотно сел на стул, как будто рассказ должен был длиться по крайней мере до утра.

Вэтра знал, что Павлу Михайловичу все отлично известно, поэтому лишь сказал:

— Английская разведка предложила Вилксу подготовиться к выезду в море. На randevу придет какое-то судно. Вилкс должен взять

с собой «представителя подполья». По-видимому, английская секретная служба решила начать согласованные действия на нашей территории.

— На какое время назначено это рандеву?

— Между двадцать четвертым апреля и четырнадцатым мая.

— Ну, они не торопятся! — сказал генерал. — Предупреждают за месяц! Нет ли тут какого-нибудь подвоха? Когда у нас самые темные ночи?

Балодис вытащил карманный календарь, полистал его.

— Новолуние с четвертого апреля. Первая четверть с одиннадцатого, луна появляется на очень короткое время. Полнолуние с двадцатого. Последняя четверть с двадцать седьмого.

— Вы дали им возможное место высадки? Места для укрытия?

— Да, две недели назад.

— Охрана места высадки и укрытий налажена? — генерал обращался к Балодису.

— Особых мер не принимали, но эти места указаны после согласования с пограничниками.

— Возможное место для высадки воздушного десанта указано?

— Да, в той же радиограмме и в отдельном письме. Это место взято под наблюдение.

— Все это хорошо, но чует мое сердце, что англичане готовят какой-то подвох! — с сердцем сказал генерал.

— Но почему? — воскликнул Вэтра. Теперь, когда он столько времени потратил на охрану шпионов, когда через его руки проходила вся переписка их с разведцентром, он чувствовал себя обиженным этим недоверием Павла Михайловича, как будто Павел Михайлович не очень верил, что он, Вэтра, все сделал хорошо.

Генерал задумчиво говорил:

— Англичане когда-то считались королями разведки. Еще бы, им надо было наблюдать чуть не за все миром, чтобы хоть как-то сберечь свое влияние. У них под наблюдением были индусский мир, мусульманский мир, христианский белый царь, немецкий кайзер, итальянский король и, наконец, растущий дядя Сэм. И во всех случаях они действовали сразу двумя способами: фронтально, то есть ища сближения с недовольными чем-то в разведываемом мире, и с черного хода, засылая своеобразный контроль для проверки этих самых

«сблизившихся». Этот метод вполне себя оправдывал, когда они ссорили между собой племена и магараджей Индии, арабские племена, натравливали пакистанцев на Афганистан, а пуштунов на пакистанцев или, наконец, ставили ставки одновременно на наших белогвардейцев и на господина Савинкова, на эсеров и на Колчака. Я не думаю, чтобы они очень переменялись теперь, хотя империя их весьма поубавилась — не по их воле и желанию... Думается, они еще устроят проверку и вашей «лесной группе», и вашему подшефному Вилксу.

— Что же делать? — недоуменно спросил Вэтра. — Ждать их где-то в другом месте? Закрывать нашу контору по охране шпионов?

— Ну, ну, зачем же такие крайние меры? Ждать в другом месте будем мы, а охранять своих подшефных — вы. И все очень скоро выяснится. Во всяком случае, до двадцать четвертого апреля! О всех своих планах они вашему Вилксу или нашему Линису все равно не расскажут. Кстати, кто, по-вашему, должен пойти с Вилксом?

— Я! — Вэтра выпрямился, настороженно глядя на генерала. — Полковник Балодис уже знает, что Вилкс предпочитает взять с собой именно меня.

— И вы боитесь, что начатую так блестяще игру вам не удастся закончить? — Генерал рассмеялся. — Видно, Август Янович напугал вас, что пойдет туда сам?

— Нет, этого он не говорил, но предупредил, чтобы я не очень надеялся, — признался Вэтра.

— А вы понимаете, какая на вас ложится ответственность? Наконец, мы получаем возможность заглянуть в их котел и понять, какое варево там готовится. В случае вашего появления там, мы сможем в какой-то мере влиять на всю их политику шпионажа против нас... А что будет с вами, если вас разоблачат?

— То же самое, что произойдет с любым, кто пойдет вместо меня, — тихо ответил Вэтра. — Разница только в том, что меня будут проверять менее тщательно, так как за меня поручится Вилкс. А за нового для него человека он, возможно, и не захочет ручаться.

— И вы готовы отправиться туда, не зная, как и когда окончится это путешествие? Ведь вы и так за этот год были дома не больше трех дней!

— На войне редко дают отпуска, Павел Михайлович! — последовал ответ.

Генерал переглянулся с Балодисом, что-то прочитал в его глазах, сказал:

— Пожалуй, мы преждевременно начали этот разговор. Давайте вернемся к нему позднее, когда намерения наших противников определятся.

Он встал из-за стола и заходил по комнате. Начинался строгий деловой инструктаж. Надо было подумать и о том, чем занять шпионов на то время, пока англичане будут готовить свою «операцию», и еще не раз дать им почувствовать, что не так-то уж просто сидеть в лесах Латвии. Если англичане вывезут Вилкса, у него должны быть круглые от страха глаза, когда он будет вспоминать лесную жизнь, — только тогда он станет неоценимым помощником Лидумсу — «железному руководителю «лесных братьев», и столь же бесценным восхвалителем «подпольного вождя» Будриса... Проще всего воспользоваться суматохой на хуторе, вызванной приездом завроно, и уйти в лес сейчас же. Конечно, Вэтре и его товарищам придется несладко в весеннем холодном лесу, но это придаст особо трагическую окраску будущим рассказам Вилкса в Англии о его мытарствах и его официальному докладу о пребывании на территории СССР, которого от него потребуют в «Сикрет Интеллидженс Сервис».

На следующее утро Лидумс-Вэтра ушел осматривать бункер.

Да, их ждала нелегкая, жизнь.

А, тут еще заболел Бородач, — и Вилкс опять перетрусил не на шутку. Лидумс доложил Будрису о болезни Бородача и попросил вывезти его из леса. А Юрка и Граф, проводив товарища до ближайшей больницы, выполнили точную инструкцию Балодиса-Будриса и разыграли сцену бегства от чекистов. Снова пришлось менять бункер, брести по сырому лесу, мерзнуть... Зато Вилкс и Эгле проходили хорошую школу лесной жизни.

Но вот наступило самое главное — англичане начали выполнять обещанное.

С моря дул вязкий сырой ветер.

После захода солнца, в половине восьмого стало быстро темнеть, и через полчаса уже нигде не проглядывали заезды, не видно было ни клочка чистого неба. Тучи обложили все вокруг словно подушки, в которых глохли даже звуки. Только Ужавский маяк посылал через равномерные промежутки времени острый пронзительный луч в сторону моря, показывая идущим по фарватеру кораблям, что пора брать курс на Вентспилсский порт.

Генерал стоял возле каменного сарая, куда пограничники тянули телефон. В сарае создавался временный командный пункт.

Павел Михайлович поежился от сырости и холода, спросил:

— Где Балодис?

— А вон он, — с усмешкой сказал находившийся в сарае подполковник, протягивая руку к морю.

На берегу стоял человек. Вот он шагнул вперед, в накатную волну, наклонился, словно попробовал воду на ощупь, и бросился крупными прыжками дальше в море.

— Что он, с ума сошел? Давно ли от берега лед отогнало?

— А он это и зимой проделывает! — снова усмехнулся подполковник.

В сарайчике вспыхнул свет, зазвонил телефон. Генерал недовольно сказал:

— Позовите его. Начинается! — и прошел в сарай.

Но Балодис уже заметил свет, а может, замерз в ледяной воде, во всяком случае, он торопился. Попрыгав по берегу, он оделся и пошел вслед за подполковником на командный пункт.

В сарае было тепло от печки-временки. Павел Михайлович, сняв пальто, расположился у телефонного столика. Радист монотонно выговаривал позывные, пищал зуммер — все было так, как бывало в далекие дни войны...

— Ну как, обеспечили себя насморком? — спросил Павел Михайлович, наблюдая, как Балодис расчесывает мокрые волосы. — Вызовите радионаблюдателя, узнайте, работала ли станция Вилкса или нет?

— Разрешите доложить, — отозвался из угла радист, — станция Вилкса молчит. Центр его тоже не тревожил ни вчера, ни сегодня.

— Задача! — проворчал генерал.

Он все еще считал, что англичане попытаются действовать и в лоб, через Вилкса, и боковым ходом. С четвертого апреля, дня новолуния, генерал попросил усилить береговую охрану участков морского побережья, указанных Вилксом англичанам, как наиболее удобных для высадки шпионских групп. Он был убежден, что высадка новой шпионской группы будет произведена совершенно внезапно, и англичане не станут предупреждать Вилкса. Поэтому вот уже десятый день недосыпали пограничники, техники, мореходы. И все чаще слышались скептические замечания, что предполагаемая операция не более как учебная тревога.

Но сегодня перед заходом солнца маленький рыбацкий сейнер, промышлявший в открытых водах, вдруг передал, что видел в море судно типа торпедного катера, шедшее под шведским флагом. Больше всего капитана сейнера поразила скорость судна: по его расчетам, не меньше сорока пяти узлов.

Генерал, получивший эту радиограмму из Вентспилсского района, сказал:

— Похоже, что это он. «Люрсен-С». Делать ему здесь, у наших берегов, без шпионской группы на борту нечего.

Начальник отряда «Морских охотников», до сих пор относившийся скептически к самой возможности появления чужого судна в территориальных водах, которые он должен был охранять, услышав о подходе «Люрсен-С», побагровел от бешенства.

— Вот нахал! Я подготовлю группу «Морских охотников» и прижму этот катер к берегу.

— Так он вам и дастся! — заметил генерал. — Если он обнаружит ваши катера, он спокойно удалится, может, даже посигналит на прощание. И вся наша операция сорвется.

— А береговые батареи? — настаивал разгневанный морской хозяин.

— Нет, на этот раз лучше уж принять его груз. Я не возражаю, если к одной из следующих встреч вы приготовите такие же быстроходные катера и прижмете этот «Люрсен-С» к берегу. Но сейчас нам пока выгодна его безопасность.

Хозяин морской границы умолк. Ему оставалось только отыскать этот катер своими радарам и следить за ним издалека. На сближение с нарушителями границы шли одни чекисты.

Штаб наблюдения решили устроить на берегу, в непосредственной близости от того места, которое было указано Вилксом для высадки. И вот теперь все наблюдатели были в сборе, а где-то неподалеку от них болтался катер «Люрсен-С», одна из последних моделей гитлеровского судостроения, скороход, приспособленный специально для налетов на побережья и диверсионной деятельности.

Прозвучал короткий сигнал: катер засекали радиолокаторы.

Он шел прямо на пеленг Ужавского маяка и уже вошел в территориальные воды.

Возможно, начальник отряда «морских охотников» и был прав. Если бы он своевременно вызвал свои катера, они, наверно, сумели бы отрезать этому нахалу путь к отступлению. Но генерала интересовало именно «груз» катера; его интересовало и то, почему никто не вызывает рацию Вилкса, почему Вилкса не предупреждают, что он может уехать...

Да, по всему было видно, что это всего-навсего боковой ход англичан.

Второй сигнал сообщил, что катер остановился в трех милях от советского побережья. Третий — что катер развернулся и направился в открытое море.

Стоянка у нашего берега продолжалась четверть часа. Катер, видимо, приходил только для того, чтобы доставить «груз», а совсем не за Вилксом. Вот кто будет разочарован больше всех!

Генерал улыбнулся, но никто не заметил его улыбки. Все ждали.

— Ну что же, можно осторожно выйти, — предложил генерал. — Шлюпка при таком ветре будет добираться до берега не меньше тридцати минут. Мы даже можем просто встретить «гостей» на берегу.

Он разрядил этой шуткой напряженное молчание. Кто-то засмеялся, представив, как удивились бы шпионы, встретив на берегу

молчаливую кучку «встречающих». Начальник пограничной заставы хмуρο проговорил:

— Встретят и без нас. А то еще нашумим на берегу...

Но из сарая вышли все. Темное море шумно накатывалось на песчаный берег, шумел лес, рокотала вода в ручьях, скатывавшихся из болот и с лугов. По-прежнему было темно, а после яркого света в сарае темнота казалась особенно давящей.

— Значит, Вэтра может быть спокоен? — задумчиво спросил Балодис, останавливаясь под защитой сарая, где не так наваливался тяжелый ветер.

— Не думаю. Это, вероятно, тоже только еще одна проверка Вилкса и его положения в группе. Впрочем, это станет ясно через час. Если прибывшие направятся на ваш хутор, все в порядке, если же пойдут другим путем, тогда англичане не очень доверяют сообщениям Вилкса, и все мучения Вэтры и его людей еще не оплатились...

Продрогнув на сыром ветру, вернулись обратно в сарай. Радист уже ждал их.

— В лодке четверо, — шептал он, глядя на командиров хитрыми глазами. — Лодка резиновая, надувная, идет плохо, но они приближаются. Сигналов не подают, значит, их никто не встречает. Наши люди рассредоточены по всему участку высадки, приказ — не стрелять, не обнаруживать себя — знают. Чертовски холодно... — и вдруг прикрыл рот рукой, извиняющимся тоном добавил: — Это он, а не я...

— Ладно, ладно, продолжайте! — сказал генерал и обратился к начальнику заставы: — Всем принимавшим участие в операции дополнительный отдых.

Радист зашептал еще тише:

— Высаживаются. Носят груз. Много. Очень много. Шесть мест. Восемь мест. Как они все это утащат? Закапывают лодку. Маскируют следы.

За окном беззвучно текла ночь, а здесь слышался только шепот. Он то прерывался, то убыстрялся, и каждый находящийся здесь сам рисовал себе всю картину молчаливой ночной высадки.

Вот высадившиеся — четыре человека — перетаскивали весь груз через холмистый взгорбленный берег, вот они остановились почти у самой дороги и тут начали делить имущество: одно надо было

закопать, другое взять с собой. Вот они разделились, двое пошли налево, к Вентспилсу, двое других направо, на Клайпеду. И вслед за ними разделились наблюдающие.

Голос передающего стих. По-видимому, операция сворачивалась. Там, на шоссе, оставались только те, кто должен был проследить весь путь нарушителей.

В сарае стало тихо. Каждый по-своему переживал то, что произошло. А не допустили ли они промаха? Почему бы не взять всех четверых на берегу? Сейчас они могут оторваться от своих преследователей, оторваться даже не потому, что заподозрят слежку, а потому, что их учили прежде всего скрывать свои следы. Вот успели же они сначала закопать свою лодку, затем разровнять следы на песке, укрыть свои грузы, а ведь в их распоряжении была всего лишь короткая весенняя ночь. А что они предпримут дальше?

За окном светало, но никто не хотел ни двигаться, ни разговаривать. Где-то в здании пограничной заставы шутили и пересказывали друг другу подробности тревожной ночи вернувшиеся пограничники: там длинная, тревожная ночь окончилась, а здесь время тревог и ожиданий только начиналось.

О первой неожиданности сообщили еще до рассвета. Двое лазутчиков благополучно добрались до указанного им хутора, но тут один раздумал, что ли, и вдруг ушел вдоль Венты. На открытом месте преследовать его было нельзя, и он исчез где-то в Журавлином болоте. Второй постучался на хутор и был принят хозяином.

Еще через полчаса пришел с докладом капитан, провожавший вторую пару. Эта пара остановила первую грузовую автомашину, и шофер посадил их в кузов. Но поехали они не в Клайпеду, в сторону которой шли пешком, а как раз в Вентспилс. В Вентспилсе они вылезли из грузовика и пересели на рижский автобус.

Итак, результат операции оказался совсем не таким, какого они ждали. К Вилксу был направлен всего один человек, остальные шли своими путями. Значит, какие-то сомнения в отношении положения Вилкса в Латвии у английской разведки были.

Теперь можно было быстро обезвредить этих пришельцев. А уж потом дело Вилкса убедить хозяев, что без связи с ним засылать людей сюда — пустые хлопоты.

Наконец день встречи на море был обусловлен.

Вилкс и Делиньш укрылись в подземном убежище на том самом хуторе, где недавно отсиживался Петерсон. Вэтра уехал прощаться с женой.

Он сидел в Вентспилсе, на тихой квартире, и беседовал с гостями. Среди гостей были генерал, полковник Балодис и председатель республиканского Комитета госбезопасности Егерс.

Инструктаж заканчивался, когда генерал вдруг сказал:

— Не верится мне, что англичане не придумают еще какого-нибудь хода! Недаром они спрашивали, может ли лодка достичь острова Готланд и даже передали Вилксу условное имя, под которым его там ждут.

Вэтра посмотрел на генерала. Павел Михайлович выглядел утомленным. Весь этот месяц ему пришлось кочевать между Москвой, Ригой и Вентспилсом.

Генерал откинулся в кресле, посмотрел в окно, как будто сидел тут один и размышлял сам про себя. Остальные замолчали, может быть, и не соглашаясь с ним, но не желая возражать. Павел Михайлович взглянул на Вэтру.

— Ну, что ж, как бы они не вели себя, вам-то, Лидумс, надо исполнить их инструкцию с наивозможной точностью. Но дальше обусловленного с англичанами квадрата, а тем более к острову Готланду не подходить. Эти пройдохи пытаются сделать главное руками шведов. Ваш Вилкс прав, они всегда пытаются делать грязные дела чужими руками! — и, меняя тон, вдруг спросил у Егерса: — А какие подарки вы пошлете нашим старым знакомым — Силайсу и министру Зариньшу?

Егерс от неожиданности засмеялся.

— Подарки? Неужели еще нужны подарки?

— Вы забываете, что снаряжаете посла! Он должен доставить дары своей земли тем, кто его ждет. Я бы, например, послал Зариньшу шкатулку с янтарем. Ну, а Силайсу... — Он задумался: — Силайсу

можно послать тот письменный прибор, что стоит у вас на столе: много камня и мало таланта.

— Помилуйте, Павел Михайлович, меня же комендант заставит писать акт! Прибор-то у него в описи имущества! — председатель засмеялся: — Представляю, какое лицо он скорчит, когда я ему скажу, что отправлю это произведение артельного искусства в Англию!

— Я вам подпишу акт, что нечаянно уронил его и разбил. И что осколками этого прибора вымощены две улицы в Риге. По-моему, там камня хватит как раз на две улицы.

— А я положу в рюкзак Вэтры несколько бутылок армянского коньяка. Говорят, его очень любит Черчилль, — сказал Балодис.

Они перешучивались, улыбались, но в глазах была тревога. Эта встреча могла стать вообще последней встречей с Вэтрой. Стоит англичанам что-нибудь заподозрить, и Вэтра никогда не вернется: нож, пуля, превысившая законную скорость машина, да мало ли что могло случиться с ним, если он хоть чем-нибудь выдаст себя!

— Ну что ж, Виктор Федорович, — по-русски назвал Вэтру генерал, вставая. — Давайте простимся, как положено перед дорогой!

Вэтра поднялся, и они обнялись, неловко прижавшись щекой к щеке.

Встали и Балодис с Егерсом.

Попрощавшись, Вэтра и Балодис ушли. Они снова превращались в Будриса и Лидумса. Будрис должен был проводить Лидумса в убежище и там побеседовать с Вилксом.

Председатель комитета звонил в Ригу, чтобы подготовили и привезли подарки.

Павел Михайлович остался один.

Он бродил по пустой квартире, пытался читать, то включал, то выключал приемник, но ничто не занимало его. Он думал о будущем.

Что хотели сказать англичане, когда советовали Вилксу добраться до Готланда, если встреча в море не состоится? Может быть, они думали при помощи шведов, у которых подкармливается в разведке немалое число беженцев-латышей, проверить «посла» латышской подпольной организации? Нет! Скорей всего англичане боятся, как бы их катер не захватили. Если это так, то на randevу они не придут, пытаясь добиться своего если не приказом, то хитростью. Сказать, что они не нашли в открытом море маленькую рыбацкую лодку, просто.

Но если «посол» и Вилкс возвратятся обратно, им ничего не останется делать, как открыть свои карты. И тогда они вынуждены будут отказаться от посредников.

Нет, он прав, запретив Вэтре идти на Готланд. В этом случае будем считать, что в неудаче виноваты англичане. И англичане примирятся! Если не в эту ночь, так в другую они придут за своим бесценным Вилксом и увезут Вэтру!

Окончательно придя к этому убеждению, генерал повеселел, накинул пальто и вышел на улицу.

Но еще долго бродил он один по вечернему Вентспилсу, смотрел на отдыхающие в порту корабли, сидел у памятника погибшим в море рыбакам и матросам, и все время словно бы сражался с невидимым, но умным противником, то угадывая его игру на несколько ходов вперед, то вдруг останавливаясь на каком-нибудь пустячном несовпадении и начиная все сызнова. Игра становилась очень опасной. Это были уже не шахматы, а дуэль в потемках или с завязанными глазами.

Поздно вечером он зашел к уполномоченному КГБ в Вентспилсе. Там сидели председатель республиканского комитета и уполномоченный, вернувшийся из Риги с подарками.

— Подарки я передал Балодису, — деловито сказал председатель комитета, и шуточных ноток больше не было в его тоне. — Балодис и сейчас сидит у радиста. Лодка вышла из Вентспилского порта после проверки пограничниками...

На столе лежала расшифрованная радиограмма Вилкса:

«Четырнадцатого мая в двадцать три часа пятьдесят выхожу из Вентспилского порта и пойду прямо по курсу на запад. В лодке будут три человека — рыбак, я и упоминавшийся ранее офицер».

Оставалось одно — ждать.

Волнение было столь велико, что никто не уходил домой, хотя известие о ходе операции не могло поступить раньше утра. Генерал знал, — вот так же напряженно сидит сейчас Балодис у радиста, так же взволнованно щупает мир усиками антенны Делиньш на своем укромном хуторе, и англичане, если у них заранее не запланирован

«провал» этой операции, тоже прослушивают мир, ожидая сообщения с катера о встрече в море с лодкой Вилкса.

Но завтра надо было снова браться за работу со свежей головой, и генерал категорически приказал всем расходиться. Достаточно того, что Балодис дежурит.

Однако утром все пришли задолго до начала работы.

На столе лежали две радиограммы: Делиньш сообщал о времени выхода рыбацкой лодки, а разведцентр отвечал, что катер рыбацкую лодку не встретил. И заканчивал:

«Из-за недостатка горючего быть там в следующую ночь не сможем...»

Итак, лодка болталась в море, но англичане вдруг оказались неподготовленными к встрече! Балодис и Егерс удивленно поглядывали на Павла Михайловича, — как он мог столь точно предсказать развитие событий! Они-то были убеждены, что пассажиры давно уже находятся на катере. Вчера они не спорили с Павлом Михайловичем только из уважения, ну и еще из маленького желания позлорадствовать, когда операция закончится согласно плану, спросить: «Вы, помнится, говорили, что англичане нас подведут?» Но англичане и на самом деле подвели!

— Ну что же, теперь ничего не поделаешь! — сказал генерал, словно не замечая удивленных взглядов Балодиса и Егерса. — Торопить подозрительных англичан опасно и неразумно. Попрошу вас, дайте указание передать через рацию Вилкса еще одну радиограмму. Балодис прочитал текст:

«Лодка... останется в море в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое и будет ожидать вас. Возвращение связано с большим риском для друзей. Приложите все усилия для того, чтобы в эту ночь обязательно встретит их. Барс».

Ответ англичан Балодис привез с собой. Англичане прекратили операцию.

Павел Михайлович молча подчеркнул последнюю фразу радиограммы:

«Будьте осторожны, возможно, ситуация опасна».

— Вот главная причина! Они хотели произвести еще одну проверку — и произвели. Но Вэтра не пойдет на Готланд. Операция не прекращается, а откладывается. Вероятнее всего, на осень. А пока перейдем к очередным делам.

— Бр-р-р! Не хотел бы я болтаться две ночи в открытом море в этой рыбацкой лодке! — пробормотал Балодис. — Ведь они-то не знают, что англичане отменили операцию!

— Узнают этой ночью, когда никто не ответит на их сигналы. Предупредите Вэтру, чтобы готовился отправиться осенью. И скорее всего, его возьмут прямо с берега. Дайте ему отдохнуть и проведите дополнительную подготовку к будущей поездке. Она все равно состоится!

В этот день штаб операции «Янтарное море» временно прекратил свою деятельность. Для наблюдения за Петерсоном и другими достаточно было усилий одного Балодиса.

Вновь штаб собрался двадцать пятого сентября.

В том же сарае на берегу моря заработали рации, зазвонили телефоны. На этот раз англичане переправляли троих человек и забирали Вилкса и Лидумса прямо с берега.

В ночной бинокль Павел Михайлович видел подошедший к побережью катер. А на берегу Делиньш прощался с Лидумсом и сумрачно смотрел на приближающуюся гребную лодку, в которой сидели шестеро: трое гребцов и трое шпионов. Вот шпионы вылезли из лодки, на их места сели Лидумс и Вилкс, и лодка отвалила от берега.

Делиньш последний раз помахал Лидумсу рукой, хотя в темноте этого Лидумс все равно не видел. Делиньш провожал товарища в дальнее путешествие, которое было сопряжено со смертельной опасностью. Но ведь именно для того, чтобы прекратить «путешествия» без виз, и отправлялся в неизвестное Лидумс, именно для того, чтобы Лидумс мог разгадать хитрости противника, и мучились все они, мирные люди, в лесных бункерах, жили, подобно зверям в норах, именно для того, чтобы в мире было как можно меньше преступлений.

Лидумс уходил на выполнение ответственного задания.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Балтика выбрасывала на берег янтарь.

Кусочки янтаря были разных оттенков, от светло-прозрачного до темно-коричневого, но в каждом из них все равно таился чистый золотистый цвет, — то в самой глубине бесформенного обломка, то проступал ярким пятном на поверхности грубого, почти черного куска. Иные янтарины были похожи на крупные слезинки, такие же светлые, почти светящиеся, но и в них, приглядевшись, можно было обнаружить оттенок строгого золотого цвета.

«Слезы земли» — так называют янтарь латышские сказочники.

Но если бы Балтика выбрасывала только янтарь!

Лидумс успел только мельком разглядеть троих новых «гостей». Резиновая лодка билась в пене прибоя, и гребцы свистящим шепотом торопили отъезжающих. «Люцифер ждет вас!» — приехавшие услышали пароль и отошли вместе с Графом от полосы прибоя. Лидумс и Вилкс вошли в воду и перешагнули через низкий борт лодки. И лодка сразу пошла, хотя не слышно было ни всплеска, ни удара веслом, только у борта переливалась светящаяся от люминесценции вода.

Корма катера возникла неожиданно, будто вынырнула из воды. Лидумсу даже показалось, что судно действительно вынырнуло, что это подводная лодка, поднявшаяся на мгновение и готовая сразу уйти обратно, в глубину. В этом негостеприимном море и лодка, и катер стояли не носом к встречающим, а глядели в пустоту, чтобы немедленно удрать в случае тревоги.

Но сейчас их ждали, хотя ждали нетерпеливо, — едва перебросили в лодку штормтрап, едва лодка оказалась связанной с катером, как в глубокой утробе судна послышалось глухое ворчание мотора, и катер двинулся без сигнала, без предупреждения, точно так же, как двинулась от берега лодка, не дав отъезжающим даже проститься с товарищами. Да, здесь было не до сантиментов!

Гребцы и свесившиеся через борт все ускоряющего движение катера матросы помогли пассажирам перебраться на палубу, другие

мгновенно подняли лодку на шлюпбалки, и перед Лидумсом возникла низкорослая фигура командира в черном мундире, без знаков различия, только чуть поблескивала кокарда на фуражке с высокой тульей. Командир безошибочно подошел к Лидумсу, — как будто чутьем угадал более важного из двух своих пассажиров, протянул руку и торжественно сказал:

— Приветствую представителей свободной Латвии на своем судне!

Лидумс постарался вложить всю свою радость в рукопожатие, так что командир корабля немного даже покривился, и с Вилксом здоровался уже без энтузиазма. Затем он представился:

— Хельмут Клозе. Прошу простить, что не могу предоставить вам настоящих удобств, но это военный корабль. Настоящая встреча вас ждет на берегу. А теперь пройдемте в каюту...

Кто-то из матросов поднял тяжелые рюкзаки пассажиров, Лидумс неторопливо пошел за командиром, Вилкс последовал за Лидумсом, все дивясь про себя, как может быть командир таким спокойным. И мысленно позавидовал:

«Да, если бы меня сделали послом, я бы, наверно, тоже держался увереннее!»

Но Лидумс не притворялся спокойным. Он действительно был спокоен: он давно уже привык к переменам в своей судьбе.

Сейчас он спокойно размышлял о будущем, хотя все в этом будущем было туманно. Покажутся ли англичанам достаточными те полномочия, которыми снабдил его Будрис? Но жребий был брошен давно, еще в то время, когда обдумывался самый первый ход этой большой игры, хотя тогда никто не предполагал, что она может привести к созданию этого посольства, к выезду в чужую страну, в чуждый мир...

Катер стремительно шел вперед, все больше удаляясь от негостеприимного берега, и, судя по плеску волн за бортом, делал не меньше двадцати-двадцати пяти узлов. Интересно, сколько же он может дать на двух моторах? Впрочем, утром можно будет осмотреть это таинственное судно...

Хельмут Клозе спустился вниз, открыл дверь каюты, подождал, пока вошли Лидумс, Вилкс и гребцы, закрыл дверь и только тогда включил свет.

Каюта была отделана деревом, диваны покрыты бархатом, но низкие потолки и толстые стены не позволяли забывать, что это военное судно, что вокруг броня. Впрочем, здесь было тепло, безопасно, и все вздохнули с облегчением. Слишком уж трудной была эта ночь. Теперь все позади, можно отдохнуть...

Лидумс нагнулся к своему рюкзаку, вынул бутылку коньяку и торжественно протянул ее командиру катера.

— Господин Хельмут Клозе, разрешите вручить это вам!

Теперь он мог разглядеть командира.

Моряку было около сорока пяти, глубоко запавшие глаза на скуластом лице смотрели со строгой придирчивостью, только на Лидумса он взглядывал благожелательно. Он так и остался стоять на ступеньке лестницы — так меньше бросался в глаза его невысокий рост. На фуражке у него — кокарда с английской надписью: «Контроль сервис си».

Клозе не забыл пригласить: «Садитесь!» — и только тогда взял бутылку из рук Лидумса. Он с большим интересом оглядел ее, посмотрел коньяк на свет через стекло, потом протянул Вилксу:

— Займитесь!

Ловко и легко двигаясь, он открыл угловой шкафчик, вынул оттуда корабельные стаканчики с широким и тяжелым дном. Лидумс поторопился достать запасенные продукты, снял с пояса свой широкий острый нож. Гребцы молча, как зачарованные, смотрели на бутылку, на еду. Им этот рейс достался еще тяжелее, чем пассажирам. Из разговора Вилкса с ними Лидумс понял, что это тоже ученики одной из шпионских школ.

Клозе сам разлил коньяк по стаканам и протянул первый Лидумсу. Лидумс неприметно усмехнулся: что это, своеобразное преломление этикета или профессиональная осторожность разведчика? Принял стакан из короткопалой руки Клозе, сказал:

— Пусть ветер будет попутным! — И добавил по-немецки: — Эти большевики научились делать отличные коньяки. Выдержка, обратите внимание на надпись внизу — пятнадцать лет! — и спокойно опорожнил стаканчик.

— Видимо, отличный коньяк, — сказал Клозе. Но пить не торопился, протянул стакан Вилксу. Вилкс выпил, закашлялся: отвык от благородных вин.

Только угостив гребцов, Клозе налил и себе.

Он долго смаковал свой стаканчик, потом, с сожалением поглядев на полупустую бутылку, сказал:

— Приканчивайте сами!

Уходя наверх, сообщил:

— Прошел хороший дождь. Он поможет смыть следы на побережье! Нам на этот раз повезло! — и прошагал по трапу твердым, сильным шагом.

Закончив этот предрассветный ужин, Лидумс и Вилкс поднялись на палубу. Взошло солнце. Клозе стоял на капитанском мостике. Катер шел с необыкновенной для такого класса кораблей скоростью, миль пятьдесят в час. Клозе, увидев Лидумса, пригласил его к себе.

Из рубки катер был виден отлично, бронированный, обтекаемой формы. Длина его была метров до сорока, ширина — около шести, с двумя палубами — верхней, от носа до палубной надстройки, высокой, и нижней, метра на полтора над водой. Клозе стоял в бронированной боевой рубке со скошенной передней стенкой, окна которой были закрыты откидными бронированными плитами со смотровыми щелями. За боевой рубкой и несколько выше ее находился бронированный по сторонам и открытый сверху командный мостик, похожий на срезанную сверху пирамиду.

Лидумс разглядывал катер. На корме находился аппарат для создания дымовой завесы, возле него были закреплены две дымовые и одна ослепляющая бомбы. Возле аппарата дежурили два немецких матроса с автоматами английской марки.

Впереди, прямо перед лицом Лидумса, находился экран радиолокатора. Сейчас он был включен, но чист, — катер, видимо, шел далеко от торговых путей. Все немцы были одеты в черную форму, без знаков различия, только такие же фуражки с кокардой показывали, что они включены в систему английских морских вооруженных сил.

Где-то внизу были расположены капитанская каюта и матросский кубрик, радиорубка, радиопеленгатор и радиолот. Оттуда в боевую рубку то и дело поступали сообщения дежурных.

Весь катер и все на нем было окрашено серой шаровой краской под цвет воды.

— Нравится? — спросил Клозе.

— Да, — признался Лидумс.

— Мне тоже! — иронически усмехнулся Клозе. — Я воевал на нем до самой капитуляции, да и теперь продолжаю воевать, как бы ни называли мои операции.

— Но под чужим флагом! — заметил Лидумс.

— Однако идеи те же! А флагов у меня сколько угодно. Видите? — Клозе кивнул на корму. Там немец снимал флаг Финляндии и ставил шведский. Лидумс понял, что катер миновал побережье одной страны и вышел на траверз границы. Ну что же, для шпиона защитная окраска обязательна. Вероятно, и на самом деле на катере в каком-нибудь потайном отсеке лежит полная коллекция флагов всех государств, а деньги, которые Клозе получает за свои «операции», не пахнут и не имеют особого национального признака, особенно, если это доллары или фунты...

Клозе посуровел, сказал совсем другим тоном:

— К месту назначения пойдем только ночью. Сейчас мы ляжем в дрейф у восточного берега острова Борнхольм. Советую вам отдохнуть.

Лидумс откланялся и вернулся в каюту. Скоро туда же спустился и Вилкс. Вилкс застал своего спутника уже спящим.

Поздней ночью катер «Люрсен-С» вошел с потушенными бортовыми огнями в западногерманский порт Экернферде. Лидумс и Вилкс стояли в каюте у иллюминаторов, с которых были сняты светомаскировочные шторы, и молча рассматривали пустынный, но ярко освещенный порт. Лестницы из порта вели наверх, где тоже пылали цепи ярких ламп, обозначая улицы, раскинувшиеся амфитеатром.

Едва катер коснулся темным своим бортом пирса, как по трапу застучали каблуки и в каюте появился высокий человек, с круглым улыбающимся лицом, темноволосый, толстогубый. Он приблизился к Лидумсу, успевшему включить свет, и с каким-то насморочным прононсом представился:

— Меня зовут Большой Джон! Рад вас приветствовать в свободном мире! — он говорил по-немецки, но видно было, что это затрудняет его. Лидумс предупредил:

— Я говорю по-английски. Лидумс.

— О нет! — лукаво усмехнулся Большой Джон, переходя на английский. — Теперь вы — Казимир! Господин Вилкс может оставаться самим собой.

— Казимир так Казимир, — засмеялся Лидумс.

— Так вас отныне будут звать все ваши друзья! — торжественно произнес англичанин, как будто и на самом деле производил обряд крещения.

— Как вас ваши друзья: называют только Большим Джоном? — весело поддразнил его Лидумс.

— Вот именно, — серьезнее, чем следовало бы, ответил Джон.

— Это инструкция? — попытался еще пошутить Лидумс.

— Нет, приказ! — твердо сказал англичанин.

На пирсе послышался приглушенный звук автомобильного тормоза, и в каюту спустились еще два человека, оба в штатском: один лет под пятьдесят, высокий, худой, очень сдержанный, и с ним — совсем еще молодой, чуть за тридцать, толстенький, полный, с круглым добродушным лицом, на котором не к месту выделялся

острый и длинный нос. Вновь прибывшие отрекомендовались совсем уже странно, — пожилой кратко сообщил, что он адмирал флота, следивший за операцией Клозе, а остроносый толстяк, добродушно улыбаясь, сообщил, что он просто Майк, что служит во флоте, и рад, что Клозе успешно доставил долгожданных гостей.

Вслед за ними пришел и Клозе, а за Клозе в каюте появился матрос с подносом, уставленным бутылками шампанского и бокалами. Начался импровизированный банкет.

Первый тост провозгласил адмирал, поздравив Казимира, Вилкса и Клозе с успехом этой тщательно подготовленной операции. По тому, как подобострастно относился к адмиралу Большой Джон, было понятно, что разведка частенько пользовалась услугами морского подразделения, которым адмирал командовал. Да и Майк выказывал адмиралу особое почтение. Столь же почтительно произнес свой тост и Клозе.

Клозе не преминул напомнить, что в борьбе против коммунизма усилия «свободного мира» должны быть объединены. Подняв бокал, он довольно долго распространялся о своих заслугах в прошлой войне, когда защищал с оружием в руках «западную демократию». Адмирал поглядывал скучающе, но тост принял. Зато новоявленного Казимира он разглядывал с большим любопытством, хотя и не расспрашивал ни о чем. По-видимому, он знал, что секреты разведки не подлежат оглашению.

Но Лидумс постарался удовлетворить любопытство высоких посетителей. Отвечая на приветствия, он сообщил, что является посланцем известного латышского патриота Будриса, что все участники группы Будриса прилагают свои силы, способности и знания для того, чтобы латышский народ был счастлив, и готовы отдать ради этого даже свои жизни. Адмирал восторженно пожал руки Казимиру и Вилксу, а заодно и Клозе, который, кажется, был доволен этим больше всех.

Выпили еще по бокалу, после чего Майк сказал, что гостей ждет машина.

Адмирал остался на катере, а Большой Джон, Майк, Лидумс и Вилкс вышли на пирс.

Машина ринулась в темноту.

По дорожным сигналам Лидумс понял, что она пошла на Киль.

В Киле машина остановилась в каком-то глухом переулке, где стояла с потушенными фарами другая. Майк попросил всех пересесть, и они поехали дальше в направлении Гамбурга.

Среди ночи въехали в Гамбург.

Лидумс, сидевший у окна, пытался определить улицы, по которым их везли. Город был пуст, только рекламные огни пылали, словно топки в черном пространстве, ночи. Кое-где стояли полицейские, да ночные девушки еще пытались ловить одиноких прохожих. Но вот машина свернула на аллею Бебеля и вдруг остановилась.

Лидумс не заметил номера дома. Но у ворот, хотя была уже поздняя ночь, их ждали. Видно, прибытие посланцев Будриса было большим событием, потому что из подъезда тотчас же вышли два человека и подошли к остановившейся машине.

Один из них предупредительно распахнул дверцу с той стороны, где сидел Лидумс, второй помог выйти Вилксу. За Лидумсом и Вилксом вышли Майк и Большой Джон. Машина тотчас же отошла.

Встречающие словно пленили Лидумса. Сначала они оказались в объятиях невысокого человека, который радостно чмокнул его прямо в губы, потом отступил немного, взглядываясь в его лицо, снова расцеловал и тогда лишь назвал:

— Силайс! Поздравляю вас с благополучным приездом.

Но тут его оттеснил другой, тоже поцеловал, взволнованно потряс руку, громко захохотал, похлопал в ладоши, воскликнул:

— Но как это здорово, как здорово! Украли! Украли из-под носа у большевиков! — и затем представился: — Жакявичус. Представитель литовской эмиграции! — говорил он по-латышски, но с большим акцентом. И опять пошутил: — Пожалуйста, господа, в ваш дом, и если вы соблаговолите, прошу пригласить нас в гости!

Лидумс попытался поднять выставленный из машины рюкзак, но Жакявичус широким церемонным жестом отстранил его, взял вещи сам. Силайс помог Вилксу, и все стали подниматься по широкой лестнице особняка на второй этаж.

Из прихожей, где сбросили плащи, пальто и шляпы, Силайс провел Вилкса и Лидумса в большую комнату с двумя постелями, письменным столом, широкими низкими креслами, и торжественно объявил:

— Это приготовлено для вас. Но прошу не задерживаться, в гостиной вас ожидают. Необходимо отметить ваше прибытие...

За комнатой, скрытая почти незаметной дверью, находилась отличная ванная комната. Лидумс предпочел бы растянуться в ванне, но Вилкс торопливо сказал:

— Это придется отложить! Нас ждут.

Лидумс чертыхнулся и, торопливо смыв дорожную пыль, вышел вместе с Вилксом в гостиную, где уже сидели знакомые гребцы весельной лодки, Силайс, Жакаявичус, Большой Джон и с ним сутулый господин с пепельно-серыми волосами, с вытянутыми вперед, как у грызуна, верхними зубами, который представился как Малый Джон... У стены, в креслах, на стульях и на подоконниках устроились еще несколько человек англичан.

Опять пили шампанское. Жакаявичус, насмешливо поблескивая глазами, объяснил, что коктейлей у них, слава богу, нет, этой дрянью угостят англичане, а у себя дома изгнанники могут еще жить по своим обычаям. Он тщательно откупоривал бутылки и собирал пробки в карман. Подмигнув Лидумсу, он сказал, что собирает пробки после каждой удачной операции.

— Тогда у вас должна быть гора пробок! — пошутил Лидумс.

— Не так уж часто случаются удачные операции! — вдруг с какой-то горечью сказал Жакаявичус. — Это вам повезло, что вы имеете отличного руководителя группы...

В это мгновение в гостиную вошла дама. Она была высока, черноволоса, с зелеными большими глазами. Лидумс увидел, как эти зеленые глаза с интересом взглянули на него, и тотчас же в них зажегся огонек. Он встал, ожидая, когда его представят. Дама пошла прямо к нему, протягивая тонкую длинную руку.

Большой Джон назвал ее Норой, представил Казимира, выразительно шепнув Лидумсу, что Нора — личный секретарь начальника отдела разведки Маккибина. Нора шутливо прервала его шепот:

— Не сплетничайте, Джон! Я сама расскажу нашему гостю о себе.

Лидумс почтительно склонился к ее руке, призывая на помощь все свое знание английского. Ему очень хотелось понравиться Норе, он понимал, что от ее доклада своему хозяину будет зависеть многое. Кажется, его заявление о том, что он испытывает настоящее

наслаждение оттого, что ему наконец-то представилась счастливая возможность встретить настоящую английскую леди, было вполне уместным. Нора немедленно завладела гостем, и теперь все присутствующие разговаривали как бы через нее. Впрочем, она и не давала говорить, засыпав гостя вопросами, на которые он не всегда находил ответы, так они были неожиданны.

— Чем они питаются в своих лесах? Как они могут жить без женщин? Что такое «бункер»? Вешают ли они пойманных «синих» или просто расстреливают? — кажется, ей очень хотелось, чтоб вешали!

Но когда Лидумс, разгоряченный и шампанским, и повышенным интересом Норы и других гостей к его личной жизни, начал рассказывать, как прощался с женой перед уходом к лесным братьям, как жена не хотела отпускать его, а потом смирилась и благословила на борьбу, он вдруг увидел, что из зеленых глаз Норы покатались крупные слезы. Такого эффекта он никак не ожидал и растерянно умолк, но Нора только нетерпеливо воскликнула:

— Продолжайте! Да продолжайте же!

И Лидумсу пришлось рассказать, как они — «лесные люди» — по восемь-десять месяцев не видят своих близких, как только по разрешению командира могут иногда появиться на тайной явке, где едва-едва удастся поцеловать жену, боясь, что ее выследят и отправят в страшную Сибирь, и Нора все продолжала плакать, не пряча своих слез. Эта странная чувствительность, как и приметная чувственность, были так неподходящи для разведчицы, что он даже заподозрил, не разыгрывают ли его. Но тут он мельком взглянул на Силайса и поразился тому, какой злобный вид был у этого человека. Можно было подумать, что Силайс ненавидит Нору больше даже, чем тех людей, что вышвырнули его из Латвии. В чем же столкнулись интересы этих двух людей? Может быть, Нора — осведомитель самого полковника Маккибина — не очень лестно отзывается о Силайсе при начальнике? Или они не поделили какой-нибудь гонорар?

Он не так уж плохо знал «свободный мир». Ведь совсем еще недавно вся Латвия жила по этим же законам. Но такой волчьей злобы по отношению к единомышленнику и коллеге Лидумс еще не видывал.

Впрочем, Нора уже вытерла глаза, они опять засияли зеленым светом в сторону Лидумса, и Силайс тотчас же напустил на свое желчное худое лицо улыбку самого дружелюбного человека.

Нора похвастала своей новой машиной и пообещала Лидумсу покатасть его, «показать город». Вилкс тихонько шепнул:

— Не соглашайтесь! Она — любовница Маккибина, а полковник не терпит, когда Нора кем-нибудь интересуется...

В глазах Вилкса был такой явственный страх, что Лидумс с усмешкой подумал: «Кажется, эта Нора не похожа на ибсеновскую!»

— О, я еще не в форме! — уклончиво сказал он.

— Ну, мы быстро приведем вас в европейский вид! — пообещала Нора.

Кто-то напомнил, что время позднее, гостям следует отдохнуть. Силайс пошел проводить их в комнату.

Там Лидумс достал из своего рюкзака письменный прибор и передал Силайсу. Тот был так растроган подарком, что снова расцеловал посланца с родины.

— Кто из вас подумал обо мне? — спросил он.

— Это подарок Будриса! — скромно ответил Лидумс.

— Вы давно знаете Будриса? — с любопытством спросил Силайс.

— К сожалению, с Будрисом я познакомился только после войны. Сам он жил уже легально, но продолжал поддерживать связь с единомышленниками. Настоящее его имя и местожительство я не знаю. Но не беспокойтесь, когда наша война кончится победой, все имена будут названы... А вы, может быть, увидите нашего командира и раньше. Он говорил, что вы изъявляли желание принять участие в наших операциях...

— Да... но... Маккибин считает, что мне следует оставаться в Лондоне.

Лидумс сделал вид, что не заметил смущения собеседника. Он простодушно заметил:

— А знаете, полковник прав! То, что здесь есть человек, отлично знающий условия нашей борьбы, очень полезно для нас. Будрис тоже говорил об этом. Он особенно просил передать вам его благодарность за переброску денег. Хотя мы в наших операциях и не брезгуем этими «трофеями», но нам, вероятно, пришлось бы распылять силы, отвлекаться на совершение экспроприационных актов, а это в конце концов опасно, наше движение не может перерасти в примитивный бандитизм...

Лидумс высказывал эти свои мысли горячо, даже страстно, как давно продуманные, наболевшие, но в то же время видел, как проходит смущение Силайса, как он словно бы наливается гордостью и начинает пыжиться, топорщиться, вот-вот запоеет, как петух на насесте. В конце концов это естественно! Посланец далекой, полузабытой родины не только не зовет Силайса на подвиг, но еще и доказывает, что именно без помощи Силайса их дела там, на далекой родине, шли бы, наверно, хуже. И Силайс, уже гордо, с видом начальника спросил:

— Как широко распространяется влияние Будриса?

Лидумс помолчал, задумавшись, потом ответил:

— На последнем нашем совещании были представители и из Латгалии и из Видземе... Но они живут легально...

Силайс был как будто не очень доволен, но сдержался. Только медленно произнес:

— Надо надеяться, что негласных единомышленников у вас много больше, только они еще не нащупали настоящие методы борьбы с большевиками или не связались с вами... — Он вздохнул: — Да, подпольная борьба всегда начинается с единиц! Но уж зато это такие единицы, из которых обязательно вырастают вожди...

— Если их не пристрелят по дороге к славе, — проворчал Лидумс.

— Зачем так грустно! — Силайс опять обрел свою обычную живость. — Но вот что я хотел сказать вам, дорогой Казимир... — он замаялся, пожевал губами, прислушался, как за стеной в ванной комнате, куда ушел Вилкс, шелестит вода, тихо сказал: — Не следует говорить англичанам о количестве ваших бойцов. Во-первых, это постоянно меняющаяся кривая. Например, на зиму, как сообщает Будрис, многих приходится распускать по хуторам в целях сохранения. Во-вторых, мы имеем в виду так называемые активные штыки... Но ведь есть же еще сочувствующие, готовые принять участие в борьбе, колеблющиеся, выжидающие первого реального успеха... И, наконец, сотни тысяч, которые поднимутся по первому знаку, как только начнется подлинная освободительная война и союзники выбросят первые десанты на нашей священной земле... Вот эта перспектива и должна стоять перед вами, когда англичане попросят вас сделать им доклад. Ну и, само собой, перед членами нашего правительства тоже следует показать перспективу...

Лидумс молчал.

Конечно, он понимал, что Силайс постарается выдать воображаемое за действительное. Еще когда они с Будрисом готовились к будущему отчету, Будрис предупреждал, что в цифрах стесняться не следует, кое-что можно округлить, некоторые операции описать приблизительно, другие развернуть в подробностях. В таком деле, как подпольная война, всегда лучше обрадовать начальство, чем огорчить. За огорчение взыщут с нас, решат, что это мы плохо работаем, а радость разделят вместе с нами... Но то, что предлагает Силайс...

Силайс выжидательно смотрел на своего подопечного.

Лидумс осторожно сказал:

— Радиопередачи вел Вилкс, и телеграммы поступали непосредственно Маккибину. Я не знаю, как он группировал цифровые данные...

— О, я читал все радиোগраммы в тот же день. Вилкс не дурак. И потом он человек Маккибина, он получает жалованье и знает, за что получает его. Не станет же он огорчать своего начальника!.. Поэтому информация вполне благоприятна для вас.

— Ну что же, если вы так думаете, — нехотя согласился Лидумс — Но я постараюсь избежать арифметики, — он усмехнулся, — я ведь художник, а искусство скорее сродни психологии, нежели точным наукам.

— Вот именно, именно! — обрадовался шутке Силайс. — Психологический экскурс заинтересует англичан даже больше! Им важно знать настроения народа, отдельных групп, экономику, расположение военных объектов противника, ну и, наконец, состав будущего правительства, которое должно заявить о своем существовании в первый же час войны. Вот главные вопросы, которые мы должны решить за то время, пока вы будете находиться здесь...

— Ну что же, отлично, — Лидумс несколько повеселел. Силайс уже вполне добродушно улыбался.

— Простите, я вас задержал, а ведь мы условились, что вы должны отдохнуть! Завтра я весь день буду в вашем распоряжении. С утра займемся вашей экипировкой, не бродить же по городу в вашем партизанском одеянии! А сейчас отдыхайте, отдыхайте!

Он попрощался и ушел, унося с собой подарок. В дверях еще раз оглянулся, улыбнулся, приложив палец к губам, словно напоминал, что теперь они не только коллеги по борьбе, но и сообщники...

Из ванной вышел Вилкс с мокрыми волосами, которые он успел уложить в сетку, предусмотрительно приготовленную кем-то из невидимых слуг этого странного дома. От Вилкса пахло розовой водой, бриолином, мылом. Он, потягиваясь, сказал:

— Ну, наконец-то начинается настоящая жизнь!

Лидумс внимательно взглянул на шпиона. Он, кажется, действительно был вполне доволен. Чтобы сбить с него этот неожиданный гонор, Лидумс, усмехнувшись, сказал:

— Да, завтра можно выписать чек в банк и купить себе вот такой домик!

— Черта с два! — сердито проговорил Вилкс. — Мне выписывали по восемьдесят фунтов в месяц да по пятнадцати фунтов командировочных. На такие деньги можно разве что снять комнату в дешевом пансионе.

— Сколько же получает Силайс?

— Чуть больше. Мы ведь для англичан люди второго сорта, нам можно платить и гроши, все равно никуда не денемся! Вон он до сих пор не может машину купить! А собирался сделать это еще в прошлом году!

— А энтузиазм?

— За энтузиазм только большевики дают ордена и новые квартиры. Здесь нужны деньги!

— А сколько же получают сами англичане?

— Видно, побольше! Как только Нору назначили личным секретарем Маккибина, она в первую же получку отхватила малолитражку! Силайс до сих пор не может ей этого простить! Деньги-то Силайс получает от нее. Ему все кажется, что она его обжуливает. Ни премий, ни праздничных, вот разве что за операцию с нами ему что-нибудь подбросят, на что-то такое он мне намекнул.

— Да, небольшая цена за голову! — вздохнул Лидумс.

— Ну, теперь-то мы вырвались! Здесь не страшно! «Синих» нет!

Он раскрыл постель и нырнул в нее, пробормотав уже спросонья: «Спокойной ночи!»

— Добрых снов! — ответил Лидумс и прошел в ванную. Надо было поскорее встать под душ. От всех этих разговоров у него было ощущение, что он только что прошел по затхлому болоту...

Утром к Лидумсу и Вилксу ввалился Большой Джон.

— С божьим утром, парни! — закричал он с порога. — Завтракали?

— Еще нет, — ответил Вилкс.

— Ну, все равно, едем за подарками! Дядюшка Джон Буль желает озолотить своих гостей! — он помахал сиреневой бумажкой, которую держал в руке. — Это чек на первую половину счастья! Хороший костюм, ботинки, белье и галстук сделают вас настоящими джентльменами!

— А как будет со второй половиной? — с усмешкой спросил Лидумс.

— Вторая половина счастья — женщины! На вас они и так смотрят, как на полубога! — он обнял Лидумса за плечо, шутливо подталкивая к двери, но в дверях суховато сказал: — Только не вносите разлад в нашу семью!

Лидумс принял этот совет к сведению. Он и та побаивался экспансивной Норы.

Вилкс веселился как добродушный щенок. Швырнул свою рыбацкую зюйдвестку под шкаф, кричал, что поедет прямо в трусах, так надоела ему брезентовая куртка, а Большой Джон, подтрунивая, советовал обмотаться простыней, чтобы все видели, как живется людям в «большевистском раю». Лидумс понимал: Вилксу хочется хоть одеться на чужой счет!

Лидумс стоял у открытой двери и ждал. Наконец Вилкс напялил свой «лесной» костюм и вышел. Из соседней комнаты появился Силайс. Он был тоже воодушевлен предстоящей поездкой, шумлив и всем доволен. Лидумс едва скрыл усмешку: очень, видно, редки такие счастливые события, как возвращение одного из членов этого братства рыцарей плаща и кинжала из-за советского кордона...

Осень в Западной Германии запаздывала, день был ярок, солнечен, на улицах полно мужчин, женщин с собачками и детей.

У подъезда особняка стояла большая черная машина. Большой Джон сел за руль, и веселая компания поехала к центру. Лидумс

невольно взглянул на оставленный дом: номера на нем не было, но на доме рядом он разглядел знак 4 А.

Половину дня ездили по магазинам, шатались из отдела в отдел, позавтракали в кафе при одном из этих универсальных торговых храмов. За все покупки и завтрак платил Большой Джон. Лидумсу было весело, особенно, когда Вилкс попытался заказать костюм из английского твида, а Большой Джон подсунул ему очень похожий, но вдвое дешевле. Как видно, Джон Буль был не так уж тороват на подарки. Однако когда Лидумс, ради испытания этой объявленной щедрости, попросил купить ему и светлый костюм и вечерний (для представительства, как он сказал), отказа не последовало. Получалось впечатление, что его действительно собираются представить как важное лицо, хотя он и рассказал Силайсу, как мала группа, от которой он прибыл сюда.

Силайс суетился больше всех: сам выбирал обувь, белье, — вы, друзья, отстали от моды в ваших скитаниях! — кричал он и щедро давал хорошие советы. Так что когда они возвращались из своей экспедиции домой, машина была завалена пакетами и свертками.

Большой Джон помог им выгрузиться и под большим секретом шепнул, что вечером будет прием в честь капитана Клозе, так благополучно доставившего их...

Вместо традиционного английского фэйф о'клока, которого Вилкс со своим аппетитом просто побаивался: подумаешь, пить чай с поджаренными гренками! — им прямо в комнату подали настоящий обед, правда, немецкий, со сладкой селедкой на закуску, без супа, зато с бифштексами величиной в подошву и несколькими бутылками пива. Даже немец-лакей, обслуживавший их и, наверно, привыкший к появлению и исчезновению таинственных гостей в этом заколдованном замке среди типичного немецкого города, и тот разглядывал новых гостей с любопытством. Лидумсу даже подумалось, не появятся ли еще сегодня к вечеру их фотографии на столе у какого-нибудь представителя американской разведки? Известно, что хорошие союзники англичан стараются знать об английских делах как можно больше!

Впрочем, это не мешало аппетиту.

После обеда Лидумс поискал было газеты или книгу, но ни в комнате, ни в холле ничего похожего не было, по-видимому, в этом

доме интересовались лишь собственными новостями! Пришлось ложиться спать, как это уже проделал Вилкс.

Разбудил их опять Большой Джон. Он пришел не один, а с каким-то невзрачным молодым человеком. Все так же шутливо и грубовато он приказал Лидумсу и Вилксу «собрать свое советское приданое» и сдать его спутнику. Спутник принес из холла чемодан, бумагу, пересчитал все тряпки, вплоть до белья, увязал и уложил, швырнул туда же брезентовые костюмы и обувь, надавил коленом, запер замки и откланялся. Большой Джон наблюдал за всей этой операцией, сидя в кресле и посмеиваясь. Потом оглядел переодетых и вполне щеголеватых своих подопечных, сказал: «Сойдет для начала!» — и пригласил в гостиную.

Оттуда доносился неясный шум: видимо, гости уже собирались.

Лидумс увидел все те же знакомые лица. Но его появление вызвало в зале неожиданное волнение. Нора, шедшая навстречу ему с двумя бокалами коктейля в руках, даже приостановилась в некоторой растерянности, потом вдруг воскликнула:

— Боже мой, настоящий викинг! — поставила бокалы на низенький столик и только тогда подошла К нему.

Лидумс церемонно поцеловал ей руку, спросил:

— Разве мой костюм похож на средневековые латы?

— Да вы подойдите к зеркалу! Я так и знала, что большой Джон не позаботился о большом зеркале для вас!

Она потащила Лидумса к простенку, в котором стояло высокое, почти до потолка, зеркало, и тыча пальцем в изображение, с торжеством воскликнула:

— Ну разве не викинг?

Их окружили смеющиеся англичане, хором восклицая, что Нора права. Лидумс и сам с некоторым удивлением рассматривал себя. Он еще не был в парикмахерской, совсем забыв об отросшей своей гриве и бороде, и видел в зеркале великана с бронзовым лицом, белокурыми кудрями и такой же кудрявой мягкой бородой, затянутого в модный узкий костюм так, что плечи обрисовывались глыбами, как у борца. К ним подошел и Клозе, в честь которого устраивался этот прием, и принялся шутя жаловаться, что только теперь понимает, почему у него внезапно онемела рука и болит вот уже третий день. Ведь этот викинг

поздоровался с ним, когда его подняли на катер! — и принялся помахивать «раздавленной» рукой.

— О, прошу простить меня! Но ведь это была рука «свободного мира», потому я так в нее и вцепился!

Все засмеялись опять. Нора принялась приглашать:

— К столу! К столу! А вы, господин викинг, рядом со мной! — подала ему руку и открыла шествие в соседнюю комнату, где был накрыт длинный стол для этого торжественного ужина.

Лидумс уловил недовольный взгляд Большого Джона, но только пожал плечами: «Что я могу сделать?» Тот развел руками и склонил голову в знак того, что тоже ничего поделывать не может.

Ужин продолжался долго, пили много, но никто не хмелел. Клозе все вспоминал, каким чудесным коньяком угостил его Лидумс; Силайс не выдержал, выскочил из-за стола и через минуту, вернувшись, выставил на всеобщее обозрение подаренный ему Лидумсом письменный прибор. Послышались восклицания одобрения, кто-то из англичан спросил, что еще привез Казимир с собой, и Лидумсу пришлось принести ларец, который был предназначен в подарок министру Зариньшу.

Ларец вызвал всеобщее восхищение. Но когда Лидумс открыл его и глазам гостей представились «слезы земли» — янтари, россыпью лежавшие в ларце, — общий восторг достиг предела. Кто-то воскликнул: — А нам? А нам? — И Лидумс, поколебавшись для вида, роздал всем гостям по кусочку янтаря из ларца.

Этим и закончился торжественный прием.

В следующие дни Лидумс убедился, что отныне жизнь его будет идти по прихотливым линиям кем-то заранее разработанного церемониала.

Утром приходил Большой Джон, весело кричал с порога:

— Как спали, парни? Чем хотите заняться сегодня?

Ни Лидумс, ни Вилкс ответить не успевали. Большой Джон распахивал дверь в коридор, кричал кому-то в переднюю:

— Подгоните машину к подъезду! Мальчики поедут развлекаться!

Как видно, Большой Джон и был главным церемониймейстером этой «встречи посла», — как шутил Вилкс. Сам Вилкс постепенно отходил на второй план, англичане ясно показали, что «послом» считают именно Лидумса.

Должно быть, где-то в высоком центре английской разведки, может быть, в отделе у Маккибина, шла деятельная подготовка к предстоящей встрече Лидумса в Лондоне. Когда Лидумс заикнулся о том, что хотел бы посмотреть Англию, Большой Джон, усмехаясь, ответил:

— Еще успеете, и она вам даже надоест! Даю вам слово, там скучнее! Смотрите, даже Нора не торопится домой, а ведь она приезжает сюда каждую неделю.

— Разве она курьер? — удивился Лидумс.

— Правая рука шефа и кассир! Без нее мы тут увяли бы немедленно! — засмеялся Большой Джон. — Вот и сегодня она ассигновала нам с вами достаточную сумму, чтобы поехать в «Виндмиллу». Имейте в виду, — лучший кабак Гамбурга!

— Я предпочел бы театр... — с некоторой долей иронии заметил Лидумс.

Толстые губы Большого Джона дрогнули, карие глаза уставились испытующе, обычная выдержка изменила ему, он сухо сказал:

— Странные вкусы! Заметьте, театр на Западе давно уже не в моде. Здесь предпочитают кабаки, в которых показывают стриптиз...

— Вы забываете, что я последние годы прожил в лесу, — любезно напомнил ему Лидумс. Уж очень хотелось понять, насколько

самостоятелен в своих действиях Большой Джон.

Тот равнодушно пожал плечами.

— Ну что ж, театр так театр! Но сегодня «Виндмилла»!

Вилкса в «Виндмиллу» не пригласили. Шпион обиделся и ушел к себе, заявив, что хочет спать. Лидумс понял, что если его самого англичане возвели в ранг посла, то своему шпиону они не дают и ранга советника. По-видимому, после благополучной доставки Лидумса в Гамбург роль Вилкса заканчивалась. Отныне он будет болтаться где-то на задворках, пока не возникнет необходимость в новой попытке проникнуть в Латвию. Ну что ж, каковы хозяева, таковы и слуги! Он вспомнил яростную нелюбовь Вилкса к англичанам и подумал, что на месте хозяев старался бы не обижать лакеев: неровен час — прирежут ночью!

В «Виндмилле» Большой Джон проявил поистине королевскую щедрость. Должно быть, Нора привезла действительно много денег «на представительство», или пребывание Лидумса в этом городе оканчивалось. Большой Джон пригласил с собой всех англичан, присутствовавших на первом приеме, кроме Норы, впрочем, Нора могла не пойти и сама, этот ночной ресторан был неподходящим местом для женщин.

Прежде всего Большой Джон пригласил так называемых «танцевальных дам» для каждого из своих гостей, причем для Лидумса и для себя выбрал самых красивых.

К столу тотчас же подошла какая-то пышнотелая женщина с фиолетовыми волосами, должно быть, распорядительница всех этих танцевальных девушек, и предупредила:

— Ваш заказ, господа, будет стоить довольно дорого! — говорила она по-английски, голос звучал чуть ли не негодуяюще.

Большой Джон разыграл возмущение, закричал:

— Мы моряки и полгода не были на берегу!

Такая саморекомендация оказалась самой правильной. Девушки устремились к «морякам» со всех сторон.

Опять пили. Пили долго и много. Лидумс спасался только тем, что уходил танцевать со своей девицей, едва начинал играть оркестр. У него все время было ощущение, что он принес англичанам какую-то большую победу, и после нее они никак не могут опомниться от радости, отсюда и возникло это шумное веселье и разгул, которых он

не ожидал от англичан. Большой Джон все пытался напоить его, делал таинственные намеки на будущее, и выручала Лидумса только его девица, храбро хлеставшая и коньяк, и виски, и дрянной немецкий шнапс.

Выбрались из «Виндмиллы» утром, когда по улицам ехали поливальные машины, шли рабочие и магазинные продавщицы. Как всегда бывает после долгой бессонной ночи, кто-то с кем-то ссорился, Большой Джон сидел мрачный, и оказалось, что все веселье было поддельным и только утомило гуляк.

На следующий день Лидумс уже более настойчиво попросил, чтобы ему показали музеи и театр. И Большой Джон был, кажется, даже доволен этим отступлением от предложенной им программы кабацкого веселья. Сам в музей не пошел, но приставил к Лидумсу какого-то своего сотрудника, который знал хоть адреса музеев, а вечером прислал билет на «Аиду». Билет был один, что могло означать и доверие к Лидумсу и, наоборот, что второй билет находится у человека, которому поручено следить за гостем. Но Лидумс был рад и этому, он не шутил, когда заявил Большому Джону, что соскучился в лесу по театру.

И вот он шел один по улицам чужого, большого, беспокойного города, полного английских и американских солдат, державших себя так, словно с момента оккупации прошел всего только один час, задиравших прохожих, задевавших встречных женщин, шел и глядел на испуганные лица немцев, которые испуганно жались по сторонам так, словно еще и сами не знали, в каком мире они находятся. А вокруг шумела и текла странная, совсем непохожая на родную рижскую городская жизнь; кричали разносчики газет; из всех освещенных окон нижних этажей высывались полураздетые и совсем раздетые женщины, зазывая каждого прохожего, кем бы он ни был, солдатом ли оккупационных армий или добропорядочным немцем; со всех зданий стекали вниз огни реклам; уличные продавцы и благообразные нищие рекламировали — одни — свои товары, другие — свои военные увечья; «продавцы счастья» — коробейники со множеством всяческих лотерейных билетов выкрикивали «счастливые номера»; в «живых» витринах кафе медленно раздевались под взглядами прохожих красивые девушки — и все это было одинаково дико, шумно,

бесчувственно, словно настоящая жизнь ушла здесь в подполье, остались только пена и накипь.

Но и Лидумс должен был казаться таким же бесчувственным, жестоким, спокойным, потому что кто мог сказать, не следит ли именно за ним вон тот благообразный и почтенный с виду господин, который слишком часто останавливается у освещенных витрин, разглядывает в них что-то и продолжает свой медленный путь только после того, как Лидумс поравняется с ним; не за ним ли именно едет так долго пустое такси, шофер которого и не замечает поднятой руки прохожего и не слышит оглушительного свиста какого-то американского сержанта, которому захотелось прокатиться на его машине. Да, в этом шумном, взбалмошном, суровом мире Лидумсу надлежит быть настороженно спокойным, и чем скорее он попадет в театр, тем будет лучше для него...

Увы, и «Аида» не порадовала его. Театр был беден и гол, певцы безголосы, зал почти пуст. Только вокруг места Лидумса все кресла оказались занятыми, что показывало — его не оставляют без присмотра, но присматривающие не знают положения дел в театре. Иначе они разместили бы своих наблюдателей в разных углах этого пустынного зала...

Утром на следующий день Лидумс, Вилкс и гребцы шлюпки в сопровождении Малого Джона выехали на двух легковых машинах в сопровождении грузовой, забитой какими-то ящиками и чемоданами, на аэродром. Отъездом, кажется, больше всех был доволен Вилкс. Едва отъехали от Гамбурга, как он повесил на дверцу машины распечатанную бутылку коньяка, к которой и прикладывался всю дорогу, а длилась дорога больше трех часов.

К двум часам дня машины подошли к военному аэродрому английской оккупационной армии. Малый Джон предупредил, что отлет назначен между двумя и тремя и посоветовал из машин не выходить, военным на глаза не показываться, сославшись на требования конспирации. Сам он ушел в служебное здание аэродрома.

Вилкс приложился к своей бутылке в последний раз, открыл окно и вышвырнул пустую посуду в кустарник. Он был уже изрядно пьян, тяжело дышал. Лидумс откинулся на спинку сиденья, сказал:

— Ноги затекли. Самое время погулять бы!

— Так нас и пустят! — злобно огрызнулся Вилкс — Это в лесах Латвии мы были хозяевами, а здесь придется терпеть и не такое!

Характер шпиона определенно портился. Лидумс взглянул на его покрасневшее лицо.

— Напрасно вы так много пили!

— Я и вам посоветовал бы сделать то же самое, да знаю, не согласитесь! Отправлять-то ведь будут без удобств, так уж лучше быть пьяным, чем перепуганным.

— А мне интересно!

— Да, чего-чего, а страха я у вас не замечал! — одобрительно подтвердил Вилкс. И вдруг набросился на вынырнувшего откуда-то со стороны Малого Джона: — Скоро вы нас вознесете в небеса?

Малый Джон смутился, пробормотал:

— Неприятная задержка. Нет запасных спасательных жилетов и надувных лодок. А без них вылет с пассажирами через Британский канал не разрешается!

Вилкс неожиданно пришел в настоящее бешенство. Никогда еще Лидумс не видал своего подшефного в таком состоянии. Вилкс затопал ногами, схватился за ручку двери, намереваясь выскочить из машины, но больше всего Лидумса поразила его речь.

— Молокососы! — кричал Вилкс. — Если бы вы с вашими порядками попробовали поработать в Латвии вместо группы Будриса, вас на другой день забрали бы в Чека! Чем вы тут думаете? О чем? В собственной армии не можете навести порядок, а собираетесь

командовать миром! Разиньте рот шире, так вам и удастся покомандовать!

Лидумс ждал, что будет дальше. Однако Джон виновато отступил от машины, повторив лишь, чтобы никто не выходил, и снова исчез. Перебесившийся Вилкс, тяжело дыша, уткнулся лицом в угол машины и замер. И трудно было понять, что же так разозлило его, воспоминание ли о трудных днях в Латвии или эта нераспорядительность англичан, смахивавшая на непочтение.

Больше он не заговаривал. В полном молчании они просидели в машинах еще часа два и только в сумерках снова появился Малый Джон и сказал, что можно выходить к самолету.

Этот утомительный путь кончился поздним вечером на военном аэродроме Англии. Но и там не дали ни отдохнуть и поесть, ни даже осмотреться, посадили в машины и повезли дальше, теперь уже в Лондон. Еще в Западной Германии Силайс и Малый Джон спрашивали у Лидумса, где бы он хотел поселиться по прибытии в Англию, в гостинице, или на конспиративной квартире? Тогда Лидумс предложил решить это им самим, с одним лишь условием: где бы он ни находился, пребывание его будут держать в полной тайне. И теперь он ехал по громадному городу, пытаясь по изученному на память плану Лондона определить хоть район, куда их везут. Они миновали окраины, затем центр и снова выехали в какой-то старинный район. Там, наконец, машины остановились, и порядком измученные пассажиры вышли. Лидумс прочитал таблицу на старинном двухэтажном домике: «III, Олд черч стрит, Лондон». Так как его привезли сюда вместе с гребцами весельной шлюпки и Вилксом, он понял, что англичане решили поселить его в одной из своих разведывательных школ.

Здание, в котором размещалась Балтийская разведывательная школа английской разведки, ничем не отличалось от соседних домов. Район Челси всегда считался обиталищем людей «среднего класса», а в последние годы сюда проникли и иностранцы — всевозможные эмигранты, начиная от итальянцев и кончая шведами. Поэтому прибалты, проживавшие в здании школы, не вызывали особого любопытства соседей, что, по-видимому, вполне устраивало Маккибина и другое начальство разведки.

Первые дни Лидумс посвятил знакомству с домом и его обитателями.

Вероятно, дом этот когда-то принадлежал небогатому помещику, проводившему в нем тягостные английские зимы, а с наступлением весны отбывавшему в свое имение куда-нибудь в Гемпшир или Йоркшир. Дом был трехэтажный, с подвальными помещениями для кухонной прислуги и с чердачными — для лакеев, с одним большим залом в бельэтаже, где когда-то устраивались, возможно, небольшие балы, на которых провинциальные девицы пытались ловить женихов из породы лондонских клерков, — так это должно было выглядеть во времена Диккенса.

Ныне в подвальном помещении жил преподаватель радиодела англичанин Джордж с женой, человек фанатически влюбленный в свою профессию и еще более — в жену, красивую брюнетку, которая, как видно, была равнодушна к своему мужу и постоянно флиртowała с «романтичными» жильцами школы. В результате Джордж злился и на уроках радиодела гонял очередного «избранника» своей любвеобильной супруги до седьмого пота, норовя при этом доказать, что ученик неспособен и заслуживает отчисления из школы. Эта тактика оказалась правильной, ученики опасались выразить свое восхищение миссис Джордж и в силу мужской солидарности тотчас же предупредили Лидумса, что эта дама — «стерва».

Первый этаж был занят кухней и столовой, в которой «ученики» школы встречались три-четыре раза в день за табльдотом в том самом

зальце, в котором во времена Диккенса провинциальные леди и лондонские клерки отплясывали свои гавоты и менуэты.

На втором этаже проживали комендант школы мистер Флауэр и его супруга. От этих людей зависел весь распорядок жизни, а также и кондуит учеников, так как Флауэр, несмотря на кажущуюся доброту и широту натуры, позволявшую ему присоединиться к любому ученику, задумавшему «проветриться», как видно, неуклонно докладывал о каждом таком «проветривании» по начальству. Об этом Лидумса так же предупредили новые товарищи.

Миссис Флауэр блюла традиции школы, заботилась о пище и питье, ревновала супруга к его ночным похождениям, печалилась о том, что бог не дал ей детей, много молилась, а кроме того, работала продавщицей в соседней зеленой лавке, правда, не полный рабочий день, так как школа отнимала много времени. Она была очень худа, нетерпелива и зла, и ученики побаивались ее.

Впрочем, взятые на себя обязанности она выполняла довольно добросовестно, разве что экономила на еде, которую готовила с помощью трех пожилых женщин типа приходящей прислуги.

Эди Флауэр, помимо забот о нравственном и моральном облике учеников и наблюдения за порядком в школе, работал еще шофером в польском отделе английской разведки. Это позволяло ему иметь какие-то любовные связи на стороне, что не могло не влиять на характер миссис Флауэр.

Но по субботам и воскресеньям Эди Флауэр становился покорным мужем. В эти дни ученики питались в городе, в школе пища не готовилась, и миссис Флауэр большую часть дня проводила в постели. Утром ученики слышали, как она начинала командовать мужем, и Эди безропотно бежал в соседний ресторанчик за жареной рыбой и картофелем, ставил чай, а жена выговаривала ему за все провинности недели.

Кроме всего прочего, миссис Флауэр оказалась весьма фанатичной сторонницей королевского дома. Едва по телевизору или по радио раздавались звуки государственного гимна «Боже, храни королеву!», как она вскакивала, похожая на солдата в юбке, и приказывала встать всем присутствующим, а если кто мешкал, тут же награждала язвительным выговором по поводу того, что все ее подопечные живут тут лишь из милости ее величества... А так как пища в школе

становилась все хуже и хуже, а туалеты миссис Флауэр все дороже и дороже, то между нею и учениками все усиливалась «холодная война», впрочем, с постоянными победами миссис Флауэр.

Как полагается настоящей роялистке, миссис Флауэр ненавидела простой народ, утверждая, что он весь заражен духом социализма. В качестве единственного средства борьбы с этим духом миссис Флауэр признавала только тюрьму. Читая отчеты о парламентских дебатах, она то и дело восклицала свое излюбленное:

— В тюрьму бы его!

Лидумс из любопытства поднимал порой брошенную ею газету и с удивлением видел, что в одном случае миссис Флауэр отправляла в тюрьму английского премьера, в другом — министра иностранных дел, порою это относилось к американскому президенту... Из этого можно было сделать вывод, что для миссис Флауэр все власти были плохи, кроме эфемерной власти ее величества королевы Елизаветы...

Учитывая это пристрастие своей домашней повелительницы, Лидумс при первом удобном случае, взяв из рук миссис Флауэр журнал с портретом королевы, громогласно заявил о том, что ему нравится ее величество и как женщина и как монархиня. После этого почти единственным чтивом Лидумса оказались многокрасочные журналы с репортажами о ее величестве. Было похоже, что миссис Флауэр отыскивает эти журналы для своего приятного постояльца во всех киосках Лондона...

Вместе с Флауэрами на втором этаже жили Вилкс, комната которого пустовала целый год, предводитель лодочников Вилис и руководитель эстонского отделения школы Ребане, которого другие шпионы знали под кличкой Роберт.

Ребане привлек особое внимание Лидумса, да и сам он очень внимательно отнесся к человеку, только что проникшему сквозь «железный занавес» в «свободный мир». Лидумса занимало, как это англичане не только приютили, но и сделали своим помощником человека, воевавшего в немецкой армии, награжденного «Железным крестом I степени», командовавшего карательной дивизией СС и числящегося в списке военных преступников. Впрочем, Ребане своего прошлого не скрывал, наоборот, похвалялся своей жестокостью, много рассказывал о том, как его дивизия уничтожала мирное население под Ленинградом, и, кажется, ничто так не ненавидел, как советский народ

и коммунистов. Слушая его, Лидумс частенько думал, что такой Ребане с наименьшей жестокостью будет расправляться и с английскими коммунистами, только кликни его. И все чаще казалось Лидумсу: а не политика ли это дальнего прицела, что английская разведка держит и прикармливает подобных людей? Ведь и в благословенном королевстве не все спокойно, и там вспыхивают забастовки, и там идет борьба за мир, и, может быть, руками вот таких ребане политики собираются «устрашать» собственных недовольных...

В одной из комнат третьего этажа жили гребцы весельной лодки, доставившей Лидумса на катер, Альберт и Джек.

Джек оказался эстонцем, бывшим моряком, завербованным в разведку после войны. По развитию своему он ушел не так далеко от обезьяны, способности проявлял только в пьянстве да в похождениях с проститутками, которые постоянно кончались драками. На затылке, под волосами у него был виден шрам от удара бутылкой, говорил он только о выпивке и девках и особенно гордился тем, что в свои двадцать пять лет уже пять раз болел венерическими болезнями.

В отдельной комнате на третьем этаже жил литовец Альбинас — третий из гребцов, а одна комната была отведена Лидумсу.

На чердаке находились классы этой своеобразной школы по выпуску преступников.

В первые же дни Лидумса навестил Силайс.

На этот раз он держался весьма важно, как подобает человеку, близкому к «главе государства», каковым латышская эмиграция считала посла Зариньша, Президент буржуазной Латвии Ульманис, накануне дня своего свержения, успел переслать Зариньшу «чрезвычайные полномочия», в силу которых Зариньш и объявил себя «главой государства». Теперь, с появлением «посла» группы Будриса, можно было надеяться на «расширение» правительства. И Силайс уже считал себя без пяти минут министром. В то же время он понимал, что такое назначение во многом будет зависеть от Лидумса. Поэтому, сохраняя важность государственного деятеля, он в то же время заискивал перед «человеком оттуда».

Силайс, с видом заправского бизнесмена, прежде всего сообщил, что английское правительство берет на себя содержание представителя национально мыслящих латышей. Затем он пояснил, что обучающиеся

в школе прибалты получают по семи фунтов в неделю, а Вилкс, уже побывавший за «железным занавесом», — десять фунтов. Силайс интересовало, как отнесется Лидумс к щедрости английского правительства, если ему определят содержание в сорок фунтов в неделю?

— Я очень прошу не вводить в лишние расходы королевскую казну! — сдержанно ответил Лидумс.

— Но вы же понимаете, представительство, наконец, знакомство с городом, полная независимость — все это требует денег... — настаивал Силайс. — Это ведь не латышский лес, в котором вы были полными хозяевами...

— И все-таки я бы предпочел, чтобы меня считали обыкновенным учеником вашей школы...

— Как хотите, как хотите! — разочарованно пробормотал Силайс. Было похоже, что он надеялся очаровать своего собеседника поистине королевской щедростью своего начальства, а может быть, и подчеркнуть, что это именно благодаря его, Силайса, усилиям, посланец Будриса вознесен столь высоко по иерархической лестнице. Ведь Лидумсу прочили такое же жалование, какое получал и сам Силайс!

Лидумс несколько утешил разочарованного собеседника, пригласив его быть спутником при первой своей прогулке по Лондону.

Первое знакомство с чужим огромным городом, в котором он стал, как надеялся, кратковременным жителем, Лидумс предпочитал совершить в обществе именно тех людей, на которых, возможно, будет возложен контроль за ним. Так удобнее!

Да, ему не пришлось жаловаться на проводника! Силайс выполнял возложенную на него роль с любезным вниманием и даже настойчивостью.

Во время первой же прогулки, пересев несколько раз на станциях подземки, Силайс вытащил Лидумса на поверхность, где-то в тихом районе города и медленно повел по улицам, на которых стояли маленькие особняки, отгороженные от прохожих металлическими решетками и небольшими газонами. Садовники, а может быть, и сами владельцы этих особняков, волочили электрические моторчики с ножницами и подстригали газоны в последний раз в этом году. В других двориках такую же операцию проделывали над декоративными

кустарниками, окаймлявшими выложенные красным кирпичом дорожки. Во всем чувствовалась осень, пора увядания, но было еще тепло, совсем как в Латвии в последние дни осени.

Внезапно Лидумс увидел яркий красный флаг над одним из домиков впереди. Это было так неожиданно, что он только большим усилием воли заставил себя идти рядом с Силайсом спокойной походкой любопытного прохожего, опустив глаза к земле, и даже продолжил какой-то безразличный разговор о только что покинутом метро. Проводник все замедлял свой шаг, и Лидумс, приноравливаясь к засеменившему Силайсу, осуждающим тоном заговорил о том, что в метро очень накурено, валяются прочитанные и выброшенные газеты, целлофановые пакеты от завтрака, бумажные обертки от конфет, как будто никому из англичан нет дела до соседа.

— О, здесь такая традиция! — безразлично ответил Силайс. — Вы заметили, все англичане курят, и мужчины и женщины, причем курят все время! Если их лишить этого удовольствия, они перестанут ездить в метро, перестанут посещать кино, театры, цирк. Поэтому и государственные учреждения, и частные компании, владеющие средствами передвижения или зрительными предприятиями, вынуждены прощать им эту маленькую слабость, вот почему лондонское метро считается самым грязным в мире. Зато оно может перебросить вас в считанные минуты в любой район Лондона. Кстати, вы знаете, где мы находимся?

— Понятия не имею! — воскликнул Лидумс. — Но надеюсь, что вы доставите меня домой, а то я со своим медленным произношением и желанием тщательно выговорить каждую букву алфавита, могу вызвать подозрение у первого же человека, к которому обращусь с вопросом!

Он засмеялся, глядя прямо в глаза Силайсу и чуть приостановившись, чтобы тот оценил его шутку. Силайс вдруг угрюмо сказал:

— О, можно позвонить у двери любого дома! Скажем, даже у этого!

Он ткнул пальцем в маленькую медную дощечку на парадном входе особняка и чуть отстранился, чтобы Лидумс мог ее увидеть целиком, бросив в то же время острый взгляд на своего подопечного. Лидумс широко открыл глаза.

— Как, и ни одного полисмена вокруг?

— А зачем?

— Но ведь это же советское посольство! Неужели во всем Лондоне нет обиженных? Никто не устраивает патрулирования, не следит, как ведут себя эти советские? Странно!

— Да, милый Лидумс, у вас еще сохранилось ощущение леса! — разочарованно, но как будто и с облегчением, сказал Силайс. — В благословенном королевстве все посольства равны, и вряд ли английская полиция разрешит вам выразить тут свою ненависть к «синим»! А вон и полисмены...

И верно, к остановившимся проходим медленно и уверенно направлялись два «бобби», высокие, как кариатиды, в белых шлемах, в белых перчатках, с белыми дубинками у пояса, как будто они только что вынырнули из какого-то подъезда. Силайс взял Лидумса под руку и медленно повел дальше. Полицейские оглядели обоих цепким взглядом и внушительно проследовали мимо.

Довольно долго оба шли молча, потом Силайс свернул в какой-то узкий переулок, вывел Лидумса на площадь и опять повел в подземку. Вышли они только на Пикадилли.

Зашли в «Эмпайр». Силайс предупредительно купил билеты, сказал, что это лучший кинотеатр...

В зале лучшего кинотеатра было накурено так, что дым стлался волнами, хотя где-то под потолком и гудели мощные вентиляторы. Под ногами шуршала бумага. Женщина-билетер, подсвечивая себе фонариком, провела посетителей на свободные места. Картина, судя по всему, уже заканчивалась. Вот прогремел еще выстрел, еще один «герой» упал, убийца спрятал пистолет, типа пулемета, за борт пальто, — непонятно было, как он там уместился, прижал к этому пистолету-пулемету спасенную им женщину и принялся сладко целовать ее над трупом поверженного врага.

Лидумс отдышал, вытянув гудящие от усталости ноги. Первая прогулка оказалась довольно долгой.

После картины выступал какой-то балетный ансамбль. Танцевали, показывали акробатические этюды, опять медленно и упорно раздевались женщины, затем снова свет погас, и началась новая картина. Судя по всему это была комедия, но уж очень страшен был ее сюжет. Где-то в гостинице гангстеры должны были убить человека. Но

сколько они ни стреляли, ни отравляли, все попадались посторонние люди. В конце концов трупов стало столько, что в каждом номере гостиницы лежали убитые, а тот, за кем гангстеры охотились, все не попадал под выстрел и увиливал от стакана отравленного коктейля. Но предприятие должно было действовать, поэтому гангстеры, не желая нарушать право частной собственности, стали сволакивать трупы в подвал. Этим и воспользовался преследуемый, — забрался в подвал и устроился в самом низу штабеля из трупов. А в гостинице продолжалась мирная жизнь, вновь приезжали постояльцы, полиция искала исчезнувших людей, гангстеры помогали полиции, кто-то уже получал наследство, кто-то скоропалительно женился, так как коварный опекун его возлюбленной исчез, и прочая и прочая. Наконец Силайс заметил, что его подопечный зевает, и смилостивился над ним:

— Пойдемте! Посмотрите когда-нибудь в другой раз...

— Ну что вы, — извинился смущенный Лидумс, — если вы хотите...

— А! — Силайс встал. — При желании конец можно увидеть в другой картине. Они все одинаковы! — и, перешагивая через вытянутые в проход ноги, отворачиваясь от забывших обо всем на свете целующихся парочек, они вышли. На улице Силайс усмехнулся чему-то, сказал: — Эти кинотеатры тем и хороши, что можно зайти и выйти когда угодно! Вот обживетесь здесь, найдете себе девушку, будете ходить с ней целоваться в кино!

— Не буду! — сурово сказал Лидумс.

— Почему? — удивился Силайс.

— Слишком легкая жизнь! — с ударением ответил Лидумс.

Его опекун смущенно замолчал. Потом оживился, пообещал:

— О, скоро мы вас начнем занимать делами!

— Давно пора! — угрюмо проворчал Лидумс.

Однако эта пора все не наступала.

Силайс оставался предупредительным проводником по Лондону и не более. Иногда Лидумс приглашал с собой Эди Флауэра. Миссис Флауэр все больше проникалась доверием к новому постояльцу и даже не протестовала, если Лидумс приглашал Эди на прогулку в субботу или в воскресенье, в те дни, когда муж должен был терпеть ее тираническое правление.

Добиться этой благосклонности оказалось довольно легко.

Миссис Флауэр объявила о том, что начинается сбор приношений на елку и на торжественный рождественский ужин. Отныне все ученики школы были обязаны по субботам выделять из своей стипендии по два с половиной шиллинга. Лидумс воспользовался случаем и внес пять шиллингов в первый же сбор. Очевидно, миссис Флауэр понравилась идея такого увеличения средств, так как в следующую субботу она попросила по пяти шиллингов со всех. Лидумс внес десять.

Этим он окончательно убедил миссис Флауэр в своей полной респектабельности. Отныне Эди мог сопровождать Лидумса куда угодно и сколько угодно времени. Впрочем, Лидумс не злоупотреблял доверием повелительницы.

С Флауэром было интереснее бродить по Лондону. Шофер отлично знал родной город, знал, что может заинтересовать иностранца, и показывал не только парадные улицы Лондона. Под терпеливым руководством Флауэра Лидумс лучше узнавал и людей, и их своеобразные нравы.

Говорят, что англичане — спокойный народ. Лидумс все больше уверялся, что они, кроме спокойствия, обладают еще и большой дозой лени и безразличия к интересам и вкусам других. Это было заметно по их поведению на улице, в метро, в ресторанах, в кафе.

Становилось все холоднее, поэтому мужчины нарядились в легкие пальто, женщины — в нейлоновые шубки, но гардеробы при кафе и ресторанах пустовали, англичане не затрудняли себя раздеванием, сидели за столиками в пальто. А так как в домах не топили — уголь

дорог! — то большую часть свободного времени люди проводили в кафе, сидя по часу и больше за чашкой кофе.

По улицам бродили обнищавшие музыканты и певцы, собирая пенсы, как нищие. Рядом с Пикадилли, ярко освещенной богатой улицей со множеством витрин, реклам, залитой светом, на узких улочках стояли женщины, предлагавшие себя прохожим, в одном и том же доме в подвалах ютилась беднота, а этажом выше доживала свой век какая-нибудь парочка старух, занимавшая «квартиру» в пятнадцать комнат... Впрочем, Эди Флауэр называл это демократией.

Он очень гордился Лондоном. Гордился его Тауэром, парламентом, соборами, музеями, в которых, правда, не бывал, зато знал, где они расположены, гордился ночными кабаками: «Не хуже, чем в Париже!» — гордился французским театром «Фоли Бержер» на Пикадилли, в котором почти голые женщины разыгрывают полупорнографические сценки, гордился нелепыми традициями города, которые вызывали естественные усмешки иностранцев. Однажды он привел Лидумса в один из центральных районов города и, показывая на многоэтажные дома, с гордостью сообщил, что каждый владелец дома и всякий квартиросъемщик в этом районе обязан подписать пункт договора, в котором говорится, что он обязуется не стрелять в этом районе куропаток до десяти часов утра...

Лидумс решил, что он слышит какую-то идиому, которую не может понять, и подосадовал на свое плохое знание английского языка. Оказалось, что он понял все правильно. Действительно, в районе запрещалось стрелять куропаток и именно до десяти часов утра, чтобы не будить соседей выстрелами... Возникновение этого пункта в договоре относилось к средним векам, к появлению первых мушкетов, к тем временам, когда этот район Лондона был покрыт лесами, и вот эта нелепая подробность договора перекочевала в наши дни, когда весь этот район, именующийся Биргхем, стал чуть ли не центром города!

Увы, если Флауэр хотел этим примером поразить воображение приезжего человека и заставить его проникнуться уважением к древним обычаям города, то он ошибся. Это было так же нелепо, как спикер парламента, восседающий на мешке с шерстью, как длинные мантии и средневековые колпаки судей и адвокатов, как старинные родовые кареты знати, вдруг появляющиеся между блестящими автомобилями...

Не оставлял без присмотра своего подопечного и Силайс...

Впрочем, разговоры с Силайсом все время вызывали у Лидумса ощущение близкой опасности. Так и кажется, поблизости стоит охотник и прицеливается, вот-вот выстрелит...

Силайс проявлял странную заботу о времяпрепровождении Лидумса, постоянно говорил, как скучно приезжому в Лондоне без должного круга друзей, приглашал поехать в какой-то атомный институт, где работали несколько друзей Силайса, как он выражался: «на сверхсекретной работе!» — и закатывал глаза, изображая эту «сверхсекретность». Потом он вдруг вспоминал, что какой-то физик, только что вернувшийся из Соединенных Штатов, обещал рассказать ему, Силайсу, о последних испытаниях атомной бомбы и о подготовке супербомбы, и Силайс очень хотел, чтобы Казимир послушал этот рассказ. Все это, наверно, очень интересно для такого «лесного» человека, как Казимир, да и он, Силайс, уже успел похвалиться перед этими именитыми друзьями, что приведет к ним «лесного» человека, будет очень интересно всем, и друзьям, и Лидумсу, и самому Силайсу...

«Да, тебе будет несомненно интересно! — размышлял Лидумс, возвращаясь со своим опекуном после очередной прогулки. — А еще интереснее будет твоим «друзьям» из разведки. Но мне это все ни к чему, так ты и знай!»

И он начинал зло подсмеиваться над «атомщиками», которые, вместо того чтобы делать порученное, им дело, занимаются болтовней, салонными разговорами, ищут экзотических знакомых, тогда как большевистские атомщики успели разгадать все секреты и делают все более мощные бомбы. Он даже и не пытался скрывать свою злость, этот «лесной» человек.

Вспышка Лидумса пришлась по сердцу Силайсу. Как видно, он и сам не очень жаждал участвовать в этой «проверке» посланца Будриса. Об англичанах он говорил довольно сердито:

— Эти господа любого выведут из себя своей медлительностью! Вечно сводят дебет с кредитом, все рассчитывают, сто раз проверяют и примеряют, а потом отрежут — узко! У них всегда так! Вот я вожусь с ними уже пятнадцать лет и никогда не могу быть уверен, что понимаю их цели и намерения...

Впрочем, он быстро замолкал, только поглядывал на Лидумса сочувственно. И Лидумс понял: нащупано самое слабое место в душе опекуна.

И в самом деле, после этого возмущенного и, может, несправедливого нападения на англичан, Лидумс заметил, что его новый друг и наставник стал относиться к нему сочувственнее, каверзных вопросов не задавал, ложных знакомств не навязывал, — по-видимому, «проверка» Лидумса закончилась, его «посольский агреман» признан, и сам он отныне становится персона грата...

В самом деле, доклад, над которым они с Будрисом думали так много, как будто пришелся по вкусу англичанам. Из радиোগрамм, получаемых от Будриса через Барса, Лидумс знал, что англичане благодарили Будриса за его труд. Благодарили они Будриса и за то, что направил им в качестве консультанта такого опытного человека, как Казимир...

Связь с Делиньшем поддерживалась постоянно. Силайс даже попросил Лидумса сообщить Барсу, что на личном счете Барса в английском банке скопилась значительная сумма. Лидумс немедленно передал эти сведения, позволив себе включить в радиограмму условное словечко: «опять», подтверждавшее, что англичане перестали проверять посланца Будриса и вполне ему доверяют.

Сам он не чурался знакомств, разговоров, веселого застолья со шпионами из школы и их руководителями, держался ровно и доброжелательно со всеми, не шел только на те знакомства, которые пытался навязать ему Силайс — знакомства с «интересными людьми» — это очень пахло проверкой! Во время одной из прогулок Лидумс открыл в районе Челси маленький магазинчик для малоимущих художников: тут выставлялись для продажи картины безвестных мазилок и неудачников, можно было по сходной цене купить холсты, альбомы, краски. Силайс немедля приобрел необходимые материалы на довольно крупную сумму. Так как счет от магазина поступил на адрес миссис Флауэр, та вначале вознегодовала на мотовство полюбившегося ей жильца, но затем заинтересовалась неожиданной его профессией. Через ее руки проходили бывшие летчики, эсэсовцы, убийцы, командосы, но художников она еще не видала...

В числе закупленных богатств было прелестное стило с широким пером для графических работ. И Лидумсу пришлось провести вечерний сеанс рисования: он нарисовал и миссис Флауэр, и ее супруга, и Ребане, и Жакявичуса, и раздарил им рисунки на память. Эта молниеносная быстрота, эта умелая и умная хватка пера, когда в течение пяти минут на бумаге появлялся, «как живой» тот или другой человек, окончательно восхитили миссис Флауэр да и других однокашников Лидумса...

Более того, слава художника очень быстро по неизвестным Лидумсу каналам достигла мисс Норы, Большого Джона, а следовательно, и Маккибина... Об этом Лидумса предупредил все тот же всезнающий Силайс...

В эти дни ему пришлось часто беседовать с Большим Джоном, с Малым Джоном, еще с какими-то «специалистами по России», которых ни Большой ни Малый Джоны Лидумсу не представляли — шла детальная проработка доклада. Точнее говоря, проверка. Лидумс уже знал, что Вилкса посадили писать «мемуары» о пребывании в Латвии, что много раз задавали ему контрольные вопросы, которые только бесили Вилкса, о чем тот в соответствующих выражениях и поведал Лидумсу:

— Это проклятое английское высокомерие и недоверие! — угрюмо говорил он. — Они не могут допустить даже такой простой вещи, что Лаува не побежал с доносом! Когда мне сказали об этом опасении, я прямо швырнул в морду Большому Джону, что с ним не пошел бы не только в Советский Союз, но даже на охоту, боялся бы, что с испугу он выстрелит мне в спину. Ничего, подействовало!

Лидумс понимал, что в душе Вилкс и сам не очень-то верит в порядочность своего бывшего коллеги. И не успокаивал его. Однажды только сказал:

— Если жена Лаувы — учительница, она, конечно, имеет доступ ко всем районным властям. А при помощи родственников и знакомых достать «чистый» паспорт можно! Вон Делиньш даже жениться собирается, надеется, что родственники девушки помогут ему легализоваться...

— Я это же им и сказал! Слово в слово! — восхитился поддержке Вилкс. — И когда они начинают строчку за строчкой шелушить доклад Будриса, я им тоже такие ножи в спину втыкаю, что они только ежатся!

Позже Лидумс понял, что эти «ножи в спину англичан», которые «втыкал» Вилкс, очень помогли делу. В тех случаях, когда что-то в их сообщениях не совпадало, Вилкс немедля становился на сторону Лидумса, доказывая, что многое он не знал по «законам конспирации», что в других случаях, конечно, прав Лидумс, который отлично знает местные условия и является доверенным лицом «самого Будриса!» Восхищение Вилкса Будрисом тоже накладывало свой отпечаток на все его «мемории»...

В эти дни Лидумс передал через Силайса в разведцентр радиogramму для Будриса, в которой сетовал на то, что задерживается в Англии на длительный срок, хотя ему «очень хочется опять быть рядом с друзьями». Сообщил он и то, что доклад встречен благожелательно... О том, что радиogramма не была задержана «по техническим причинам», он узнал на следующий день, получив ответ Будриса. Кроме всего прочего, Будрис сообщал, что и он, и Анна с нетерпением ждут его... Это была первая весточка от жены. Но кто мог сказать, придумал ли Будрис «нетерпение» Анны или на самом деле говорил с нею? Запрашивать подробности о жене Лидумс просто боялся...

День полного признания посольской миссии Лидумса наступил так внезапно, что у «посла» могла закружиться голова от успеха, не будь давней выучки подпольщика...

Утром восемнадцатого ноября в комнату Лидумса ввалился Силайс и пошел на него с распростертыми объятиями, словно собирался удушить гостя.

— Поздравляю! Поздравляю со светлым днем, омраченным нашими вечными врагами! — восклицал он, прижимаясь холодной щекой к щеке Лидумса, похлопывая его по спине, делая все те нелепые жесты, какие делает мужчина, обнимающий мужчину, чтобы выказать ему свое полное расположение.

Лидумс едва не спросил, с каким это великим праздником поздравляет его опекун, но вовремя прикусил язык. Восемнадцатого ноября буржуазная Латвия праздновала день установления республики. Республика дала Лидумсу только тюрьмы и нищету, поэтому он мог забыть этот «светлый праздник». Но здесь он не имел права ничего забывать.

Он чуть не всхлипнул от душевного волнения, порылся в карманах, вытер белоснежным платком сухие глаза, теперь уже сам обнял Силайса, похлопал его по спине, сказал:

— Ничего, наш праздник еще настанет!

— Да, да, настанет! — воскликнул Силайс.

Человеческий язык значительно чаще скрывает мысли, нежели разъясняет их. Так и тут: два человека думали о совершенно разных вещах, хотя произносили одинаковые слова.

— Сегодня мы приглашены к главе нашего государства его превосходительству господину Зариньшу! — с пафосом воскликнул Силайс.

— О! — и Лидумс почтительно склонил голову, полузакрыв глаза, чтобы спрятать торжествующую усмешку.

— Господин Зариньш приглашает нас прибыть к восьми часам вечера.

— Ничто не мешает мне передать его превосходительству поклон от нашей непобежденной страны! Наши люди молятся о здоровье его превосходительства и надеются на его заступничество!

Они еще долго обменивались подобными высокопарными фразами, а Лидумс вспоминал все, что знал о «главе латвийского государства».

Ему не привелось встречаться с Зариньшем на родине. Карл Зариньш, дипломат старой школы, почти всю жизнь провел за границей. Теперь он был старейшим из оставшихся за границей дипломатов и официально признанным правительством Англии «главой латвийского государства». В свои восемьдесят лет Зариньш, по-видимому, не мог уже надеяться на торжественный въезд в Ригу на белом коне впереди оккупационных войск Англии и Америки, однако продолжал довольно активную деятельность «в защиту демократии». Зариньш назначал и смещал послов несуществующего латвийского государства. Только недавно он установил «посольские отношения» с франкистской Испанией. Единственное, что ему никак не удавалось, это сместить старого посла Латвии в США Спекке. Тот интриговал и досаждал Зариньшу, как мог, требуя признания «равноправия». Было понятно, что Соединенным Штатам выгоднее и удобнее иметь в Вашингтоне собственного подручного, а не обращаться в Лондон к Зариньшу, и государственный департамент поддерживал притязания своего выкормыша.

Спекке и его «подпольная» деятельность были чем-то вроде отравленной стрелы в сердце Зариньша, да и на Силайса действовали удручающе, по-видимому, согласно поговорке о том, что «паны дерутся, а у хлопов чубы трещат». Ведь Силайс надеялся на министерский портфель в недалеком будущем, а что, если какой-то Спекке, отсиживающийся в Вашингтоне, будет протестовать?

Этот дележ шкуры неубитого медведя постоянно смешил Лидумса, но, как посол Будариса, он предпочитал во всем соглашаться с Силайсом и тоже осуждал «раскольнические действия» жителя Вашингтона.

Но вот Силайс прекратил высокопарные изъяснения верноподданнических чувств, умолк и Лидумс. После этого Силайс осведомился, — есть ли у Лидумса вечерний костюм. — Да. — К семи

будьте дома, я заеду. — Да. — До встречи! — и Силайс торжественно помахал ручкой.

— Одну минуту! — остановил его Лидумс. — А Вилкс поедет с нами?

Силайс приостановился в дверях, пожал плечами, спросил:

— Вы этого хотите?

— Конечно! Ведь он же видел обстановку на родине глазами западного человека! То, с чем мы уже свыклись, ему было внове! Он может многое подсказать, когда возникнет беседа между его превосходительством и мною... И потом, вернувшись на родину, он подтвердит мой доклад Будрису...

Силайс в некотором замешательстве пробормотал:

— Ну что же, если вы так хотите... Я предупрежу его...

Силайс удалился, а Лидумс принялся, посвистывая, приводить в порядок свой гардероб. Посвистывание, всяческие мелодические фиоритуры из народных латышских песен, четырехстрочия из гимна «лесных братьев» и из песни «Не боимся мы чекистов» должны были отчетливо звучать на магнитофоне, если таковой поставлен где-нибудь в его комнате. Человек, который не может и часа пробыть в одиночестве, не вспомнив родной мелодии, и постоянно повторяет угрожающие слова лесных маршей и гимнов — прямой человек!

Костюм, подаренный стараниями Большого Джона от имени английской секретной службы, еще не помялся, сорочки, выглаженные под наблюдением миссис Флауэр, были свежи и даже надушены, галстуки, приобретенные под руководством Эди Флауэра и Силайса во время путешествия по Лондону, и не яркие, и не вызывающие, и песенки Лидумса звучали все задорнее и задорнее. Ведь песни тоже могут выражать совершенно разные чувства. Тот человек, который будет прослушивать возможную магнитофонную запись, услышит бодрый голос человека, обрадованного и счастливого свиданием с главой государства, а истинная радость Лидумса может относиться к чему угодно, хоть к тому, например, что проверка закончилась, он входит в дело...

Без пяти минут восемь Силайс, Вилкс и Лидумс были уже возле посольства. Визит рассматривался как официальный, опоздание было бы непростительно.

Посольство размещалось в трехэтажном особняке. Внизу — канцелярия, на втором и третьем этажах — личные апартаменты посла. Впрочем, все здание казалось вымершим. Лидумсу хотелось спросить, кто же посещает канцелярию посольства несуществующей страны, но Силайс уже позвонил.

Швейцар, открывший дверь, подозрительно оглядел гостей, но узнал Силайса и торопливо принял плащи. Какая-то молодая женщина провела всех наверх, в гостиную.

В тот самый момент, когда посланец Будриса и его свита вступили в гостиную, с противоположной стороны этого довольно большого зала открылась другая дверь, и оттуда медленно вышел лысый, довольно грузный старик в черном костюме, без орденов, сделал три шага и остановился.

Силайс, стоявший по правую руку от посланца национально мыслящей Латвии, представил Лидумса, сказал несколько слов о боевой деятельности группы Будриса, наконец-то связавшейся со своим «законным» правительством. Попутно он похвалил Вилкса, который нашел и связал группу Будриса с заинтересованными лицами и организациями свободного мира...

Тогда, в строгом согласии с дипломатическим п р о т о к о л о м, Лидумс сделал несколько шагов вперед, поздравил «главу государства», пожелал ему доброго здоровья и долгих лет жизни на благо его подданных и, приблизившись, наконец, к «главе», вручил ему подарок от группы Будриса.

Зариньш держался как в театре, даже слезы вытирал подобно Кецису из пьесы «Времена землемеров» Каудзитеса. Дрожащим, растроганным голосом пожалел он этих бедняжек, истинных латышей, которые вынуждены жить в лесах Латвии, преследуемые красным террором, к слову вспомнил и о своем тяжком прошлом, которое относилось ко временам Октябрьской революции и гражданской войны, и посетовал на то, что реакционные латышские организации во главе с епископом Ранцаном пытались отобрать у него «чрезвычайные полномочия», дарованные Ульманисом, тогда как весь народ Латвии, — он видит это по доброму подарку Будриса, — стоит на его стороне и будет защищать его права от всяких Ранцанов и Спекке...

Эта старчески дребезжащая речь, эти обиды и горести, изливаемые на голову любого слушателя, поразили Лидумса. И этот

человек все еще продолжал интриговать! Ему пора бы о могиле подумать, а он собирается упрашивать своих покровителей о немедленной, непримиримой, безжалостной войне против Советского Союза! Воистину, если бог захочет наказать человека, он лишает его разума!

Протокольная часть беседы закончилась. Зариньш пригласил всех сесть и с чисто детским любопытством принялся рассматривать резной ларец. Наконец он повернул ключ в замочке и открыл крышку.

Кто знает, какие мысли пронеслись в его голове в те мгновения, когда он, погрузив руку в ларец, вытащил полную горсть янтаря и принялся пересыпать его из руки в руку, любуясь золотой игрой, теплым светом, жарким солнцем, заключенным в этих комочках древней смолы. Может быть, он думал о родине, которой ему уже не увидеть, может, сожалел, что покинул ее, а возможно, прикидывал в уме, как бы все-таки столкнуть лицам к лицу могущественнейшие государства мира, чтобы на развалинах человеческой цивилизации, отравленных атомной радиацией, попытаться еще воссесть в кресло президента давно забывшей его страны... Странные отблески мысли бороздили и искажали, подобно отблескам молний, его невысокое чело в морщинах...

Но вот он вздохнул, рассеянно захлопнул крышку ларца, сказал:

— Очень сожалею, господин Казимир, что жена моя и дочь отсутствуют. Они порадовались бы вашему подарку вместе со мной. Но если вы позволите, я попрошу вас навестить меня в домашней обстановке. И дочь и жена будут рады побеседовать с человеком «оттуда»...

— Буду счастлив! — торжественно поклонился Лидумс.

— А теперь, если позволите, я задам вам несколько вопросов...

Лидумс опять поклонился.

Но слушая вопросы старца, он снова подивился. Зариньш вдруг оживился, показав в полном блеске свои незаурядные дипломатические способности. Он знал, что хотел услышать от посланца, и вел разговор, как некий перекрестный допрос. То, что ему не нравилось в сообщениях Лидумса, он беззастенчиво отвергал, не желая слушать, а то, что хоть в какой-то мере оправдывало его предвзятые предположения и ту отрывочную и, чаще всего, ложную

информацию, которой он располагал, он старался подтвердить хотя бы для самого себя, вытащив пусть хоть одну фразу из Лидумса.

Но Лидумс не хотел стесняться. Недаром же он заставил пригласить сюда Вилкса! И он беспощадно разбивал одну иллюзию за другой, стараясь не замечать жалобного взгляда «президента», не слышать предостерегающего шепота Силайса, заставляя беднягу Вилкса подтверждать каждое свое слово.

— Настроения интеллигенции? Тут большевики не поскупились и выполнили все свои обещания: интеллигенция имеет работу, деньги, обеспеченное будущее. Вот Вилкс заметил, как много в Риге частных автомашин. Да, безработицы среди интеллигенции нет. При окончании высших учебных заведений выпускникам представляются места. Конечно, недовольные есть. Среди пожилых — многие помнят те времена, когда инициативный человек мог очень быстро стать и богатым, среди молодежи это в большинстве авантюристы или обиженные тем, что им предложили работу в другой республике, а они не захотели поехать и теперь работают продавцами, официантами, но таких очень немного. Да, большевики привержены к дисциплине, но они требуют, чтобы дисциплина опиралась на сознание, и этим привлекают многих людей, которые могли бы быть нашей опорой в борьбе против большевизма...

— Голод? Ну что вы, какой же голод? Вот Вилкс может подтвердить, что и магазины, и рынки полны продуктов...

— Рабочие? Но рабочие и до прихода Советов были недовольны нашей политикой, а теперь, когда им предоставлены все права, когда они ежегодно едут в отпуска, не платят за врачебную помощь, не опасаются безработицы, они, конечно, бастовать не станут...

— Крестьянство? В нем мы имеем некоторую опору, но и то больше за счет обиженных состоятельных людей, как их называют большевики — кулаков. Есть еще так называемый средний класс, или, как говорят большевики, мещанство, но это трусы...

— Революция внутри страны? Нет, это все-таки химера! При первой же попытке выступить, наши разрозненные отряды будут уничтожены, и уже не останется никакой внутренней силы для создания порядка.

Зариньш все больше тускнел, но при последних словах Лидумса вздернул голову, как старый боевой конь.

— Мы тоже бережем эти внутренние силы. И у нас есть главная надежда: война!

Вилкс заговорил о том, как он искал связь с группой Будриса, как жил в Риге нелегально, как отлично относились к нему его новые друзья. Он очень хвалил Будриса, рассказал о стычке, когда «синие» запеленговали работу его радиостанции, и Лидумс, выручая радиста и рацию, вел ожесточенную схватку. Рассказал и о том, что на зиму отряд вынужден прекращать боевые действия и люди расходятся по хуторам, а некоторые возвращаются в Ригу...

— Как должно быть холодно теперь в Риге! — вдруг сказал Зариньш. — Эти дрова по карточкам, бешеные цены...

Лидумс вдруг заметил, что в гостиной действительно очень холодно. И, невольно усмехнувшись, сухо заметил:

— Большевики разрешили и эту проблему. В Риге сколько угодно дров на всех лесных складах, и их продают по очень дешевой цене. Кубометр дров, переводя на английские цены, стоит десять-пятнадцать шиллингов с доставкой...

Эта смешная сценка окончательно расстроила Зариньша. Задав для приличия еще несколько вопросов, он стал прощаться. Лидумс уже боялся, не раздумает ли старец приглашать его, но Зариньш довольно твердо повторил:

— Назначим для встречи второй день Нового года. Моя дочь и жена будут счастливы видеть вас. А у меня есть еще так много вопросов о жизни нашей милой родины...

Конец «дня независимости» гостям президента пришлось проводить уже в ресторане.

О встрече с президентом старались не говорить.

В конце ноября Силайс сообщил Лидумсу, что с ним хочет встретиться «сам» Маккибин. Лидумс невольно улыбнулся: акции «посла» национально мыслящих латышей повышались.

В биржевой терминологии, которую так любят на Западе, это, вероятно, называлось бы «товарищество на доверии». Но известно, биржевые акулы и «доверие» стараются обернуть себе на пользу, коллеге во вред. Как говорится, сильный стремится пожрать слабого, а слабый, пока его не съели, тоже норовит ущипнуть кусочек пожирнее.

И Лидумс, получив это торжественное сообщение, призадумался.

Правда, у него было некоторое преимущество: он знал о Маккибине куда больше, чем Маккибин о нем. Но все имевшиеся у Лидумса знания подтверждали, что Маккибин — грозный противник.

Маккибин был известен в английской секретной службе под вполне безобидными кличками: «Санди» или «Анкл», что значит — «Дядя». Возможно, кличку «Дядя» Маккибину дали в шутку за то, что он постоянно возился ее всяческими «перемещенными» лицами, беженцами из Советской Прибалтики, и для многих из них оказался воистину добрым и щедрым дядюшкой, в меру их заслуг перед английской разведкой и соответственно тому секретному фонду, которым располагал. Вышвырнул же он через свою секретаршу Нору изрядное количество фунтов для переброски Лидумса-Казимира из Латвии в Англию? Мало того, одел и обул этого Казимира, положил ему жалование, поместил в свою лучшую школу, одним словом, не оставлял ни благодеяниями, ни наблюдением! Естественно, что теперь, когда Казимир прошел через все сита английской разведки, был, как говорится, и облучен, и рентгенизирован, и сфотографирован, и, наверно, записан на магнитофон, Маккибин счел, наконец, возможным встретиться с ним.

Что сам Маккибин является личностью видной, свидетельствовало и то, как забегала миссис Флауэр, когда Силайс предупредил ее о визите в школу Маккибина. Миссис Флауэр превратилась в вихрь, это при ее-то лени! Она так и металась с места на место, из комнаты в комнату, готовила ужин, какое-то особое пиво,

какое-то старое вино, успевая предупредить каждого ученика особо, чтобы тот приоделся, переменял сорочку, надел бы галстук поскромнее или, наоборот, поярче, — миссис Флауэр была знатоком вопроса о том, кому что идет.

Лидумс помог запыхавшейся миссис Флауэр переставить с места на место цветы, которые должны были «оттенить» главные места за столом, и спросил:

— Почему вы так озабочены этим визитом, миссис Флауэр?

— О, мистер Казимир, в распоряжении этого человека значительные средства! Он финансирует всю нашу деятельность, и мы должны встретить его с почетом. Я очень рада, что принимаю у себя вас, кого мистер Маккибин считает своим другом...

Похоже было, что мистер Маккибин ни для кого из живущих в школе такого одолжения не делал.

Маккибин прибыл в школу вместе с Норой.

В гостиной собрались все ученики школы, отдельной группкой стояли более почетные гости: Лидумс, Силайс, Ребане, Жакявичус. Силайс так и сиял, зато эстонец и литовец были несколько удручены: они не могли похвастаться успехами своих собратьев по тайному оружию. Однако к Лидумсу они относились тоже с большой долей восхищения.

Первый тост, как и следовало ожидать, провозгласил Маккибин. Он поднял его за здоровье и личные успехи «верного сына латышского народа», «вождя и руководителя национально мыслящих сынов Латвии», «воина и героя» мистера Будриса и его верного помощника и представителя мистера Казимира.

Все встали с мест, поспешили к Лидумсу. Некоторое время Лидумс слышал только звон бокалов, едва успевая ответить на посыпавшиеся в его честь поздравления. Никто не желал упустить высокую честь выразить личное восхищение мужественным борцом за свободу Латвии Будрисом и его высоким посланцем.

Когда установилась тишина и взоры всех направились к Лидумсу, он произнес взволнованный спич в адрес Маккибина, в котором выразил свою искреннюю признательность за внимание к его другу Будрису, а затем провозгласил тост за британское королевское правительство, оказавшее ему столь любезный прием на своей земле.

Зеленые глаза Норы пылали, излучая какой-то многообещающий свет, они все время устремлялись к Лидумсу, так что тому стало даже как-то неловко. Но когда Маккибин любезно произнес, что познакомился с мистером Казимиром заочно, благодаря рассказам Норы, Лидумс подумал с усмешкой: «Может, это и к лучшему? Известно, что никто не сумеет лучше расхвалить человека, чем влюбленная женщина! Лишь бы эта влюбленность не зашла слишком далеко! Люди такого типа, как Маккибин, с его холодноватым сухим лицом и властолюбивым выражением глаз, бывают очень ревнивы. Будем надеяться, что эта дама побоится своего шефа...»

А Нора, попыхивая сигаретой, — курила она, не переставая, — бродила меж собравшимися, рассыпая смех и шутки, порой довольно злые, по адресу Ребане и Жакявичуса, и все норовила коснуться плечом или грудью плеча Лидумса. К счастью для Лидумса, Маккибин захотел прослушать повесть о его анабиозе и о положении в Латвии, и Лидумс успел перебраться к нему поближе, оказавшись таким образом в относительной безопасности. Правда, это было похоже на то, что от тигрицы он попал ко льву, но тут были хоть равные условия — оба они охотились друг за другом и могли прибегнуть к одинаковым уловкам и приемам.

Как только Маккибин заговорил о Латвии, о положении в ней, Лидумс невольно вспомнил встречу с престарелым «президентом». Как мало знали эти два, казалось бы, самые информированные во всей Англии человека, о той стране, которую избрали «сферой» своей деятельности!

По-видимому, Зариньш уже успел рассказать Маккибину о своей встрече с Казимиром, это было заметно по тому, что Маккибин задавал те же самые вопросы, что и «президент». Лидумс не стал «смягчать» свои ответы, только вспомнил предостережение Силайса, и при вопросе о количестве «активных помощников» сослался на правила конспирации, которые не позволили ему задавать такие вопросы Будрису. Впрочем, Силайс уже торопился на помощь. Желая привлечь внимание шефа к своей особе, он, оказывается, привез с собой даже подарок Будриса, и теперь вынес его из передней для всеобщего обозрения.

Кажется, подарок понравился Маккибину, он тоже похвалил прекрасную работу латышских кустарей и прекратил свои вопросы,

напоминавшие чем-то тот допрос, который устроил Лидумсу Зариньш.

Маккибин пробыл в школе два часа. И все это время было посвящено торжеству Будриса и его посланца.

«Итак, — размышлял Лидумс ночью, оставшись один, — посвящение в «рыцари плаща и кинжала» состоялось! Если бы у англичан еще таилось какое-нибудь подозрение, они никогда не позволили бы Маккибину приехать на этот прием. Значит, теперь начнется серия официальных встреч, единственно в сущности полезных в моем положении. И чем больше я стану требовать у англичан и у престарелого «президента», тем выше будет моя цена! Англичане любят упрямых и упорных людей, а «президент» уже надоел им, и они не могут ждать от него ничего!»

Наконец долгожданная елка, на которую ученики школы внесли так много денег, была готова. Готов был и рождественский ужин.

На этот раз миссис Флауэр не пожалела ни, расходов, ни усилий. Традиционный английский праздник не мог быть отпразднован кое-как!

В сочельник ученики школы разбрелись по городу: одни, чтобы «встряхнуться», как это делал постоянно Джек, другие — в карточный клуб, как поступал в свободное время Ребане, третьи — наиболее сентиментальные — поискать традиционные подарки и подарить их самим себе, если уж шпионская жизнь лишила их права на семью, родину и близких.

Лидумс остался дома. Он вызвался помогать миссис Флауэр в украшении елки, да и не хотелось бродить по промозглым от тумана лондонским улицам или сидеть в каком-нибудь кабаке.

Он только что укрепил вифлеемскую звезду на вершине елки, как послышался звонок в передней, и в зал вошли впущенные прислугой две девочки лет восьми-девяти. Остановившись у притолоки и глядя влажными от испуга глазенками на пышную елку, на накрытый стол, на яркие лампы, они робко запели рождественский гимн.

Еще днем Лидумс увидел первые стайки этих христославов. В дни рождества чуть ли не все школьники из пригородов Лондона и трущобных районов выходят на улицы. Они осаждают троллейбусы, автобусы, метро, заходят во все дома на богатых улицах, где им откроют дверь, собирая нехитрую дань с праздничного стола. Вот и эти две девчушки, увидев через окна ярко освещенный зал, пришли сюда попытать счастья.

Столько трогательного испуга и надежды было в их лицах, так застенчиво и плохо они пели своими смущенными голосками, что Лидумсу вдруг захотелось обнять их, прижать к себе, утешить хоть чем-нибудь, сказку, что ли, рассказать им о их сверстниках в далекой Советской стране, для которых каждый день является праздником, так как они не знают этой унижительной нищеты...

Миссис Флауэр, поморщившись, сказала:

— Довольно, дети, довольно!

Взяв со стола два крохотных кусочка кекса, она подала девочкам, грубо выпроваживая их за дверь. Лидумс оглядел стол. Перед каждым прибором лежал сверток: разведывательная служба тоже позаботилась о подарках для воспитанников своего пансионата — выдала к празднику двухмесячный паек шоколада. Лидумс взял положенный у его прибора довольно внушительный сверток, развязал его, разделил пополам и отдал девочкам. Потрясенные этой царской щедростью, они прижали к груди дары, чуть шепча свое «сенк ю!» и «сенк ю вери мач!» — и медленно отступили за дверь.

Миссис Флауэр стояла, вытаращив глаза на Лидумса. Когда хлопнула дверь в передней, она сердито процедила сквозь зубы:

— Боже мой, за этот шоколад я сама пела бы вам целый вечер! И кому вы все это отдали? Уличной дряни! Разве это нищее простонародье умеет ценить добро? Все это будущий материал для тюрьмы!

Никогда еще Лидумс не видел жену коменданта в таком гневе. У этой христолобивой и верноподданной женщины перекопился рот, все хилое, плоскогрудое тело дергалось. Лидумсу пришлось срочно подыскивать достойный громоотвод, чтобы эти молнии не испепелили и его самого. Он смиренно произнес:

— Ах, миссис Флауэр, я так счастлив, оказавшись в «свободном мире», что готов доставить радость любому человеку! Тем более, это относится к детям, которые даже и не представляют себе настоящей жизни своих сверстников там, за «железным занавесом!» Подумайте, ведь там где-то находятся и мои собственные дети!

Это было сказано так проникновенно, так ясно увидел Лидумс всю разницу между жизнями этих нищих детей и тех, ради которых он жил здесь, в чужой стране, что даже у жестокосердной миссис Флауэр что-то дрогнуло в груди. Могла ли она понять, о чем думал Лидумс, когда глядел на истощенные постоянным недоеданием личики этих двух английских девчушек? Поистине, и здесь слова скрыли то, что лежало в душе!

Благорасположение домоправительницы было полностью восстановлено. Больше того, миссис Флауэр за общим ужином весьма трогательно рассказала о доброте мистера Казимира, вызвав довольно бурные насмешки со стороны более практичных соучеников Лидумса.

Впрочем, Лидумсу это было на руку: лучше казаться непрактичным и неопытным, меньше вызываешь зависти и недоброжелательства. А эти чувства весьма опасны и слишком культивируются в цивилизованном мире Запада.

Елка у миссис Флауэр повлекла за собой и другие приглашения. Сначала об одиноком госте позаботился Силайс, что и само по себе было весьма почетно, а двадцать шестого декабря в честь мистера Казимира устроил елку сам «президент»...

Силайс, передавший это приглашение Лидумсу, намекнул, что наконец-то пора ковать железо... Из этого довольно смутного намека Лидумс вывел заключение, что его хозяева поторапливают Зариньша. Очевидно, наступило время совещаний, соглашений к договорам, которого так ждал Лидумс, хотя и не торопил событий.

Лидумс осторожно спросил, будут ли на елке другие гости? Силайс торжественно сообщил:

— Прибудет директор департамента министерства финансов господин Скуевиц. Он привлечен к нашему делу и принимает участие в разработке программы нашей деятельности на будущее. Господин президент прочит Скуевица на пост министра финансов в будущем правительстве Латвии.

От такого знакомства отказываться не следовало, и Лидумс изъявил живейший интерес к будущему министру.

Сам Лидумс подготовился к этому «елочному» рауту вполне добросовестно. Из портфеля, врученного ему Будрисом при прощании, был извлечен знаменитый «доклад», над которым Будрис, Лидумс и еще десятки людей проработали не одну ночь. Теперь этому докладу суждено было начать официальную жизнь. Лидумс знал, что «секретный» этот документ, предназначенный только для господина президента, уже давно переведен на английский и размножен, пожалуй, типографским способом, над ним все это время сидели сотни заинтересованных лиц, всякие советники, департаментские чиновники, начальники разведывательных служб, и только теперь экземпляр этого доклада попадает настоящему адресату. Но все-таки чувствовал себя так, словно нес бомбу замедленного действия: он знал, на какой час назначен взрыв, сам ставил стрелки часов, но предугадать радиус взрыва не мог.

На площади Слоун Лидумс встретил Силайса с женой, молоденькой женщиной, дочерью одного из латышских эмигрантов. Жена не то чтобы робела при муже, а как-то опасалась проявлять себя. Да и на Лидумса она посматривала с опаской. По-видимому, политическая деятельность мужа пугала ее. Лидумс понимал, что молодая женщина побаивается, как бы замыслы Силайса нечаянно не осуществились, — ведь у ее мужа в Латвии находится настоящая, законная жена, к которой он должен будет вернуться. А что тогда делать ей? Поэтому появление Лидумса из страны, которую сама она помнила только смутно и лишь раздавленной немецким сапогом, волновало и мучило ее тяжелыми предчувствиями. Конечно, Лидумс мог бы утешить ее: не волнуйтесь, миссис Силайс, ничто не изменится в вашей жизни, вы навек осуждены нести свой крест и жить на чужбине! — но лучше было не вмешиваться в чужие размышления...

На этот раз дом посольства горел от множества огней, освещены были все этажи.

В гостиной Лидумса встретили Зариньш со своей супругой, еще молодящейся дамой лет пятидесяти пяти, француженкой, с грубым некрасивым лицом, дочь Зариньша — сухопарая, костлявая девица, лет тридцати, нервная, издерганная, с недовольным выражением лица, и Скуевиц — очень важный, очень представительный господин лет шестидесяти. Выглядел он, пожалуй, более важно, чем сам президент, может быть, потому, что, будучи на родине директором департамента в министерстве финансов и в то же время председателем акционерного общества «Огле», занимавшегося покупкой и сбытом каменного угля, успел перед войной правильно разместить свои капиталы, тогда как Зариньш целиком зависел от своего посольского поста. Во всяком случае, Скуевиц играл среди эмигрантов далеко не последнюю роль, даже и жил в доме латышской националистической организации «Даугавас Ванаги», в которой тоже занимал командное положение. Это по секрету сообщил Силайс.

Кроме официальных лиц и семьи Зариньша, были приглашены и англичане, по-видимому, все разведчики. Из них Лидумс знал только Большого Джона. Остальные были представлены так небрежно, что все фамилии оказались проглоченными, Лидумс ни одной как следует не расслышал, но понял, что это офицеры из прибалтийского отдела разведки, так как Силайс здоровался с ними чрезвычайно почтительно.

На этот раз Лидумса ожидали с нетерпением. Он понял это по беглым взглядам, по восхищенному выражению на бледном лице дочери Зариньша, по тому, чуть ли не дружескому, объятию, каким встретил его Скуевиц. Зариньш пригласил гостей в музыкальный салон, его дочь села за рояль и сыграла две латышские песни, все это прозвучало как гимн в честь гостя.

Затем Зариньш попросил дочь поставить пластинку с его речью, переданной через радиостанции «Би-би-си» и «Голос Америки» перед «днем освобождения» Латвии. Среди всяческих резких выпадов против Советов, в речи прозвучали и умилительные слова «президента» о том, что близится время возвращения в Латвию законных властей и что их ожидают там с цветами «национально мыслящие» латыши... По-видимому, речь писалась уже после появления Лидумса на Западе...

Во время исполнения речи Зариньш, как бы случайно, встал, Лидумс последовал его примеру, поднялись и Силайс и Скуевиц. Встали и англичане. Все это выглядело немного смешно, но благодарный взгляд Зариньша, брошенный Лидумсу, показывал, как этот седой, уже изношенный жизнью маленький человек печется о почтении к себе.

Проследовали в столовую.

Стол был накрыт очень парадно. Хозяйничала за столом молодая сотрудница посольства — итальянка, обслуживали гостей две женщины, одна из Австрии, другая — англичанка. Так что этот дом, так называемая «частица Латвии», оказался всего навсего космополитическим приютом, куда из латышей допускались лишь избранные.

Присутствие дам несколько стесняло, деловых разговоров никто не заводил. Только Зариньш как бы случайно рассказал, что встречался в Лондоне с личным посланником Эйзенхауэра и обсуждал с ним ряд вопросов, связанных с освобождением Прибалтийских республик... Это мог быть и маневр, чтобы несколько возвысить себя перед представителем «национально мыслящих» латышей, а может быть, и желание выдать мечту за действительность. Слушатели молчали, возможно, не желая огорчать «господина президента» своим неверием...

По окончании ужина мужчины удалились в кабинет Зариньша, куда уже были поданы кофе и коньяк. Начиналась деловая часть вечера.

Силайс предусмотрительно пронес портфель Лидумса в кабинет еще до ужина. Теперь он торжественно передал этот портфель Лидумсу, как бы призывая всех к вниманию. Лидумс достал доклад Будриса и вручил его президенту.

Зариньш присел к столу, водрузил очки и принялся читать. Заметив, с каким, жадным любопытством следит за чтением Скуевиц, он поощрительно улыбнулся и стал передавать ему прочитанные листы один за другим. Сам Зариньш читал молча, но Скуевиц, увидав первые же данные о промышленности, о количестве колхозных и совхозных земель, об урожаях, о новых заводах и фабриках, принялся восклицать:

— Это же невероятно! Провести такую работу в нелегальных условиях. Будрис — гениальный руководитель! Какая острота мысли!

Силайс, заметив, что президент закончил чтение, поспешил похвалиться:

— О, мы способны еще и не на такие дела! Будрис — человек, который предан нашей идее до последнего вздоха и до последней капли крови!

— Но как вы могли создать такой документ, с таким исчерпывающим знанием материала, с такой блестящей эрудицией, находясь в подполье. Ведь это же настоящий научный труд! — воскликнул Скуевиц, тоже закончивший чтение.

— Наша группа опирается на определенных людей, согласных с нами. Когда нам требуются данные, пусть и секретные, мы их получаем. И конечно, не надо думать, что все это мог сделать один Будрис! Ему принадлежит руководящая роль, но каждый из нас по его слову готов на любую жертву. И если бы мне не удалось проникнуть за «железный занавес», к вам пришел бы другой с тем же стремлением и с той же верой в своего руководителя.

— Феноменально! А еще говорят о всесии пресловутого советского чека! — воскликнул Скуевиц.

— Сбрасывать чекистов со счета не следует. Вот почему мы вынуждены заботиться о полной конспирации. И даже здесь я прошу

вас, господин президент, и вас, господин Скуевиц, скрыть в тайне мое имя и даже присутствие!

— Что вы, что вы! Мы понимаем ваше положение!

— Да, мы ценим вашу самоотверженность и ваш подвиг! — внушительно поддержал Скуевица и президент.

Да, они испытывали некоторую неловкость в присутствии этого человека, проникшего к ним по «подземной железной дороге» для того, чтобы выразить свое доверие и доверие тех, кто поручил ему это сложное и опасное путешествие. Скуевиц вдруг заговорил о том, что он уже несколько лет подбирает документы по немецким долгам, которые не были своевременно возвращены Латвии. Как ни трудна эта работа, но сейчас картина вполне ясна, и как только Латвия будет освобождена, Германии предъявят счет.

— У группы Будриса тоже есть несколько нерешенных финансовых вопросов, — напомнил Лидумс. — Будрис просил узнать, нет ли возможности получить часть находящихся за границей банковских и государственных сумм?

Зариньш только уныло вздохнул, а Скуевиц принялся длинно объяснять, как трудно с этими средствами. Англия и Америка блокировали латвийские расчеты и депозиты, получить их в настоящее время пока невозможно. Осталась лишь маленькая лазейка: проценты с этих сумм перечисляются на содержание посольских и консульских служб в странах западного мира. Но проценты эти столь мизерны, что Америка и Англия вынуждены дополнять их специальными ассигнованиями за счет секретных фондов своих разведок... Если бы не эта любезность, пришлось бы закрывать часть дипломатических представительств...

— Да, да, — с досадой подхватил Зариньш. — Вот посудите сами: в прошлом году мне удалось установить контакт с испанским правительством. Испания разрешила нам пользование своей мощнейшей радиостанцией в Кадиксе для передач на латышском языке в течение пятнадцати минут в сутки. А мы все не можем начать передачи, нечем оплачивать людей!

Он говорил все это, поглядывая на Большого Джона, словно жаловался ему. Зариньш, как видно, отлично знал, от кого зависит его будущее! Но англичане как будто не собирались утешать его. Наоборот, Большой Джон вдруг сказал:

— Не находите ли вы, ваше превосходительство, что теперь, когда вам удалось установить тесные связи с патриотической группой господина Будриса, вам следовало бы по некоторым вопросам деятельности вашего правительства консультироваться с господином Будрисом и его представителем — господином Казимиром?

Лидумс насторожился. Это было что-то новое! То ли англичане швыряли подачку Будрису и «его представителю», то ли им и на самом деле надоела эта бессмысленная и дорого стоящая игра Зариньша в политику. Лидумс неприметно взглянул на Зариньша, на Скуевица. У того и у другого было довольно кислое выражение. Меж тем остальные англичане со вниманием поглядывали на Большого Джона, так и казалось, что они вот-вот начнут покрикивать по парламентскому обычаю: «Слушайте! Слушайте!», одобряя новый поворот разговора.

Скуевиц, кажется, готов был подсказать Зариньшу ответ, но не успел. Старец, пожевав губами, милостиво согласился:

— Да, я думаю, расширение связей и поля деятельности группы господина Будриса пойдет только на пользу. Полагаю, что в ходе дальнейших совещаний мы обсудим и этот вопрос...

Лидумс чуть не присвистнул от удивления. «Вот тебе и на!»

Да эти хитрецы из разведки, должно быть, давно уже все согласовали с «президентом»! И даже Скуевица не посвятили в свои планы! Как же нужен им Будрис, если они заставили Зариньша потесниться! И как правы Силайс и Вилкс, когда утверждают, что англичане все пытаются делать за чужой счет! От себя они же ничего не предлагают! Они только «подсказывают» Зариньшу, что следует делать!

А Большой Джон с полной серьезностью продолжал свои инструкции в тоне дружеского совета:

— И конечно, следовало бы предоставить группе господина Будриса право на равное участие при составлении нового правительства Латвии, которое должно начать действия, как только возникнет война. И несомненно также, что группа господина Будриса должна участвовать не только в обсуждении кандидатур, но и в представлении таковых...

«Отлично! — думал про себя Лидумс. — Англичане подумали обо всем! Отныне они сами становятся помощниками Будриса! Мне нет надобности даже требовать что бы то ни было! Мы с Будрисом только

думали о том, что надо как-то установить влияние на «правительство» Зариньша, а англичане прямо говорят, что портфели в правительстве должен распределять Будрис! Они готовы не только заигрывать с Будрисом, но и платить какую угодно цену за его сотрудничество, правда, по своему обычаю, из чужого кармана!»

Он только поддакивал беззастенчивым требованиям Большого Джона, а сам наблюдал за действующими лицами. Скуевиц опять покривился, а Силайс возбужденно задвигался в кресле. Еще бы, он-то был уверен, что Будрис и Лидумс не обойдут его при распределении этих министерских портфелей. Лидумсу показалось даже, что рука Силайса сама собой потянулась к тому портфелю, что лежал на столе.

— Да, эти вопросы необходимо обсудить в ближайшее время! — оживленно воскликнул Силайс.

— Хорошо! — довольно вяло ответил Зариньш. — Мы обсудим и этот вопрос.

Англичане любезно улыбались. Первое совещание правительства с участием посла группы Будриса прошло по их плану и закончилось полной победой посла, на которого они отныне ставили крупную ставку.

Перед самым Новым годом, тридцать первого декабря, Лидумс получил новую весть с Родины.

Вечером к нему пришел Силайс. Лидумс только что принялся за вечернее бритье. Здесь он усвоил английскую привычку бриться и утром и вечером. Силайс упал в кресло, уронил на мгновение голову чуть не на колени, потом с усилием выпрямился и, не глядя на Лидумса, хмуро сказал:

— Собирайтесь. Вам надо немедленно переехать в гостиницу.

— Почему? — изумился Лидумс.

— По многим причинам...

— Объясните мне хоть одну из них! Глядя на вас, можно подумать, что Советы высадили на территорию Англии свои танковые дивизии...

— Перестаньте шутить, Казимир!

— Хорошо, перестану. Но побриться-то я могу? Неужели я должен сломя голову выскочить небритым, как пожарник по звуку сирены? Я всегда был лучшего мнения о ваших нервах...

Лидумс обиженно замолчал, продолжая в то же время возиться с электробритвой, какими-то флакончиками, всем видом показывая, что не намерен никуда идти, не закончив туалета.

Силайс вскочил с кресла и, взбешенный, закричал:

— Вы понимаете, что я отвечаю за вашу сохранность?

Бритва зажужжала, Лидумс, добривая подбородок, внимательно разглядывал в зеркале свое отражение, не теряя из виду побагровевшего Силайса. Но вот он выдернул шнур из штепселя, обернулся к Силайсу, холодно спросил:

— Что, собственно, произошло?

— Вчера кончился контрольный срок выхода в эфир Тома и Адольфа...

— Том и Адольф? А, это те, что шли с Петерсоном, а потом отделились от него? Но при чем тут я?

— Вчера состоялось специальное заседание у Маккибина. Так как от Тома и Адольфа не поступало никаких сообщений, передатчик их в

эфире не появлялся, тайнописных сообщений нет, англичане считают, что эти люди провалились. А если это так, то они могут привести чекистов на группу Будриса...

— Позвольте! — неприятно удивленный Лидумс выпрямился, пристально глядя на Силайса. — Они же шли по другой линии!

— Все это так. Но они обучались в одной школе с погибшим Густавом и с Петерсоном, их перебрасывали на одном катере, они могли знать, что Петерсон и Густав направлялись на хутор, предоставленный кем-то для английской разведки. Им, вероятно, известен и район расположения хутора. Маккибин допускает даже мысль, что Петерсон и Густав могли рассказать своим попутчикам, куда и к кому они идут... Поэтому решено немедленно эвакуировать школу, и особенно вас.

— А не слишком ли поздно? — иронически спросил Лидумс. — Ведь этих господ могли схватить и в первый день пребывания в Латвии? Тогда они могли сообщить адрес школы на второй день... — Он убрал бритву и принялся протирать лицо одеколоном. Вдруг он строго спросил: — Вы известили Будриса об этом предполагаемом провале?

— Об этом как-то никто не подумал... — растерянно сказал Силайс.

— Ах, вот как выглядит ваше руководство! — зло засмеялся Лидумс. — Вы оберегаете каких-то недоучившихся шпионов в Лондоне, а о тех, кто участвует в настоящей битве, молчите! Вы же сами сказали, что англичане боятся, не провалят ли группу Будриса схваченные шпионы? Я требую, слышите, требую, чтобы англичане немедленно сообщили Будрису все возможное о Томе и Адольфе, сообщили бы адреса, куда они направлялись, чтобы Будрис мог проверить и выяснить их судьбу по своим каналам...

— Да, да, вы правы, Казимир! Я немедленно сообщу англичанам ваше требование. Но сейчас поторопитесь! Машина внизу, я помогу вам вынести вещи.

Лидумс принялся молча укладывать свое имущество: мольберт, ящики с красками, пачки кистей, альбомы и папки с эскизами. Затем раскрыл чемодан и стал бережно убирать белье и костюмы. Силайс долго разглядывал его внимательным взглядом, потом с досадой сказал:

— Никак не могу понять, что вы за человек, Казимир! Откуда у вас это хладнокровие? А вы знаете, что в эту минуту у ворот школы, может быть, уже стоит человек, которому поручено сфотографировать вас, а то и застрелить?

— Я спрячусь за вас, — машинально пошутил Лидумс, размышляя, как уложить в чемодан парадный костюм, чтобы не измялся. Потом спросил: — Там, куда вы меня повезете, найдется утюг и гладильная доска? Из-за вас я скомкал вечерний костюм.

— Мы едем в отличную гостиницу! — с досадой сказал Силайс.

— О, тогда можно укладывать как угодно! — Лидумс швырнул пиджак и защелкнул замок чемодана. — Ну вот, я готов, ведите, шеф!

Силайс медленно передохнул, покачал головой, сказал чуть ли не с восхищением:

— Хотел бы я иметь такие нервы!

— Это просто сделать! Поживите годик-два в лесу, действует лучше любой психолечебницы. Вода в виде дождя и снега, росы и болотной жижи, воздух с дымком и пороховой гарью, вечно пустой желудок, и вот вы теряете лишний вес, лишнюю суетливость, становитесь похожим на настоящего индейца. В самом деле, попробуйте?

Но, продолжая болтать, Лидумс не терял времени: все было собрано, уложено, в комнате не осталось ни бумажки, ни какой-либо мелочи, даже пустой флакон из-под одеколona Лидумс опустил в карман, пробормотав:

— На улице выброшу...

Оглядел комнату еще раз, выдвинул и задвинул ящики письменного стола, открыл и закрыл гардероб, сказал:

— Пошли!

— Подождем, пока совсем стемнеет!

Вышли из дома в полной темноте. Но, к сожалению, улица перед праздником была освещена особенно ярко.

Внизу ждала машина. Силайс и на самом деле попытался заслонить собой Лидумса, словно был убежден, что шпион чека уже стоит где-нибудь в подъезде, чтобы зафиксировать на пленку всех жильцов тайной школы. Но при своем довольно среднем росте и сухощавости заслонить такого великана, как Лидумс, он, конечно, не мог, только сердито пробурчал:

— Садитесь скорее!

Как видно, инструкции, полученные им от англичан, были довольно серьезны.

Подъехали к гостинице «Ройял отель» недалеко от станции метро. Лидумс поинтересовался:

— А почему вы считаете, что в гостинице мне безопаснее жить?

— Это огромный отель, в нем тысяча или больше постояльцев. Затеряться среди них проще всего.

— Да, пожалуй, вы правы. Прятаться проще всего или в лесу или в толпе.

Номер был заказан и подготовлен заранее. Силайс и Лидумс прошли в сопровождении боя в лифт, швейцар взял чемоданы, и переселение состоялось.

Наконец-то Силайс вздохнул с некоторым облегчением. На радостях он даже позвонил горничной, чтобы принесли лед и бутылку виски.

— Сейчас я приготовлю вам коктейль «Белая лошадь»!

Положил в бокалы по кубику льда, налил доверху виски.

Лидумс взял из его рук продукт английского творчества, спросил:

— Может быть, вы расскажете теперь подробнее, что случилось?

— А! — Силайс махнул рукой, отхлебнул замороженного пойла. — Вот что получается, когда действуют наобум! Я предупреждал, что надо всех четверых ввести в ваш отряд. Но Маккибин не пожелал слушать! Он, видите ли, имел для Тома и Адольфа другой маршрут. А к чему это привело? Густав утонул в Венте, хорошо еще, что при нем ничего не нашли. Адольф и Том провалились в Риге. И оказалось, что только Петерсон, сразу направившийся под покровительство Будриса, счастливо продолжает работать. Но кто знает, что там происходит сейчас.

— Ну, Будрис — предусмотрительный человек...

— А если эти двое расскажут, что с ними шли еще люди? Сейчас можно ждать, что уже идет тревога. Начнут искать группу Будриса, прочесывать леса, арестовывать сочувствующих нашей борьбе. И самое главное, чекисты уже успели узнать о наших морских операциях. Они тоже не дураки и вытянут из Тома и Адольфа все, что они знают... Теперь придется думать о том, как обновить наши связи с Прибалтикой...

Да, у английской разведки прибавилось хлопот!

Лидумс осторожно спросил:

— Состоится ли теперь мое новое свидание с Маккибином?

После первой встречи с Маккибином Лидумс попросил Силайса передать работникам «Сикрет Интеллидженс Сервис» его просьбу: Лидумс хотел услышать в их изложении рассказ о подвигах Движения Сопротивления в странах Западной Европы, проведенных под руководством англичан во время Второй мировой войны и о планах подрывной работы в будущей войне на территории СССР. Он хотел бы, — сказал Лидумс, — передать этот опыт группе Будриса...

Идея эта Маккибину понравилась, вопрос лишь в том, своевременно ли напоминать об этом теперь, после такого печального провала?

— А, что англичанам до каких-то Тома и Адольфа? Они катапультируют на такие дела нас или немцев, а сами получают награды, если дело удалось, или кричат о нашей неспособности, если мы провалились! — горько ответил Силайс. — Завтра я напомню Маккибину о вашей просьбе. Я думаю, что этот провал должен скорее подтолкнуть их на инструктаж. Будь Том и Адольф более обученными, они, может быть, и не попали бы в ловушку! Не будь этого дурацкого провала, вы встречали бы сегодня Новый год вместе с коллегами по школе! А теперь и их пришлось срочно перебрасывать в другое место! — искренне пожалел он.

— Ничего, я с удовольствием побуду один, — утешил его Лидумс.

— Да, я знаю у вас эту способность — быть всегда самим собой! — польстил ему Силайс.

Но, видно, мысль о бедном соотечественнике, принужденном провести в полном одиночестве такой шумный и веселый праздник, крепко грызла Силайса. Не прошло и получаса после его ухода, как в номер постучал бой. Он вошел, выставив на вытянутых руках огромный, но легкий пакет.

— Мистер Казимир, это вам от мистера Силайса! — торжественно провозгласил бой.

Получив чаевые, бой исчез. Лидумс принялся изучать содержимое пакета.

Там были небольшая, искусственная елка, свечи, печенье, шоколад, бутылка вина, набор маленьких игрушек и украшений.

Похоже было, что пора прохладного отчуждения со стороны Силайса кончилась.

Лидумс принялся украшать елку. Ему и на самом деле не хотелось никого видеть в этом многомиллионном городе. Новый год хорош в родной семье, среди друзей, когда каждое пожелание звучит от сердца, когда хочется счастья для окружающих. А здесь он мог говорить со своими близкими и друзьями только мысленно.

Ровно в двенадцать ночи он зажег свечи, включил радиоприемник. Говорила Рига.

Лидумс поднял бокал, мысленно обращаясь к отсутствующим. Жест был словно бы мальчишеским, можно ли взрослому человеку стоять в одиночестве перед елкой из пластмассы, протягивая бокал куда-то в пустое пространство, но вот странно, Лидумс вдруг почувствовал себя на мгновение окруженным дружескими лицами, шумными товарищами, ярким праздничным светом. И он с удовольствием выпил этот одинокий бокал.

Эта одинокая встреча Нового года запомнилась надолго.

Может быть, потому, что уже можно было подвести некоторые итоги, а может, и потому, что в ту ночь он явственно почувствовал, как велика и важна его деятельность здесь, в сердце чужой страны. Ведь сам Силайс подтвердил ему это! Том и Адольф миновали все заставы и посты, да, они попали по назначению, и... провалились! И вряд ли кто из англичан осмелится не то чтобы сказать, но даже подумать, что именно дорога по цепочке: Силайс, Лидумс, Будрис — была для них самой опасной...»

Впрочем, мысли англичан надо еще проверить.

Для этого Лидумс и подложил под Силайса свою мину замедленного действия с запросом о методах подрывной работы англичан в тылу противника во время войны. Хотя никакой войны с Советским Союзом нет и не предвидится, англичане не слишком стесняются. Если они все-таки подозревают Лидумса, то такая консультация не состоится ни сейчас, ни позже, если же они уверились в его лояльности, то терять время им нельзя.

Было и второе обстоятельство. Еще в первые дни по приезде в Англию Силайс как-то сказал Лидумсу, что он должен держать себя перед англичанами независимо, и уж во всяком случае ничуть не умалять ни своего посольского достоинства, ни авторитета группы Будриса. Казимир, сказал Силайс, равноправен с Зариньшем и, может быть, поважнее Зариньша для англичан, так как Зариньш никого не представляет, а Казимир представляет народ!

Лидумс тогда с внутренней усмешкой подумал о том, что бедняга Силайс и не подозревает, в какой мере он прав! Да, Лидумс представлял Народ с большой буквы, и как представитель этого народа не собирался умалять свое достоинство!

Очень помогал Лидумсу в утверждении этого самоуважения Вилкс.

Порой Лидумс начинал думать, что Вилкс не смог бы сделать для группы Будриса больше, если бы его даже специально для такой роли готовили. Все это время, после возвращения в Англию, Вилкс только и

говорил, что о своем пребывании в лесах Латвии да об отважном Будрисе. Если Лидумс оказывался неподалеку, Вилкс прибавлял комплименты и в честь Лидумса. Но вообще-то отношения между ними становились все более сдержанными: Вилкс, как постоянный сотрудник разведки, не мог не знать, что англичане все увереннее выдвигают на первый план Лидумса. Но чем сдержаннее он был по отношению к Лидумсу, тем горячее рассказывал о Будрисе, а отраженный свет славы Будриса все равно падал и на его посланца...

За столом, в автомашине, в ресторанах Вилкс постоянно рассказывал о том, как жил в лесу. Из его рассказов выходило, что участники группы сначала подозревали, не заслан ли он чекистами? У Будриса так налажена группа разведки, что любое слово Вилкса было проверено и перепроверено. По-видимому, после возвращения Вилкса каждый работник английской разведки не однажды слышал от него, как ловко конспирирует свои дела Будрис. Вилкс пустил даже такой афоризм:

— Из Англии легче попасть за «железный занавес» в Латвию, чем в Латвии попасть в группу Будриса!

Афоризм англичанам нравился. Им надоели вечные провалы их разведчиков. «У Будриса такого быть не может!» — утверждал Вилкс, — и это их утешало.

Даже несдержанность Вилкса, с какой он порой высказывался об англичанах, была на руку Лидумсу. Как-то в ресторане подвыпивший Вилкс поссорился с Малым Джоном и тут же бросил ему в лицо:

— Вы весь, целиком, со всеми своими орденами и званиями не стоите одного ногтя курляндского партизана!

Ссору кое-как замяли, но высказывание Вилкса понравилось всем, кроме самого Малого Джона.

Вилкс любил вспоминать о бое с чекистами. С удовольствием рассказывал он о том, как после установления доверия самоотверженно охраняли его и его радиостанцию партизаны Лидумса, как во время налета чекистов на лагерь прежде всего поспешили отправить в безопасное место Вилкса и его радиостанцию, рискуя своей головой в постах прикрытия, как записали на личный счет Вилкса двух убитых солдат в тот день, когда чекисты попытались окружить лагерь со всех сторон...

Об этом он рассказывал с такой страстью, таким трепещущим и звенящим от сдерживаемых чувств голосом, что и привычные ко всему люди чувствовали, как мороз идет по коже. А на Будриса он только не молился, но богоравным его признавал. Он сам вспоминал, что когда им овладевало чувство тоски, неуверенности в завтрашнем дне, стоило ему взглянуть на Будриса, на его всегда спокойное лицо, услышать его шутку, даже просто слово, как к нему вновь возвращались и решительность, и смелость, и надежды.

А так как все пожелания Вилкса сбылись, то легенда о Будрисе, распространяемая им, приобретала все черты реальности. Ведь и евангелие сначала было просто сводом сказок, а меж тем стало священной книгой для многих совсем неглупых людей...

И вот, наконец, мина сработала.

Силайс позвонил в гостиницу днем и попросил Лидумса отложить всякие дела, так как к нему придут гости... Лидумс внял предупреждению, вызвал ресторанный лакея, приказал доставить передвижной бар с хорошим запасом напитков и льда... Лакей вкатил в номер усовершенствованный бар на колесиках, и Лидумс принялся разбираться в рецептуре коктейлей, он уже поднаторел в этом деле под руководством Норы и Силайса.

Сначала явился Силайс.

— О, — воскликнул он с восхищением, — высокая культура!

— Не могу же я поставить здесь шатер из еловых веток и бидон с картофельным самогоном! — засмеялся Лидумс.

— Этот бар, пожалуй, даже лучше! Во всяком случае, он придется больше по вкусу вашему гостю.

Силайс принял из рук хозяина бокал с ледяным коктейлем, с удовольствием отхлебнул.

— Кто же этот таинственный гость?

— Сейчас увидите!

И верно, в дверь постучали. Лидумс пошел навстречу.

Гость оказался знакомым. Это был Большой Джон.

Сегодня он казался внушительнее, увереннее, что ли. Увидав приготовления к встрече, с удовольствием сказал:

— Вижу, что привычки лесных людей основательно забыты!

— А Казимир только что собирался поставить здесь еловый шалаш и подать вместо коктейля домашнюю водку из картофеля, —

засмеялся Силайс.

— Ну, зачем же такой узкий национализм! — улыбнулся и Большой Джон.

Он затеял какой-то непринужденный разговор, вроде того, что нравится в Лондоне Казимиру и что не нравится, какой ресторан Казимир предпочитает, читает ли он газеты и как его занимают очередные сумасбродства принцессы Маргариты...

— Да, королевская власть окончилась вместе с девятнадцатым веком! — с некоторым сожалением сказал он. — Никогда еще не было примера, чтобы наследный принц продавал свое первородство даже и не за чечевичную похлебку, а за сомнительные прелести голливудской актриски! — он вспомнил историю предыдущего претендента на английский престол, отказавшегося от права наследования ради женитьбы на американке. Принцесса Маргарита, младшая сестра королевы, пошла по стопам дядюшки. Ее часто видели в ночных клубах Лондона, где она искала сомнительных удовольствий в компании великосветских шалопаев.

Этот типично английский разговор, целиком вытекающий из сегодняшних номеров газет с их великосветской хроникой и перечнем скандалов и скандальчиков, мог продолжаться сколько угодно. Но Лидумс понимал, что Большой Джон пришел совсем не ради коктейля и пересказа очередных сплетен. Поэтому спросил в лоб:

— Не пора ли мне перестать грабить королевскую казну и приняться за дело, дорогой сэръ?

— О, казна не обеднеет от этой дружеской помощи! — смеясь ответил Большой Джон.

— Боюсь, что это не понравится Будрису, — Лидумс говорил серьезно. — Будрис отпустил меня не навечно. Из-за моря можно только руководить и советовать, а работать надо там!

— Кажется, это камешек в наш огород, Силайс? — Большой Джон продолжал шутить.

— Казимир прав! — мягко сказал Силайс, не принимая шутки.

Большой Джон выпрямился, держа бокал с коктейлем в руке и глядя поверх него прямо в глаза Лидумсу, сказал все с той же улыбкой:

— Но ведь у нас до сих пор нет серьезных гарантий в том, что мистер Казимир именно тот, за кого себя выдает? А вдруг он заслан к

нам пресловутыми советскими чекистами? Тогда его интерес к работе английской разведки будет особенно понятен!

Силайс побледнел, вскочил на ноги, словно его ударили. Лидумс показал ему рукой, чтобы он сел, и спокойно сказал:

— Ну, советские разведчики во время прошлой войны пренебрегали посольскими обязанностями, которыми меня наделил Будрис, и предпочитали работать в роли официальных сотрудников разведки противника, выполняя порою функции повыше тех, которые поручены вам, Джон. Вы, наверно, читали историю советского шпиона Николая Кузнецова? Русские писатели любят эту тему. Впрочем, говорят, что и немцы не один раз обманывали английскую разведку, особенно в Голландии... — Лидумс заметил, как дрогнула рука Джона, все еще державшего бокал, и понял — попал в больное место, и решил пролить немного бальзаму на старую рану: — Да и англичане частенько проникали в жизненные центры противника, если и не сами, так с помощью таких безымянных людей, как, скажем, люди Будриса. Но я никогда не претендовал на большее, чем точное исполнение воли того, чье поручение я выполняю. А поручение у меня простое: узнать, как мы, партизаны, можем лучше всего помочь вам, если вы захотите когда-нибудь помочь нам!

Он отпил глоток вина, с удовольствием замечая, что даже и нервы не очень уж напряглись. Но как же был дальновиден Будрис, когда говорил ему, что провокаций будет много и в самое неожиданное время: при пирушке с «друзьями», при встрече с женщиной, которая станет утверждать, что любит тебя, при выслушивании приказа, который грозит тебе гибелью.

Да, таких или похитрее ловушек будет еще много. Но иногда приходится идти в наступление и по минированному полю.

Силайс низко склонил голову. Большой Джон принужденно улыбался. Улыбнулся и Лидумс.

— Это была шутка, Казимир, — неловко сказал Джон.

— Скверная шутка, дорогой Джон! — сердито заметил Силайс.

Обида Силайса была понятна. Своей «шуткой» Большой Джон как бы перечеркивал всю работу прибалтов, сотрудничавших с английской разведкой.

Лидумс вдруг весело захохотал. Джон и Силайс посмотрели на него с удивлением.

— О, у меня просто запоздалая реакция. Помните, анекдот о жирафе, который по ночам хохотал над анекдотами, услышанными днем от лондонцев. У него была слишком длинная шея. Пока он улавливал соль анекдота, проходило слишком много времени.

— Что же вас рассмешило с таким опозданием?

— Я подумал о том, как много проиграли бы англичане, если бы я оказался представителем чекистов. Во-первых, они сами привезли меня к себе по своему тайному пути на своем разведывательном катере, во-вторых, доставили к себе в дом и создали довольно сносные условия для жизни. А еще смешнее было бы, если бы потом чекисты разгласили на весь мир этот опрометчивый поступок английской разведки! Сколько иронии мог бы излить на вас автор подобной книги, описывая такой вот разговор советского чекиста с представителем английской разведки, и не где-нибудь, а в самом центре туманного Лондона!

Он снова расхохотался, поднимая свой бокал с коктейлем.

Силайс весело вторил ему. Большой Джон сидел нахмурившись. Но «шутка» зашла так далеко, что он был обязан или вычеркнуть Лидумса из доверенных разведки, с чем наверняка не согласится Маккибин, по департаменту которого числился теперь Лидумс, или...

Большой Джон с досадой сказал:

— Вы слишком мрачно шутите, Казимир. У нас нет никаких оснований не доверять вам. Как раз на днях мы собирались начать наши занятия.

— Вот это настоящее дело! — заметно веселея, воскликнул Силайс и принялся смешивать новую порцию коктейля. Лидумс отметил про себя, что все испытали что-то вроде внезапной вспышки дружеской приязни. Шумно заговорили, заспорили о качестве напитков. Похоже было, что «вопрос» не доставил большого удовольствия Джону, к теперь он старался исправить впечатление.

Сказавший «а», обязан сказать «б».

Эта старая поговорка оправдалась довольно быстро. Большой Джон снова навестил Лидумса, теперь уже с другим «специалистом», безымянным майором английской секретной службы, занимавшимся вопросами подпольной работы на территории врага во время прошлой войны, а ныне делавшим то же дело на земле «потенциального противника».

Майор принес с собой схемы построения организаций сопротивления, действовавших в оккупированных немцами районах и рассчитанные на борьбу против СССР в новых условиях. Он был убежден, что эти, как он сказал, проверенные временем и опытом положения остаются наилучшими и для будущей войны.

Лидумс обратил внимание, что Большой Джон сел в стороне от стола, на котором майор разложил свои схемы и планы, но сел так, чтобы все время видеть лицо нового ученика. Все-таки он еще надеялся что-то прочитывать на лице этого внимательного слушателя.

«Ну что ж, — думал Лидумс, — будем просты, как дети, мудры, как змии, осторожны, как лесные звери! И уж во всяком случае не станем разевать рот и слушать ваши поучения как откровение от бога. Мы помним, как часто вы проваливались с вашими надуманными схемами, осуществлявшимися специально выученными людьми, и знаем, что на нашей земле в борьбе с врагом участвовали все люди, независимо от пола, возраста, религии. Одиночки могут только вредить, победить может только народ!»

Но слушал он с интересом.

Из всего опыта мировой войны англичане признали и приняли за образец только свои собственные схемы. В этом сказывалась их историческая ограниченность, неприятие чужого опыта, чувство собственного превосходства, весьма похожее на зазнайство. Все, что было ими сделано тогда, осталось незыблемым. Майор говорил тоном заправского учителя:

— В будущей войне мы должны будем придерживаться этой же завершенной структуры наших подпольных организаций. Мало того, мы уже теперь, заранее, готовимся к действию. Вот наши основные принципы: по всей стране потенциального противника задолго до начала боевых действий, если угодно, то и за годы до войны, расселяются специально нами обученные люди. Каждый из них занимается только одной линией сопротивления. Мы готовим специалистов по саботажу, по диверсиям, по разведке, по пропаганде. Каждый из этих специалистов подбирает себе на месте трех-четырех помощников и вместе с ними организует сеть для выполнения заданий, У каждого из них имеется свой радист с радиостанцией для осуществления связи и получения приказов. Друг с другом специалисты ничем не связаны, один другого не знают, каждый

подчиняется только разведывательному центру. Вот примерные схемы организаций, действовавших в Бельгии, во Франции, в Норвегии...

Во время этой лекции Лидумс передвинулся вместе со стулом, но едва склонился над схемами, как передвинулся и Большой Джон, чтобы опять видеть его лицо. Но Лидумс уже выпрямился, сказал довольно холодно:

— Я не вижу, каким путем можно претворить такой план в жизнь? Ведь всех этих командиров групп, специалистов, радистов надо не только обучать чему-то, но еще и забросить на территорию потенциального противника. А давайте вспомним, что произошло, когда английская разведка попробовала забросить, помимо группы Будриса, двух своих шпионов — Тома и Адольфа... Всякий провал опасен не только для тех, кого схватят, но и для группы Будриса! Поэтому группа Будриса имеет право потребовать: английская разведка будет ставить Будриса в известность о заброске своих групп на территорию Латвии, советоваться с ним о времени и месте заброски. В этом случае группа Будриса, к которой я имею честь принадлежать и даже руководить ее военным отрядом, готова оказывать англичанам всемерную помощь. Если английская разведка не согласна взять на себя такое обязательство, то группа Будриса помогать ей не станет. И более того, в случае появления в поле зрения группы Будриса неизвестных лиц, которые будут утверждать, что они якобы являются представителями английской разведки, группа будет просто расстреливать их, так как безопасность группы важнее всего, а случаи появления неизвестных лиц с явно провокационными намерениями, к сожалению, в группе достаточно известны...

— Но известный параллелизм в работе порою просто необходим! — с неудовольствием сказал Большой Джон.

— А мы считаем, что он только опасен! И прошу помнить, мы лучше знаем местные условия!

— Хорошо, мы еще подумаем, — недовольным голосом сказал Большой Джон.

Первая лекция явно не удалась.

Группа Будриса совсем не собиралась принимать к сведению и руководству все, что предложат англичане. Это и бесило Большого Джона и в то же время заставляло думать о группе Будриса как о большой самостоятельной и, главное, организованной силе.

Да, Лидумс ухитрился задать им сложную задачу...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мы оставляем нашего героя в трудных условиях боя. Лишь изредка удастся ему услышать голос Родины, задушевный и прямой. Но он научился читать между строк, понимать иносказательные речи, чувствовать биение пульса на расстоянии. Из лаконичных сообщений, подписанных Петерсоном, Барсом или другими именами, узнает он, что усилия его не напрасны, что его передовой пост, выдвинутый в самое пекло разведки, действует успешно.

Иногда он узнает это по сообщению о провале Тома или Адольфа, иной раз читает по хмурому лицу Силайса или соображает по репликам Ребане, Жакявичуса, Маккибина, что глубоко задуманные планы этих господ все чаще и чаще терпят провал. То он слышит соболезнование и понимает, что операция, на которую английская разведка бросила миллионы, проваливается. То подсчитывает общее количество шпионов, направленных по «столбовой дороге», и соображает, что из них обезврежены уже больше половины, а остальные не уйдут дальше отряда Графа и станут передавать в английский разведцентр строго дозированную ложь, отредактированную Будрисом. И это знание придает ему новые силы.

Может быть, мы еще встретимся с ним и тогда с удовольствием поведаем нашему читателю обо всем, что он успел сделать, находясь на своем посту.

А пока мы оставляем его там, где он ведет большую игру. Игру со смертью. Игру с одной из коварнейших разведок мира. Для него это совсем не игра. Это битва. Битва за свою Родину. Он — на передовом посту боя.

1961—1962—1963

Москва — Рига — Москва

АВТОРЫ

notes

Примечания

1

Очищение фронта (*нем.*).

2

Охотящаяся группа (*нем.*).

3

«Голос народа» (*латыш.*).

«Двинские орлы» — латышская фашистская молодежная организация.

Все приводимые в романе документы являются подлинными.

6

Латышское произношение слова «кок».

7

Сэт — радиопередатчик (*англ.*)

«Красная книга» (англ.).

Кунгс — господин (*лат.*).